

ISSN 1813-7083

2023 – № 1

**СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

2023 – № 1

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; канд. филол. наук А. А. ОзONOва (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); канд. филол. наук, проф. Е. А. Добренко (Университет Шеффилда, Великобритания); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. М. Н. Липовецкий (Университет Колорадо в Боулдере, США); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руей-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. Бакчиев (ГУ «Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Осадчий (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Панин (НГУ); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); канд. филол. наук, доц. О. Г. Щеглова (НГУ)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Дайнеко Т. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Весенние песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: структурно-ритмическая типология 9
- Тирон Е. Л.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Мухоморные песни коряков-нымыланов 26
- Унарокова Р. Б., Соколова А. Н., Хакунова Э. Х.** (Майкоп, АГУ)
Ритуальные приговоры и импровизированные возгласы-призывы *джегуако* в контексте свадебной обрядности адыгов (в рамках корпусных исследований адыгейского языка) 45

Литературоведение

- Коваленко А. Н.** (Новосибирск, ГПНТБ СО РАН)
Библейский сюжет о Валааме в древнерусском «Слове о звезде Ираньи» 62
- Загуменнов А. В.** (Вологда, УИЦ «СОКРАТ», ВДС ВЕ РПЦ)
Федор Иванов как автор трактата «О познании антихристовой прелести»: *pro et contra* 73
- Анисимова Е. Е.** (Красноярск, СФУ)
Конструирование исторической памяти о Сибири в русской литературе 1820-х годов: баллада А. Н. Муравьева «Ермак» 87
- Волков И. О.** (Томск, ТГУ)
Роман Натаниэля Готорна «The Scarlet Letter» в творческом сознании И. С. Тургенева: от чтения к интерпретации 102
- Черепанова С. Н.** (Трнава, Университе им. свв. Кирилла и Мефодия)
Тургеневская традиция в ранней прозе А. П. Чехова (на примере повести «Цветы запоздалые», 1882) 116
- Дубинина Т. Г.** (Москва, МГПУ)
Тургеневский контекст в повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека» 129
- Козлов А. Е.** (Новосибирск, НГПУ, ИФЛ СО РАН)
«За репутацию сатиры»: о форме, содержании и прагматике стихотворных стилизаций «Искры» 138
- Яркова Е. В.** (Томск, ТГУ)
Категории времени и пространства в произведении Г. Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» и ее англоязычном автопереводе «My Siberia» 155
- Шатин Ю. В.** (Новосибирск, НГПУ, ИФЛ СО РАН)
Театральный код в лирике Бориса Пастернака 168
- Матвеева Ю. В., Кириенко А. Ю.** (Екатеринбург, УрФУ)
«Эмигрантская» и «советская» литература в освещении Георгия Черкасова (Г. И. Газданова) на «Радио Свобода» 179
- Красноухова Ю. С.** (Томск, ТГУ)
Культурная основа в изображении топоса Москвы в пьесе Н. Н. Саудур «Летчик» 193

- Непомнящих Н. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Мифологема реки в прозе писателей – представителей коренных народов Севера и Сибири 204
- Лю Чао** (Иркутск, ИГУ)
«Новое позиционирование» Маяковского Юэ Фэнлинем в Китае 218

Языкознание

- Уртегешев Н. С.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных 226
- Аникин А. Е.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Из истории слов V. Тюркизмы в русских говорах 243
- Дербишева З. К.** (Бишкек, КТУ «Манас»)
Артефакт «юрта» как объект киргизской и тувинской лингвокультуры 257
- Матханова И. П., Храмцова Л. Н.** (Новосибирск, НГПУ)
Лексико-грамматическая характеристика и особенности функционирования редуцированных существительных в современном русском языке 272
- Алиева Э. А.** (Ташкент, НУУЗ)
Парцеллированные конструкции в языковой структуре произведения Г. В. Пряхина «Интеллигенция и жестокость» 286
- Савина Т. В.** (Новосибирск, НГТУ)
Русский язык советского типа: к определению понятия 297
- Жиликова Н. В., Мишанкина Н. А.** (Томск, ТГУ)
«Неисследованные девяностые»: систематизация источников и концептуальное проектирование базы данных (на примере системы СМИ Томска и Томской области 1990-х годов) 311

Рецензии

- Яблоков Е. А.** (Москва, ИСЛ РАН)
Рецензия на книгу: М. А. Булгаков: аннотированный библиографический указатель. Т. 2. 1941–1985 / Рос. гос. б-ка искусств; сост.: М. В. Мишуровская, И. С. Ефимова, О. В. Голубева; ред. М. В. Мишуровская; библиогр. ред. А. В. Акименко. М.: РГБИ, 2021. 816 с. 327

Научная жизнь

- Левченко М. Л., Полева Е. А., Байдагулова Т. А.** (Томск, ТГПУ)
Итоги II Всероссийской научно-практической конференции «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», посвященной 120-летию Томского государственного педагогического университета 332

2023 – No. 1

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Ayana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Evgeniy A. Dobrenko, Candidate of Philology, Prof., University of Sheffield, United Kingdom; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Mark N. Lipovetskiy, Doctor of Philology, Prof., University of Colorado Boulder, USA; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Philology, Prof., Pushkin State Russian Language University, Moscow, Russian Federation; Leonid G. Panin, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State University, Russian Federation; Olga G. Scheglova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Saule Zh. Tazhibayeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation

Institute of Philology
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Dayneko T. V.**
Spring songs of Belarusians of Siberia and the Far East: structural-rhythmic typology 9
- Tiron E. L.**
Fly agaric songs of the Koryaks-Nymylans 26
- Unarokova R. B., Sokolova A. N., Khakunova E. Kh.**
Ritual and extemporaneous incantations of *dzheguako* in the context of the ceremonial culture of Adyghes (within the scope of corpus research of the Adyghes language) 45

Literature

- Kovalenko A. N.**
The Biblical plot about the sorcerer Valaam in the Old Russian “Word about the Star of Irania” 62
- Zagumennov A. V.**
Fedor Ivanov as the author of the treatise “On the Knowledge of Antichrist’s Prelest”: pro et contra 73
- Anisimova E. E.**
Creating the historical memory of Siberia in Russian literature of the 1820s: the ballad “Ermak” by A. N. Muravyov 87
- Volkov I. O.**
“The Scarlet Letter” by Nathaniel Hawthorne in the creative mind of Ivan Turgenev: from reading to explication 102
- Cherepanova S. N.**
Turgenev’s tradition in the early prose of A. P. Chekhov (a case study of the story “Late-Blooming Flowers,” 1882) 116
- Dubinina T. G.**
Turgenev’s context in the novel “The Story of an Unknown Man” by A. P. Chekhov 129
- Kozlov A. E.**
“Sing in Different Rhythms”: the form, content, and pragmatics of the poetic stylizations of “Iskra” 138
- Yarkova E. V.**
Categories of time and space in the work of G. D. Grebenshchikov “Moya Sibir” and its author’s translation into English “My Siberia” 155
- Shatin Yu. V.**
Theatrical code in the lyrics of Boris Pasternak 168
- Matveeva Yu. V., Kirienko A. Yu.**
“Emigrant” and “soviet” literature as covered by Georgy Cherkasov (G. Gazdanov) on Radio Liberty 179
- Krasnoukhova Yu. S.**
Cultural basis in the image of the topos of Moscow in the play “The Pilot” by N. N. Sadur 193

- Nepomnyashchikh N. A.***
 Mythologeme of the river in the prose of writers – representatives of indigenous peoples of the North and Siberia 204
- Liu Chao***
 “New positioning” of Mayakovsky by Yue Fenglin in China 218

Linguistics

- Urtegeshev N. S.***
 The position of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels 226
- Anikin A. E.***
 From the history of words V. Turkisms in Russian dialects 243
- Derbisheva Z. K.***
 The artifact “yurt” as an object of Kyrgyz and Tuvan linguoculture 257
- Matkhanova I. P., Khrantsova L. N.***
 Lexico-grammatical characteristics and features of the functioning of reduplicated nouns in modern Russian 272
- Alieva E. A.***
 Parceled constructions in the linguistic structure of “Intelligentsia and cruelty” by G. V. Pryakhin 286
- Savina T. V.***
 Russian language of the Soviet era: definition of the concept 297
- Zhilyakova N. V., Mishankina N. A.***
 “The unexplored nineties”: systematization of sources and conceptual design of the database (a case study of Tomsk and Tomsk Oblast media system of the 1990s) 311

Reviews

- Yablokov E. A.***
 A book review: M. A. Bulgakov: Annotated bibliographic index. Vol. 2, 1941–1985. Rus. state library of arts; M. V. Mishurovskaya, I. S. Efimova, O. V. Golubeva (comps.); M. V. Mishurovskaya (ed.); A. V. Akimenko (bibliography ed.). Moscow, RGBI, 2021, 816 p. 327

Scientific Life

- Levchenko M. L., Poleva E. A., Baydagulova T. A.***
 Results of the Second All-Russian National Scientific and Practical Conference, “Literature for children and teenagers: approaches to analysis, reading practices, regional context of study,” dedicated to the 120th anniversary of the Tomsk State Pedagogical University 332

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.332 (=161.3)(571.14)

DOI 10.17223/18137083/82/1

Весенние песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: структурно-ритмическая типология

Татьяна Владимировна Дайнеко

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

tan-dai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9801-3007>

Аннотация

Статья посвящена результатам проведенного автором типологического исследования напевов весенних песен – как обрядовых, так и приуроченных к сезону – белорусов-переселенцев Сибири и Дальнего Востока. Изучались архивные и опубликованные записи весенних песен, сделанные в 1970–1990-х гг. в основных регионах расселения белорусов – Новосибирской, Кемеровской, Омской областях, Красноярском и Приморском краях. В центре внимания находится важнейший для календарных песен аспект – структурно-ритмическая организация напевов. Результаты исследования напевов песен переселенческой традиции соотносятся с типами напевов обрядовых песен метрополии, выявленными белорусским этномузыковедом З. Я. Можейко.

Ключевые слова

фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока, календарные песни белорусов-переселенцев, весенние песни, музыкальная типология

Для цитирования

Дайнеко Т. В. Весенние песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: структурно-ритмическая типология // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 9–25. DOI 10.17223/18137083/82/1

Spring songs of Belarusians of Siberia and the Far East: structural-rhythmic typology

Tatyana V. Dayneko

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

tan-dai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9801-3007>

Abstract

The paper presents the results of the typological study of the tunes of the spring songs of Belarusian settlers of Siberia and the Far East. The author has analyzed the archival and pub-

© Дайнеко Т. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 9–25
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 9–25

lished recordings of spring songs made in 1970–1990 in the major regions of the settlement of Belarusians (Novosibirsk, Kemerovo, Omsk regions, Krasnoyarsk, and Primorsky territories). The analysis focused on the structural and rhythmic organization of tunes, considered the most important aspect of calendar songs. Studying the tunes of the songs of Belarusian settlers of Siberia and the Far East allowed the author to divide the spring songs into groups, correlating by their structure with the types of tunes identified by the Belarusian ethnomusicologist Z. Ya. Mozheiko. It was found that the Siberian collection contains tunes of type III ves., as well as, in a modified form, VI rus. and IX ves.-kup. (according to Z. Ya. Mozheiko). The spring ritual songs of Belarusian settlers were found to be based on other typical rhythmic formulas from the Belarusian classification: “arrow,” “stream,” and the rhythmic formula of the main type of carol songs. One group of songs was identified to be based on the verse structure “kolomyika,” common to the East Slavic peoples. The tunes of some songs cannot be classified as typical, although they do have the features of formulaicity. Seasonally timed songs tend to be based on the same verse structures and rhythmic formulas as the ritual ones. Of particular importance are round dance songs.

Keywords

folklore of the Belarusian of Siberia and the Far East, calendar songs of Siberian Belarusian settlers, spring songs, structural-rhythmic typology

For citation

Dayneko T. V. Spring songs of Belarusians of Siberia and the Far East: structural-rhythmic typology. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 9–25. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/1

В статье излагаются результаты типологического изучения напевов весенних песен сибирских белорусов, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке. Материалом послужили архивные¹ и опубликованные² записи весенних песен, сделанные в Новосибирской, Кемеровской, Омской областях, Красноярском и Приморском краях в 1970–1990-х гг.

Изучались обрядовые песни ранней весны (веснянки и благовещенские), а также приуроченные к сезону песни³. Принципы организации напевов песен белорусов-переселенцев рассматривались в соотношении с типами напевов метропольных обрядовых песен, выделенными белорусским этномузыковедом З. Я. Можейко [1985]. В результате сопоставления среди напевов сибирско-дальневосточных песен выявлены типовые, типовые модифицированные и нетиповые⁴.

* * *

В репертуаре весеннего песенного календаря заигрывания весны занимают одно из главных мест. З. Я. Можейко выделяет их в «особый типологический ряд песен-призывов» и указывает, что именно в них функциональная нагрузка весенних песен выступает наиболее выпукло [Можейко, 1985, с. 96]. Также в песнях данной жанровой принадлежности в полной мере проявляются особенности вокаль-

¹ Копии аудиоматериалов Архива ОмГПУ (Омского государственного педагогического университета, ранее – института), ГАНО (Государственного архива Новосибирской области) были сделаны Н. В. Леоновой для составления и подготовки к изданию «белорусских» томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и хранятся сейчас в АТМ НГК (Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки), поэтому ссылки даны на коллекции последнего.

² См. список источников песенных образцов.

³ О делении сезонов и жанровой классификации см.: [Дайнеко, Леонова, 2019].

⁴ Принципы типологии изложены ранее, см.: [Дайнеко, 2021].

ной подачи весеннего репертуара: петь «голосоно», «чтобы далеко отголоски шли». Безусловной отличительной особенностью напевов таких песен, как правило, предстают восклицания «гу!», «агу!», «у!» (широким скачком вверх), которые завершают построения [Там же, с. 97]. Как и другие обрядовые календарные песни, весенние загукания имеют ярко выраженные ареальные различия, что проявляется в существовании ряда типовых напевов. В белорусской типологии выделены четыре основных типа весенних напевов-призывов с наиболее широкими ареалами: *I, II, III вес. и IV вес.-масл.* [Там же].

З. Я. Можейко отмечает, что «в отличие от весенних загуканий другие типы напевов весеннего цикла имеют разную семантическую нагрузку и не составляют единого типологического ряда» [Там же, с. 99]; и описывает еще шесть типов напевов весенних песен, имеющих достаточно широкие ареалы. В названии каждого типа отражена приуроченность песен: юрьевские, русальские, троицкие и т. д.

В отдельную типологическую группу З. Я. Можейко выделяет весенние хоро-воды; подчеркивает их повсеместное распространение на территории Белоруссии и характеризует четыре типа хороводных напевов, обладающих специфическими признаками этого жанра: тип I «Проса», тип II «Володар», тип III «Страла», тип «Лука» [Там же, с. 102–104]. Типы напевов, характерные в том числе и для весеннего обрядового песенного цикла, содержатся также в типологии летних песен – например, *IX вес.-куп.* [Там же, с. 108].

Рассмотрим, к каким из типов классификации З. Я. Можейко относятся напевы весенних песен белорусов Сибири и Дальнего Востока.

Песни с типовыми напевами

Девятый весенне-купальский тип (*IX вес.-куп.*). Этот тип З. Я. Можейко называет наиболее лиричным в весенне-летнем календаре и одинаково характерным как для песен купальских, так и для весенних. Однако она помещает описание типа в раздел, посвященный купальским песням, и все образцы, приведенные в качестве примеров в нотном приложении, относятся к данному жанру [Там же, с. 108, 203–206]. В Сибири и на Дальнем Востоке записаны песни с напевами типа *IX вес.-куп.*, принадлежащие к весенним обрядовым песням и имеющие весенние по тематике вербальные тексты. Песни записаны в Приморском и Красноярском краях⁵: «Ай, висна ж мая, висняначка» (ДВ-КШ/36 – Нотн. прилож., пример 1) «Ой, девачки, висна, висна» (ДВ-КШ/52), «Где зима с летом встречалась» (Кр-11/2). В них отчетливо обнаруживаются характерные черты типа: 9-слоговая структура стиха с цезурой после 5-сложника (5 + 4), ритмоформула с акцентом-затягиванием четвертой доли в первом сегменте и ямбическим строением второго:

⁵ Здесь и далее ссылки на образцы весенних песен из репертуара белорусов-переселенцев даны сокращенно – в виде шифров. В первой части шифра (до дефиса) указан регион записи песни: Нск, Омск, Кем – Новосибирская, Омская Кемеровская области, Кр – Красноярский край, ДВ – Дальний Восток (Приморский край, Хабаровский край). Во второй части шифра даны источник записи песни (архивный материал или публикация) и далее, через косую линию, номер образца в нем или страница, на которой находится образец (для сборников без нумерации песен). См. «Список источников песенных образцов». Для архивных аудиозаписей указан номер описи в Архиве традиционной музыки НГК им. М. И. Глинки (АТМ), например: 20 = АТМ, оп. 20. Часть образцов публикуется в Нотном приложении к данной статье.

В образце «Ой, девочки, висна, висна» (ДВ-КШ/52) ритмическая организация типа *IX вес.-куп.* устанавливается со второй строки и далее предстает в нормативном для данного типа виде. В двух других песнях наблюдается варьирование второго ритмического сегмента. Так, в песне ДВ-КШ/36 4-сложник второго сегмента предстает в усеченном виде – со словообрывом: *вис-ня-на-(чка)*, *У-ля-на-(чка)* и т. п. В образце Кр-11/2 во втором сегменте количество слогов (также часто со словообрывом) варьируется от трех до пяти: *встре-ча-ла(сь)*, *у са-до-(чку)*, *ю во-зо-(чку)*, *тёп-ло-е ле-то*. В обеих песнях (ДВ-КШ/36, Кр-11/2) во втором сегменте сохраняется только начальный ритмический элемент ямбического строения, второй же «суммируется» в долгую длительность (♩ ♩ вместо ♩ ♩ ♩ ♩).

Во всех трех песнях есть гукáльный взглас: в ДВ-КШ/36 он проводится последовательно, после каждой строки, в Кр-11/2 – только после первой и последней строф и в ДВ-КШ/52 – завершает песню.

На уровне общего строения между песнями наблюдается различие. Напевы типа *IX вес.-куп.* встречаются в сибирской белорусской традиции в двух вариантах композиции. В песне ДВ-КШ/36 композиционной единицей является строка. Учитывая, что нормативная композиция типа *IX вес.-куп.* – это двустрочная строфа или однострочная структура, дополненная выделенным запевом, можно говорить о некоторой структурной модификации в данной песне. Во второй песне из Приморского края и в красноярском образце композиционная единица – однострочная структура, дополненная выделенным запевом. Весенние песни с аналогичным строением вербального и музыкального текстов встречаются не только в Беларуси, но и на сопредельных территориях. Например, напев песни из Брянской области «Весна, весняночка» [Свитова, 1966, с. 26, № 6] по структурно-ритмическим параметрам практически идентичен напеву дальневосточной песни ДВ-КШ/52.

Шестой русальный тип (VI рус.). Напевы двух закличек «Поможи мне, Боже» (Кр-СкСР/28) и «Пумажи нам, Божа» (Кр-11/20 – Нотн. прилож., пример 2), записанных в Красноярском крае, можно отнести к шестому ритмическому типу весеннего сезона, характеризующему русальные песни белорусов метрополии. Вербальный текст состоит из двух 6-сложников (иногда со словообрывом), первый из которых повторяется; в результате образуется строфическая структура из трех построений: aab⁶. Рефрен отсутствует.

Такая структура типична для веснянок, но отличается от типовой для русальной песни формы поэтической строфы, которая включает рефрен: ab / gb. В данном случае можно говорить о модификации типа на уровне общей структуры и словесного, и музыкального текста. Шестисложные стиховые построения реализуются в напеве в виде одной и той же типовой ритмоформулы: ♩ ♩ ♩ ♩ ♩ ♩. Две последние доли ритмоформулы могут иррационально удлиняться, что соответствует функции песни – заклинанию, призыву. Каждая строфа заканчивается гукáнием в головном регистре и без определенной звуковысотности. Ритмоформулы данных напевов существуют в разных системах счисления; оба варианта пред-

⁶ Здесь и далее в схемах применяются принятые в этномузыкологических исследованиях славянских песенных традиций обозначения: малыми буквами латинского алфавита показаны слоговые группы (= полустроки, полустихия), большими буквами – строки (= стихи), буквой г – рефрен (припев), занимающий полустроку; косая черта показывает границы строк.

ставлены в сибирских образцах: Кр-11/20 – в двоичной системе, Кр-СкСР/28 – в троичной. Весенняя песня с близким текстом («Благослови, мати, весну загука-ти») и напевом, относящимся к тому же типу *VI рус.*, зафиксирована в Стародубском районе⁷ Брянской области [Свитова, 1966, № 2].

Третий весенний тип (*III вес.*). Примером напева типа *III вес.* является песня «Сам Бог пиво варит» из Омской области (Омск-РП/23 – Нотн. прилож., пример 3). Особенности строения ее вербального и музыкального текстов соответствуют основным признакам, приведенным З. Я. Можейко [1985, с. 98–99]⁸. Форма поэтической строфы – двустрочная (АА), мелострофы – АА₁; двум 6-сложным

строкам соответствуют ритмоформулы зеркального строения: ♪♪♪♪♪♪|♪♪♪♪♪♪

В сибирском образце нормативная формула представлена в варьированном виде, однако зеркальность ритмической структуры хорошо читается.

Напевы с типовыми ритмоформулами на пятисложных стиховых структурах («стрела», «ручей», колядковая)

В сибирской коллекции календарных песен белорусов содержится группа веснянок, имеющих структуру стиха 5 + 5. Музыкальная реализация общей для данной группы песен вербальной структуры связана с несколькими ритмоформулами, за которыми закрепилось ритуальное значение.

Первая ритмоформула – «стрела» – за счет удлинённой срединной доли имеет зеркальное строение: ♪♪♪♪♪. Согласно классификации З. Я. Можейко, она лежит в основе хороводного типа III «Стрела», а также типа зимних обходных песен *III коляд.* [1985, с. 103, 90–91].

Примером сибирской веснянки, построенной на варианте «стрелы», может служить песня, записанная в Красноярском крае (Кр-СкСР/31 – Нотн. прилож., пример 4). Форма поэтического текста – двустрочная строфа: АВ. Рефрен отсутствует. Ритмоформула предстает в модифицированном виде, но хорошо узнаваема благодаря сохранению ее главной отличительной особенности – третья доля утяжелена по сравнению с первыми двумя, что подкреплено словесным ударением. В таком – модифицированном – виде «стрела» явно обнаруживает свое родство с ритмоформулой «ручей», которая будет рассмотрена ниже.

В сибирской белорусской традиции большая группа весенних обрядовых песен, построенных на типовых ритмоформулах с 5-сложными стиховыми структурами в основе, имеет хороводную форму. Поэтические строфы в них двустрочные, каждая строка состоит из двух полустуший, объединённых попарно: 5 + 5.

⁷ Этот район (ранее уезд) находится в гомельско-брянско-черниговском регионе, его административная принадлежность менялась. На рубеже XIX–XX вв. Стародубский уезд относился к Черниговской губернии. Жители, в том числе этнические белорусы, переселялись в Приморье; на новых территориях их фольклор продолжал активно бытовать на протяжении XX в.; см.: [КШ, 2003].

⁸ Тип *III вес.* имеет наибольшее распространение в восточной зоне Белоруссии, на Могилевщине [Можейко, 1985, с. 98–99]. На Смоленщине данный тип также выступает в функции веснянок – исследователи выделяют его как десятый ритмический тип. Его музыкально-поэтические параметры аналогичны описанным в белорусской классификации [СМЭС, 2003, с. 31].

Элементы словесного текста складываются в типичную хороводную структуру: ab / gb.

Имеют структуру ab / gb и полностью построены на ритмоформуле «стрела» благовещенские обрядовые песни из Красноярского края: «Што у нас сѣдни Баговещенья» (Кр-11/21) и «Что сегодня у нас Баговещенье» (Кр-СВЖ/с.18–19– Нотн. прилож., пример 5). На «стреле» и ее вариантах строится второй ритмический тип весенних закличек Смоленщины; для него также характерна хороводная форма [СМЭС, 2003, с. 28].

Вторая ритмоформула, организующая напевы сибирских веснянок, связана с хореическим типом ритмики: . Она не приведена в основной типологии

белорусских календарных песен, однако в сборнике «Песни белорусского Поднепровья» (1999) авторы-составители указывают ее в качестве типовой весенней и называют разновидностью «стрелы» (в обеих структурах ударной является доля, располагающаяся в середине). В сборнике опубликован образец «А с гары, с гары ручей котится», построенный на этой ритмоформуле, но в троичной системе счисления: . [Мажейка, Варфаламеева, 1999, № 27]. В таком

же виде ритмоформула «стрела» обнаруживается в весенних песнях, опубликованных в белорусских изданиях последнего десятилетия⁹. В «Смоленском сборнике» «стрела» – и именно в сибирском варианте, в двоичной системе счисления – предстает как основа третьего типа весенних песен [СМЭС, 2003, с. 28]. Подытожим: эту ритмоформулу – для краткости ее можно назвать «ручей» в соответствии с метропольным текстом – следует считать типовой весенней как для белорусских календарных песен, так и для традиций сопредельных территорий.

В сибирских песнях широко распространен вариант ритмоформулы «ручей», отличающийся от метропольного системой счисления. Примером песни-веснянки, построенной на этой ритмической структуре, может служить образец из Красноярского края (Кр-17/9). Вербальный текст песни краток (ab / cd / de): *А весна красна, што и ты вынесла? / Коробец яец да кусок сала. / Ще кусок сала, шоб весна стала.* Устройство стиха 5 + 5; каждый 5-сложник реализован типовой ритмоформулой: . Эта же ритмоформула организует напевы нескольких обрядовых благовещенских песен в хороводной структуре (например: Кр-СкСР/27, Кр-11/17; Кр-11/3)¹⁰.

Третья типовая ритмическая структура, встречающаяся в закличаниях весны, – это известная по зимнему циклу основная колядковая ритмоформула .

Она имеет достаточное распространение среди обрядовых песен весеннего сезона, в том числе встречается в образцах хороводной структуры. Так, красноярская

⁹ См.: Традиційная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Мінск: Выш. шк., 2012. Т. 6. Гомельскае Палессе і Падняпроўе. У 2 кн. Кн. 1. С. 251, № 36.

¹⁰ Благовещенские песни в хороводной структуре, независимо от организующей их ритмоформулы, обычно имеют типичное содержание поэтического текста, со свадебной тематикой: *сегодня (или завтра) у нас Благовещенье – нашим девочкам перемещение, орловские (псковские и т. п.) девочки, перейдите к нам – будет добре вам* и т. д., – что находится в общем семантическом русле весеннего сезона.

песня «Ой, весна-красна» (Кр-ШРБ/с.38) по содержанию поэтического текста представляет собой типичную веснянку (приведем только смысловые строки, без рефрена): *Ой, весна-красна, да тёплая летичко. / Что ж ты нам, весна, да ты нам принесла? / Девкам вяночки да с быстрочками. / А ребятам коросты, да с прышачками.* Форма поэтической строфы ab / gb. Соответствующие полустушиям четыре музыкальных построения воплощены с помощью колядковой ритмоформулы, которая предстает в «скрытом» обильными распевами виде. Весенние песни с описанным строением вербального текста и напева имеют широкое распространение на Смоленщине; такие напевы выделяют как первый ритмический тип [СМЭС, 2003, с. 27–28].

Среди веснянок из сибирской коллекции в связи с колядковой ритмоформулой обращает на себя внимание образец из Красноярского края «Что зялен, зялен» (Кр-СкСР/32). Поэтические строфы песни состоят из трех строк: АА₁В. В мелострофе (АВС) комбинируются типовые ритмические структуры на 5-сложниках: начальное и срединное построения представляют собой варианты «стрелы» с аугментацией – и , а заключительное – колядковую ритмоформулу .

Далее описаны особенности строения песен, напевы которых не находят отражения в классификации метропольного белорусского песенного фольклора З. Я. Можейко, однако являются типовыми для восточнославянского фольклора и рассмотрены в типологиях его исследователей.

Напевы в структуре «коломыйка»

Такие песни составляют довольно многочисленную группу и записывались в разных региональных традициях белорусов-переселенцев. Этим образцам свойственна структура стиха (4 + 4) + 6, характерная для украинской припевки-частушки «коломыйка»¹¹, а также для ряда русских хороводных песен («Во саду ли, в огороде» и др.). Указанная структура стиха и ритмическая организация являются типовыми для восточнославянского фольклора. Ф. Колесса считает, что «коломыйка – это не что иное, как своеобразная песенная форма, которая встречается как в припевках к танцу, так и в других песенных жанрах»¹². В типологии весенних белорусских песен З. Я. Можейко такая структура отсутствует, хотя ее черты прослеживаются в двух разных типах весенних песен. Песни сибирских белорусов, входящие в данную группу, можно разделить на две подгруппы, условно обозначив их как моноритмическая и с ямбическим ритмом.

В первой подгруппе содержатся весенние песни, записанные от белорусов Кемеровской и Омской областей, Приморья и Красноярского края (Кем-16/22, Кем-16/23, Омск-РП/24, ДВ-КШ/37, Кр-СкСР/30). Рассмотрим песню, имеющую строчную структуру (Кем-16/22). Каждая строка в нотации образца делится на две

¹¹ Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Отв. ред. К. П. Кабашников. Минск: Наука и техника, 1993. С. 118; *Гошовский В. Л.* У истоков народной музыки славян: Очерки по музыкальному славяноведению. М.: Сов. композитор, 1971. С. 139–209.

¹² Цит. по: *Гошовский В. Л.* У истоков народной музыки славян... С. 140.

неравные части. В первой из них 8-слововому стиху (*Чего весна у пльв пашла*) с цезурой посредине (4 + 4) соответствует ритмоформула из равных кратких длительностей¹³. Вторую половину строки занимает 6-сложник (*Шо крутые горы*; иногда усеченный, со словообрывом), которому соответствует каденционная ритмоформула: ¹⁴. СМРФ типа «коломыйка» выглядит так:

Аналогичным образом, включая строчную композицию, устроен напев песни из Приморского края (ДВ-КШ/37) с типичным текстом закличек: «*Висна, висна, висняначка, де ты зима-ва(ла)?*» / «*Я в лесочку, на дубочку, а красанки тка(ла)*». Функция песни отражена и в комментарии исполнительницы: «пают, завут весну» [КШ, 2003, с. 117].

В трех песнях данной подгруппы наблюдается еще один вариант композиционной организации напева – двустрочная строфа с выделенным запевом (Кем-16/23, Кр-СкСР/30, Омск-РП/24). В запеве используется текст 6-сложника из предыдущей строфы. Приведем вторую и третью строфы омской песни:

Чево, девка, замуж пошла? / Что черные брови. У!
Что черные брови. / Ой вы, брови, мои брови, / Вороги не званы. У!
(Омск-РП/24).

Наконец, часть песен данной подгруппы имеют хороводную структуру – например, песня из Красноярского края «Что й у наших у ворот» (Кр-11/1). В данном образце первая – смысловая – строка организована по типу «коломыйки», но с варьированием количества слогов во втором звене: 4 + 3 / 4 + 6. Вторая строка (6 + 6) выполняет припевную функцию, в ней 6-сложный рефренный текст *ой, люли, люлюшки* воплощается в ритмоформуле , а затем следует повтор 6-сложного окончания смысловой строки .

Во вторую подгруппу весенних песен с напевами в структуре «коломыйки» входят образцы, записанные в Новосибирской области и на Дальнем Востоке (Нск-Урс/4; ДВ-КШ/38, 39, 40, 41, ДВ-12/346). В целом строение напевов этих песен сходно с описанным в первой подгруппе, однако в ритмической организации главную роль играют ямбические ритмические сегменты. В качестве своеобразного переходного (от первой подгруппы ко второй), компромиссного варианта выступает дальневосточный образец (ДВ-КШ/38 – Нотн. прилож., пример 6), где сочетаются моноритмическая и ямбическая ритмоформулы. Вербальный текст песни соответствует жанру весенних закличек: «*Висна, висна, висняначка, йде ж ты зимавал...? / Де ж ты зимавала?*» / «*У лясочку, на дубочку, пряла на саро(чку)*» – ее ««спивали хором», когда кликали весну» [КШ, 2003, с. 117].

Остальные песни данной подгруппы связаны с ритуалами Благовещенья: «после церкви... пускают салому и песню пают эту» (ДВ-КШ/39), «пели на Благове-

¹³ Такое моноритмическое строение (при слоговой структуре 4 + 4) имеет вторая строка строфических напевов типа *II вес.*, о чем свидетельствуют примеры белорусских песен, приведенные З. Я. Можейко [1985, с. 184–186, № 39–42].

¹⁴ Каденционный 6-сложник, ритмически организованный указанным образом, является признаком типа *III вес.*, по З. Я. Можейко [1985, с. 98].

щенье на берегу реки» (ДВ-КШ/41) и пр. Песня могла исполняться в этот день и вне ритуальной ситуации: например, «Навяжу я куль саломы» (ДВ-КШ/40) имеет обрядовый текст, но исполняется на Благовещение, как «на улицу выйдут» [КШ, 2003, с. 117]. В напевах композиционной единицей является строфа с выделенным запевом; в запеве, как и в песнях первой подгруппы, используется текст каденционного построения строки: *Запылю я куль саломы, пуцу за водой. / Пуцу за водою. / Накажу я своему роду, что я сиротой* (ДВ-12/346) – либо только его последнее слово, в котором обычно допеваётся словообрыв смысловой строки (ДВ-КШ/39). В ритмическом отношении безраздельно властвует ямбичность¹⁵ (например, Нск-Урс/4). Итак, первая и вторая рассмотренные подгруппы песен в структуре «колоды» типологически очень схожи, разница заключается в ямбической ритмизации напевов второй подгруппы.

Веснянки с нетиповыми напевами

Часть песен весеннего сезона, записанных от белорусов Сибири и Дальнего Востока, составляют образцы, строение которых не находит отражения ни в классификации белорусских календарных песен, ни в типологиях, составленных исследователями других, близких к белорусской, традиций.

Группу напевов веснянок можно отнести к разряду временников. Примерами служат песни, записанные в Новосибирской, Кемеровской, Омской областях, Красноярском крае: «Жаворонушки» (Нск-20/217), «Весна-красна» (Кем-16/24), «Ой, весна ж, весна» (Омск-2/57), «Ой, сады мои, садочки» (Кр-СкСР/29).

В новосибирском и кемеровском образцах (Нск-20/217 – Нотн. прилож., пример 7; Кем-16/24) форма организации поэтического текста – строчная. В первом образце неравновеликие по количеству слогов строки объединяются попарно с помощью рифмы. Пятисложные полустипы первых двух строк и 7-сложники последних занимают по восемь музыкальных времен. Регулярность ударения на третьем музыкальном времени сохраняется от начала до конца, а в двух последних построениях прибавляется ударение на седьмом музыкальном времени. Ритмические построения , отвечающие 5-сложникам, имеют черты формуль-

ности. В типологии З. Я. Можейко аналогичная ритмическая структура находится в первой части ритмоформулы типа *IX вес.-тр.-куст.*, который охватывает весенне-троицкие кустовые напевы.

Во втором примере (Кем-16/24) структура стиха (4/5) + 5 неизменна: (*Ой, весна-красна / Ще ты винесла? / Коробец яец, / Три кароба(чки)*); четырем строкам соответствуют восьмивременные построения. В нечетных ударными являются третье и седьмое, в четных – только третье музыкальное время.

В песне из Красноярского края (Кр-СкСР/29) также сочетаются черты временной организации и формульности. Первые построения смысловых строк во всех строфах¹⁶ укладываются в рамки восьми музыкальных времен, они моноритмичны, музыкальное и текстовое ударение во всех случаях падает на седьмое время, а в части строф – еще и на третье. Четные построения строк 4-сложны. Соответ-

¹⁵ Ямбическая равномерность – признак напевов волочечных песен типа *IV вол.* [Можейко, 1985, с. 98].

¹⁶ Композиционная единица напева – однострочная структура, дополненная выделенным запевом.

вующая им ритмоформула является отличительным признаком напевов типа *VI коляд*. З. Я. Можейко отмечает родство этого колядного типа, имеющего черты шествия, с волочебными напевами типа *I вол*. [Можейко, 1985, с. 91–92]. Типологическое сходство напевов колядок и волочебных песен подчеркивает их функциональную близость – они сопровождают ритуальные обходы дворов. В нашем же случае произошло проникновение ритмоформулы «шествия» в песню, которая не предполагает активного физического движения во время исполнения: веснянки поются на улице, на открытом пространстве, но стоя на месте.

Напев песни из Омской области (Омск-2/57 – Нотн. прилож., пример 8) представляет собой импровизационную форму, в которой отсутствуют строго выдержанные параметры. Вербальный текст организован по песенному принципу – каждый из четырех стихов-строк делится на полустишия, которые объединены рифмой, иногда не точной: *весна – принесла, лётечко – житечко, пиеничка – пашиничка, гостях – радостях*. Количество слогов в полустишиях всё время меняется: 5 + 6, 8 + 8, 6 + 6, 7 + 9. Отсутствует четкая норма времени: увеличение количества слогов приводит к увеличению и количества музыкальных времен¹⁷. Организующую роль играет соблюдение определенного ритмического принципа: вначале следует ряд коротких длительностей (от четырех до семи) – замыкает ритмическое построение долгая длительность. Третья строка воспринимается как некий «очаг устойчивости» в импровизационном движении: она состоит из двух 6-сложников, ритмически оформленных в виде формулы, характерной для типа весенних песен *III вес.*: . В основе ладозвукорядной организации песни

лежит архаическая структура, свойственная календарному фольклору – трихорд в кварте: *d–e–g*. Она реализуется в варьированном повторении одного и того же мелодического построения с нисходящим движением (в некоторых вариантах возникает проходящий или вспомогательный *f*, и однажды – почти не интонированная субкварта к основному опорному тону *d*). Таким образом, и в вербальном тексте, и в музыкальных особенностях образца Омск-2/57 отражены типичные черты веснянок, однако они предстают в сугубо сольной исполнительской версии.

Приуроченные к сезону песни с ритмоформулами и в структуре веснянок

В сибирской коллекции содержится ряд песен сезонной приуроченности, которые строятся на ритмоформулах, свойственных весенним обрядовым песням, и часто имеют такую же структуру. Обычно носители традиции в комментариях к песням обозначают границу, какую-либо ритуально значимую дату, после которой начинали исполнять такие песни, например: «после Пасхи». Эти песни могли сопровождать досуг или некоторые виды работ. Несколько приуроченных к сезону (поющих после Пасхи) песен в структуре «коломыйки» сопровождаются следующими комментариями исполнителей: «эта весенняя, на улице спиваютъ», «на вулице громка пають», «выходять, садяться и спиваютъ», «сядем на калодках и поём», «когда шли за травой на балота» (ДВ-КШ/43, 45, 51, 44, 42, 49, 50 соот-

¹⁷ О слогоритмических структурах напевов народных песен, где непостоянными являются как слоговой состав, так и объем музыкального времени, см.: Банин А. А. К изучению русского народно-песенного стиха: Методологические заметки // Фольклор: поэтика и традиция. М: Наука, 1982. С. 94–139.

ответственно). Организация вербального и музыкального текстов образцов рассматриваемой группы тождественна той, что наблюдается в группе веснянок в структуре «коломыйка». Сходны и особенности общей композиции; представлены следующие варианты: двустрочная монострофа (ДВ-КШ/48); строфа с выделенным запевом – как и в веснянках, в запеве может использоваться текст каденционного 6-сложника целиком (ДВ-КШ/43, 45) либо только последнее слово (ДВ-КШ/49, 42).

На ритмоформулах «стрела» и «ручей» построены напевы не только обрядовых песен, имеющих хороводную структуру, но и собственно сезонные весенние хороводы. Последние можно дифференцировать по степени их приуроченности. Н. В. Леонова отмечает, что в русской сибирской традиции существует небольшая группа «ритуальных хороводов», которые имеют «более точную календарную закрепленность, нежели сезонная... Обычно информанты называют такие даты исполнения..., как Пасха / перед Пасхой, Радуница, Вознесение, Троица...»¹⁸.

Развитая пасхально-радуницкая обрядность с большим количеством хороводных песен зафиксирована в сёлах Приморья у черниговских переселенцев [КШ, 2003, № 53–110]. Аналогичное явление наблюдается в черниговской же переселенческой локальной традиции с. Прямское Новосибирской области (АТМ, А0230, 2005 г.). Часть образцов на ритмоформулах «стрела» и «ручей», записанных в указанных традициях, – ритуальные хороводы, с балладными сюжетами, связанными со смертью («Забалев милой» из Новосибирской области, ряд песен из Приморья [КШ, 2003, № 53–59, 63, 65]). В то же время поэтические тесты другой части хороводов на этих ритмоформулах имеют тексты любовно-брачной или игровой тематики, типичные для данного жанра. Как правило, в Приморье хороводы с балладными сюжетами имели более строгую приуроченность, «стреловые» хороводы отличались и в хореографическом отношении (их вели «гужком», «поездом», взявшись за руки). Хороводы лирического содержания исполнялись в определенное время сезона (как правило, после Пасхи), вне обрядовых ситуаций. В Новосибирской области хороводы, построенные на ритмоформулах «стрела» и «ручей», по простоте ритуально значимых весенних дат могли исполняться и во время летних развлекательных собраний, и даже без хореографического компонента.

Сезон хороводов, начавшись весной, продолжался до Троицы и дальше – вплоть до Петрова дня. Обрядовых песен, которые определялись бы носителями традиции как троицкие, в сибирской коллекции содержится немного; в основном Троица представлена именно хороводами. Часть хороводов этого периода основана на рассмотренных выше ритмоформулах. Так, в Омской области записаны троицкие хороводные песни в ритмоструктуре «просо» (Омск-РП/32, Омск-РП/33), а также на основе ритмоформулы «ручей» в двоичной системе счисления (Омск-РП/34). Это весенние хороводы досуговой, игровой направленности с вербальными текстами любовно-брачной тематики.

Выводы

Итак, из числа весенних типовых напевов, указанных в классификации З. Я. Можейко, в сибирской коллекции календарных песен представлены только *III вес.* и *VI рус.* В сибирских песнях, напевы которых относятся к типу *III вес.*,

¹⁸ Леонова Н. В. Русские календарные песни Сибири: Дис. ... канд. искусствоведения. Рукопись. Новосибирск, 1996. С. 97.

полностью сохраняются все параметры организации вербального и музыкального текстов. В напевах типа *VI рус.* песен переселенческой традиции типовая ритмоформула сохраняется, однако наблюдается модификация на уровне общей структуры и словесного, и музыкального текста (безрефренная строфическая структура aab вместо типовой с рефреном ab / gb).

Часть весенних песен сибирских белорусов имеет напевы, относящиеся к весенне-летнему типу *IX вес.-куп.* Сибирские песни также имеют структурные модификации: им свойственна либо строчная композиция, либо строфа с выделенным запевом, – тогда как типовой структурой является двустрочная строфическая.

В весенних обрядовых песнях встречаются и другие типовые ритмоформулы, описанные в классификации З. Я. Можейко, иногда они относятся к другим сезонам. В основе группы песен сибирских белорусов лежат такие ритмоформулы, как «стрела», «ручей» и основная колядковая. Песни имеют как строфическую безрефренную композицию, так и хороводную. Группа весенних песен сибирских белорусов основана на структуре стиха «коломыйка», типичной для традиций восточнославянских народов. Наконец, напевы части песен сибирской коллекции не атрибутируются как типовые, хотя в ритмическом строении ряда песен и этой группы наблюдаются черты формульности.

Приуроченные к сезону песни тесно связаны с обрядовыми весенними песнями и часто основаны на тех же структурах стиха и ритмоформулах. Особенно большое значение приобретают хороводные песни – эта жанровая линия начинается еще с масленичного периода, но в нем хороводную структуру имеют именно обрядовые песни. Приуроченные к весеннему сезону хороводы в ряде локальных сибирско-дальневосточных традиций играют центральную роль.

Весенние обрядовые песни не составляют в типологическом отношении такую же стройную и четкую классификацию, какую можно было наблюдать на примере напевов обрядовых песен зимнего сезона [Дайнеко, 2021]. Однако разделение напевов на типовые и нетиповые остается релевантным.

Список литературы

Дайнеко Т. В. Типология напевов зимних календарных песен белорусов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2021. № 55 (2). С. 177–188. DOI 10.31773/2078-1768-2021-55-177-188

Дайнеко Т. В., Леонова Н. В. Календарные песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: жанровый состав // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 27–38. DOI 10.17223/18137083/67/3

Можейко З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии: опыт системно-типологического исследования. Минск: Наука и техника, 1985. 247 с.

Свитова К. Г. Народные песни Брянской области. М.: Музыка, 1966. 244 с.

СМЭС – Смоленский музыкально-этнографический сборник / О. А. Пашина (отв. ред.), Л. М. Винарчик, Е. А. Дорохова, М. А. Енговатова, И. А. Никитина. М.: Индрик, 2003. Т. 1: Календарные обряды и песни. 760 с.

Мажэйка З. Я., Варфаламеева Т. Б. Песні Беларускага Падняпроўя. Мінск: Беларуская навука, 1999. 392 с.

Список источников песенных образцов

КШ – Семёнова И. В., Семёнов О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. 125 с.

РП – Русский народный праздник: Науч.-метод. пособие для работников культуры и образования / Отв. ред. М. А. Жигунова, Н. А. Томилова. Омск: Наука, 2005. 284 с.

СВЖ – Скопцов К. М. Ты воспой, жаворонушек: Народные песни, игры, потешки, записанные в Красноярском крае. Репертуарный сборник для детских фольклорных коллективов. Красноярск: КаСС, 2002. 92 с.

СкСР – Скопцов К. М. На серебряной реке: Народные песни Бирлюсского района. Красноярск, 2001. 80 с.

Урс – Фольклор Мошковского района: Мошково, Западный, Барлак, Новомошковское, Ташара / Сост. Н. А. Урсегова. Новосибирск, 2006. 132 с. (Фольклорная карта Новосибирской области; Вып. 1)

ШРБ – Шульпеков Н. А. «Расскажи ты, бабка...»: Календарный обрядовый фольклор Красноярского края. Красноярск: КаСС, 2007. 96 с.

References

Dayneko T. V., Leonova N. V. Kalendarnye pesni belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka: zhanrovyy sostav [Genres of Belarusian calendar songs of Siberia and the Far East]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 2, pp. 27–38. DOI 10.17223/18137083/67/3.

Dayneko T. V. Tipologiya napevov zimnikh kalendarnykh pesen belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Typology of tunes of winter calendar songs of Belarusians of Siberia and the Far East]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2021, no. 55 (2), pp. 177–188. DOI 10.31773/2078-1768-2021-55-177-188.

Mozheyko Z. Ya. *Kalendarno-pesennaya kul'tura Belorussii: opyt sistemno-tipologicheskogo issledovaniya* [Calendar-Song Culture of Byelorussia]. Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1985, 247 p.

Mazheyka Z. Ya., Varfalameeva T. B. *Pesni Belaruskaga Padnyaproÿya* [Songs of the Belarusian Dnieper]. Minsk, Belaruskaya navuka, 1999, 392 p.

Smolenskiy muzykal'no-etnograficheskiy sbornik [Smolensk musical and ethnographic collection]. O. A. Pashina, L. M. Vinarchik, E. A. Dorokhova, M. A. Engovatova, I. A. Nikitina (Eds.). Moscow, Indrik, 2003. Vol. 1: Kalendarnye obryady i pesni [Calendar rites and songs]. 760 p.

Svitova K. G. *Narodnye pesni Bryanskoy oblasti* [Folk songs of the Bryansk region]. Moscow, Muzyka, 1966, 244 p.

List of sources of song samples

Fol'klor Moshkovskogo rayona: Moshkovo, Zapadnyy, Barlak, Novomoshkovskoe, Tashara [Folklore of the Moshkovsky District: Moshkovo, Zapadny, Barlak, Novomoshkovskoye, Tashara]. N. A. Ursegova (Comp.). Novosibirsk, 2006, 132 p. (Fol'klornaya karta Novosibirskoy oblasti [Folklore map of the Novosibirsk region]. Iss. 1).

Russkiy narodnyy prazdnik: Nauchno-metodicheskoe posobie dlya rabotnikov kul'tury i obrazovaniya [Russian national holiday: A scientific and methodical grant for cultural workers and education]. M. A. Zhigunova, N. A. Tomilova (Eds.). Omsk, Nauka, 2005, 284 p.

Semenova I. V., Semenov O. V. *Karagod shirokiy: Kalendarno-obryadovye pesni pereselentsev Surazhskogo, Novozybkovskogo, Starodubskogo uezdov Chernigovskoy gubernii v Primor'e* [Wide Karagod: Calendar-ritual songs by settlers from Surazhsky, Novozybkovsky, Starodubtzevsky Counties of the Chernigov province in Primorye]. Vladivostok, 2003, 125 p.

Skoptsov K. M. *Na serebryanoy reke: Narodnye pesni Birilyusskogo rayona* [On the Silver River: Folk Songs of the Birilyussky District]. Krasnoyarsk, 2001, 80 p.

Skoptsov K. M. *Ty vospoy, zhavoronushek: Narodnye pesni, igry, poteshki, zapisannye v Krasnoyarskom krae. Repertuarnyy sbornik dlya detskikh fol'klornykh kollektivov* [You sing, larks: Folk songs, games, jokes, recorded in the Krasnoyarsk Territory. Repertory collection for children's folk groups]. Krasnoyarsk, KaSS, 2002, 92 p.

Shulpekov N. A. *"Rasskazhi ty, babka...": Kalendarnyy obryadovyy fol'klor Krasnoyarskogo kraya* ["Tell me, grandmother ...": Calendar ritual folklore of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, KaSS, 2007, 96 p.

Нотное приложение

Пример 1

ДВ-КШ/36 – *Ай, висна ж мая, висняна(чка)*. Зап. И. В. Семёнова, О. В. Семёнов в 1993 г. в с. Анучино Анучинского р-на Приморского края. Нотация: И. В. и О. В. Семёновы

♩ = 60

Ай, ви - сна ж ма - я, ви - сня - на... У!

Де тва - я да - чка У - лля - на..? У!

Пример 2

Кр-11/20 – *Пумажи нам, Божя*. Зап. Богович, Черникова в 1989 г. в с. Орловка Бирилюсского р-на Красноярского края. Нотация: Н. В. Леонова

♩ = 85-86

Пу - ма - жи нам, Бо - жа,

♩ = 83-84

Пу - ма - жи нам, Бо - жа,

♩ = 76-77

А вя - сну за - гу - на... У!

Пример 3

Омск-РП/23 – *Сам Бог пиво варит*. Зап. И. Г. Чумаков, Е. М. Ефремова, Е. В. Попова в 1995 г. в д. Соловьевка Седельниковского р-на Омской обл. Нотация: О. Г. Сидорская

♩ = 96

Сам Бог пи - во ва - рит,

Сам Бог пи - во ва - рит.

Пример 4

Кр-СкСР/31 – *(Ой,) что по полюшку*. Зап. К. М. Скопцов в 1985 г. в д. Петровка Бирилюсского р-на Красноярского края. Нотация: К. М. Скопцов

С настроением

(Ой,) что по по - люш - ку

Всё ту - ман, ту - ман,

Пример 5

Кр-СВЖ/с.18–19 – *Что сегодня (у) нас Благовещенье*. Зап. Н. А. Шульпеков в 1981 г. в д. Орловка Бирилюсского р-на Красноярского края. Нотация: Н. А. Шульпеков

♩ = 84

Что се - го - дня у нас Бла - го - ве - ще - нье,

Ой, лю - ли, лю - ли, Бла - го - ве - ще - нье.

Пример 6

ДВ-КШ/38 – *Висна, висна, виснячка*. Зап. И. В. Семёнова, О. В. Семёнов в 1992 г. в с. Соколовка Чугуевского р-на Приморского края. Нотация: И. В. и О. В. Семёновы

♩ = 96

3/8

"Ви - сна, ви - сна, ви - сня - на - чка, йде ж ты зи - ма - вал...?"

Де ж ты зи - ма - ва - ла?"

3/8

"У ля - со - чку, на ду - бо - чку, пря - ла на са - ро - (чку)".

Пример 7

Нск-20/217 – *Жаворонушки, прылитити-ка*. Зап. О. А. Лунина в 1980 г. в с. Кундран Убинского р-на Новосибирской обл. АТМ НГК им. М. И. Глинки, оп. 20, № 217. Нотация: Т. В. Дайнеко

8

Жа - ва - ро - нуш - ки, пры - ли - ти - ти - ка!

8

Вис - ну крас - ны - ю пры - ни - си - те - ка!

8

На са - хе на ба - ра - не, на ка - бы - ли ва - ра - не!

Пример 8

Омск-2/57 – *Ой, весна ж, весна, шо ты нам принесла?* Зап. Н. К. Козлова и студенты в 1980 г. в д. Михайловка Седельниковского р-на Омской обл. АТМ НГК им. М. И. Глинки, оп. 20, № 57. Нотация: С. А. Звягина

1. Ой, вес - на ж, вес - на, шо ты нам пры - не - сла?

2. При-нес - ла я вам ли - те - чко, шо-бы ро - ди - ло жи - те - чко.

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Дайнеко, кандидат искусствоведения
WoS Researcher ID AAQ-9955-2020
RSCI Author ID 668641

Information about the author

Tatyana V. Dayneko, Candidate of Arts History
WoS Researcher ID AAQ-9955-2020
RSCI Author ID 668641

*Статья поступила в редакцию 10.01.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 19.01.2023
The article was submitted on 10.01.2023;
approved after reviewing on 19.01.2023; accepted for publication on 19.01.2023*

Научная статья

УДК 398.8, 784.4, 811.551.3
DOI 10.17223/18137083/82/2

Мухоморные песни коряков-нымыланов

Екатерина Леонидовна Тирон

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

krupich_katja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>

Аннотация

Традиция исполнения песен под воздействием мухоморного опьянения зафиксирована у многих народов, проживающих на территории Западной и Северо-Восточной Сибири. Однако эта тема до настоящего времени остается малоисследованной, а публикации текстов, переводов и нот единичны. В статье впервые приводятся образцы корякских мухоморных песен, записанные в экспедициях 1991 (рук. Ю. И. Шейкин), 2004 (рук. А. А. Мальцева) и 2008 гг. (П. Сиирала) от нымыланов Карагинского и Олюторского районов Камчатки. Основа мухоморных песен – личные песни предков. Выявленные смысловые маркеры мухоморных песен: констатация мухоморного состояния, традиционный речевой диалог с людьми из реального мира, передача посланий от умерших предков, описание мухоморного танца, элементы мухоморного путешествия. Автор впервые описывает ладово-мелодическое строение напевов, устройство стихосложения и тематику текстов нымыланских мухоморных песен.

Ключевые слова

коряки, нымыланы, алюторцы, палеоазиатские народы, музыкальная традиция коряков, личные песни, мухоморные песни, этномузыковедение

Для цитирования

Тирон Е. Л. Мухоморные песни коряков-нымыланов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 26–44. DOI 10.17223/18137083/82/2

Fly agaric songs of the Koryaks-Nymylans

Ekaterina L. Tiron

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

krupich_katja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>

Abstract

The tradition of singing songs under the influence of fly agaric intoxication has been recorded among many peoples of Siberia. However, this topic still needs to be studied, with publications of texts, translations, and sheet music being scarce. This paper presents samples of

© Тирон Е. Л., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 26–44
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 26–44

Koryak-Nymylan fly agaric songs recorded in the 1990s–2000s in the Karaginsky and Olyutorsky districts of Kamchatka. There are two types of songs associated with different stages of interaction with fly agarics. When fly agarics are found, special songs-dances of a joyful character are sung due to the beliefs about the correct behavior of welcoming a mythical tribe of dancing fly agaric women. When using fly agarics, personal songs are performed, manifested in the commonality of poetic texts and melodies. This paper describes for the first time the modal-melodic structure of the melodies and the versification of the Koryak fly-agaric songs. The specificity of the flapper songs is caused by the special state, reflected in the timbre change of personal songs and the inclusion of “fly agaric” themes in the texts. The following semantic markers can be distinguished: the statement of the fly agaric state, the traditional speech dialogue with people from the real world, the transmission of messages from deceased ancestors, the description of the fly agaric dance, and the elements of the fly agaric journey. Fly agaric songs should be considered in the context of mythological representations of interaction with other worlds where deceased ancestors and special fly agaric creatures live.

Keywords

Koryaks, Nymylans, Alutorians, Paleoasiatic peoples, musical tradition of the Koryaks, personal songs, fly agaric songs, ethnomusicology

For citation

Tiron E. L. Fly agaric songs of the Koryaks-Nymylans. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 26–44. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/2

Исполнение особых песен после употребления мухомора распространено у многих народов Сибири. Свидетельством архаичности этой традиции являются петроглифы I–II тыс. до н. э. реки Пегтымель на Чукотке, на которых изображены мифические человечки-мухоморы [Диков, 1971]. Как пишет известный сибирский этномузыковед Ю. И. Шейкин, «изображения человечков с грибами на голове свидетельствует о существовании особого песенного поведения, возникшего под воздействием психотропных веществ» [2002, с. 346].

Эстонский этнолог М. Саар выделила два больших региона, в которых зафиксировано употребление мухомора: у хантов, манси, ненцев, нганасан, селькупов, проживающих на территории Западной Сибири и полуострова Таймыр, у чукчей, коряков, ительменов, эскимосов, русских, чуванцев, юкагиров и эвенов Крайнего Северо-Востока Сибири – на Чукотке и Камчатке [Saar, 1991].

Этномузыковедческое изучение мухоморных песен, исполняемых в двух регионах, практически отсутствует. Незнученность мухоморных песен Западной Сибири (в частности у хантов и манси) объясняется тем, что «до настоящего времени эта традиция не сохранилась» [Мазур, Солдатова, 1997, с. 34]. В научных публикациях упоминают о существовании *айем эрги* у манси [Богданов, 1981, стб. 1027], *панк арех* у хантов [Сильвет, 1985, с. 135], *понл'ат икет ар* у казымских хантов [Мазур, Солдатова, 1997, с. 34], *vipi-kupaws* у лесных ненцев [Discovering Siberia..., 2002, p. 40]. Опубликованы единичные образцы мухоморных песен Западной Сибири: текст хантыйской мухоморной песни на английском языке [Saar, 1991, p. 163], три образца текстов и переводов на английский язык мухоморных песен лесных ненцев [Kaur, Toulouze, 2002] с аудио [Discovering Siberia..., 2002, № 27–30], мухоморная песня манси, исполняемая на медвежьем празднике (опубл. А. Каннисто и А. Вайзаненом [Сильвет, 1985]).

В чукотско-камчатской зоне употребление мухомора и исполнение мухоморных песен – это живая традиция. Она фиксировалась в ходе полевых исследований 1980–2000-х гг. (см. [Батьянова, 2001; Сагалаев, 2022] и др.), а также под-

тверждается информацией, полученной от современных носителей традиции. Однако в публикациях она практически не отражена. Одна чукотская мухоморная песня, исполненная Т. П. Тевлянтонану на напев личной песни свекрови Етгэут, приводится в [Шейкин, 2018, с. 176].

Единичные тексты корякских мухоморных песен на национальном языке опубликованы в [Society and Folk Art..., 1998, p. 112–113]. Перевод этих песен на русский язык приводит Е. П. Батьянова: «Я мухомор поела, чтобы хорошо все жили. Хорошенько приду в себя, просыпаюсь, прихожу в себя. Просыпаюсь, чтобы в селении никто не болел, хорошо жили», «Я мухомор наелся, олени чтобы хорошо жили, чтобы хорошо и оленига выросли» [Батьянова, 2001, с. 74]. Э. Кастен приводит английский и русский переводы текста корякской мухоморной песни, записанной от Е. Н. Шмагиной в 2001 г.: «Я под мухомором, я под мухомором, я по тундре, по тундре иду, также эту мелодию по тундре напеваю» [Родовые мелодии..., 2016, с. 45].

Аудиозаписи мухоморных песен коряков производились в 1976 г. композитором и фольклористом И. А. Богдановым-Бродским в совместной экспедиции с фольклористом Е. М. Мелетинским, о чем имеется упоминание в книге последнего [Мелетинский, 1979, с. 87], однако сами песни не опубликованы [Тирон, 2019]. И. А. Бродский пишет о «мухоморных», «хмельных» и «сновиденевых» песнях, которые создаются и исполняются «соответственно в состоянии наркотической одурманенности, ритуальных охмеленности и сна» [1976, с. 252] северными народами анкальынско-эскимосской, нымылан-анкальынской, керекско-алеутской, курильско-ительменской и нивхской и других этномузыкальных общностей.

Материалом для настоящего исследования являются полевые материалы, собранные в Комплексных фольклорных экспедициях 1991 (рук. Ю. И. Шейкин), 2004 гг. (рук. А. А. Мальцева), и некоторые камчатские записи П. Сиирала 2008 г. (см. [Шейкин, 1991; Сиирала, 2008], см. также [Мальцева, Солдатова, 2004; Сагалаев, 2022]). Эти мухоморные песни исполнены нымыланами¹, уроженцами с. Анапка и Карага Карагинского района Д. А. Мулинаут, И. С. Поповой, В. Н. Чечулиным, Е. И. Чечулиной и уроженцами с. Вывенка Олюторского района А. Е. Мулитка и Л. М. Хутыгиргиной. Расшифровка и перевод текстов выполнены Т. А. Голованевой совместно с Л. И. Чечулиной (коллекция 1991 г.) и М. Н. Аммиком (коллекция 2004 г.). Нотация песен осуществлена Е. Л. Тирон. В 2019 г. Т. А. Голованевой и Е. Л. Тирон было проведено интервью на тему личных и мухоморных песен с современными носителями традиции Л. И. Чечулиной, В. М. Нутаюлгиным и И. Н. Меваннаут, уроженцами Карагинского и Олюторского районов.

Взаимодействие человека с мухоморами в традиционной культуре коряков довольно регламентировано: «правила общения с мухомором, отличаясь в разных локальных и родственных группах, все же имели много схожего. На всех этапах (от собирания до принятия) это общение представляло определенный ритуал, в котором священный статус мухомора определялся системой запретов и предписаний» [Батьянова, 2001, с. 76]. Мухоморы всегда искали молча, но когда находили, то обязательно исполняли радостную песню (Чечулина, 2019).

¹ У коряков-чавчуленов также распространена традиция употребления мухоморов и исполнения мухоморных песен.

Редкая запись песни, исполняемой при обнаружении мухомора, сделана Ю. И. Шейкиным от нымылана В. Н. Чечулина, который начинает ее с комментария: «встречать мухоморы нужно с хорошим настроением и с песней, и даже подтанцовывать». Обязательным условием общения с мухоморами было хорошее расположение духа. «Считалось, что злым людям вообще нельзя общаться с мухомором, так как такой союз может стать причиной массовых несчастий» [Батьянова, 2001, с. 76]. Мухомор «выпрыгивал» из земли только перед хорошими людьми в качестве своеобразного подарка (Шейкин, 2004).

На сеансе записи перед исполнением песни В. Н. Чечулин попросил собирателя произнести «*ва'йыту в'апаџав'!*» / 'да вот же мухоморы!' Для подчеркивания радостного настроения в тексте песни используется возглас детской радости *ики-ки*, реализуемый повторяющейся ритмической формулой из двух кратких и одной долгой длительности.

Пример 1. Фрагмент песни, исполняемой при обнаружении мухомора. Исполняет Василий Николаевич Чечулин (Ныкликка; род. в 1939 г. в с. Анапка Карагинского р-на). Запись 1991 г.

АТМ НГК², 12.172.А089, № 337

Example 1. Fragment of song performed when a fly agaric is detected. Performed by Vasily Nikolaevich Chechulin (Nyklikka; born in 1939 in Anapka, Karaginsky district). Recording 1991. ATM NGK, 12.172.A089, no. 337

И - ки - ки, в'а - па - џа - в'и га - ла - г'о - (г'о) - ла - џ!

И - ки - ки, и - ки - ки!

И - ки - ки, в'а - паџ га - ла - г'о - ляџ!

Тыта - ну - џы - на - в'и - г'а!

Ики-ки, в'апаџав'и галаг'олаџ!
Ики-ки, ики-ки!
Ики-ки, в'апаџ галаг'олаџ!
Тытануџнав'и-г'а!

Ики-ки, мухоморы нашли!
Ики-ки, ики-ки!
Ики-ки, мухомор нашли!
Ох, как хочу скушать их!

Коряки мухомор использовали как средство для поднятия настроения: «человек поет и пляшет, часто раздражается громкими взрывами смеха без всякой оче-

² Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки.

видной причины, вообще находится в состоянии шумной веселости» [Богораз, 1991, с. 140]. По сведениям современных носителей традиции, мухоморное состояние действительно побуждает разговаривать, петь и танцевать. Употребляли мухомор и для усиления творческого вдохновения при сочинении личной песни: «некоторые интересные данные о культе мухоморов... и о “мухоморных людях” удалось получить нам с И. А. Бродским во время экспедиции к корякам летом 1976 г. Поедание мухоморов... предшествовало сочинению обязательной для каждого личной песни» [Мелетинский, 1979, с. 87]. По традиционным воззрениям чукчей, мифические мухоморы учат людей исполнять мухоморные песни [Шейкин, 2018, с. 78].

Обратимся к корякской национальной терминологии, относящейся к мухоморным песням. Слово мухомор по-корякски *в'анаџ*, однако термин, обозначающий ‘мухоморного опьянения песню’ – *лылалъатџулиџул*³ (дословно ‘грезить / видеть галлюцинации=песня’). Слово *лалъ* производно от корня *lala-*, означающего «состояние наркотического опьянения, которое связано с употреблением мухоморов», и омонимичного основе *lala-* ‘глаз’, которая отражает «представления о зрительных галлюцинациях, обычно сопровождающих мухоморное опьянение» [Голованева, Мальцева, 2015, с. 96]. Современные коряки сравнивают зрительные галлюцинации с просмотром телевизора⁴. По отношению к мухоморным песням могут употребляться также термины *лылалъатанаџтан* (*анаџтак* ‘петь, шаманить’) и *лылалъатгыран* (*гыранык* ‘петь; прийти сверху, спуститься, скатиться’) (Чечулина, 2019).

При исполнении песен в мухоморном опьянении коряки используют напевы своих личных песен или личных песен предков [Тиرون, 2020]. Считается, что «мухоморы могут просить намухоморенного исполнить чью-то личную песню, а свою-то обязательно поют» (Меваннаут, 2019).

Относительно различий песни, исполненной в нормальном состоянии или в мухоморном опьянении, мнения современных носителей традиции расходятся. Так, Л. И. Чечулина свидетельствовала о том, что мелодии мухоморных песен те же, что и у личных песен, однако «под мухомором силы много, более мощно поют, голоса громче, вся душа поет» (Чечулина, 2019). И. Н. Меваннаут считает, что «мухоморные песни не отличаются ничем от песен в обычном состоянии, нормально поют. Всё так же, как в обычном состоянии» (Меваннаут, 2019). В. М. Нутаюлгин говорил, что «под нос себе поют, внутри как-то» (Нутаюлгин, 2019). По-видимому, характер исполнения напрямую связан с особенностями личности намухоморенного человека и степенью воздействия на него мухоморного опьянения.

В 2004 г. на месте традиционной рыбалки в окрестностях с. Вывенка зафиксировано реальное употребление мухоморов, после которого Д. А. Мулинаут с родственницами длительное время исполняла песни с танцами, рассказывала предания и сказки. Д. А. Мулинаут в момент записи являлась старейшей носительницей и знатоком нымланского фольклора и языка, признанной обладательницей шаманских способностей. В мухоморном состоянии она исполняла большое количество личных песен. Для изучения мухоморных песен были отобраны лишь те из них, тексты которых можно интерпретировать в специфическом контексте. Одна

³ Впервые в музыковедческой литературе этот термин приводится в [Шейкин, 1996, с. 73].

⁴ См., Т. Уркачан в фильме «Песня мухомора», основанном на видеоматериалах микологической экспедиции 1995 г. URL: <https://youtu.be/DrPx6-mCHxU>.

из них – личная песня ее мужа Мэниткана, о чем было традиционно указано до начала пения.

Пример 2. Фрагменты мухоморной песни (личной песни Мэниткана). Исполняет Дарья Андреевна Мулинаут (Муллы-жав'ыт; род. в 1918 г. в с. Анапка Карагинского р-на, проживала в с. Вывенка Олюторского р-на). Запись 2004 г. ИФЛ⁵, 15.072, № В65

Example 2. Fragments of a fly agaric song (Manitkan's personal song). Performed by Daria Andreevna Mulinaut (Mullahav'yt; born in 1918 in Anapka, Karaginsky district, she lived in the village of Vyvenka, Olyutorsky district). recording 2004 IFL, 15.072, no. V65

1	«Оуа,	«Она,
2	Мэжиткажын жавакык!»	Мэниткана дочь!»
	[...]	
14	Ажа, Маңылжунжав мылавы...	Ана, Манылкунав танцу...
15	...ткон! «Таныкряжин жавакык!»	...ет! «Таныкрянына дочь!»
16	Ажа, э, галлалъяллин!	Ана, э, намухоморилась!
17	«На-жа, Таныкряжин жавакык!»	«На-на, Таныкрянына дочь!»

⁵ Архив сектора фольклора Института филологии СО РАН.

В 2008 г. от Дарьи Андреевны был записан вариант этой же песни, исполненной в обычном состоянии (Сиирала, 2008). Наличие этих вариантов записи позволяет провести сравнительное исследование песни, исполненной в мухоморном состоянии и без него. Мелодическая основа двух вариантов песни одина, но текст различный, что говорит об его импровизационной природе. Вместе с тем имеется и общий текст, который, по-видимому, и составляет основу личной песни. В этой части упоминаются имена предков Мэниткана, Тынакъява и Таныкрынына⁶ и их потомки-дочери в мухоморной песне и сыновья в личной песне. Сравнение двух вариантов выявило в мухоморной песне два плана: текст личной песни Мэниткана и текст, который произносит исполнительница от своего лица, описывая себя и свое настоящее окружение, ситуацию исполнения мухоморной песни с танцем женщин.

Напев состоит из двух мелодических ячеек: распевной и базовой (далее – РМЯ и БМЯ). РМЯ основана на распевных словах *оуа, ауа* и включает долгие длительности (четверти, половинные и более крупные). Главной для нее является заключительная интонация восходящей секунды *g-a*, стабильной, несмотря на довольно значительное варьирование продолжительности ячейки. В начале песни РМЯ довольно широко развернута, занимает целую строку, но затем она выражается всё более кратко и лаконично и становится частью мелодической строки, объединяясь с БМЯ. В записи личной песни Мэниткана 2008 г. строки 1, 2, 4 и 5 начинаются кратким вариантом РМЯ, но в 3-й и 6-й строках РМЯ реализуется более продолжительными вариантами, распространяющимися на всю строку.

БМЯ несет основной смысловой текст, ритмизованный восьмыми и четвертями (хотя более долгие распевы также имеются). Для нее характерно многократное повторение сначала верхней ступени *a*, а затем нижней *g*, т. е. здесь главенствует интонация нисходящей секунды к основному тону.

Базовое слоговое наполнение строк личной песни БМЯ – от 6-ти до 8-ми слогов, но преобладают 7-сложные структуры⁷. В мухоморной песне текст личной песни Мэниткана обособляется посредством изосиллабизма 7-сложных строк. Все другие структуры (5-, 6-, 8-сложные) используются в тех строках, где описывается ситуация исполнения песни.

Обратим внимание на реализацию случая словообрыва (*мылавы...ткон*), который приходится на стык мелодических строк. Здесь происходит несовпадение словесного и мелодического плана песни, проявляется континуальность структур. Подобные явления отмечаются при исполнении личных песен у других народов. Так, у ненцев «большим художественным достижением считалось уметь петь так, чтобы строчки сливались воедино» [Ojamaa, Ross, 2012, p. 172], поскольку, по их мнению, именно непрерывное пение достигает духов. Окончание слова на следующей мелостроке появляется в РМЯ, а не в БМЯ, как предполагалось. Разрыв произошел, по-видимому, потому что исполнительница уже реализовала 7-сложную структуру стиха, а конец слова (*-ткон(a)*) созвучен междометию *оуа*, характерному для РМЯ.

⁶ В личной песне отца, записанной от Д. А. Мулинаут в 2008 г. П. Сиирала, упоминаются эти же имена и некоторые другие в качестве предков отца.

⁷ Для выявления структуры строки мы использовали следующие процедуры: суммирование времени распевов, в том числе с выделенным повторением гласной в середине слова (например, *альванюта(г'а)явыу*); не учитывались огласовки согласных (например, *уавакык(a)*).

В тексте еще одной мухоморной песни Д. А. Мулинаут появляется укор ее покойного брата Равивилина (рус. имя Леонид) к собственной дочери, которая отравила его в иной мир без куртки. Этот текст является своеобразным указанием «передать» верхнюю одежду через сожжение. Напев данной песни одностроичный, основа мелодического устройства приходится на текстовую часть строки и включает нисходящее движение. Последний слог БМЯ всегда реализуется продолжительным восходящим распевом, сопоставимым по времени с основной частью. В срединных (3–5) строках перед текстовой частью напева появляется второстепенная РМЯ, в которой вокализируются распевные слоги. Ее мелодия основана на восходящем движении от нижней к верхней ступени лада. Такая же интонация характерна и для распева последнего слога БМЯ. Базовая структура стиха песни включает от 6-ти до 8-ми слогов. Интересно, что даже повтор текстовых строк в первых четырех строках реализуется неповторяющимися слогоритмическими вариантами.

Пример 3. Мухоморная песня (личная песня Равивилина).

Исполняет Д. А. Мулинаут. Запись 2004. ИФЛ, 15.072, № В70

Example 3. Fly agaric song (Ravelin's personal song). Performed by D. A. Mulinaut. Recording 2004. IFL, 15.072, no. V70

1	Рав'ив'ильыннин жавакык!	Равивилина дочь!
2	Рав'ив'ильыннин жавакык!	Равивилина дочь!
3	А, Рав'ив'ильыннин жавакык!	А, Равивилина дочь!
4	Э, Рав'ив'ильыннин жавакык!	Э, Равивилина дочь!
5	А, Лёня гаяв'в'авлэн,	А, Лёню отправили,
6	Ал акуртка гайыллин!	Куртку не дали!

В личной песне мужа Мулиткана, исполненной А. Е. Мулитка в качестве мухоморной песни, дважды используется прямая речь, характерная для текстов личных песен [Тиرون, 2021]. В первом случае это призыв Мулиткана к женщинам (возможно, к женщинам-мухоморам): «Ну-ка, женщины, выходите, Ох и оттанцуйте!» (строки 5–6). Во втором случае прямая речь передает обращение Мулиткана к Ыбылнаву, по-видимому, являющемуся проснувшимся напарником по мухоморному путешествию: «Тот самый дружок, Где Ыбылнав? Проснулся Ыбылнав?» (строки 13–15).

В тексте имеется текстовый рефрен *галлялиу галыллялин*, появляющийся шесть раз (в 1, 4, 7, 10, 12, 16-й строках). В мелодическом плане он почти точно реализуется в четырех из них (4, 10, 12, 16), а в двух других (1 и 7) он отличен и выделен тремолированием. Мелодическое устройство песни включает две МЯ. Первая МЯ основана на повторяющемся основном мелодическом тоне *f* и вспомогательной и конечной ступени *es* (строки 1–4, 7–8, 10–12, 15–16), во второй МЯ основным мелодическим тоном является многократно повторяемая вершина лада *as / a*, а *f* или *es* являются вспомогательными ступенями (строки 5, 6, 9, 13–14). Вторая МЯ нестрога, но всё же соотносится с прямой речью Мулиткана, которая явно выделяется в строках 5, 6, 8, 9, 13–15. Тритоновость звукоряда вносит яркую интонационность в первую половину песни. Начальный звукоряд *es-f-g-a* во второй половине песни переходит в *(c-d)-es-f-(ges) / g-as*. Отметим также большую зонность ступеней и транспонирование основной высоты лада в середине песни.

Когда в тексте речь идет о намухоморившемся Мулиткане (строки 1–4, 7, 10–12), ее можно интерпретировать двояко: либо как пение Мулиткана о своем состоянии через уста исполнительницы (тогда это также прямая речь), либо как воспоминание исполнительницы о Мулиткане. При любом варианте этот текст по содержанию отличается от того, что появляется со второй МЯ, где имеется обращение Мулиткана к другим людям: к танцующим женщинам и к Ыбылнаву.

Пример 4. Фрагмент мухоморной песни (личной песни Мулиткана). Исполняет Анна Егоровна Мулитка (1926 г. р., с. Вывенка Олюторского р-на.). Запись 2004. ИФЛ, 15.065, № В5

Example 4. A fragment of a fly agaric song (Mulitkan's personal song). Performed by Anna Egorovna Ulitka (born in 1926, Vuyvenka, Olyutorsky district). Recording 2004. IFL, 15.065, no. V5

Гал - ля - ли - н(о) го - льял - ля - ли - н(ы)...

...Мул - лит - ко - н(а) ца - ля - вол!

А, ца - вы - нэн кы - ми - нон

Гал - ля - ли - н(о) го - (л)-лял - ля - лин:

5 4,0
«Ток, на - вы - сы - сы, сыну - ту - ля - ток,
6 3,9
Коф, мы-ны - мы - ля - ва - (г'а) - сил - ля - мок!»

1	Галлялиң галыллялиң...	Намухоморился намухоморившийся
2	...Муллиткаң ылавоһ!	Муллиткан муж!
3	А, навынэн кымыңын	А, женщины сын
4	Галлялиң галыллялиң:	Намухоморился намухоморившись [поет]:
5	«Ток, навысысы, сынтулатык,	«Ну-ка, женщины, выходите,
6	Коф, мынымылявасилламык!»	Ох и оттанцуем!»

Базовое слоговое наполнение строк данной песни основано на 6- и 7-сложных структурах. Преобладают строки из двух слов. Текстовый рефрен *галлялиң галыллялиң* приходится на 7-сложные строки 1, 4, 7, 12 и 16. Его вариантом является расширенная до одиннадцати слогов 10-я строка *Г'эзэв'нутык, галлялиң галыллялиң...* Трехсложная 8-я строка – это укороченный вариант 9-й шестисложной строки, в начале базового текста которой повторяется слово *тумгапель*. На шести- (2, 3, 9, 11, 13–15) и восьмисложные (5, 6) строки приходится текст прямой речи, а также характеристика самого Мулиткана как мужа и сына. Ритмически и звуковосотно наиболее выделены 8-сложные строки, в которых появляется призыв к танцу.

Отметим, что соответствия мелодических ячеек определенному слоговому составу строк отсутствует, что говорит об относительной автономности текста и музыки. Исключение касается слов текстового рефрена, который всегда соотносится с первой МЯ.

Метроритмически основным является трехдольное движение, нарушаемое на границах некоторых строк (5–6, 9–10, 11–12). Вместо ожидаемой слабой третьей доли появляется акцентная доля первой восьмой из четырех. Такой же прием используется в середине строк 1 и 7. Переход с трехдольности на двудольность вносит синкопированность в ритмическое устройство напева.

Личная песня Кутыгырнына записана от его жены Л. М. Хутыгыргиной. Текст песни построен аналогично личной песне: на воспевании себя как мужчины, уроженца Вывенки и каюра. Только в первой фразе имеется характерный для мухоморных песен текст, констатирующий особое состояние: «Вывенский намухоморился!». Однострочный напев песни довольно продолжителен (строки 1, 5, 6, 8–10 – по 10–11 с, строки 2–4, 7 и 11 – по 5–7 с) и содержит большое количество распевов, приходящихся в основном на предпоследний слог строки.

Пример 5. Фрагмент мухоморной песни (личной песни Кутыгырнына). Исполняет Лидия Михайловна Хутыгыргина (1935 г. р., с. Вывенка Олюторского р-на.). Запись 2004. ИФЛ, 15.067, № В30

Example 5. A fragment of a fly agaric song (Kutygyrny'n's personal song). Performed by Lidiya Mikhailovna Khutygirgina (born in 1935, Vyvenka, Olyutorsky district). Recording 2004. IFL, 15.067, no. V30

Музыкальный фрагмент в нотной записи с русскими буквами под нотами. Темп 193. Динамика V. Маршруты: V10,1; V6,7; V6,5; V7,5; V10,4; V11,5.

1	В'ив'нылын галлалгаллиң!	«Вывенский намухоморился!
2	В'ив'нылын гаменгаллен!	Вывенский вырос!
3	Ҥэ-ҥа-ҥа, в'ив'ныльу!	Ҥэ-на-на, вывенский!
4	Эҥа!	Эна!
5	В'ыв'ныг'уля, эҥа! Оҥа!	Вывенский мужчина, эна! Она!
6	В'ыв'ныг'уля, эҥ!	Вывенский мужчина, эн!

Исполнение мухоморных песен карагинских нымыланов И. С. Поповой и Е. И. Чечулиной осуществлено по просьбе собирателя продемонстрировать данную традицию (без реального употребления мухоморов). Одна из мухоморных песен Е. И. Чечулиной представлена в нашей более ранней публикации [Тирон, 2021]. Рассмотрим другую ее мухоморную песню, в которой используется личная песня Кусьыҥав. В тексте песни описываются мухоморные видения: в доме появляется злой дух *нинвит*, представляющий угрозу для детей, а женщина, находящаяся в мухоморном состоянии, далеко и высоко летает. Интересно, что имя *Кусьыҥав* переводится как 'оберег для детей'.

Пение при появлении злого духа зафиксировано у многих народов Сибири. А. В. Никольский упоминает якутский жанр *мэнэрик ырыата* 'crazy song', когда при появлении в углу юрты злого духа *абааса* старик начинает кричать от страха, петь в возбужденной манере песню злого духа, чтобы его выгнать, переходить на речитативную речь – диалог со злым духом, использовать тремолирующие напевы, спонтанные хлопки, впадать в состояние одержимости [Nikolsky et al., 2020].

Ладовое устройство мухоморной песни Е. И. Чечулиной характеризуется наличием в звукоряде «плавающих» ступеней с довольно широкой зонностью. Такое постепенное формирование свойственно «раскрывающимся ладам» ранне-фольклорного интонирования⁸. Структура напева двухстрочна: в первой строке мелодия имеет рисунок нисходящей волны от верхней ступени к возвращению к ней, затрагивая все ступени лада; во второй строке мелодический рисунок имеет контур восходящей волны с финалисом на нижней ступени напева. Выделяется также продолжительный распев последнего слога смысловесущего текста в первых строках строф. В 3-й и 7-й строках перед основной мелодией появляется распев дополнительного распевого *a*.

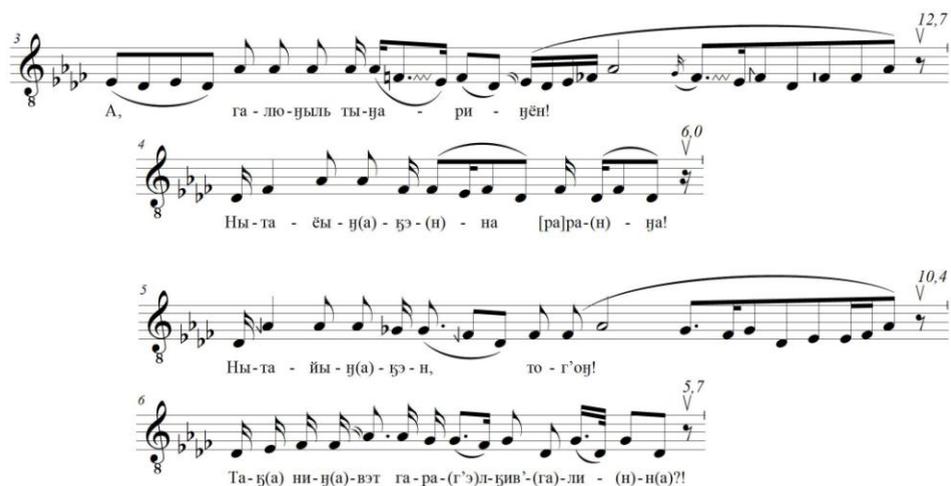
В пении используются многочисленные огласовки согласных *p* (*ры*), *л* (*лю*, *ля*), *у* (*на*), *ь* (*жа*). Особенным тембровым приемом для корякского интонирования является использование распева начального согласного в слоге, который возникает на долю раньше, а затем повторяется с гласной в следующем слоге (см. *-(в)-ва* в 1-й строке, *-(н)-на* в четных строках). Также отметим появление вставных слогов (*г'э*, *га*) в середине слов (в строках 6 и 7). Из-за использования приемов огласовки согласных, продолжительных распевов в начале и в конце строк, равносложность текста уловить достаточно сложно, однако в качестве базовой структуры стиха укажем на 7-сложник, который появляется в пяти строках (1, 2, 4, 6 и 8) из восьми. Кроме того, имеются 5-сложные (5 и 7) и 6-сложные (3) строки.

Пример 6. Фрагмент мухоморной песни (личной песни Кусынава). Исполняет Екатерина Ивановна Чечулина (В'алят; род. в. 1938 г. в с. Анапка Карагинского р-на). Запись 1991 г. АТМ НГК, 12.168.А89, № 227

Example 6. A fragment of a fly agaric song (Kusynav's personal song). Performed by Ekaterina Ivanovna Chechulina (V'alyat; born in 1938 in Anapka, Karaginsky district). Recording 1991. АТМ NGK, 12.168.А89, no. 227

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух строк нот. Темп обозначен как $\text{♩} = 126$. Первая строка начинается с метки '1' и имеет динамическое обозначение '11.1'. Вторая строка начинается с метки '2' и имеет динамическое обозначение '5,9'. Под нотами приведены русские транслитерированные слова: 'Бусь - ы-яв' мын - ня - (в) - ва - лон:' и '«Гы-р(ы)-гы-л(я) ма - л(я) - жа на - жа - н - н - жа.

⁸ Алексеев Э. Е. Якутские народные песни: Становление лада: Электронная версия книги «Проблемы формирования лада». М., 1976. (<http://eduard.alekseyev.org/pfl/chapter1.html>).

3
8
А, га-лю-һыль ты-һа - ри - һен! 12,7

4
8
Һы-та - Һы - һ(а) - Һэ - (һ) - на [ра]ра-(һ) - Һа! 6,0

5
8
Һы-та - йы - һ(а) - Һэ - һ, то - г'оһ! 10,4

6
8
Та- һ(а) һи- һ(а)-вэт га-ра-(г'э)л-Һив'-(га)-ли - (һ)-һ(а)?! 5,7

1	Җусьыңав' мынъявалын:	Кусьынав исполним [песню]:
2	«Гыргул малҗа паҗанҗа.	«Высоко, далеко намухоморившаяся женщина!
3	А, галһыл тыҗариңын!	А, повсюду растущие детки!
4	Һытайыңһэн [ра]раҗа!	Нельзя [входить] в дом [нинвиту]!

В тексте мухоморной песни И. С. Поповой, основанной на личной песне ее матери М. П. Поповой, воспевается намухоморенная, поющая и танцующая женщина, баюкающая детей. Отметим традиционный для мухоморных песен прерывающий пение речевой диалог исполнительницы и находящегося рядом с ней человека: «Точно я намухоморилась?» «Точно, ты намухоморилась!» Он необходим для уточнения реальности или воображаемости видений, чтобы вернуться из мухоморного путешествия в иной мир [Батьянова, 2001].

Отметим обилие и продолжительность распевов в середине слова, часто с многократно повторяющимся слогом, словообрывы с переносом окончания слова на следующую мелодическую строку (см. строки 1–2). Напев песни двухстрочный с чередованием финальных ступеней *g* и *a*. Однако в процессе исполнения строки могут сливаться в единый поток распевов (строки 9–10). В основе широкообъемного лада характерный тритоновый звукоряд с широкой зонностью ступеней (*d / dis*) / *e / (f)-(fis)* / *g-a-h-(c)* / *cis-d*.

Пример 7. Фрагмент мухоморной песни (личной песни М. П. Поповой). Исполняет Ирина Спиридоновна Попова (Кала; род. в 1937 г. в с. Карага Карагинского р-на). Запись 1991 г. АТМ НГК, 12.168.А89, № 226

Example 7. A fragment of a fly agaric song (a personal song by M. P. Popova). Performed by Irina Spiridonovna Popova (Kala; born in 1937 in Karaga, Karaginsky district). Recording 1991. АТМ NGK, 12.168.А89, no. 226

Am - нэ - жа - жа - в'ли...-(в' - ли...
 ...э) - - - жа) га - (л) - ла - л - ла - (л) - лин!
 Э - во - жа-в'в'э), г'э - жо - (н) - жа - э...
 ...э - - - жа) г'э - жа - г'э) - ин,

Амнэжажав'ли...ж
 Галыллялин!
 Эвың, г'эңың
 Г'эңың,

Поющая
 Намухоморилась!
 Баюкающая, поющая
 Поет,

В заключение следует отметить, что в статье дается лишь первое приближение к теме мухоморных песен коряков. На основе анализа нескольких образцов, записанных от коряков-нымыланов, представлена попытка охарактеризовать мелодическое и ладовое строение напевов, а также рассмотреть устройство системы стихосложения песен.

В качестве смысловых маркеров мухоморных песен укажем на следующие:

- 1) констатация мухоморного состояния автора личной песни, которая во всех приведенных образцах звучит из уст его потомка;
- 2) необходимость подтверждения мухоморного состояния посредством речевого диалога с наблюдающим человеком в трезвом состоянии;
- 3) сообщение посланий для потомков из иного мира;
- 4) описание ситуации мухоморного танца (реального или мифического);
- 5) описание элементов мухоморного путешествия в иные миры (обязательное наличие напарника, способность видеть духов и др.).

Поскольку мухоморные песни основаны на личных песнях, то в них используются напевы и тексты песен предков. Песни мужчин характеризуют основные их качества – быть каором, мужем, сыном матери, иметь потомков; песни женщин подчеркивают материнскую роль баюкающей женщины, предназначение

оберегать детей, быть дочерью отца / предков. Частым является подчеркивание принадлежности к определенному территориальному локусу (в двух рассмотренных текстах упоминается Вывенка).

Рассматривать ли мухоморные песни как особый жанр корякского музыкального фольклора или это тематическая разновидность жанра личных песен? Относить ли песни, исполненные в состоянии мухоморного опьянения, в текстах которых отсутствует мухоморная тематика, к мухоморным песням? Для решения этих вопросов необходимо привлечение материала большего объема. Продуктивным для изучения было бы также обнаружение некоторого количества образцов личных песен, исполненных в обычном и мухоморном состоянии.

Интересны также особые песни, исполняемые при встрече / сборе мухоморов. По-видимому, они не связаны с традицией личных песен и представляют собой песни-танцы радостного характера.

В целом мухоморные песни коряков – это особый тип личных песен коряков, в котором проявляются представления о существовании мифического племени танцующих женщин-мухоморов, о связи миров живых и ушедших людей. Изучение мухоморных песен позволит глубже познать мировоззрение коряков и феномен личной песни, широко распространенный у народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

Батьянова Е. П. Мухомор в лечебной и обрядовой практике народов Сибири // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: Материалы Международного конгресса. М.: ИЭА РАН, 2001. С. 69–81.

Богданов И. А. Хантыйская и мансийская музыка // Музыкальная энциклопедия / Гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1981. Т. 5. Стб. 1025–1028.

Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 224 с.

Бродский И. А. К изучению музыки народов Севера РСФСР // Традиционное и современное народное музыкальное творчество: Сб. тр. М., 1976. Вып. 29. С. 244–257.

Голованева Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Гео, 2015. 172 с.

Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки: петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971. 131 с.

Мазур О. В., Солдатова Г. Е. Обские угры // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Новосибирск, 1997. Т. 1, кн. 1. С. 17–61.

Мальцева А. А., Солдатова Г. Е. Фольклорно-этнографическая экспедиция на Камчатку // Сибирский филологический журнал. 2004. № 3–4. С. 137–140.

Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М.: Наука, 1979. 229 с.

Родовые мелодии и танцы коряков-нымыланов с. Лесная, Камчатка / Сост. Э. Кастен. Фюрстенберг, 2016. 160 с. (Серия «Языки и культуры народов Дальнего Востока России»)

Сагалаев К. А. Ритуальное употребление мухоморов у современных коряков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 3 (37). С. 142–148.

Сильвет Х. О мухоморной песне обских угров // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: Тез. докл. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. С. 134–135.

Тирон Е. Л. Песенный фольклор коряков в записях и публикациях: историография и перспективы этномузыковедческого изучения // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 9–25.

Тирон Е. Л. Личные песни коряков: представления современных носителей традиции // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 36–48. DOI 10.17223/18137083/70/2

Тирон Е. Л. Песни нымыланки В'алят (по материалам Комплексной экспедиции 1991 года) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 22–37. DOI 10.17223/18137083/76/2

Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996. 123 с.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Шейкин Ю. И. Музыкальная культура чукчей / Отв. ред. О. Э. Добжанская, Т. И. Игнатьева. Новосибирск: Наука, 2018. 208 с.

Discovering Siberia: Song of the Forest Nenets: CD / Ed. T. Ojamaa. [Tartu]: Estonian Literary Museum, 2002.

Kaur M., Toulouze E. On Forest Nenets Shaman Songs // *Ethnographica et folkloristica carpathica: Mental Spaces and Ritual Traditions. An International Festschrift to commemorate the 60th birthday of Mihály Hoppál.* 2002, pp. 413–431.

Nikolsky A., Alekseyev E., Alekseev I., Dyakonova V. The Overlooked Tradition of “Personal Music” and Its Place in the Evolution of Music // *Frontiers in Psychology.* 2020. Vol. 10. 3051. DOI 10.3389/fpsyg.2019.03051

Ojamaa T., Ross J. The perceived structure of Forest Nenets songs: A cross-cultural case study // *Psychomusicology: Music, Mind and Brain.* 2011. No. 21 (1–2). P. 159–175. DOI 10.1037/h0094010

Saar M. Ethnomycological data from Siberia and North-East Asia on the effect of *Amanita Muscaria* // *Journal of Ethnopharmacology.* 1991. No. 31. P. 157–173.

Society and Folk Art of Indigenous Peoples in Kamchatka Region. Center for Language Studies, Otaru University of Commerce. March 31. 1998.

Список источников

Меваннаут, 2019 – Полевое интервью с Ироидой Николаевной Меваннаут (Мевануав'ыт; род. в 1948 г. в с. Рекинники Карагинского р-на) Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон в 2019 г. в г. Петропавловск-Камчатский.

Нутаюлгин, 2019 – Полевое интервью с Владимиром Михайловичем Нутаюлгиным (Нутаюлгын; род. в 1964 г. в с. Вывенка Олюторского р-на) Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон в 2019 г. в г. Петропавловск-Камчатский.

Сиирала, 2008 – Материалы камчатской экспедиции П. Сиирала 2008 г.

Чечулина, 2019 – Полевое интервью с Лидией Иннокентьевной Чечулиной (Ѓывнютажав'; род. в 1957 г. в с. Анапка Карагинского р-на) Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон в 2019 г. в г. Петропавловск-Камчатский.

Шейкин, 1991 – Полевой дневник Ю. И. Шейкина из КФЭ на Камчатку 1991 г. Цифровая копия архива сектора фольклора ИФЛ СО РАН.

Шейкин, 2004 – ГТРК Саха, радиопередача «Голоса тундры и тайги: коряки» от 15.10.2004.

References

Bat'yanova E. P. Mukhomor v lechebnoy i obryadovoy praktike narodov Sibiri [Fly agaric in the healing and ritual practice of the peoples of Siberia]. In: *Shamanizm i inye traditsionnye verovaniya i praktiki: Materialy Mezhdunar. kongressa* [Shamanism and other traditional beliefs and practices: Materials of the Intern. Congress]. Moscow, IEA RAN, 2001, pp. 69–81.

Bogdanov I. A. Khantyyskaya i mansiyskaya muzyka [Khanty and Mansi music]. In: *Muzykal'naya entsiklopediya* [Musical encyclopedia]. Yu. V. Keldysh (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1981, vol. 5, cols. 1025–1028.

Bogoraz V. G. *Material'naya kul'tura chukchey* [Material culture of the Chukchi]. Moscow, Nauka, 1991, 224 p.

Brodskiy I. A. K izucheniyu muzyki narodov Severa RSFSR [To the study of music of the peoples of the North of the RSFSR]. In: *Traditsionnoe i sovremennoe narodnoe muzykal'noe tvorchestvo: Sb. trudov* [Traditional and modern folk music creativity: Coll. of works]. Moscow, 1976, iss. 29, pp. 244–257.

Dikov N. N. *Naskal'nye zagadki drevney Chukotki: Petroglify Pegtymelya* [Rock riddles of ancient Chukotka: Petroglyphs of Pegtymel]. Moscow, Nauka, 1971, 131 p.

Discovering Siberia: Song of the Forest Nenets: CD. T. Ojamaa. (Ed.). Tartu, Estonian Literary Museum, 2002.

Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. *Golosa koryakskoy kul'tury: Liliya Aymyk* [Voices of the Koryak culture: Lilia Aimy]. Novosibirsk, Geo, 2015, 172 p.

Kaur M., Toulouze E. On Forest Nenets Shaman Songs. In: *Ethnographica et folkloristica carpathica: Mental Spaces and Ritual Traditions. An International Festschrift to commemorate the 60th birthday of Mihály Hoppál*. 2002, pp. 413–431.

Mal'tseva A. A., Soldatova G. E. Fol'klorno-etnograficheskaya ekspeditsiya na Kamchatku [Folklore and ethnographic expedition to Kamchatka]. *Siberian Journal of Philology*. 2004, no. 3–4, pp. 137–140.

Meletinskiy E. M. *Paleoaziatskiy mifologicheskiy epos: Tsikl Vorona* [Paleoasiatic mythological epic: The Raven Cycle]. Moscow, Nauka, 1979, 229 p.

Mazur O. V., Soldatova G. E. Obskie ugry [Ob Ugrians]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: V 3 t.* [Musical culture of Siberia: In 3 vols.]. Novosibirsk, 1997, vol. 1, bk. 1, pp. 17–61.

Nikolsky A., Alekseyev E., Alekseev I., Dyakonova V. The Overlooked Tradition of “Personal Music” and Its Place in the Evolution of Music. *Frontiers in Psychology*. 2020, vol. 10, 3051. DOI 10.3389/fpsyg.2019.03051

Ojamaa T., Ross J. The perceived structure of Forest Nenets songs: A cross-cultural case study. *Psychomusicology: Music, Mind and Brain*. 2011, no. 21 (1–2), pp. 159–175. DOI 10.1037/h0094010

Rodovye melodii i tantsy koryakov-nymylanov s. Lesnaya, Kamchatka [Generic melodies and dances of the Koryak-Nymylans of Lesnaya, Kamchatka]. E. Kasten (Comp.). Fyurstenberg, 2016, 160 p. (Series: Yazyki i kul'tury narodov Dal'nego Vostoka Rossii [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]).

Saar M. Ethnomycological data from Siberia and North-East Asia on the effect of *Amanita Muscaria*. *Journal of Ethnopharmacology*. 1991, no. 31, pp. 157–173.

Sagalaev K. A. Ritual'noe upotreblenie mukhomorov u sovremennykh koryakov [Ritual use of fly agarics among modern Koryaks]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2022, no. 3 (37), pp. 142–148. DOI 10.23951/2307-6119-2022-3-142-148.

Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of musical culture of the peoples of Siberia: Comparative historical research]. Moscow, Vost. lit., 2002, 718 p.

Sheykin Yu. I. *Muzykal'naya kul'tura chukchey* [Musical culture of the Chukchi]. O. E. Dobzhanskaya, T. I. Ignat'eva (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2018, 208 p.

Sheykin Yu. I. *Muzykal'naya kul'tura narodov Severnoy Azii* [Musical culture of the peoples of Northern Asia]. Yakutsk, RDNT, 1996, 123 p.

Sil'vet Kh. O mukhomornoy pesne obskikh ugrov [About the fly agaric song of the Ob Ugrians]. In: *Mirovozzrenie narodov Zapadnoy Sibiri po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym: Tez. dokl.* [Worldview of the peoples of Western Siberia according to archaeological and ethnographic data: Abstracts of reports]. Tomsk, TSU Publ., 1985, pp. 134–135.

Society and Folk Art of Indigenous Peoples in Kamchatka Region. Center for Language Studies, Otaru University of Commerce. March 31. 1998.

Tiron E. L. Lichnye pesni koryakov: predstavleniya sovremennykh nositeley traditsii [Personal songs of Koryaks: representations of modern bearers of tradition]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 1, pp. 36–48. DOI 10.17223/18137083/70/2.

Tiron E. L. Pesennyi fol'klor koryakov v zapisyakh i publikatsiyakh: istoriografiya i perspektivy etnomuzykovedcheskogo izucheniya [Song folklore of Koryaks in records and publications: historiography and prospects of ethnomusicological study]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 1, pp. 9–25. DOI 10.17223/18137083/66/1.

Tiron E. L. Pesni nymylanki V'alyat (po materialam Kompleksnoy ekspeditsii 1991 goda) [Songs of the Nymylan woman V'alyat (based on the materials of the Complex Expedition to Kamchatka in 1991)]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 3, pp. 22–37. DOI 10.17223/18137083/76/2.

List of sources

Chechulina, 2019 – Field interview with Lidia Innokentievna Chechulina (Kyvnyutanav'; born in 1957 in Anapka, Karaginsky district) by T. Golovaneva, E. Tiron in 2019 in Petropavlovsk-Kamchatsky.

Mevannaut, 2019 – Field interview with Iroida Nikolaevna Mevannaut (Mevannav'yt; born in 1948 in Rekinniki, Karaginsky district) by T. Golovaneva, E. Tiron in 2019 in Petropavlovsk-Kamchatsky.

Nutayulgin, 2019 – Field interview with Vladimir Mikhailovich Nutayulgin (Nutayulgin; born in 1964 in Vyvenka, Olyutorsky district) by T. Golovaneva, E. Tiron in 2019 in Petropavlovsk-Kamchatsky.

Sheykin, 1991 – Yu. Sheykin's field diary from the KFE to Kamchatka 1991. Digital copy of archive of the Sector of Folklore of the IFL SB RAS.

Sheykin, 2004 – GTRK Sakha, radio program "Voices of tundra and taiga: Koryaks", 10.15.2004.

Информация об авторе

Екатерина Леонидовна Тирон, кандидат искусствоведения
RSCI Author ID 618892

Information about the author

Ekaterina L. Tiron, Candidate of Arts History
RSCI Author ID 618892

*Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 19.01.2023
The article was submitted on 11.01.2023;
approved after reviewing on 19.01.2023; accepted for publication on 19.01.2023*

Научная статья

УДК 82.0(470.621)
DOI 10.17223/18137083/82/3

**Ритуальные приговоры
и импровизированные возгласы-призывы *джегуако*
в контексте свадебной обрядности адыгов
(в рамках корпусных исследований адыгейского языка)**

**Раиса Батмирзовна Унарокова¹
Алла Николаевна Соколова²
Эльза Хамедовна Хакунова³**

¹⁻³ Адыгейский государственный университет
Майкоп, Россия

¹ raya_unarokova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8362-9944>
² professor_sokolova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7992-3902>
³ eliz_khakunova3007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2981-8952>

Аннотация

Рассматриваются две поэтические формы из числа музыкально интонируемых и неинтонируемых жанров свадебного фольклора адыгов: *джэгокло тичъэхэр* 'ритуальные приговоры *джегуако*' и *джэгокло кладжэхэр* 'импровизированные возгласы-призывы *джегуако*'. Проводится систематизация возгласов, показаны субэтнические различия в их использовании. Установлены смысловые и конструктивные формулы, позволяющие транслировать неинтонируемые и музыкально-поэтические возгласы новому поколению. Материалом исследования служат тексты фольклорного подкорпуса лингвистического корпуса адыгейского языка, составленного на основе архивных звукозаписей 1911 и 1913 гг., а также фольклорных текстов, записанные в ходе экспедиционной работы в Республике Адыгея и Турции.

Ключевые слова

адыгский фольклор, ритуальные приговоры *джегуако*, импровизированные возгласы-призывы, фольклорный подкорпус

Для цитирования

Унарокова Р. Б., Соколова А. Н., Хакунова Э. Х. Ритуальные приговоры и импровизированные возгласы-призывы *джегуако* в контексте свадебной обрядности адыгов (в рамках корпусных исследований адыгейского языка) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 45–61. DOI 10.17223/18137083/82/3

© Унарокова Р. Б., Соколова А. Н., Хакунова Э. Х., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 45–61
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 45–61

Ritual and extemporaneous incantations of *dzheguako* in the context of the ceremonial culture of Adyghe (within the scope of corpus research of the Adyghe language)

Rayisa B. Unarokova¹, Alla N. Sokolova²
Elza Kh. Khakunova³

¹⁻³ Adyghe State University
Maykop, Russian Federation

¹ raya_unarokova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8362-9944>
² professor_sokolova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7992-3902>
³ eliz_khakunova3007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2981-8952>

Abstract

The collaborative team of the authors of the Adyghe State University created a folklore subcorpus of the Adyghe linguistic corpus, comprising more than 3000 words and word combinations drawn from archival sources and expeditionary materials recorded in the Republic of Adyghea and among the Circassians of Turkey. The Adyghe ritual incantations used in various ritual situations, weddings, and clan and family festivals, have been compiled into a separate collection. Here we consider two poetic forms of musically intoned and non-toned genres of the ritual folklore of the Adyghe: *dzhegoklo tepch'ekher* "ritual incantations of *dzheguako*" and *dzheguako kladzhekher* "extemporaneous invocation of *dzheguako*." The formulas of ritual incantations are found to feature at least five thematic clichés. The invocations are systematized according to several criteria: by the addressee, semantic content, and structure (verbal and musical) by the concordance with the folk tune. The paper describes the subethnic differences in using invocations and their names. The semantic and construction formulas are identified, allowing non-intonated and musical-poetic exclamations to be transmitted to a new generation. The materials of the folklore sub-corpus of the linguistic corpus of the Adyghe language allowed new terms and concepts to be introduced into folklore studies: *tepch'ekher* "ritual incantation, ritual appeal to participants of the ceremony"; *kladzhekher* "improvisational invocations and appeals"; *kledzheguakh'* "final coda of wedding ceremony"; *k'lekuuakh'* (Bzhedughe, literally: "accompany with shouts") "short rhythmic verbal cues, humorous remarks." High ideals of traditional culture, especially the etiquette norms of interaction in the society, manifest themselves through *dzhegoklo tepch'ekher* and *kladzhekher*.

Keywords

the Adyghe folklore, ritual sentences *dzheguako*, impromptu exclamations-calls, folklore subcorpus

For citation

Unarokova R. B., Sokolova A. N., Khakunova E. Kh. Ritual and extemporaneous incantations of *dzheguako* in the context of the ceremonial culture of Adyghe (within the scope of corpus research of the Adyghe language). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 45–61. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/3

Введение

Объектом настоящего исследования являются малоизученные в фольклористическом адыговедении две жанровые формы обрядовой поэзии – *джегокло тепчэхэр* 'ритуальные приговоры *джегуако*¹ и *джегокло кладжэхэр* 'импрови-

¹ Одно из значений термина *джегуако* – 'распорядитель танцевального круга (игрища)'.

зированные возгласы-призывы *джегуако*'. Используются варианты данных терминов – *хъатыекӀо тенчӕхэр* 'приговоры *хатяко*' и *хъатыекӀо кӀаджӕхэр* 'возгласы-призывы *хатяко*'. В основном они функционируют в свадебном пространстве, реже – в повседневном неритуальном. Если ритуальные приговоры приурочены исключительно к свадебному мини-ритуалу *тэн* 'одаривание невесты' при «пленении невесты», как называет данный ритуал Б. Х. Бгажноков, то возгласы-призывы распространяются на множество других ритуальных и неритуальных игр, устраиваемых как в свадебном, так и в любом другом праздничном или окказиональном плясовом круге. Исполнителем обеих жанровых форм являются *хатяко* 'распорядитель игрища и / или присутствующие мужчины (как участники музыкального ансамбля, так и участники плясового круга), выполняющие функцию *хатяко*'. Таким образом, объектом исследования являются как фольклорные тексты, так и их исполнители (создатели).

Впервые в фольклористическом адыговедении особые функции *хатяко* в контексте института *джегуако* исследовал З. М. Налоев. Он называет *хатяко* «организатором и церемониймейстером, распорядителем обрядовых плясок и обрядовых смеховых игр, <...> обладающим знаниями тонкостей ритуала и талантом *ориодза* – балагура» [2009, с. 411–412]. З. Налоев указал, что данный термин употребителен только в адыгейском языке и его диалектах, в то время как в кабардино-черкесском он не известен и как джегуаковская специальность не выделяется.

Б. Х. Бгажноков рассматривает *хатяко* в качестве субъекта управления игрищем и фиксирует варианты его обозначения, отмечая, что у восточных адыгов и горных шапсугов он известен как *джегуако*, у западных он фигурирует под именем *хатяко* [1991, с. 42]. Он предполагает, что термин *хатяко* восходит к хатто-хеттской культурной традиции и означает 'носитель власти'. *Хатяко* – «властитель» танцевальной площадки и вместе с тем «блюститель» определенно-го, своеобразно понимаемого порядка в ней, – пишет Б. Х. Бгажноков. – Он <...> управляет ходом игрища движениями жезла, а также звучными, чаще всего стихотворными призывами и приказами, комментариями и оценками. Отсюда <...> еще одно обозначение человека в этой роли, распространенное только у бжедугов и темиргоевцев – *кууакӀо*, то есть "глашатай", "крикун" <...> он объявлял тот или иной танец или церемонию, приглашал в круг танцоров, подбадривал их, а если понадобится – штрафовал» [Там же, с. 43–44].

Ритуальные приговоры З. М. Налоев называет «традиционными формулами» [2009, с. 413], а также «заговорными формулами», обладающими заклинательной магией [Там же, с. 424]. Их тексты менее подвержены изменениям.

Исследователи З. М. Налоев и Б. Х. Бгажноков не только впервые обратили внимание на специфическую характеристику традиционной адыгской культуры, но и описали функции фольклорных текстов, дали им научное определение. Между тем представленный объект исследования никогда не был в фокусе их внимания, чем и обусловлена недостаточная его проработанность.

В работе использован системно-этнофонический метод, позволяющий рассматривать объект исследования в системе «слово – звук – смысл – источник звука – реципиент», и специальные семантические методы, учитывающие расшифровку смыслов фольклорных текстов и народной терминологии. Авторы используют также культурологический подход, позволяющий представить и описать духовные ценности адыгов, их устойчивость в условиях меняющегося мира. Учитывая дисперсность адыгского этноса, необходимо было применять методы

сравнительного исследования, сопоставляя экспедиционные данные, собранные у черкесов (адыгов) Турции, Адыгеи и Кабардино-Балкарии.

Достоверность исследования подтверждается использованием собственных полевых записей², сделанных в Турции и России, расшифрованных и частично опубликованных, хранящихся в Центре адыговедения Адыгейского государственного университета. Часть дореволюционного архивного материала взята из фондов Лондонского архива ЕМІ³ и Парижской национальной библиотеки⁴.

В работе используются материалы фольклорного подкорпуса адыгейского лингвистического корпуса, который был разработан группой лингвистов под руководством Ю. А. Ландера [Ландер, Архангельский, 2017]. Фольклорный подкорпус создан научной группой Центра адыговедения Адыгейского государственного университета. Он включает сотни оригинальных текстов от древних трудовых и обрядовых песен до лирических, героических и современных песен – всего более 30 000 словоупотреблений. Среди них 25 поэтических текстов, рассмотренных в качестве двух жанров: *тепчэхэр* и *Кладжэхэр*⁵.

Общая характеристика ритуальных приговоров *джегуако*

Известно, что звуковую партитуру многолюдного увеселительного музыкально-танцевального мероприятия составляют звуки различного происхождения. На любом празднике звучит музыка, составленная из тембров различных инструментов, разноголосица участников торжества, ритмических хлопков, выкриков отдельных персон, перекрывающих все остальные звуки. Вся эта звуковая палитра только на непосвященный взгляд находится в хаосе. Однако, во-первых, разноголосица праздника всегда вписана в систему этнических звуковых ценностей, и, во-вторых, общая звукофера образует гармоничную экосистему, в которой царят определенный порядок и соразмерность.

ДжэгоКю тепчэхэр ‘ритуальные приговоры *джегуако*’

ДжэгоКю тепчэхэр ‘ритуальные приговоры *джегуако*’ обычно произносятся на фоне возможного всеобщего внимания, к которому призывает ведущий, поэтому его речь не связывается с музыкальным ритмом и формой. Даже если в этот момент гармонист продолжает играть, он делает это тихо, фоном, не мешая слушать *джегуако*.

Наиболее пространными и формульными являются ритуальные приговоры свадебного цикла. Одна из подобных формул провозглашает начало пути невесты в плясовой круг.

² Архив Центра адыговедения АГУ, П. 16, д. 414, 420–422. Записи Р. Б. Унароковой, сделанные в 1984 г. в аулах Причерноморской Шапсугии Краснодарского края.

³ В 1911 и 1913 гг. было сделано более 100 звукозаписей черкесской традиционной музыки английскими звукоинженерами компании «Граммофон». Записи 1912 г. были произведены агентами французской звукозаписывающей фирмы «Пате». В 1999 г. перезаписи лондонской коллекции были возвращены на историческую родину, в Республику Адыгея, этномузыкологом А. Н. Соколовой. Копии находятся в Центре адыговедения АГУ: К. № 158 (д. 1–20), К. № 159 (д. 1–25).

⁴ Gallica.bnf.fr. Национальная библиотека Франции. Коллекция звукозаписей ансамбля М. Хагауджа. Копия предоставлена нам Казбеком Нагароковым (Архив Центра адыговедения АГУ – DVD № 76).

⁵ См.: http://adyghe.web-corpora.net/adyghe_corpus/search/.

*Тиньсэ кьежсагъэишьы гъогул,
Ушыумэ, зыгъэпыт,
Улъэсмэ, зыгъэляг!*

[Налоев, 2009, с. 413].

Наша невестка вышла в путь, и
Если ты на коне – крепись,
Если ты пеший – выше стань!

Данный призыв означает: «приготовьтесь к основной церемонии игрища – появлению героини торжества – невесты! Если ты на коне, не зевай и не уподи с коня, засмотревшись на великолепие шествия невесты. Уступи ей дорогу, иначе можешь попасть впросак – обвинят в нарушении законов игрища, за которым последует выкуп (если готов расплатиться – крепись), если пеший – найди себе место повыше, чтобы воочию увидеть происходящее». *Хатияко*, с одной стороны, двумя словами создает смеховое пространство, втягивая в него и всадников, и пеших, и остальную публику. С другой – в очередной раз *хатияко* заявляет, что право управлять всем происходящим принадлежит только ему. Путь, предназначенный для невесты, никто не вправе преградить, разве что *хатияко* может это себе позволить ради малости – «выкупа». Следует заметить, что любые «выкупы» в свадебном игрище предназначены не столько для «зарабатывания», сколько для организации праздничного / смехового пространства.

Хатияко не упускал случая особо отметить дары, вносимые от имени конкретных людей. Так, если передавали деньги от имени юноши, находящегося в армии, он возвещал толпе:

Е куньишьхъэ мафэ хъун,

Зэ шъукъэдау!

Нэпэ АкIэгъумэ яхъярэу рэклорэм

СыхэтынкIэ сшIэгъахэмэ,

Зыфэдэу симыгонэн шыIагъэн,

Ау сэ къэралым кысыфигъэшъошэгъэ

ИэнатIэм сыIут.

Сэ слъакъо кыжъунэмысыгъэмэ,

СIапэ кыжъунэсын слъэкIыщт, –

еIуи

Нэпсэу Мэдинэ сомэ тIокI къеты.

Тхъауегъэпсэу,

Мин берчэт босын!

(Нагучев, Куйбышевка, КК⁶ –

ЦА/АГУ, П. 16. Унарокова, 1984).

О, люди, кому суждено величие
и счастье,

Послушайте!

«В торжестве Ачохов, которое
сегодня проходит,

Если бы я мог принять участие,
Радовался бы так же, как все.

Но я на посту, который доверила
мне страна.

И хотя ноги мои не могут к вам
привести,

Руки способны дотянуться
до вас», –

Так говорит Напсо Мадин
и двадцать рублей вносит.

Дай тебе бог жизни,

Тысячу раз спасибо!

Подобные возгласы несут в себе дополнительную смысловую нагрузку: они, называя имя отсутствующего, подчеркивают его значимость для Родины, для общества.

Следует подчеркнуть, что, с одной стороны, имя дарителя, произнесенное принародно, с уважительной интонацией и в сопровождении здравицы, во сто крат приумножало благоприятное общественное мнение о нем. С другой – адыги

⁶ КК – Краснодарский край.

верили и продолжают верить в магическую силу свадебной (праздничной) ауры, в пространстве которой звучало имя. Свидетельство тому – традиция торжественного объявления имени дарителя является одним из наиболее сохранившихся ритуалов современной адыгской свадьбы.

В то же время нельзя не отметить агональный характер отдельных фраз, несущих дух соперничества, провоцирующих соревнование мужчин в демонстрации своей щедрости и достатка.

Бывало так, что в орбиту игрища втягивались и те, кто явно «уклонялся» от уплаты денег для «освобождения невесты». Естественно, это тоже делалось не для унижения, а для создания смеховой ситуации. По подсказке публики *хатияко* произносил смеховое стихотворение:

О, купышхьэ мафэ хьун,

Зэ шьукъэдау!

«Непэ хьярэу рэкlorэм

СьхэмьлэжьэнкIэ арап, ау

Цыфмэ ямыльку зэфэдэп,

ЯгъотыкIи зэфэдэп,

Мы тIэкIур мэзым пкIышхьэу

кьыхэсхьыгъэшъ,

ЗышIошумгэммакI», – еIуи,

Шьхьалахьомэ ацыцэу

Хьэсанэ

Чанычитф кьытыгъ!

[Унарокова, Хакунова, 2014,

с. 277–278].

О, люди, кому суждено величие

и счастье,

Послушайте!

«В торжестве, которое сегодня проходит,

И я не прочь принять участие, но

Средства людей неодинаковы,

И доходы неодинаковы,

Эту малость я из фруктов лесных взял,

Не посчитайте, что маловато», –

Так говорит из фамилии Шхалаховых

Хасан

И вносит пять копеек!

Хатияко зачастую прибегал к смеховым куплетам, чтобы активизировать публику к участию в «ритуальном выкупе невесты». По сообщению Меджида Нагучева, объектами подобного «осмеяния» чаще становились друзья, аульчане, кто мог адекватно принять смеховой сигнал.

В другом случае *хатияко* выступает не от имени того, кто уклоняется давать выкуп, а от имени друзей того «прижимистого», кто не желает тратиться на подобные «игры». *Хатияко* при этом не устаёт сгущать краски, возвещая:

– Е, купышхьэ мафэ хьун,

Зэ шьукъэдау:

Непэ хьярэу рэкlorэм

Ньбджэгъухэр хэлэжьээн аIуи,

екIух,

Ау ТIэшъу Малычы имыльку

ХэIэнкIэ ыIэ пезьышъ,

Иныбджэгъумэ ар ашIоемыкIу,

Ац кьыхэкIырэджэ,

Малыч шшIэн

– О, люди, кому суждено величие

и счастье,

Послушайте.

Для участия в сегодняшнем

торжестве,

Друзья собираются и идут.

Но у Малича Тешева руки горят,

От нежелания притронуться

к своему имуществу,

От этого его друзьям становится

стыдно,

Потому долг Малича они берут

на себя:

*Иныбджэгүмэ фырашIэ,
Шъхьалэхъо Мэдинэрэ
Нэтхъо Шыхьэмызэрэ
Сомэ зырыззу сомитIу кыфаты*

МыIуатэ мэхуэ нахь,

МыIотэжэ хурэн

[Унарокова, Хакунова, 2014,
с. 277–278].

Мадин Шхалахов и
Шихамиз Натхо
Сложились по рублю
И вкладывают [в выкуп невесты].
Промолчать [о случившемся] можно
было,
Но не пересказать услышанное –
Невозможно!

Игровые элементы, которыми пользуется *хатияко* в плясовом круге, как указывает З. М. Налоев, являются «ритуально необязательными, но традиционно присутствующими в его поведении» [2009, с. 419]. К ним относится разыгрывание сюжета «взятие в плен» знатной девушки, танцующей в плясовом круге, для получения «выкупа». И «пленение», и «освобождение» ее сопровождалось стихами. Порядок пленения был тот же, что и в случае с невестой: по окончании пляски *хатияко*, придравшись к партнеру, брал правой рукой левую руку девушки и ставил ее с собой рядом и громко произносил формулу пленения. Получив выкуп, он благодарил юношу традиционной формулой:

*ОркIэ намыс,
ТэркIэ насып!
Уинамысрэ уинасыпрэ нахьыбэу
охъу!
Къызхэпхыгъэр Лэбэ мыжъуакI!*

[Налоев, 2009, с. 420]

Для тебя – честь,
Для нас – счастье!
Твоя честь и счастье да умножатся!
Из чего взял – как в Лабе гальки
[да умножится]!

Затем *хатияко*, обращаясь к «пленнице», произносит формулу освобождения, которая одновременно является и благопожеланием:

*Саер лъапэкIэ плъэшъоу,
Оркъ хэбзэ закIэу,
Iэпхуальэр зыгъашъоу,
Мастэр зыгъэплъэу
Алахьым уцегъаI!*

[Налоев, 2009, с. 420]

Платье чтобы ты носила
Как настоящая княжна,
Наперсток заставляла плясать,
Иголка в твоих пальцах раскалялась –
Дай Аллах тебе этого!

***ДжэгокIо кладжэхэр / «кIэкууахь»* ‘импровизированные возгласы-призывы *джегуако*’**

ДжэгокIо кладжэхэр / кIэкууахь ‘импровизированные возгласы-призывы *джегуако*’ в основном функционируют в танцевальном пространстве, в самой многлюдной части обряда, нередко в момент особого куража, в кульминационной точке торжества. Возгласы, издаваемые присутствующими как звуки музыкального (интонируемого) смысла, так и немзыкального (проговариваемые или рифмованные), тоже вплетаются в игровое пространство. Всё это происходит в сопровождении музыки и танца и напрямую согласовано с ними [Соколова, 2015; Sokolova, 2018].

Знаменитый *джегуако* Тас Агержаноков, как утверждает З. М. Налоев, «разговаривал с людьми только поэтическим языком» [Налоев, 2009, с. 419]. Если вышедший в круг плясал с лентой, без огонька, то он обращался так:

<i>Такъэр зэбгъээзкІмэ</i>	Если колоду перевернуть, она сохнет,
<i>мэгъушыгы,</i>	
<i>Баджэр ушыгымэ мэкІэжыы,</i>	Если лиса побеждает, она преображается,
<i>Егугъу, сикъош, егугъу!</i>	Старайся, мой брат, старайся!

[Схаплок, 1964, с. 82]

Такого рода импровизации *хатияко*, названные Б. Х. Бгажноковым «стихотворными призывами и приказами», являются художественным арсеналом распорядителя игрища и обозначены нами как *хъатыекло кладжэхэр* ‘возгласы-призывы *хатияко*’.

Нами обнаружен еще один термин, связанный с импровизациями *хатияко*, – так называемый *кІэжуахъ* (досл. подкрик). Он зафиксирован только у бжедугов⁷. Данный термин используется в отношении коротких нерифмованных, но ритмизированных реплик, смеховых колкостей, отпускаемых *хатияко* и / или участниками праздника во время танцев в адрес гармониста, танцующих, публики и т. д., подобно тем, что обнаружены в лондонской коллекции звукозаписей адыгских народных песен. Они обозначены нами как *джэгокло кладжэхэр* ‘возгласы-призывы *джегуако*’. К ним в качестве синонима может быть применен также бжедугский термин *кІэжуахъ* ‘подкрик, возглас’. *КІэжуахъ* выполняет самые разные функции – консервативно-нормативную, вербальную и смысловнесущую, суггестивную и аксиологическую. Они являются определенным маркером культуры, однако в сценической форме существования танцевальных коллективов и инструментальных ансамблей *кІэжуахъ* зачастую вовсе исключаются как сугубо фольклорный элемент. В ситуации сильного влияния сцены на аутентичную *кІэжуахъ* был редуцирован и в фольклорной среде. В настоящее время потребность в его возрождении актуализируется как в народе, так и на сценической площадке. Немаловажную роль в понимании происходящих потерь в отношении *кІэжуахъ* и необходимости их возвращения в культуру сыграли активные связи с соотечественниками из Турции. В 2010 г. в Государственном академическом ансамбле народного танца «Нальмэс» был проведен эксперимент по «возвращению» традиционных выкриков в танцевальную звуковую ауру. Он проходил не гладко, ибо танцоров «сбивали» с ритма некоторые возгласы, сценическое звуковое действие приближалось к аутентичному, что было весьма непривычно как для артистов оркестра, так и для артистов балета. При этом публика получала особое эмоциональное впечатление, и граница между сценой и залом в моменты выкриков становилась эфемерной. Эксперимент принес неожиданные результаты. Спустя некоторое время танцоры уже просили продлить выкрики во времени и делать их громче и выразительнее. Это «подогревало» танцоров и музыкантов-инструменталистов. Зрители также включались в действие, синхронно подпевая *жъыу*. *КІэжуахъ* позволил воссоздать естественную полифонию адыгского *джэгу*, у артистов появился кураж, желание самим участвовать в создании звуковой праздничной среды. Конечно, режиссеры стараются регламентировать сцениче-

⁷ Бжедуги – один из адыгских субэтносов.

ские выкрики, но в аутентике они не только приветствуются, но и определенным образом свидетельствуют о таланте и мастерстве тех, кто их создает.

Следует подчеркнуть, что возгласы и выкрики исходят исключительно от мужчин. Для девушек и женщин такие выкрики, визги или крики недопустимы. Они предосудительны были в прошлом и остаются такими и в настоящем.

В лондонской коллекции выкрики исполняются *пхачичао* ‘трещоточник’ Абасом Байкуловым и *хатияко* Тасом Агержанокковым (возможно, попеременно, но на одной площадке). Адресатами данных импровизаций являются участники игрища:

- гармонист – Магомет Хагаудж – *Опсэу, Мыхьамэт, опсэу* ‘Спасибо, Магомет’; *Хьагьэудж Мыхьамэт, узпэтыр сыда сэю, егуьгу* ‘Магомет Хагаудж, что же ты стоишь, старайся’;

- *хатияко* – Абасу Байкулову – *Абас, еу, егуьгу* ‘Абас, давай, старайся’;

- *хатияко* – Тасу Агержаноккову (в свой адрес) – *Паси ары, Паси ары* ‘И Тас тоже, Тас тоже’;

- публика – подбадривающие реплики: *Иагур ары, Иагур, еклокI, еклокI* ‘Хлопай, хлопай в ладоши, танцуй по кругу’;

- один из потенциальных танцоров – *Ай, хьай фэмыфыжьэ, пьшашьэр кьэгь-ашьоба!* ‘Ай, большой лентяй, девушку пригласи’.

Подобные реплики достаточно равномерно «распределены» по всему тексту танцевальной мелодии, ритмизируя ее, собирая всех участников танцевального круга (от гармониста до публики) в одно целое, образуя некий энергетический узел многолюдного мероприятия. Подобную картину, но с более разнообразным наполнением можно наблюдать на современных свадебных церемониях / игрищах. При этом наиболее значимыми энергособирающими, структурирующими элементами остаются поэтически организованные импровизации *хатияко*.

Можно указать на целую коллекцию подобных текстов, записанных нами в 1984 г. в аулах Причерноморской Шапсугии от известных *хатияко* Селима Ханаовича Алялева (1914 г. р.), Мурдина Ибрагимовича Коджесау (1914 г. р.), Меджида Гаруновича Нагучева (1932 г. р.) (Архив ЦААГУ, П. 16, д. 420–422). В этом ряду интерес представляют и подобные тексты, зафиксированные Б. Х. Бгажноковым в Бжедугии и Шапсугии в 80-х гг. XX столетия [Бгажноков, 1991, с. 52–52, 71–99].

Кладжэ ‘возглас / воззвание / призыв’ – это народный термин, бытующий в основном в Причерноморской Шапсугии. Темиргоевцы и абадзехи⁸, используя описательную форму, говорят: *хьатыякIор маджэ, тэныр аублагь* ‘хатияко вещает, [значит] настало время ритуального одаривания невесты’. В то же время в той же Причерноморской Шапсугии зафиксирована фраза: *сыхьатишц рэхьугьэу джэгуакIор кладжэ, цIыф Iутыжьэба джэгуэм!* ‘три часа джегуако призывает, разве игрище обезлюдилось!’ – имеется в виду «разве некому отвечать на призыв к участию в ритуале одаривания невесты». Мусса Алялев, *шапсуг*, 1897 г. р., также привязывает данный термин к ритуалу одаривания (или пленения) невесты: «Однажды, – вспоминал он, – в пору моей юности, мой дед услышал как с соседнего двора, где играли свадьбу, доносится голос *хатияко*, который с намерением получить как можно больше денег, долго призывал людей живее участвовать в ритуальном выкупе невесты.

⁸ Темиргоевцы, абадзехи – названия адыгских субэтносов.

– Олахьа, шыу дэмытыжэмэ сшІэрэп нахь, бэрэ кІагьаджа мыр! ‘О, Аллах, ни одного что ли всадника нет во дворе, уж больно долго [хатияко] взывает – возмутился дед и бросил взгляд в мою сторону. Я понял намек – следовало срочно на коне влететь в танцевальный круг с требованием выдать флаг для соревнования и таким образом “спасти” участников игрища от излишних “поборов” хатияко’ (Архив ЦААГУ, П. 16, д. 414 – Унарокова, 1984).

Как видим, термин *кІаджэ* иногда заменяет *тепчэ* ‘ритуальный приговор’.

В той же Причерноморской Шапсугии зафиксированы случаи, когда термин *кІаджэ* ‘воззвание-призыв’ употребляется применительно к иным ситуациям. Так, Тагир Пшимафович Нагучев (1904 г. р.) сообщает, что *гьоу* ‘вестник’ взбирался на возвышенность и обращался к аульчанам (*Тхышгьхэм кьытэуцуи, кІаджэ*): – *Аллахэм шІукІэ ыгьэдэлон чыл, шгуибылым шгуубыт, лэжьыгьгэм шгуфэсакь* ‘Аул, кому Аллах позволит услышать добрую весть, придерживайте свой скот, оберегайте посевы [от них]’.

Другой случай произошел на свадьбе, но не в связи с ритуальным одариванием невесты и не во время танцев. Свадьбу играли во время уразы, когда часть гостей следовало пригласить к столу в обеденный перерыв, а часть – после захода солнца. *Хатияко*, предупрежденный хозяином, в иносказательной форме объявляет перерыв:

*Учэщыныкьорышхэу
УмэзыкьошхакІэмэ –
Зыдэжьогьум шгуекІу,
Тэ тыхэІажьыцт*

Если ты из тех, кто ест в полночь,
И как лесной кабан питаешься –
Тебе – в сторону, в укромное место,
А мы пошли на обед.

(Алялев, Куйбышевка,
КК – ЦААГУ, П. 16, д. 422 –
Унарокова, 1984).

Однако термин *кІаджэ* больше закрепился за формулами, сопровождающими ритуальные игры, и он условно принят нами как научный термин применительно к импровизированным возгласам-приговорам *хатияко*.

И ритуальные приговоры, и импровизированные возгласы функционируют почти на всех территориях проживания адыгов, в том числе диаспоры. Подобные тексты, собранные в поле и хранящиеся в архивах, представляющие наибольшую художественную ценность, опубликованы в X томе Свода адыгского фольклора (сост. Унарокова, 2019, с. 512–525), а также в приложении к монографии «Фольклор адыгской свадьбы» [Унарокова, Хакунова, 2014, с. 273–281].

Импровизации *джегуако* являются фонообразующей составляющей свадебного игрища, создают звуковую экосистему танцевального круга.

Все возгласы можно систематизировать по нескольким основаниям: по адресату, смысловому наполнению, конструкции (с точки зрения вербальной и музыкальной) и по принципу согласования с музыкальным наигрышем:

1) по адресату:

- а) к музыкантам;
- б) к обоим танцующим;
- в) к танцующей девушке;
- г) к танцующему парню;
- д) с использованием конкретного имени;
- е) без использования конкретного имени;
- ж) к публике;

- 2) по семантике:
 - а) подбадривающие;
 - б) смеховые;
 - в) ироничные;
 - г) провокационные;
 - д) указательно-повелительные;
 - е) благопожелательные;
 - ж) рифмованные потешки;
- 3) по форме:
 - а) отдельные слова;
 - б) многократно повторяющиеся слова;
 - в) рифмованные тексты;
- 4) по звуковой форме:
 - а) интонируемый текст;
 - б) возглас (растянутый и не растянутый);
 - в) восклицательное обращение;
 - г) речитатив;
- 5) по соотношению с музыкой:
 - а) возглас *джегуако* на репетиционном звуке гармонике;
 - б) возглас на фоне финальной гармошечной лонги (продленного звука);
 - в) несколько музыкальных фраз из оригинальной песни (из песни как источника танцевального наигрыша);
 - г) в момент полной остановки звучания инструментального ансамбля (джегуаковские вербальные формулы (приговоры, возгласы-призывы), *хохи* 'здравицы', приглашения и т. п.).

Таким образом, общая звуковая аура адыгского традиционного танцевального круга складывается из музыкальных и немusикальных звуков.

В состав музыкальной звуковой палитры входит звучание:

- а) инструментальное (гармоника, аэрофон *камьль* 'продольная флейта', смычковый хордофон *шычепцын* 'адыгская скрипка');
- б) вокальное (организованные, распетые *жъыу* 'подголоски');
- в) ритмическое (ударные музыкальные инструменты *пхъэкIыч* 'трещотки', *пхъэмбгъу* 'музыкальная доска', *доул* 'ударный инструмент в форме барабана', нераспетые возгласы-речевки).

Внемusикальные характеристики звуковой ауры танцевального круга:

- а) возгласы *хатияко*;
- б) хлопки в ладони;
- в) смех, гомон толпы;
- г) выстрелы или звуки, имитирующие выстрелы;
- д) подбадривающие, комментирующие выкрики присутствующих;
- е) шумы, создаваемые танцующими.

Из вышеперечисленных оснований наиболее «наполненным» художественным текстом остается адресат. Можно привести ряд примеров:

- Возгласы, адресованные обоим танцующим:

О, зимафэр мэфишьэ хъун!

О, [публика], чье счастье
стократным станет!

*Непэ агъэулзугъэ тшышьэмрэ
КIалэмрэ афэшI*

Сегодня, ради утомившихся
девушки и парня,

Ацумыжъ Махъмуд

Ачмиз Махъмуд

*Абгъор ибгъоу
Сомэ шьитлу кьытыгъ!*
[Бгажноков, 1991, с. 74]

Шириной с ладонь
Двести рублей дал!

- Возгласы, адресованные публике (молодым людям):

*О, марджэ хьужьын куп!
Псэпэ орэдыр кьежъэщит.
«Направо» хэт,
Зыхэшигъумыгъэукъу!*
[Бгажноков, 1991, с. 75]

О, к успеху идущая публика!
Благостный танец объявляется⁹.
«Направо» (т. е. «благое»)
разыгрывается,
Не ошибитесь!

- Возгласы, адресованные музыканту (гармонисту Паго Бельмехову):

*Шыльабжъэр зыгъэуджэу,
Джегуакохэр зыгъэчэфэу,
Къамыц тхьапэр зыгъэшьуеу,
Лшыжъэхэр зыгъэкъунанэу,
Ныоажъэхэр зыгъэгъутхьапцIрэ гу-
щэр,
КъегъаIоба, си Паго!*
[Бгажноков, 1991, с. 80]

Коней пускающую в пляс,
Джегуако опьяняющую,
Плеть заставляющую свистеть,
Старцев в молодец
превращающую,
Старушек обмочиться
принуждающую,
[Таковую мелодию] сыграй,
мой Паго!

- Возгласы, адресованные девушке, «взятой в плен» в свадебном круге для выкупа:

*О, тхьам ыгъэпсэун куп!
Непэ джегуакохэр былымкIэ
енэцIэу
Хьуакохэм япшъашъэу Сулиет
Пчэгум траубытагъ.
Сыд игъу, сыд игъуадж?*
[Бгажноков, 1991, с. 86]

О, богом благословенная публика!
Сегодня музыканты в расчете
на выкуп
Хуаковых дочь Сулиет
В круге задержали.
Пора ли, к месту ли?

- Возгласы, адресованные к публике с просьбой «освободить девушку-пленницу»:

*О, зимафэр мэфшигъэ хьун куп!
Гьуашьо Хьэдджыфэт егъэзыгъэ
хьугъэ.
Ублагъэмэ, уныбджэгъумэ,
уоркъмэ
Къогъу уимыхъажь*
[Бгажноков, 1991, с. 87]

О, чьи дни во сто крат умножатся!
Гуашева Хаджифат попала в беду.
Если ты – родственник, друг,
рыцарь,
За спинами не прячься!

⁹ Благостным танец называется потому, что это единственный танцевальный жанр, где парно дозволено брать девушку под руку (за локоть) и высказывать ей приятные призывные слова.

- Возгласы, адресованные тем, кто принял активное участие в «освобождении пленницы» и вложил больше денег:

*КъаIорэр къэсэIотэжъкIэ
сыбзэгухъа?
Къахърэр сэихкIэ сыбэихэ?*

*Шъуибзыльфыгъэ мыгъэу,
Гъэр къышгъухэмыкIэу,*

*Гушгъэ Iасэу,
Гушгъэ псэоу,*

*Унэгъо псэогъу алахъэм
шъурегъаф!*

*ДжэджэхъаблэкIэ плъэ:
Тыгъужъ Исмел*

*Сомэ щэкI къытыгъ
Хъанмелэч пай!*

[Бгажноков, 1991, с. 87]

Оттого, что высказываемое
повторяю, ябеда ли я?

Оттого, что подносимое ем
[принимаю], обжора ли я?

Женщины ваши чтобы не плакали,
В неволю из вас чтоб никто

не попал,

Чтобы души ваши были спокойны,
Чтобы души ваши были целы

и невредимы,

Да поможет вам Аллах жить
здоровой и дружной семьей!

В сторону Джиджихабля свой взор
обрати: Тугуз Исмел

Тридцать рублей вносит
Ради Ханмелеч.

- Обращение *хатияко* к публике и / или к конкретному лицу с благодарностью:

*О, сыпсэм фэдэу
Сыпсэм кIэрачыгъ!
Мыр къызыхэпхыгъэр*

*Лэбэ мыжъуакIэу,
МыжъокIэшъышъэу,*

*Хъяр пэмыкI къыомыхулIэу,
Нахъыбэ бгъотэу,
Алахъэм уцегъаI!*

[Бгажноков, 1991, с. 88]

О, душа моя,
Души моей частица!
Средства, из которых ты эту
сумму взял,

Как в Лабэ галька [да умножатся],
В несметном количестве
[да окажутся],

Благоденствуя,
Еще больше приобретаая,
Аллах пусть даст тебе жить!

- При освобождении «пленной девушки» *хатияко* благодарил девушку и произносил стихотворное благопожелание в ее адрес:

*Саер лъапэкIэ плъэшъоу,
Оркъхэбзэ закIэу,
Iэпхуалгъэр зыгъашъоу,
Мастэр зыгъэплъэу
Алахъым уцегъаI!*

[Налоев, 1985, с. 37]

Платья носком касаясь,
Полной почтенья и грации,
Наперстком орудуя ловко,
Иглу докрасна раскаляя,
Аллах дай тебе долго жить!

В конце церемонии «освобождения пленницы» (и невесты, и девушки) *хатияко*, как бы подводя итоги, обращался к публике:

*Шъо шъуикIэджыбачIэ къыкIи,
Тэ тикIэджыбачIэ къыхагъэмкIэ
БэгъашIэу, гъэшIэкIыхъэу
КъэжъугъашIэрэм шIуагъэ
шъокIэу,*

За деньги, что из вашего кармана
В наш карман попали,
Долгих лет жизни вам,
Жизнью, к вам благосклонной
и доброй,

ШъуиГэм шиѳуагъэ шъокІэу,

Ялахь, бэ шъогъэгъаиІэ!

*ШъорыкІэ намысэу, тэрыкІэ
насыпэу*

Алахьэм еиІ!

ШхъонтІэ кІаком шъутесэу,

*ШъуеІгъэхмэ дышгэр бжыбкІэ
къэшъуугоеу,*

Ныбджэгъоу къынІукІэрэр

*Шхъаашъо бгъурабгъуицыкІэ
бгъэгъуиІоу.*

ГуиІогъошхэмрэ хъярыгъошхомрэ

Зытылъэу рэхъун купмэ ащыц

Алахьэм шъуеиІ!

(Напсо, Большое Псеушко, КК –
ЦА/АГУ, Унарокова, 1984)

Добром своим владея на счастье
себе,

О, аллах пусть даст вам жить
до старости!

Для вас честью, для нас счастьем

Аллах да сделает!

Чтобы, сидя на сером скакуне,

Вы, нагибаясь, пригоршнями
золото собирали,

Встретившись с друзьями,

Дарами их радовали,

К числу людей, кому суждены

И радость великая, и богатства

несметные,

Аллах вас да причислит!

Б. Х. Бгажноков отмечает, что и ритуальные приговоры *хатияко*, и возгласы-призывы, направленные на сбор денежных средств, в основном были стихотворными, но произносились они под «специальную» маршевую музыку *ахъцэхэдз орэд* (букв. ‘песня сбора денег’). В качестве подобной музыки использовались *нысэцэ орэд* ‘песня вывода невесты’, у бжедугов – «песня княжны»; у равнинных шапсугов – мелодия кругового танца *удж*¹⁰ «Си Пак» в замедленном темпе [Бгажноков, 1991, с. 87]. При этом мелодия являлась лишь фоном, она звучала тихо, занимая вторую позицию. Основной партией были стихотворные импровизации *хатияко*. Изредка, во время танцев, *хатияко* или один из исполнителей партии *жъыу* (подголосок) вплетал в танцевальную мелодию песенные отрывки в адрес танцоров.

Иногда на свадьбах, в коротких перерывах между танцами, разыгрывались целые мини-спектакли. Об этом свидетельствуют воспоминания одного из известных в Причерноморской Шапсугии *хатияко* Селима Алялева¹¹.

¹⁰ *Удж* – топтаться, старинный адыгский массовый танец. В адыгской традиции существует несколько разновидностей *уджа* – круговой, по парам, по тройкам и др.

¹¹ «Однажды на одной свадьбе (там я был не распорядителем, а трещоточником) в разгар танцев, *хатияко* заметил аульского пастуха, стоящего за изгородью, тот явно не собирався появляться на людях.

– Ибрагим, ты встал в мое поле зрения, я не виноват, иди и танцуй, – позвал его *хатияко*.

– Отпусти, – ответил пастух, имея в виду девушку, которую вывели специально для него. Но *хатияко* не стал медлить, пригласил еще одну и разрешил танцевать девушкам, вынуждая, таким образом, пастуха выкупить танцующих.

– Ибрагим, не позволяй девушкам долго находиться на солнцепеке, – все взывал *хатияко*.

Пастух не успел достать деньги, чтобы “откупиться” от назойливого *хатияко*, как мой дядя подослал мальчика с двумя скомканными рублевыми купюрами, велел сказать следующее:

В ходе исследования адыгской танцевальной культуры обнаружен термин *кIэджэгуахь*, известный для носителей культуры, но не зафиксированный в академических словарных изданиях. Необходимо оговориться, что это понятие характерно для бжедугов, одного из адыгских субэтносов, однако само явление имеет общеадыгское распространение. Речь идет о последней части свадьбы, своеобразной «постлюдии», которая наступает после того, как основные гости расходятся и в доме остаются самые близкие молодые родственники. В этих условиях складывается более раскрепощенная обстановка, роль *хатияко*-распорядителя выполняет кто-то из друзей жениха. В основном танцуют, веселятся. В танцевальный круг могут приглашаться молодые родственницы жениха (в основной части свадьбы замужние женщины не имеют права танцевать, за исключением тех, кто ранее дал обет). Танцевальный цикл во время *кIэджэгуахь* продолжается с некоторым «нарушением» строгих свадебных церемоний. К примеру, женщина, убирающая посуду, может пройти через танцевальный круг, исполняя находку танцевальные «па»; родственники могут танцевать, приобнявшись; мужчины могут копировать танцевальную пластику кого-либо из гостей и т. п. Подобно тому, как признаком завершения инструментального наигрыша становится разрушение его нормативной структуры, признаком окончания свадьбы является *кIэджэгуахь*, «разрушающая» строгий этикет традиционного танцевального круга.

Заключение

Таким образом, через *джэгокло тепчэхэр* и *кIаджэхэр* манифестируются высокие идеалы традиционной культуры, в особенности этикетные нормы взаимного обращения в обществе. Руководитель игрища – *хатияко*, являясь безусловным властителем обрядового пространства, «наказывает», величает публику и отдельных участников игрища, добиваясь обрядового смеха, создавая празднично-карнавальное настроение у публики. Формульность *тепчэхэр* является общеадыгской фольклорной универсалией. *КIаджэхэр* «ритуальные возгласы» вписаны в экологию музыкально-танцевального пространства игрища. Тип интонирования, структура и композиция ритуальных возгласов могут зависеть от разных факторов: числа гостей, инструментального состава, музыкально-фольклорной составляющей. Высокая сохранность эстетики обрядового пространства (особенно свадебного) в условиях современности – это не просто дань традиции, а еще один канал / механизм трансляции культуры, связи поколений.

Список литературы

Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище. Сюжет. Семантика. Мантика. Нальчик: Эльбрус, 1991. 188 с.

– Скажи, что Ибрагим (т. е. пастух) передает эти деньги для двух *джегуако* – Селима Алялева и Хусена Ачегу, чтобы они купили заплатку для своих изношенных штанов!

(Это он таким образом подначивал меня, имеющего многодетную семью, и не перестающего “забавляться” трещотками (на свадьбах эту должность обычно выполняли более молодые люди)).

Хатияко тут же поставленным голосом слово в слово возвестил сообщение, переданное моим дядей. Публика взорвалась оглушительным смехом» (Архив ЦААГУ, П. 16, д. 421, Унарокова, 1984).

Ландер Ю. А., Архангельский Т. А. Адыгейский корпус и орфографическое слово // Актуальные проблемы изучения кавказских языков: Материалы Международ. науч.-практ. конф. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2017. С. 99–104.

Налоев З. М. Этюды по истории и культуре адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2009. 653 с.

Соколова А. Н. Возгласы и выкрики в пространстве адыгского традиционного танцевального круга // Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры, языка: Материалы Международ. науч.-практ. конф. памяти М. И. Мизхаева (Ниžний Архыз, 26–28 октября 2014 г.). Майкоп: ИП З. В. Паштов, 2015. С. 225–230.

Унэрэкьо Рай, Хьакьунэ Эльз. Адыгэ нысэщэ джэгум иҟорыуат (Унаркова Р. Б., Хакунова Э. Х. Фольклор адыгской свадьбы). Майкоп: ИП З. В. Паштов, 2014. 320 с.

Шхьаплъэкьо Хьис. Хьагьэудж Мыхьамэт // Зэкьошныгь (Схаплок Гиса. Магомет Хагаудж) // Дружба: Альманах. Майкоп, 1964. С. 79–86.

Sokolova A. N. Shouts and Exclamations in Multitimbral Polyphony of the Circassian Dance Circle // The Eight International Symposium on Traditional Polyphony. 26–30 September 2016. Tbilisi, Georgia, 2018. P. 252–260.

References

Bgazhnokov B. Kh. *Cherkesskoe igrishche. Syuzhet. Semantika. Mantika* [The Circassian game. Plot. Semantics. Mantics]. Nalchik, Elbrus, 1991, 188 p.

Lander Yu. A., Arkhangel'skiy T. A. Adygeyskiy korpus i orfograficheskoe slovo [Adygeyan corpus and orthographic A. Arkhangel'skiy T. A. The orthographic word]. In: *Aktual'nye problemy izucheniya kavkazskikh yazykov: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Topical problems of studying Caucasian languages: Materials of the international sci.-pract. conf.]. Makhachkala, DSU Publ., 2017, pp. 99–104.

Naloev Z. M. *Etyudy po istorii i kul'ture adygov* [Etudes on the history and culture of the Circassians]. Nalchik, Elbrus, 2009, 653 p.

Shkhaplyakho Khyis. Khagaudzh Mokhamet. In: *Druzha: Al'manakh* [Friendship: An Almanac]. Maykop, 1964, pp. 79–86.

Sokolova A. N. Shouts and Exclamations in Multitimbral Polyphony of the Circassian Dance Circle. In: *The Eight International Symposium on Traditional Polyphony. 26-30 September 2016*. Tbilisi, Georgia, 2018, pp. 252–260.

Sokolova A. N. Vozglasy i vykriki v prostranstve adygsogo traditsionnogo tantseval'nogo kruga [Shouts and cries in the space of the Adyge traditional dance circle]. In: *Problemy sokhraneniya cherkesskogo fol'klora, kul'tury, yazyka: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati M. I. Mizhaeva (Nizhniy Arkhyz, 26–28 oktyabrya 2014 g.)*. [The problems of preserving Circassian folklore, culture, and language: Proceedings of the International Sci.-Pract. Conf. in Memory of M. I. Mizhaev (Nizhny Arkhyz, October 26–28, 2014)]. Maykop, IP Z. V. Pashtov, 2015, pp. 225–230.

Unarokova R. B., Khakunova E. Kh. *Fol'klor adygs koy svad'by* [Folklore of the Adyge wedding]. Maykop, IP Z. V. Pashtov, 2014, 320 p.

Информация об авторах

Раиса Батмирзовна Унарокова, доктор филологических наук

Алла Николаевна Соколова, доктор искусствоведения

Эльза Хамедовна Хакунова, кандидат филологических наук

Information about the authors

Raisa B. Unarokova, Doctor of Philological Sciences

Alla N. Sokolova, Doctor of Arts

Elza Kh. Khakunova, Candidate of Philological Sciences

Статья поступила в редакцию 17.06.2022;

одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 02.11.2022

The article was submitted on 17.06.2022;

approved after reviewing on 02.11.2022; accepted for publication on 02.11.2022

Литературоведение

Научная статья

УДК 801.82: 252.4

DOI 10.17223/18137083/82/4

Библейский сюжет о Валааме в древнерусском «Слове о звезде Ираньи»

Антон Николаевич Коваленко

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

damdiv@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5127-0962>

Аннотация

Рассказ о пророчестве Валаама является важным сюжетным компонентом «Слова о звезде Ираньи» – древнерусской гомилии, посвященной рождественским событиям. Сопоставление памятника с различными текстами древнерусской традиции позволяет сделать вывод, что рассказ о Валааме в гомилии связан с Толковой Палеей, с отдельными чтениями из Исторической Палеи (служение Валаама Ваалу, желание проклинать, запись персами пророчества Валаама). Первостепенным источником памятника стало слово «Поклонение волхвов» из Пролога Пространной редакции. Вывод подтверждается единством плана повествования и парафрастической обработкой фрагментов текста автором «Слова о звезде Ираньи». Контекст рукописей, содержащих памятник, его литературные связи свидетельствуют о причастности к его созданию Кирилла Туровского или книжников, знакомых с его кругом источников.

Ключевые слова

«Слово о звезде Ираньи», сюжет о Валааме, литературные источники, контекстуальные связи, жанровая специфика

Для цитирования

Коваленко А. Н. Библейский сюжет о Валааме в древнерусском «Слове о звезде Ираньи» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 62–72. DOI 10.17223/18137083/82/4

© Коваленко А. Н., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 62–72

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 62–72

The Biblical plot about the sorcerer Valaam in the Old Russian “Word about the Star of Irania”

Anton N. Kovalenko

State Public Scientific & Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
damdiv@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5127-0962>

Abstract

The story about the prophecy of the sorcerer Valaam is an essential plot component of the “Word about the Star of Irania,” an ancient Russian homily dedicated to Christmas events. The source study of the text under consideration was performed by comparing it with various texts of the Old Russian tradition treating the history of Valaam from the perspectives of the Christmas narrative (with the Menaion services of the Christmas cycle, the Explanatory Palea, the Historical Palea). The analysis revealed the story about Valaam in the “Word about the Star of Irania” to be connected with the Explanatory Palea. However, its author uses several unique readings from the Historical Palea: Balaam’s service to Baal, the desire to curse, and the Persian recording of Balaam’s prophecy, possibly related to Jewish exegetical comments on the Pentateuch of Moses. Another source of the “Word about the Star of Irania” proves to be the word of “Adoration of the Magi” from the Prologue, the second (Large) edition. It is confirmed by the unity of the components in the narrative plan and the paraphrastic processing of separate fragments from the prologue text by the author of “Word about the Star of Irania.” The context of the handwritten collections where the “Word about the Star of Irania” exists and its literary connections indicate that Kirill Turovsky, or the scribes of his school, were involved in its creation. The “Word about the Star of Irania” genre specificity “allows us to define the literary monument as a homily.

Keywords

Word about the Star of Irania, story of Balaam, literary sources, contextual links, genre specificity

For citation

Kovalenko A. N. The Biblical plot about the sorcerer Valaam in the Old Russian “Word about the Star of Irania”. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 62–72. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/4

«Слово о звезде Ираньи» (далее – «Слово») – древнерусский рассказ о поклонении волхвов, известный нам в пятнадцати списках XV–XVII вв. [Коваленко, 2021]. Отдельные сюжетные совпадения «Слова» со «Сказанием Афродитиана» и сопоставимые в обоих памятниках элементы стилистики позволили издателям Великих Миней Четых опубликовать один из вариантов «Слова» в качестве третьей, распространенной, редакции «Сказания Афродитиана Персянина» (Великие Миней Четьи..., 1912, предисловие С. О. Долгова).

До конца XX в. «Слово» попадало во внимание исследователей только при описании рукописных собраний. Среди описаний рукописных собраний рассматриваемый памятник был отмечен А. Н. Поповым [1872, с. 370], иером. Иосифом [1882, с. 182–186, 195–196], П. М. Строевым [1891, с. 144–146, 169–170, 177–178], архим. Леонидом (Кавелиным) [1893, с. 448–454], В. И. Срезневским [1913, с. 258–265], Г. П. Георгиевским [1915, с. 85–86, 298–299], Т. Н. Протасьевой [1970, с. 208–211], Т. В. Диановой, Л. М. Костюхиной и И. В. Поздеевой [1991, с. 387–389], а также в описании фондов рукописного отдела БАН [Описание...,

1951, с. 171–176]. Неоднократно составители отмечали близость «Слова» к «Сказанию Афродитиана», но не изучали их связи детально. Первым непосредственно на «Слово» обратил внимание Ю. К. Бегунов, опубликовав исследование «Слова о звезде Ираньи» по одному списку и определив круг его источников: «Сказание Афродитиана», «Сказание о Валааме волхве», Третья книга Царств и древнерусские предания об Августе-кесаре. Ю. К. Бегунов предположил, что повествование о Валааме в «Слове» строится на сказании из Исторической Палеи, отметив: «фразеологических совпадений между “Словом” и “Сказанием о Валааме” нет никаких» [Бегунов, 1983, S. 247].

Композиционно «Слово о звезде Ираньи» состоит из трех равноценных по размеру частей: предсказание Валаама, появление звезды в персидской кумирнице и поклонение волхвов родившемуся Христу. Каждая из частей заслуживает отдельного исследования. В настоящей работе обратимся только к рассказу о Валааме, повествование о котором в древнерусской книжности представлено несколькими вариантами, детали которых существенно разнятся: при этом вопрос об источниках данного сюжета в «Слове» нам представляется более сложным, чем ранее предположил Ю. К. Бегунов.

Итак, в «Слове о звезде Ираньи» рассказ о Валааме представлен следующим образом: когда Моисей выводил людей израильских из Египта, они проходили через Тиверию и Елинскую землю, побеждая встреченных правителей, *и много зла творящим им по земли, и приближишиася к стране Перьстеи*¹. В то время у царя Валака был волхв Валаам, который служил солнцу и огню и *пророчествоваше во избытие*. Валак призвал волхва, чтобы тот проклял Израиль. Валаам, согласившись, на высокой горе начал обряд жертвоприношения, но увидел архангела Михаила, который, *оружье наго имея в руке*, под страхом смерти запретил ему выполнять повеление Валака. Вместо этого Валаам по вдохновению свыше благословил евреев, говоря: *Добри дома твои, Иакове, и скинья твоя, Израилю*. После новой просьбы Валака волхв второй раз принес жертву и вновь пытался проклясть израильские полки, но во второй раз благословил их, предсказывая появление Звезды: *Восияет Звезда от Иякова и встанет человек от Иуды, иже упасет люди своя*. Данное пророчество персы записали в книги вместе с предсказаниями Давида, Соломона, Исаии и других пророков.

В контексте рождественского нарратива сюжет о том, что Валаам предсказал появление той самой звезды, которая вела волхвов, является достаточно распространенным. Краткое упоминание об этом есть уже в слове на Рождество Василия Великого (инц. «*Христово рождество, еже убо свое*») (Basilius Caesariensis, 1857), в котором говорится следующее: «*Язык перскии волсви, обаванию и чародействию, и естествому съпротивострастию внемлюще, о блюдени горних упражняющимся. Сего обаваниа видится причаститися и Валаам. Послан бысть от Валаака, якоже некими словесы прокляти Израиля, иже и четвертой своеи притчи сицеваа глаголет о Господи: Человечи зря, рече, слыша словеса Божиа, ведый художество Вышняго, и видиние Божие видивь во сне, очи его откровени. Восияет звезда от Иакова, и встанет человек от Израиля*» (Великие Минеи Четьи..., 1912, стб. 2297).

¹ Здесь и далее «Слово» цитируется по ркп. РГБ, ф. 113, собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, № 143 (504), XV в. Древнерусские тексты в статье даются в упрощенной орфографии согласно принципам, принятым для передачи текстов древнерусской литературы в Трудах отдела древнерусской литературы [Проект..., 1955].

Неоднократно связь волхвов с Валаамом отмечается и в службах, связанных с Рождеством Христовым:

1) во втором тропаре 5-й песни канона на повечерии 2 декабря: *Ученикы волхва Валаама волхвы зовет к разуму звездою Христос, облакы же небо одеваяй, пеленами повиваетя, и в яслех лежит, егоже трепещут херувими, в вертене вместиается, исполняя вся*²;

2) в третьем тропаре 3-й песни канона на повечерии 24 декабря: *Волхва звездо-четца Валаама гадания ныне исполняются, восца бо звезда от Иакова и настави к славе Солнцу дары носяща от Персиды царю*³;

3) в качестве второй паремии на великой вечерне под Рождество читается отрывок из Книги Чисел (24:2–3, 5–9, 17–18), посвященный пророчеству Валаама о звезде (инц.: *Бысть Дух Божии на Валааме*)⁴;

4) во втором тропаре 4-й песни канона Космы Маюмского на Рождество: *Волхва древле Валаама словесы ученикы мудрыя звездолюбостителя радости исполнил еси, звезда от Иакова восияв, Владыко, языком начаток вводивших при-ят же яве, слава силе Твоеи, Господи, въшющих*⁵.

Как отмечает М. Н. Скабалланович, указанный состав паремий на вечерне Рождества встречается в списках устава св. Софии Константинопольской IX–X вв., что является самой древней частью рождественской службы [Скабалланович, 1916, с. 79] – это свидетельствует о том, что мотив Валаама как предтечи волхвов является древней частью литургической практики. При этом в других текстах Ветхого и Нового Заветов Валаам упоминается как человек, польстившийся на злое дело из корыстолюбия (Втор. 23:4, Неем. 13:2, 2Пет. 2:15, Иуд. 1:11, Откр. 2:14)⁶, но в литургическом контексте поклонения волхвов Валаам оценивается преимущественно позитивно.

Конечно, указанные тексты не могли стать непосредственными источниками для «Слова о звезде Ираньи» ввиду отсутствия в них комплекса конкретных деталей, используемого в «Слове». Мы предполагаем, что древность традиции сопоставления Валаама и волхвов, ее распространенность в богослужении и народные легенды могли повлиять на замысел автора «Слова».

Помимо богослужебного упоминания в славянской книжности рассказ о Валааме встречается в текстах Палей: Исторической, Толковой, Хронографической, где в том числе ветхозаветный пророк связывается с Рождеством и волхвами.

В Толковой и Хронографической Палеях повествование соответствует рассказу о Валааме книги Чисел (главы 22–24). Согласно библейскому и палейному повествованию Валак дважды призывал Валаама: *слыша же Валак, сын Семфоров, все, елико створи Израиль Амарею, и убояся зело и пусти послы к Валаму, сыну Веерову*⁷. При этом о Валааме не говорится, что он служил солнцу или огню, в книге Чисел и Толковой Палее прямо утверждается, что с ним говорил Бог: *Аще ми ся явить Бог и слово, еже ми укажетъ, исповемъ ти* – хотя согласно Библии Валак для первого жертвоприношения привел Валаама на столп Ваала

² Здесь и далее цит. по ркп. РГБ, ф. 304.I, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 32. Миняя служебная, декабрь. 4°, XV в. л. 145.

³ Там же, л. 162.

⁴ Там же, л. 184.

⁵ Там же, л. 190 об.

⁶ См., например, 2Пет. 2:15: *заблудились, идя по следам Валаама, сына Восорова, который возлюбил мзду неправедную* (Синодальный перевод).

⁷ Здесь и далее цит. по: (Палея Толковая, 2002, с. 364–390).

(Чис. 22:41). По дороге к Валаку ослица, везущая волхва, трижды остановилась, после чего Валаам стал бить ее с яростью, а она обратилась к нему, *чрес естъство человеческим языком проглаголав*. Придя к царю, Валаам, как сказано в Палее, трижды⁸ по вдохновению свыше благословил израильский народ.

Отличным образом от описанного выше представлен Валаам в Исторической Палее. Согласно ее повествованию, Валаам был потомком Исава, сыном Адима, с детства посвященным на служение богу Овилу, или Вилу⁹ (*и нарече имя ему Валаам, яко от Вила родися*¹⁰). Он совершенствовался в волхвовании и был искусным звездочетцем. Благословение или проклятие Валаам совершал по своим книгам и по велению Овила. Валак пообещал щедро наградить волхва, *възвещая ему дати пол царства своего*, который, ослепленный такими дарами, трижды пытался проклясть Моисея и израильский народ, но не мог открыть свои уста (*се сътвори дващи и трищи. Не бе бо ему речи, иже хотяше*), и только на четвертый раз начал против своей воли говорить слова благословения, в том числе пророчество о звезде: *восиает звезда от Иакова и въстанет человек от Израиля*. При этом сам волхв не понял своих слов, спросив окружающих: *да кая суть иже глаголах. Они же поведаша ему преписанныя речи*. После этого, разгневанный на самого себя, он отправился обратно, *яко да видить волхвованья си книги и сътворить волхвованя на Иудея*. Но по пути ослица не смогла обойти ангела, преграждающего им путь, и даже его *удари о стену и съкруши Валааму ногу*. Ангел запретил волхву проклинать Божий народ, говоря: *Ни проклени Израиля, да не умрешь, но имже путем прииде, темь и възвратися*. В итоге, по словам Палеи, пророчество Валаама записали персы, *чающе звездосияние, съблюдающе на всяко время, когда явится звезда*.

В данном случае повествование Исторической Палеи следует за греческим текстом Палеи, как можно видеть из списка, опубликованного А. Васильевым [Vassiliev, 1893]. Возможно, столь необычные детали истории о Валааме, в частности его происхождение от Исава, связаны с иудейскими экзегетическими комментариями к книге Чисел. Например, в Таргуме Псевдо-Йонатана говорится, что Билеам (т. е. Валаам, не Бела, как в Библии) был первым царем Эдома, города, в котором жили идумеи – потомки Исава¹¹.

На первый взгляд, как считал Ю. К. Бегунов, рассказ «Слова о звезде Ираньи» действительно обладает чертами, сближающими его с Исторической Палеей. «Слово» и Историческую Палею объединяют следующие фрагменты: язычество Валаама, детали проклятия и запись пророчества персами (табл. 1).

С другой стороны, основа истории Валаама в «Слове» ближе к Толковой Палее, но также «Слово» обладает индивидуальными чертами, противоречащими как Толковой, так и Исторической Палее. Валаам сразу приходит к Валаку, без приглашения через послов: *призва царь Валама к собе*. Из текста следует, что Валаам является подчиненным Валаку, про которого говорится: *бляше у него волхв Валам*. В «Слове» нет ни одного упоминания о Валаамовой ослице, к волхву обращается архангел Михаил, а не Бог (*явися ему ангел Господень Михаил 2-е и запрети ему прокляти, но благословити*), благословение происходит дважды, не

⁸ Согласно книге Чисел четырежды.

⁹ Вил – вавилонский идол, вероятнее всего соответствующий Ваалу, ассиро-вавилонскому богу солнца. См. Дан. 14:3–32, Ис. 46:1, Иер. 50:1, Иер. 51:44.

¹⁰ Здесь и далее цит. по: (Попов, 1881, с. 98–105).

¹¹ В первую очередь см. Быт. 36:32. URL: <http://targum.info/pj/pjgen32-36.htm> (дата обращения 07.06.2022).

три или четыре раза. «Слово» является авторским произведением, созданным благодаря творческому переосмыслению известий своих источников, в частности – Толковой и Исторической Палей. При этом Толковая Палея остается основным источником для данного мотива.

Таблица 1

Сравнение чтений Исторической Палеи и «Слова о звезде Ираньи»

Table 1

Comparison of readings of Historical Palea and “Word about the Star of Irania”

Палея Историческая	Слово о звезде Ираньи
<i>дасть его Адим отец его работати Овилу</i>	<i>жрѣше солнцу и огню</i>
<i>благоволно начят глаголати, яко прокляти люди Господня</i>	<i>се восхоте хотением прокляти</i>
<i>ни проклени Израиля, да не умрешь</i>	<i>благослови, аще ли ни, то зле умреш ты, и царство, и люди ваши</i>
<i>сие слова написаша дети персистици, звездословесни</i>	<i>се пророчество вписаша перси в книги своя</i>

Генетическая связь «Слова» с редакциями Палеи в том числе подтверждается тем, что некоторые из списков «Слова» встречаются сразу после Палеи, как, например, в ркп РГБ, ф. 113, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 173 (551) [Водолазкин, 2004, с. 171]. В этом списке, как и в некоторых других, «Слово о звезде Ираньи» имеет особый заголовок: «Сказание явльшиися звезды» – подобная жанровая интерпретация подчеркивает, на наш взгляд, его изначально нарративный, не ораторский характер. В этом смысле «Слово» близко к древней форме христианской проповеди – гомилии, которая подразумевала анализ и истолкование (т. е. экзегезу) отрывка из Священного Писания, как писал Н. И. Барсов о проповеди в раннехристианской традиции: «первоначальный и главный вид учительства – экзегетический» [Барсов, 2012, с. 114].

«Слово о звезде Ираньи» распространяет краткий рассказ о волхвах из второй главы Евангелия от Матфея (Мф. 2:1–12), оно последовательно объясняет, как появилась звезда, ведущая волхвов, кто и при каких обстоятельствах предсказал ее появление. Таким образом, сам формат гомилии исключает из истории Валаама детали и подробности, не имеющие непосредственного отношения к звезде: в тексте памятника нет упоминания о заговорившей ослице (популярный сюжет, нашедший отражение в русском фразеологизме), нет многократного благословения израильтян. Для повествования, посвященного рождественской звезде, такие детали оказываются незначительными, усложняющими повествование. В данном случае тема Валаама ограничена ее связью с рождественским нарративом: Валаам предсказал появление звезды от Иакова, предвещающей рождение великого царя, а его потомки волхвы стали передавать это пророчество в своих книгах.

В контексте рассматриваемого сюжета о Валааме мы также обратили внимание на слово «Поклонение волхвов» (инц. «В прежняя времена») ¹², известное нам по второй (Пространной) редакции Пролога. Это сочинение включает в себя не

¹² Название памятника дается по той традиции, согласно которой он бытует в Прологах.

только пророчество Валаама, но и ряд деталей, органично вплетенных в повествование исследуемого «Слова о звезде Ираньи».

О. В. Творогов, описывая состав Пространной редакции Пролога XIV–XV вв., приводит семь списков, содержащих названное выше слово [Творогов, 2014, с. 312]. Это слово имеется и в первой редакции Пролога. Однако мы считаем важным подчеркнуть, что слово «Поклонение волхвов» именно второй редакции Пролога, в отличие от первой, обладает множеством деталей, которые так или иначе отражаются в «Слове о звезде Ираньи».

В слове из Пролога второй редакции, например, говорится, что в то время, *егда же раб Божии Моисеи ведяше израильтяньския люди от Египта всквозе персьскую землю*¹³, в персидской земле был некий волхв Валаам, который предсказал появление звезды, его пророчество записали персы за 1400 лет до рождения Христа, а впоследствии три волхва *Малхион, Аспарь и Валтасан*, служившие персидскому царю, увидев звезду, которая вела себя иначе, чем другие звёзды (*яко не творяше шествия, яко прочая звезды от востока на запад, но к полудни*), отправились на поклонение Христу Богу и с радостью вернулись в свою страну. Перечисленных деталей нет в первой редакции, они читаются только во второй и коррелируют с соответствующими местами «Слова о звезде Ираньи». В последнем мы встречаем упоминание пророчества Валаама, инспирированное походом Моисея в землю обетованную, запись волхвами его предсказания, перечисление именно этих имен волхвов. Также в пользу генетической связи «Слова о звезде Ираньи» и слова «Поклонение волхвов» из Пролога второй редакции говорят следующие парафрастические фрагменты (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение чтений Слова «Поклонение волхвов»
и «Слова о звезде Ираньи»

Table 2

Comparison of readings of the word “Adoration of the Magi”
and “Word about the Star of Irania”

Пролог	Слово о звезде Ираньи
<Валаам> <i>волхвоваше в сбытье</i>	<i>пророчествоваше во изъбытие</i>
<i>вписааша вольсви таковое пророчество</i>	<i>се пророчество вписааша перси в книги своя</i>
<Волхвы> <i>възвратишася с радостию в землю свою</i>	<i>пришедше в землю свою ... и возрадовася царь</i>

Радость волхвов при их возвращении, представленная в последней цитате, – мотив, которого нет в рассказе о волхвах в Евангелии от Матфея, но который логично замыкает рассказ о путешествии волхвов обратно к тем, кто их послал. Мотив радости также присутствует в «Сказании Афродитиана», но парафрастический пересказ является основным методом объединения источников в «Слове», повествование, заимствованное из «Сказания Афродитиана» в «Слове» также значительно переработано, поэтому парафразы из «Пролога являются важным признаком родства представленных памятников. На этом основании мы предполага-

¹³ Здесь и далее цит. по одному из наиболее ранних списков: ГИМ, собр. Синодальное, № 248, XIV в., 210 л. писец Яков дьяк. Л. 143 об.

ем, что «Слово на поклонение волхвов» из Пролога второй редакции стало главным протографом, определившим саму повествовательную структуру «Слова о звезде Ираньи». В свете предполагаемого нами сюжетообразующего назначения проложного «Поклонения волхвов» Пролога второй редакции для создания «Слова о звезде Ираньи» нам представляется значимым определение хронологических границ появления данных памятников.

Время составления и первой (Краткой), и второй (Пространной) редакций Пролога и то, какая редакция была первичной, являются пока дискуссионными вопросами. О. В. Лосева, сравнивая проложный материал, использованный Кириллом Туровским в «Повести о белоризце», приходит к выводу, что Кирилл использовал либо обе редакции, либо некое промежуточное, ныне утерянное звено между этими редакциями [Лосева, 2009, с. 102–114]. В то же время исследователь предполагает, что учительная часть Пространной редакции была создана ранее Краткой, до рубежа XII–XIII вв. [Там же, с. 122]. Между тем, хотя списки «Слова о звезде Ираньи» встречаются с XV в., его окружение в сборниках также свидетельствует о раннем происхождении «Слова» [Коваленко, 2021, с. 79]. Рукописи РГБ, ф. 113, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 143 (504), XV в.¹⁴ и № 161 (525), XVI в., содержащие одну из ранних редакций «Слова», также имеют в своем составе все произведения Кирилла Туровского, которые атрибутируются ему с высокой степенью достоверности: две притчи, сказание и восемь слов на праздники триодного цикла.

Учитывая то, что Кирилл Туровский использовал проложный материал в своих притчах, мы можем предположить, что «Слово о звезде Ираньи» могло быть создано или самим Кириллом Туровским, или кем-то, знакомым с его кругом источников. В любом случае единый контекст и общая основа повествовательной структуры слова «Поклонение волхвов» и «Слова о звезде Ираньи» говорят о возможной их литературной зависимости.

Рассказ о волхве Валааме, предсказавшем появление звезды, не просто является частью композиции «Слова о звезде Ираньи», он становится отправной точкой для создания самостоятельного произведения, в котором явление звезды и поклонение волхвов, описанные в Евангелии от Матфея, последовательно комментируются, толкуются в духе древнейшей формы христианской экзегетической проповеди – гомилии. Это происходит посредством слова «Поклонение волхвов» из Пролога Пространной (второй) редакции, которое и становится структурирующей основой повествования в «Слове о звезде Ираньи». Сам сюжет о Валааме в «Слове» формируется на основании текста Толковой Палеи с привлечением дополнительных чтений из Исторической Палеи. Возможно, создание «Слова» связано с Кириллом Туровским, который использовал Пролог в своих сочинениях, и в некоторых сборниках его тексты играют роль значимого контекста для «Слова».

Список литературы

Барсов Н. И. История первобытной христианской проповеди до IV века. М., 2012. 410 с.

¹⁴ В описаниях сборник датируется XVI в., но в рукописи представлены водяные знаки, встречающиеся в конце XV в.: сюжет «собака», типологически близко к: 1) Briquet № 3635 (1479 г.); 2) Piccard online № 86424 (1484 г.), либо Piccard online № 86425 (1484 г.), но с фляжкой за ошейником; 3) Piccard online № 86453 (1487 г.).

Бегунов Ю. К. Новонайденное апокрифическое «Слово о звезде Ираньи» // *Zeitschrift für Slawistik*. 1983. Bd. 28, Hft. 2. S. 238–257.

Водолазкин Е. Г. Редакции Краткой Хронографической Палеи // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 56. С. 164–180.

Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музее. Пг., 1915. 464 с.

Дианова Т. В., Костюхина Л. М., Поздеева И. В. Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л.: Наука, 1991. С. 122–415.

Иосиф, иером. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной академии. М., 1882. 360 с.

Коваленко А. Н. К проблеме текстологического изучения «Слова о звезде Ираньи» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2: Филология. С. 76–83. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-76-83

Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа Уварова. Часть первая. М., 1893. 714 с.

Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XIV веков. М., 2009. 466 с.

Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 4, вып. 1 (повести, романы, сказания, сказки, рассказы). 116 с.

Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. 766 с.

Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы // ТОДРЛ. М.; Л.; 1955. Т. 11. С. 491-499.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания. Ч. 1. № 577–819. М., 1970. 264 с.

Скабалланович М. Н. Рождество Христово. Киев, 1916. 196 с.

Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. 746 с.

Строев П. М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. СПб., 1891. 392 с.

Творогов О. В. Описание состава Пространной редакции Пролога по спискам XIV–XVI веков. Часть 1: Пролог за сентябрь–февраль // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 269–342.

Vassiliev A. *Anecdota graeco-byzantina. Mosquae*, 1893. P. 1. 348 p.

Список источников

Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Декабрь, дни 25–31. СПб.: Имп. Археограф. комитет, 1912. Вып. 13. Тетр. 2.

Палея Толковая / Подгот. древнерусского текста и пер. А. М. Камчатнова; ред. Ю. Камчатнова. М.: Согласие, 2002. 648 с.

Попов А. Н. Книга бытия небеси и земли (Палея историческая) с приложением сокращенной Палеи русской редакции. СПб., 1881. 320 с.

Basilius Caesariensis. *Homilia in sanctam Christi generationem* // *Patrologiae cursus completus (Series Graeca)*. En 161 t. Ed. par J.-P. Migne. Paris, 1857. Т. 31. Стб. 1457–1475.

Список архивов

Государственный исторический музей (ГИМ), собр. Синодальное, № 248, XIV в., 210 л., писец Яков дьяк.

Российская государственная библиотека (РГБ), ф. 113, собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, № 143 (504). Сборник. XV в.; № 161 (525). Сборник. XVI в.; № 173 (551). Палея с прибавлениями. XVI в.; ф. 304.I, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 32. Миняя служебная, декабрь. XV в.

References

Barsov N. I. *Istoriya pervobytnoy khristianskoy propovedi do 4 veka*. [History of primitive Christian preaching until the 4th century]. Moscow, 2012, 410 p.

Begunov Yu. K. Novonaydennoe apokrificheskoe “Slovo o zvezde Iran’I” [Newly discovered apocryphal “Word about the Star of Irania”]. *Zietschrift fur Slawistik*. 1983, vol. 28, iss. 2, pp. 238–257.

Dianova T. V., Kostyukhina L. M., Pozdeeva I. V. *Opisanie rukopisey biblioteki Iosifo-Volokolamskogo monastyrya iz Eparkhial’nogo sobraniya GIM* [Description of the manuscripts of the library of the Joseph-Volokolamsk monastery from the diocesan collection of the State Historical Museum]. In: *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Iosifo-Volokolamskii monastyr’ kak tsentr knizhnosti*. Leningrad, Nauka, 1991, pp. 122–415.

Georgievskiy G. P. *Rukopisi T. F. Bol’shakova, khranyashchiesya v Imperatorskom Moskovskom i Rumyantsevskom muzee* [Manuscripts of T. F. Bol’shakov, stored in Imperial Moscow and Rumyantsev’s museum]. Petrograd, 1915, 464 p.

Iosif, ierom. *Opis’ rukopisey, perenesennykh iz biblioteki Iosifova monastyrya v biblioteku Moskovskoy Dukhovnoy akademii* [Inventory of manuscripts transferred from the library of the Joseph Monastery to the library of the Moscow Theological Academy]. Moscow, 1882, 360 p.

Kovalenko A. N. To the problem of textological study of the “Word about the Star of Irania”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021, vol. 20, no. 2: Philology, pp. 76–83. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-76-83

Leonid (Kavelin), arkhim. *Sistematicheskoe opisanie slavyano-rossiyskikh rukopisey sobraniya grafa Uvarova. Chast’ pervaya* [Systematic description of Slavic-Russian manuscripts from the collection of Count Uvarov. Part one]. Moscow, 1893, 714 p.

Loseva O. V. *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov 12 – pervoy treti 13 vekov* [Lives of Russian Saints as part of the Old Russian Prologues of the 12th – the first third of the 15th centuries]. Moscow, 2009, 466 p.

Opisanie rukopisnogo otdeleniya Biblioteki Akademii nauk SSSR. [Description of the handwritten department of the Library of the USSR Academy of Sciences”]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1951, vol. 4, iss. 1 (povesti, romany, skazaniya, skazki, rassказы [stories, novels, legends, fairy tales, stories]), 116 p.

Popov A. N. *Opisanie rukopisey i katalog knig tserkovnoy pečati biblioteki A. I. Khludova* [Description of manuscripts and catalog of books of the church printing of the library of A. I. Khludov]. Moscow, 1872, 766 p.

Proekt serii monograficheskikh issledovaniy-izdaniy pamyatnikov drevnerusskoy literatury [Project of a series of monographic studies-publications of monuments of Old Russian literature]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1955, vol. 11, pp. 491–499.

Protas’eva T. N. *Opisanie rukopisey Sinodal’nogo sobraniya. Ch. 1. No. 577–819* [Description of the manuscripts from Synodal collection. Pt. 1, No. 577–819]. Moscow, 1970, 264 p.

Skaballanovich M. N. *Rozhdestvo Khristovo* [Nativity of Christ]. Kiev, 1916, 196 p.
Sreznevskiy V. I. *Opisanie rukopisey i knig, sobrannykh dlya imperatorskoy akademii nauk v Olonetskom krae* [Description of manuscripts and books collected for the Imperial Academy of Sciences in the Olonets region]. St. Petersburg, 1913, 746 p.

Stroev P. M. *Opisanie rukopisey monastyrey Volokolamskogo, Novyy-Ierusalim, Savvina-Storozhevskogo i Pafnutieva-Borovskogo* [Description of the manuscripts of the Volokolamsky, New Jerusalem, Savvin-Storozhevsky and Pafnutiev-Borovsky monasteries]. St. Petersburg, 1891, 392 p.

Tvorogov O. V. *Opisanie sostava Prostrannoy redaktsii Prologa po spiskam 14–16 vekov. Chast' 1: Prolog za sentyabr' – fevral'* [Description of the composition of the Extended edition of the Prologue according to the manuscripts of the 14th – 16th centuries. Part 1. Prologue for September – February]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 2014, vol. 62, pp. 269–342.

Vassiliev A. *Anecdota graeco-byzantina*. Mosquae, 1893, p. 1, 348 p.

Vodolazkin E. G. *Redaktsii Kratkoy Khronograficheskoy Palei* [Editions of a Short Chronographic Palea]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2004, vol. 56, pp. 164–180.

List of sources

Basilus Caesariensis. *Homilia in sanctam Christi generationem*. In: *Patrologiae cursus completus (Series Graeca)*. En 161 t. J.-P. Migne (Ed.). Paris, 1857, vol. 31, col. 1457–1475.

Paleyа Tolkovaya [Explanatory Paleia]. A. M. Kamchatnov (Prep. of the Old Russian text and transl.), Yu. Kamchatnov (Ed.). Moscow, Soglasie, 2002, 648 p.

Popov A. N. *Kniga bytia nebesi i zemli (Paleyа istoricheskaya) s prilozheniem sokrashchennoy Palei russkoy redaktsii* [The Book of the genesis of heaven and earth (Historical Palea) with the appendix of the abbreviated Palea of the Russian edition]. St. Petersburg, 1881, 320 p.

Velikie Minei Chet'i, sobrannye vserossiyskim mitropolitom Makariem. Dekabr', dni 25–31 [The Great Reading Mineas, compiled by the All-Russian Metropolitan Makarios. December, days 25–31]. St. Petersburg, 1912, iss. 13, nb. 2.

Информация об авторе

Антон Николаевич Коваленко, младший научный сотрудник

Information about the author

Anton N. Kovalenko, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 29.07.2022;
одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 19.08.2022
The article was submitted on 29.07.2022;
approved after reviewing on 19.08.2022; accepted for publication on 19.08.2022*

Научная статья

УДК 81'22; 811.161.1
DOI 10.17223/18137083/82/5

Федор Иванов как автор трактата «О познании антихристовой прелести»: pro et contra

Александр Владимирович Загуменнов

Учебно-информационный центр «СОКРАТ»
Вологда, Россия

Вологодская духовная семинария
Вологодской епархии Русской Православной Церкви
Вологда, Россия

zaw1991@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Аннотация

Анализируется сочинение «О познании антихристовой прелести», приписываемое Федору Иванову – идеологу старообрядчества в XVII в. Двумя способами обосновывается, что указанный текст не соответствует ни авторской манере выстраивания высказывания, ни авторскому пониманию богословских тем. Для начала из сочинения вычленен фрагмент с внутренней рифмой, который сопоставляется по этому параметру с другими документами Федора Иванова. Выявлено, что среднее арифметическое число по количеству компонентов «от запятой до запятой» в тексте «О познании...» не характерно для писательской манеры данного идеолога старообрядчества. После этого сравнивается интерпретация фигуры антихриста в анализируемом памятнике и «Послании ко всем православным о антихристе». Выявлено несоответствие в толковании, которое не может быть следствием измененной целевой установки у одного автора.

Ключевые слова

текст, синтагма, высказывание, языковая личность, раскол, старообрядчество

Для цитирования

Загуменнов А. В. Федор Иванов как автор трактата «О познании антихристовой прелести»: pro et contra // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 73–86. DOI 10.17223/18137083/82/5

© Загуменнов А. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 73–86
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 73–86

Fedor Ivanov as the author of the treatise “On the Knowledge of Antichrist’s Prelest”: pro et contra

Alexander V. Zagumennov

Educational and Information Center “SOKRAT”
Vologda, Russian Federation

Theological Seminary of the Vologda Diocese of the Russian Orthodox Church
Vologda, Russian Federation

zaw1991@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Abstract

This study analyzes the work “On the Knowledge of Antichrist Prelest (Delusion)” that has been attributed to Fedor Ivanov so far. Fedor Ivanov was the ideologist of the Old Believers, condemned at the Moscow Cathedral in the 1666–1667 years and executed in Pustozersk in 1682 together with Archpriest Avvakum, priest Lazar, and monk Epiphanius. A twofold argument is offered that the text in question does not correspond either to Fyodor Ivanov’s manner of constructing the statement or to his understanding of the theological topics. The approach applied is based on phenomenological philosophy and philological hermeneutics. The main linguistic methods are description, comparison and contrast, and contextual analysis. First, a text fragment with an internal rhyme was selected and compared with other documents of Fedor Ivanov in terms of internal rhyme. The arithmetic mean of the number of components “from comma to comma” in the text analyzed has been revealed not to be characteristic of the writing style of the Old Believers’ ideologue. Second, the interpretation of the Antichrist in the text concerned was compared with that in the “Epistle to All Orthodox about Antichrist.” A discrepancy was revealed that cannot result from the author’s changing the target setting. Finally, a conclusion is made that the essay “On the Knowledge of Antichrist Prelest” was not created by Fedor Ivanov.

Keywords

text, syntagma, utterance, linguistic personality, schism, Old Believers

For citation

Zagumennov A. V. Fedor Ivanov as the author of the treatise “On the Knowledge of Antichrist’s Prelest”: pro et contra. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 73–86. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/5

Современная лингвоперсонология [Иванцова, 2010], вернее, ее диахроническое ответвление (см. [Аникин, 2004; Шелепова, 2016] и др.), благодаря удачному синтезу теории и истории языка может способствовать более точному определению корпуса памятников, принадлежащих конкретной языковой личности прошлых веков. В этой связи помимо традиционных способов моделирования [Богин, 2009; Караулов, 2010] допустимо использовать и другие способы изучения доминантных характеристик пишущего, его грамматических предпочтений, «узловых точек» в картине мира, общих стратегий и тактик речевого поведения. В предлагаемой статье осуществляется опыт герменевтико-феноменологического подхода, включающего в себя разработки «Московского методологического кружка» [Богин, 2009; Щедровицкий, 2007], идеи Э. Гуссерля и его явных и неявных последователей [Гуссерль, 2009; Шпет, 2005; Штайн, 2006] и данные, собранные и проанализированные Л. В. Титовой [2003; 2016]. Весь этот комплекс идей и средств направлен на решение конкретного вопроса: принадлежит ли текст «О познании антихристовой прелести» Федору Иванову? Будучи «духовным сыном» протопо-

па Аввакума, он является также и создателем весьма объемного корпуса полемических сочинений. Тем не менее принадлежность перу Федора Иванова некоторых трудов до сих пор вызывает вопросы. К числу спорных текстов относится и «О познании антихристовой прелести», жанр которого исследователями определяется и как «послание», и как «трактат», и как «полупоэма-полупроповедь» [Титова, 2003]. В рамках статьи мы используем все три обозначения, оставляя вопрос о жанре данного сочинения в стороне.

Две линии в атрибуции текста

В современных филологических исследованиях можно обнаружить две точки зрения на предмет нашего рассуждения. С фундаментальной публикации Н. И. Субботина берет свое начало «библиографическая» линия атрибуции текста. В ее основу положен, во-первых, факт обретения сочинения в старообрядческих рукописных сборниках трудов, приписываемых Федору Иванову. Во-вторых, в конце текста «О познании...» дано имя составителя через числовое значение букв церковнославянского алфавита (об этом ниже, табл. 1). Этой линии атрибуции придерживаются достаточно серьезные и авторитетные специалисты – В. Г. Дружинин [1912, с. 274], Н. Ю. Бубнов [Сочинения писателей-старообрядцев..., 1984, с. 240], А. Т. Шашков [2008], С. А. Зеньковский [2009, с. 256]. Недостатком этой точки зрения является отсутствие лингвистического (и шире – лингвоперсоналогического) анализа. По крайней мере, в перечисленных источниках нет аргументации с привлечением данных языка.

Вторая линия атрибуции текста берет свое начало в работе П. С. Смирнова [1898, с. LXVII–LXIX]. Его аргументы против авторства Федора Иванова сводятся к следующему. Во-первых, приписка в финале текста «О познании...» не является определенной и не позволяет точно соотнести сочинение с конкретным лицом – идеологом старообрядчества. Во-вторых, П. С. Смирновым была высказана мысль о потенциальной противоречивости содержания трактата всему остальному письменному наследию. В-третьих, исследователь обратил внимание на тему, поднятую в трактате «О познании...», о некорректном написании имени «Иисус», что, по его мнению, связано с событиями и публикациями уже XVIII в. Наконец, в-четвертых, П. С. Смирнов указал на обращение в начале сочинения к некоему «епископу», что позволило предположить наличие церковной иерархии в старообрядческих общинах, а это, естественно, не совпадает с годами жизни Федора Иванова. Большая часть этой аргументации была «отведена» М. Б. Плюхановой [Пустозерская проза, 1989, с. 362], однако с нашей стороны есть дополнения, которые мы выскажем ниже.

Первое замечание П. С. Смирнова о неопределенности приписки (и ее вариантах в рукописной традиции) «снимается» (в философском смысле) тем, что в сочинении «Ответ православных», главным составителем которого уверенно называется Федор Иванов, мы обнаруживаем аналогичную манеру представления себя (см. табл. 1).

Второе замечание, о противоречивости сочинения «О познании...» относительно остальных трудов Федора Иванова, частично «отводится» М. Б. Плюхановой. Она пишет, что трактат связан с рядом произведений идеолога старообрядчества, но дает «новый смысл» апокалипсическим образам [Там же]. При этом допускается, что специфика предмета рассуждения (антихрист и последние времена) может приводить к смене рассудительной манеры письма на иные, порой

мрачные и экзальтированные [Пустозерская проза, 1989, с. 363]. С последним утверждением мы согласиться не можем, но вернемся к нему позже при анализе контекстов.

Таблица 1

Тождество способов подписи

Table 1

Signature methods' identity

Ответ православных	О познании
«Токмо чтый да разумеет звание трудившагося в чисменстых – двести пятьдесят ко осмим, в чине же священнослужения в численных же – сто пятьдесят к пятим, в словенском диалекте. Аллилуйя, аллилуйя, докса Си, Феос, о всем! Аминь» (цит. по: [Титова, 2003, с. 206]).	«Имя писавшаго сіе: отъ девятаго числа на пятое, отъ пятаго на семьдесятое, отъ семьдесятата на четвертое и паки на семдесятое, отъ семдесятата же на сотое, во славу Божию, пѣваемую во вѣки. Аминь» (Материалы, 1881, с. 89).

Третье замечание П. С. Смирнова о написании имени «Иисус» высказывает-ся на основании прочтения списка сочинения, отличного от опубликованного Н. И. Субботиным в (Материалы, 1881). Согласно приводимому контексту, враг Божий «проповѣда треокаянный невѣдомаго и неслыханнаго Бога, рекомаго у нихъ Иисуса» [Смирнов, 1898, с. LXVIII]. Эта точка спора пропущена М. Б. Плюхановой, однако замечание «снимается» внутри самого творчества Федора Иванова. В частности, в челобитной Алексею Михайловичу (1666) он пишет: «Иисусъ, Иисусъ, Иисусъ, – приложили литеру (и). <...> Въ бесѣдахъ, государь, Златоустаго тому Иисусу двѣ литеры написаны, которова святіи Апостоли не проповѣдовали» (Материалы, 1881, с. 31–32). Логично, что если «Апостоли не проповѣдовали», то и «бог» «неведом и несыхан».

Четвертое замечание, согласно которому создатель «О познании...» обращает-ся к некоторому епископу, когда у старообрядческих общин не было своей иерар-хии, частично отводится М. Б. Плюхановой. По ее словам, «в Послании Иоанну (1669 г.) Федор называет Аввакума “святителем Христовым” – наименование, подобающее епископу» [Пустозерская проза, 1989, с. 363]. От себя добавим, что в церковной истории на ранних этапах формирования христианской общины епи-скоп и пресвитер как «должности» функционально пересекались (подробнее см. в: [Дворкин, 2014]). Осознание нового гонения на верных от отступников, почти язычников, характерно для духовного отца Федора – Аввакума. Вследствие этого подобные обращения можно рассматривать до определенной степени как пример влияния одного автора на другого.

Наши добавления к тому, что было высказано М. Б. Плюхановой, не отменяют линию атрибуции текста, для которой либо Федор Иванов не автор трактата «О познании...», либо это сочинение не рассматривается в контексте его эсхато-логической системы [Титова, 2003]. Впрочем, признание «другого духа» в «полу-поэме-полупроповеди» объединяет позиции и П. С. Смирнова, и М. Б. Плюхано-вой, и Л. В. Титовой.

При отсутствии дополнительной лингвистической аргументации (как видим, это характерно для обеих линий атрибуции) это языковое чутье может быть клю-

Под «текстовой строчкой» дана «расшифровка» после редукции по количеству компонентов. В сокращении эта же процедура приобретает вид, представленный на рис. 2.

Рис. 2. Графическая партитура фрагмента «О познании...»
 Fig. 2. Graphic score of the fragment “On the Knowledge of...”

Повторяющиеся компоненты между знаками препинания выделены полужирным шрифтом с нижним подчеркиванием. Полученные данные интересны, во-первых, тем, что выявляют воспроизводимое количество составляющих для определенной части «линейного» развертывания высказывания, а во-вторых – самим числовым соотношением в указанных на рис. 2 пределах. Наше изображение фиксирует некую тягу, пристрастие языковой личности к длине цепи, которую в «цифровом» эквиваленте (и по возрастанию) можно записать как 1, 2, 3, 5 и 8. Иными словами, автор всё время находится в пространстве чисел Фибоначчи, связанных с математическим представлением о гармонии. Разумеется, длины синтагм далеки от «золотого сечения», хотя они всё-таки упорядочены автором за счет повтора и даже перераспределения количества входящих компонентов (рис. 3).

Рис. 3. Перераспределение длины синтагмы
 Fig. 3. Redistribution of the length of the syntagma

На выделенном отрезке последовательность из двух синтагм (по 8 и 5 компонентов соответственно) к концу синтаксической конструкции обнаруживается во фрагменте графической партитуры с 13-ю составляющими. Полагаем, что подобное явление необходимо для уравнивания частей сложного предложения, а значит, у языковой личности есть представление о гармонии, хотя не до конца воплощенное в данном примере и не в математическом смысле.

По этим же параметрам сравним часть с внутренней рифмой из «Письма...» (1666). После редукции содержания к форме нами получены следующие данные (рис. 4).

И высочайшія сея богословіи Христовы,
 |||||,
 еже есть истиннаго,
 |||,
 боюся отлагати,
 ||,
 и на святыхъ отецъ не смѣю лгати,
 |||||,
 яко бы онѣ не положиша въ символъ истиннаго:
 |||||:
 вѣдали то святіи Отцы слово богословле,
 |||||,
 яко всякъ преступаяй и не пребываяй во ученіи Христовѣ Бога не имать.
 |||||.

Рис. 4. Фрагмент из «Письма...» (Материалы, 1881, с. 20)
 Fig. 4. A fragment from the “Letter...” (Materials, 1881, p. 20)

Первое, на что следует обратить внимание, – большая изощренность этой части по отношению к предыдущей цитате из трактата «О познании...». Если слова «боюся отлагати, и на святыхъ отецъ не смѣю лгати» еще являются авторскими, то последняя строка – фрагмент из богослужебной книги, т. е. Федор Иванов свои созвучия подкрепляет традицией, «прецедентными текстами» [Караулов, 2010]. Второе, на что обращаем внимание, – иная длина синтагм. Техническая изощренность с включением другого текста не отражается на повторяющемся количестве компонентов в пределах части от одного знака препинания до другого.

Для полноценной картины привлечем также сочинение, которое в издании Н. И. Субботина озаглавлено как «Послание в Москву из Пустозерска», но, благодаря недавним публикациям Л. В. Титовой [2016], этот памятник корректнее назвать как «Послание дьякона Федора сыну протопопа Аввакума Иоанну о священстве»¹. Интересующий нас фрагмент с внутренней рифмой обнаруживается в обоих изданиях. При этом в версии, опубликованной Л. В. Титовой, эта синтаксическая конструкция («А которые попы от Никона отступника ставлены...») короче, чем в издании Н. И. Субботина, где на нее отводится практический полный лист (Материалы, 1881, с. 63–64). В последнем случае графическая партитура фрагмента представлена следующим образом (рис. 5).

|||||||, ||||, |||||, ||||, |||, |||,
 |||||, |||||, |||||, ||||, ||||:
 |||||, |||||, |||||, ||, ||||, |||||,
 |||||, ||, ||, ||||, |||.

Рис. 5. Длины синтагм фрагмента из «Послания дьякона Федора...»
 по изданию Н. И. Субботина
 Fig. 5. The length of the syntagm fragment from “The Message of Deacon Fyodor...”
 published by N. I. Subbotin

¹ Выражаю благодарность за указание на эту публикацию и уточнение названия анонимному рецензенту «Сибирского филологического журнала».

В имеющейся графической партитуре высказывания «двоеточие» (в публикации Н. И. Субботина) изменяется на «точку» в издании Л. В. Титовой. В последнем случае мы получаем следующий вид распределения синтагм (рис. 6).

Рис. 6. Длины синтагм фрагмента из «Послания дьякона Федора...» по изданию Л.В. Титовой

Fig. 6. The length of the syntagma fragment from “The Message of Deacon Fyodor...” published by L. V. Titova

Казалось бы, по формальному критерию эти два фрагмента не сопоставимы друг с другом, однако это заблуждение при поверхностном взгляде рассеивается, когда мы рассчитываем среднюю длину синтагм.

Таблица 2

Расчет длины синтагмы по среднему арифметическому числу

Table 2

Calculation of the syntagma length by the arithmetic mean

Издание Н. И. Субботина				Издание Л. В. Титовой	
часть		целое			
общая сумма элементов	число синтагм в пределах предложения	общая сумма элементов	число синтагм в пределах предложения	общая сумма элементов	число синтагм в пределах предложения
87	11	164	22	88	12
7,9		7,45		7,3	

Первая колонка – это итоги подсчета для того фрагмента предложения, который в издании Н. И. Субботина оканчивается «двоеточием»; вторая колонка – «цельный охват» всей опубликованной синтаксической конструкции; третья – вычисления, основанные на анализе интересующей нас части по материалам в работе Л. В. Титовой. Можно предположить, что «средняя» часть таблицы – ошибка переписчика, который не смог идентифицировать знак препинания (точка / двоеточие). Вместе с тем стабильность компонентов в графической партитуре текста (черта языковой личности Федора Иванова) распространялась и на другие синтаксические конструкции, поэтому – даже ошибочное – увеличение предложения не сильно отразилось на наших расчетах. Если же брать для сопоставления «часть» (в издании Н. И. Субботина) и «целое» (у Л. В. Титовой), то разница составляет 0,6 компонента. Теперь, обладая некоторым фоном для сравнения, рассчитаем среднюю длину синтагм по трем сочинениям: «О познании антихристовой прелести», «Письмо...» и «Послание дьякона Федора». В последнем случае за основу берем материалы, полученные из издания Л. В. Титовой (табл. 3).

Calculation of the syntagma length for three texts

«О познании...» (≈ после 1666 г.)		«Письмо...» (1666 г.)		«Послание дьякона Федора...» (1669 г.)	
общая сумма элемен- тов	число син- тагм в пре- делах пред- ложения	общая сумма элемен- тов	число син- тагм в пре- делах пред- ложения	общая сумма элемен- тов	число син- тагм в пре- делах пред- ложения
101	25	43	7	88	12
4,04		6,14		7,3	

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что уже в раннем творчестве у Федора Иванова наблюдалось тяготение к избыточным по величине отрезкам в пределах одной синтаксической конструкции. Как было выявлено при анализе разницы фрагментов у Н. И. Субботина и Л. В. Титовой, эта черта в выстраивании высказывания есть одна из творческих констант Федора Иванова, констант его как языковой личности, поэтому длина синтагмы в 4,04 элемента не характерна для него в тех частях, где возникают внутренние рифмы.

Редукция формы к содержанию

Второй путь, благодаря которому также можно «схватить» «дух» «полупоэмы-полупроповеди», заключается в филологической герменевтике некоторых ее частей. Сопоставим причины, по которым пишутся два текста: «О познании антихристовой прелести» и «Послание ко всеѣмъ православнымъ о антихристѣ». Первый из названных памятников появился, как указано в самом сочинении, потому что пишущий «и не могохъ отложить любовь твою (адресата. – А. З.), понуждаемъ есмь желаниемъ твоимъ, презря свое всякое недостоинство и противление, дерзнуть ти мало нѣчто вспомянуги о предлежащей винѣ» (Материалы, 1881, с. 80). В этом прослеживается коллективная традиция самоуничижения, но этот фрагмент, по сути, мог принадлежать и светскому писателю, и плохо изучившему богословие иноку. В этом отношении «Послание ко всем православным...» сразу маркирует автора, хорошо знающего Новый Завет: «Да вопрошиваютъ насъ нѣщии отъ васъ о словеси избраннаго сосуда Христова Павла Апостола, <...> (далее цитата из послания апостола Павла. – А. З.). И азъ отвѣщаю по дарованію Святаго Духа, елика дадемися» (Материалы, 1881, с. 261). Во втором случае отсутствует свойственная первому фрагменту витиеватость, пишущий предельно ясно излагает суть предмета. Впрочем, рассуждать об антихристе как-то иначе в рамках догматического богословия (как это предполагает М. Б. Плюханова) он не мог и не имел права. Подобного Федором Ивановым не допускалось даже в моменты спора с духовным отцом (Аввакумом).

Кажущееся принципиальное отличие трактата «О познании...» от всех упомянутых сочинений лежит «на поверхности». Федор Иванов всегда опирается на тексты и книги в обосновании своей позиции [Титова, 2003]. Приведем *мини-*

мально обнаруженное нами количество ссылок автора на рукописные и печатные издания из всех привлеченных в статье документов (табл. 4).

Таблица 4

Минимальное количество упоминаний других источников

Table 4

Minimum number of references to other sources

«Письмо...»	«О познании...»	«Послание дьякона Федора...»	«Послание ко всем православным»
36	2	16	6

Мы опирались только на подсчет упоминаний тех или иных книг и авторов без градации и серьезной типологии. Впрочем, очевидно, что в «Письме...», «Послании дьякона Федора...» и «Послании ко всем православным...» ссылок больше, чем в тексте «О познании...». Последний включает всего двух персон: Ипполита и Мелетия (по редакции, опубликованной Н. И. Субботиным в (Материалы, 1881)). При этом в остальных текстах (указанных в табл. 4) фигурируют цитаты из апостола Павла, указание прочитать Златоуста, называется Андрей Неокесайрский и т. д. Подобная «урезанная» доказательная база просто невозможна не только для ортодокса, каким был Федор Иванов, но и для человека, хвалившегося когда-то, что он «не два и три, но 17 и болѣе представилъ свидѣтельство отъ разныхъ книгъ многихъ» (Материалы, 1881, с. 154). Можно было бы возразить, как это предлагал П. С. Смирнов, что была иная целевая установка. Допустим, что так, но почему она повлияла на «метод» работы идеолога старообрядчества? Наконец, обуславливала бы иная целевая установка понимание Федором Ивановым самой фигуры антихриста? На последний вопрос следует ответить отрицательно: даже при урезанной доказательной базе смысл должен остаться идентичным. Что же мы видим исходя из анализа интерпретации фигуры антихриста?

В тексте «О познании...»: «Антихристъ бо онъ испадшїа денница, зовомый дїаволь, темный и помраченный языческой богъ» (Материалы, 1881, с. 154). Пишущий с этих строк пытается ввести идею «нечестивой троицы» (дьявол – антихрист – зверь), которая будет обоснована им в середине трактата. И если это так, то фигура, о которой говорится в сочинении «О познании...», уже есть. Однако в «Послании ко всем православным...» обнаруживаем контекст: «И самого еще антихриста нынѣ нѣсть, не видимъ и не слышимъ, – не ужасайтесь; предотечи же его быша мнози, и нынѣ есть, и по сихъ еще инїи будутъ до сына погибельнаго» (Материалы, 1881, с. 264). Эта принципиальная разница в толковании не может быть объяснена измененной целевой установкой *одного* автора.

Вместо заключения

Согласно нашим наблюдениям, которые рано считать окончательным доводом в пользу одной из линий атрибуции текста, Федор Иванов не может быть автором трактата «О познании...». Если это так, то каковы «версии» попадания этого сочинения в старообрядческий сборник с трудами этого Исповедника? Исходя из

научных исследований во «второй линии» атрибуции текста возможны три варианта событий.

Первый – трактат был приписан по ошибке, поскольку Федор Иванов действительно писал об антихристе. Возможно, составитель сборника знал об этом, а потому, прочитав приписку в конце сочинения «О познании...», не раздумывая, включил этот текст в корпус богословских трудов.

Второй вариант можно условно назвать «конспирологическим». Позднейшие сторонники Аввакума, зная их разногласия по этому вопросу, решили добиться «единства» пустозерских узников через подлог. Эта версия вполне может быть реальной. Л. В. Титова на примере истории текста «Выписано из епистолии великих отцев...» демонстрирует, что эти попытки были. К тому же для духовного отца Федора Иванова антихрист, действительно, уже был в наличии.

Третий вариант, с одной стороны, обнаруживается в «Послании ко всем православным...», а с другой – опирается на наблюдения П. С. Смирнова и Л. В. Титовой. Федор Иванов указывает, что «И нынѣ въ васъ, братіе, толкують нѣщии о тѣхъ царѣхъ (которые связаны с пророчеством об антихристе. – А. З.) пестрообразно и отнюдь неподобно, да не реку и еретическо» (Материалы, 1881, с. 266). Иными словами, еще при жизни Исповедника возникли новые толкования «антихристовой прелести». Автор обращается к православным: «Молимъ таковыхъ любовію Духа не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи, по Апостолу, якоже подасть Богъ» (Материалы, 1881, с. 266). Добавим, что именно «мудрствование от себя», а не «мудрствование в целомудрии» – ведущий стержень сочинения «О познании...». Возможно (по третьему варианту), Федор Иванов или получил текст с еретическим содержанием, или мог сделать список с него при подготовке своего «Послания ко всем православным...» (практика, известная по биографии князя И. А. Хворостинина). При эвакуации «пустозерского архива» рукой переписчика в XVIII в. оставляется пометка с именем того, чьи бумаги и рукописи (или списки с них) могли разбираться в тот момент. Тем самым по ошибке еретическое послание могло оказаться в корпусе работ Федора Иванова.

Все эти варианты гипотетичны и не более чем предположения. В рамках текущих координат первый шаг для полноценного моделирования языковой личности Федора Иванова уже осуществлен. В перспективах дальнейших исследований более детальный анализ творческих констант самого ортодоксального из пустозерских узников.

Список литературы

Аникин Д. В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет»: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 205 с.

Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. Т. 1. 156 с.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: Академический проект, 2009. 489 с.

Дворкин А. Л. Очерки по истории Вселенской православной церкви. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2014. 1021 с.

Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, сост. по печ. описаниям рукопис. собр. СПб.: Имп. Археогр. комис., 1912. XIV, [2], 534 с.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. М.: Квадрат; Ин-т ДИ-ДИК: Квадрига, 2009. 687 с.

Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: Учебник. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 158 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

Пустозерская проза. М.: Моск. рабочий, 1989. 365 с.

Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исслед. из нач. истории раскола по вновь открытым памятникам, изд. и рукопис. СПб.: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1898. 504 с.

Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1984. 321 с. (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7, вып. 1)

Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 311 с.

Титова Л. В. Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве – идеологический документ раннего этапа старообрядческого движения // Археологические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 77–101.

Шапков А. Т. «Послание об антихристе и тайном царстве его» в старообрядческой рукописной традиции // Проблемы истории России. 2008. Вып. 7. С. 56–91.

Шелепова Л. И. Историческая языковая личность как объект лингвоперсонологии // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М.: ЛЕНАНД, 2016. Вып. 2. С. 28–35.

Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005. 686 с.

Штайн К. Э. Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2006. 645 с.

Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность: В 3 кн. М.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2007. Кн. 3. 448 с.

Список источников

Материалы – Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1881. Т. 6. 335 с.

References

Anikin D. V. *Issledovanie yazykovoy lichnosti sostavitelya "Povesti vremennykh let"* [Study of the linguistic personality of the compiler of the “Tale of Bygone Years”]. Cand. philol. sci. diss. Barnaul, 2004, 205 p.

Bogin G. I. *Obretenie sposobnosti ponimat': raboty raznykh let* [Gaining the ability to understand: works of different years]. Tver, 2009, vol. 1, 156 p.

Dvorkin A. L. *Ocherki po istorii Vselenskoj pravoslavnoy tserkvi* [Essays on the history of the Universal Orthodox Church]. N. Novgorod, Khristianskaya biblioteka, 2014, 1021 p.

Druzhinin V. G. *Pisaniya russkikh staroobryadtsev : Perechen' spiskov, sost. po pech. opisaniyam rukopis. sobr.* [Writings of Russian Old Believers: A list of lists com-

piled from printed descriptions of handwritten collections]. St. Petersburg, 1912, XIV, [2], 534 p.

Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya* [Ideas to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. The first book]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2009, 489 p.

Ivantsova E. V. *Lingvopersonologiya: osnovy teorii yazykovoy lichnosti: Uchebnik* [Linguopersonology: fundamentals of the theory of language personality: Textbook]. Tomsk, TSU Publ., 2010, 158 p.

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, LKI, 2010, 264 p.

Pustozerskaya proza [Prose of Pustozersk]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1989, 365 p.

Shashkov A. T. "Poslanie ob antikhriste i taynom tsarstve ego" v staroobryadcheskoy rukopisnoy traditsii ["The Epistle of the Antichrist and His Secret Kingdom" in the Old Believer manuscript tradition]. *Problemy istorii Rossii*. 2008, iss. 7, pp. 56–91.

Shchedrovitskiy G. P. *Znak i deyatel'nost': V 3 kn.* [Sign and activity: in 3 bks.]. Moscow, 2007, bk. 3, 447 p.

Shelepova L. I. Istoricheskaya yazykovaya lichnost' kak ob'ekt lingvopersonologii [Historical linguistic personality as an object of linguopersonology]. In: *Yazykovaya lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language personality: Modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology]. Moscow, LENAND, 2016, iss. 2, pp. 28–35.

Shpet G. G. *Mysl' i Slovo. Izbrannye trudy* [Thought and Word. Selected works]. Moscow, ROSSPEN, 2005, 686 p.

Shtayn K. E. *Garmoniya poeticheskogo teksta. Sklad. Tkan'. Faktura* [Harmony of the poetic text. Warehouse. Fabric. Texture]. Stavropol, StavSU Publ., 2006, 645 p.

Smirnov P. S. *Vnutrennie voprosy v raskole v 17 veke : Issled. iz nach. istorii raskola po vnov' otkrytym pamyatnikam, izd. i rukopis.* [Internal issues in Schism in the 17th century: Studies from the beginning of the History of schism on newly discovered monuments, published and handwritten]. St. Petersburg, Tov. "Pechatnya S. P. Yakovleva" 1898, 504 p.

Sochineniya pisateley-staroobryadtsev 17 veka [Works of writers-Old Believers of the XVII century. Vol. 7, issue 1]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1984, 321 p. (Opisanie rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR [Description of the manuscript department of the Library of the of the Academy of Sciences of the USSR]. Vol. 7, iss. 1)

Titova L. V. Poslanie d'yakona Fedora Ioannu Avvakumovichu o svyashchenstve – ideologicheskii dokument rannego etapa staroobryadcheskogo dvizheniya [The message of Deacon Fyodor to John Avvakumovich about the priesthood – an ideological document of the early stage of the Old Believer movement]. In: *Arheograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty v izuchenii istorii Rossii* [Archeographic and source studies aspects in the study of the History of Russia]. Novosibirsk, 2016, pp. 77–101.

Titova L. V. *Poslanie d'yakona Fedora synu Maksimu – literaturnyy i polemicheskii pamyatnik rannego staroobryadchestva* [The epistle of Deacon Fyodor to his son Maxim – a literary and polemical monument of the early Old Believers]. Novosibirsk, SB RAS Publ. House, 2003, 311 p.

Zen'kovskiy S. A. *Russkoe staroobryadchestvo* [Russian Old Believers]. Moscow, Kvadrat, Institut "DI-DIK," Kvadriga, 2009, 687 p.

List of sources

Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya, izdavaemye Bratstvom sv. Petra mitropolita [Materials for the history of the schism for the first time of its existence, published by the Brotherhood of St. Peter the Metropolitan]. N. Subbotina (Ed.). Moscow, Tip. E. Lissnera i Yu. Romana, 1881, vol. 6, 335 p.

Информация об авторе

Александр Владимирович Загуменнов, кандидат филологических наук

Information about the author

Alexander V. Zagumennov, Candidate of Philology

*Статья поступила в редакцию 09.01.2021;
одобрена после рецензирования 15.03.2021; принята к публикации 15.03.2021
The article was submitted on 09.01.2021;
approved after reviewing on 15.03.2021; accepted for publication on 15.03.2021*

Научная статья

УДК 82-144

DOI 10.17223/18137083/82/6

**Конструирование исторической памяти о Сибири
в русской литературе 1820-х годов:
баллада А. Н. Муравьева «Ермак»**

Евгения Евгеньевна Анисимова

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

eva1393@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7324-9355>

Аннотация

Статья посвящена жанровому аспекту литературных произведений, в которых генерировалась историческая память о завоевании Сибири. Материалом выступила баллада А. Н. Муравьева «Ермак», рассмотренная в контексте историографии и художественной словесности своего времени. Как показано в статье, разработанная в 1800–1810-е гг. жанровая модель применена к необычному для баллады материалу – истории Сибири, что позволило поэту переосмыслить «Ермаков сюжет» в перспективе актуальных для эпохи исторических и культурных вызовов: кажущееся «мертвым» и словно канувшим в Лету / Иртыш историческое прошлое согласно законам жанра «оживало» и вторгалось в актуальное настоящее.

Ключевые слова

А. Н. Муравьев, В. А. Жуковский, баллада, Ермак, Сибирь, сибирский текст

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00275 «Ермак в русской словесной культуре: конструирование образа, коммеморативные практики», <https://rscf.ru/project/23-28-00275>

Для цитирования

Анисимова Е. Е. Конструирование исторической памяти о Сибири в русской литературе 1820-х годов: баллада А. Н. Муравьева «Ермак» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 87–101. DOI 10.17223/18137083/82/6

**Creating the historical memory of Siberia in Russian literature
of the 1820s: the ballad “Ermak” by A. N. Muravyov**

Evgeniya E. Anisimova

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

eva1393@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7324-9355>

Abstract

The paper focuses on the genre aspect of literary works, in which the historical memory of the conquest of Siberia was generated. The ballad “Ermak” written by A. N. Muravyov, consid-

© Анисимова Е. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 87–101
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 87–101

ered in terms of historiography and fiction of its time, served as the primary source. The study has revealed that the ballad genre model developed in the 1810s was implemented in the material not common for ballads, i.e. the history of Siberia. Such an approach allowed the poet to revise the “Ermak’s plot” taken from the late-medieval chronicles and poetry of modern times in the context of current historical and cultural challenges of the post-Napoleonic era. Muravyov was the first to adapt the “imported” European genre of a literary ballad with its chronotope to the thematic space of the Russian eastern periphery and presented the history of Siberia as a fully-fledged and meaningful part of the country’s history. Thus, it is not the ethnographic details of the journey beyond the Urals, but the problem of historical memory and the symbolic monument to Ermak that the poet focuses on. The constructive and semantic dominant of this genre, i.e. the invasion of the past into the present in the guise of “alive” and “dead” allowed the poet to actualize the memory of the conquest of Siberia in the national memory and revise the image of Ermak image within a framework of the genre form and the spirit of the time.

Keywords

A. N. Muravyev, V. A. Zhukovsky, ballad, Yermak, Siberia, Siberian text

Acknowledgments

The research was supported by Russian Science Foundation no. 23-28-00275 “Yermak in Russian Verbal Culture: Construction of the Image, Commemorative Practices”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00275>

For citation

Anisimova E. E. Creating the historical memory of Siberia in Russian literature of the 1820s: the ballad “Ermak” by A. N. Muravyov. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 87–101. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/6

Андрей Николаевич Муравьев – поэт второго ряда, более известный современникам своими духовными сочинениями. Однако творческий путь он начал как светский писатель, причем одно из его ранних произведений – баллада «Ермак» (1823) – стало литературным событием и перечислялось некоторыми современниками в одном ряду с «Борисом Годуновым» А. С. Пушкина. Так, М. П. Погодин 9 октября 1826 г. записал в своем дневнике: «Слуш<ал> Мур.<авьева> и был в восхищении: “Тень Ерм.<ака>”, “К Волге”, “Новг.<ород>” и “Потоп”. Каково!» (цит. по: [Вацуро, 1989, с. 229]). 20 ноября 1826 г. П. А. Вяземский в письме к В. А. Жуковскому и А. И. Тургеневу сообщал о чтении трех произведений – «Бориса Годунова», «Ермака» и трагедии «Владимир» «молодого Муравьева», «писанной в формах французских, но в духе германском. Молодо, зелено, но есть живость, огонь и признаки решительного дарования» (Архив братьев Тургеневых, 1921, с. 48).

«Ермак» был опубликован сначала в «Северной лире на 1827 год», а затем – в авторском сборнике «Таврида», вышедшем в том же году. В структуре «Северной лиры» и «Тавриды» баллада Муравьева каждый раз оказывалась в контексте произведений, размечавших своего рода литературную карту империи. Особое внимание поэта привлекали недавно включенные в состав России Крым и Закавказье. Сибирь, присоединенная на рубеже XVI и XVII вв., под это правило не подходила, но ее отдаленность, малоизученность, экстремальность связанных с нею реалий всякий раз «освежали», «обновляли» в глазах читателя ее символический облик. Зауралью посвящены две баллады Муравьева – «Ермак» и «Эскимосы», представляющие собой дилогию – с учетом жанрового и мотивно-образного единства (герои-инородцы, суровая северная природа, гибель в воде и т. д.). Парадоксально, однако, что эти «северные» по своим обстановочным деталям произведения тесно связаны с муравьевскими сюжетами на «южные» темы. Так,

ближайшим «южным» контекстом «Ермака» оказываются стихотворения, вошедшие в состав «Тавриды» и «Северной лиры на 1827 год», а также задуманная в 1820-е гг. неоконченная религиозная поэма «Потоп».

Несмотря на свой интерес к имперской периферии и геопозитические акценты Муравьев не слишком педалировал этнографическую проблематику в раннем творчестве, тем более что далеко не во всех воспетых им краях он побывал лично. И если «крымская» составляющая «Тавриды» действительно основывалась на впечатлениях реальной поездки, то Персия, Сибирь и другие отдаленные пространства описывались скорее умозрительно. О заметном небрежении этнографией свидетельствуют модернизированная речь инородцев [Хохлова, 2001а, с. 96], а также встречающееся в текстах забавное смешение реалий: например, фигурирующая в стихотворении «Ермак» остяцкая юрта названа южнорусским словом «курень» («Смотри, уж вьюга перестала, / Здесь недалеко мой курень» (Муравьев, 1984, с. 126)).

Цель статьи – на ярком, показательном и малоизученном примере исследовать одну из тенденций художественного освоения истории Ермака, каковое свершилось здесь в поэтическом русле баллады. В более общем смысле мы постараемся конкретизировать функции исторической разновидности жанра, эстетическое острие которого в данном случае направлено на довольно неожиданную тему: поход Ермака. Современные Муравьеву опыты в тематических границах, очерченных мифом о покорителе Сибири, скорее подталкивали к трагедийной (Рылеев, Хомяков [Библиография Ермака, 1891; Лагутов, 1985, ч. 2, с. 15–20; Янушкевич, 1997]) разработке сюжета, обретшего общенациональную славу после публикации IX тома карамзинской «Истории государства Российского» (1821). Несомненно, варьирующая трагический модус баллада тем не менее насыщает конфликт рядом закрепленных именно за нею мотивов, обозначая иные традиции и в целом культурные модели, в оптике которых вдруг оказывался Ермак. Речь в первую очередь идет об особой, литературно-поэтической, версии исторической памяти, необходимые мотивно-образные конструкты для которой содержала каноническая баллада, тщательно разработанная в первые десятилетия XIX в. Жуковским: рассечение времени на настоящее и прошлое в обликах «живого» и «мертвого», напряженное зывание героя к минувшему, ответное появление призрака из мира теней и т. д.

* * *

Вначале обратимся к источникам баллады Муравьева. Основным в их перечне стал раздел о покорении Сибири из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Как можно видеть, детали гибели Ермака и усваиваемая балладой риторика исторической памяти взяты автором именно из этого исторического сочинения:

«Ермак» Муравьева

Их вождь был скован из железа,
И нашей смерти чужд он был!
В Иртыш, – ночью полный грезой,
Прыгнул, проснулся и поплыл.
И близок был к ладьям союзным –
Быть может, он бы достигнул, –

«Первое завоевание Сибири.
1581–1584 гг.» Карамзина

<...> сам Ермак, пробужденный
звуком мечей и стоном издыхающих,
воспрянул... увидел гибель, махом саб-
ли еще отразил убийц, кинулся в бур-
ный глубокий Иртыш и, не доплыв
до своих лодок, утонул, отягченный

Иртышу показался грузным –
Иртыш взревел – он потонул!
<...>
Тебя ль, герой –
Иртыш залил неумолимой
И погребальной волной?
Великого покрылась сила. –
Утешься, грозный богатырь! –
Пускай Иртыш твоя могила! –
Надгробный памятник – Сибирь!
(Муравьев, 1984, с. 128–129)

железною броней, данною ему Иоанном... Конец горький для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, он мог думать, что лишается и славы!.. Нет, волны Иртыша не поглотили ее: Россия, история и церковь гласят Ермаку вечную память! (Карамзин, 1989, стб. 240)

Вопрос заключается в том, как карамзинская риторика преобразовалась под пером Муравьева в художественность. Так, в работе историографа сообщалось о мистических событиях после смерти Ермака, граничащих с житийными посмертными чудесами: «плотоядные птицы, стаями летая над трупом, не смели его коснуться», «страшные видения и сны заставили неверных схоронить мертвеца», «многие чудеса совершились над Ермаковою могилою, сиял яркий свет и пылал столп огненный» (Карамзин, 1989, стб. 241). В основу сюжета своей баллады Муравьев кладет именно эти «страшные видения», поместив их, однако, в координаты не агиографического, а балладного жанра. Основным источником карамзинской главы «Первое завоевание Сибири. 1581–1584 гг.» явилась, как известно, Строгановская летопись, тексту которой он методично следовал вплоть до описания гибели Ермака [Анисимов, 2005, с. 58–96]. Однако о посмертной судьбе казачьего вождя в ней не говорилось. Источником этих сведений стала для Карамзина «История Сибирская» С. У. Ремезова, в которой соединились установка на фактографичность, с одной стороны, и агиографические традиции, с другой. В своих примечаниях Карамзин периодически ссылается на Ремезовскую летопись, дополняя Строгановскую сведениями из нее. Особенно много ссылок на Ремезова в финальной части комментариев, где сказано о многочисленных «небесных знамениях» (Карамзин, 1989, стб. 157–163). Именно этот слой карамзинского текста оказал наиболее сильное влияние на историческую балладу Муравьева.

В труде Ремезова Ермак предстает не только историческим деятелем, но и христианским подвижником, продвинувшим православную веру далеко на восток государства, сражавшимся с мусульманами и привлекавшим на свою сторону язычников [Блажес и др., 1982, с. 95–106]. Закономерно, что в «Истории Сибирской» после сцены гибели Ермака поминаются, согласно житийному канону, посмертные чудеса, к которым Карамзин отнесся впоследствии очень внимательно.

Более того, сочинение Ремезова содержало ту двойную оптику восприятия действительности, которая позднее определит сюжет муравьевской баллады, где Ермака-мертвеца чудесным образом видит только герой-остяк: «Ермак жъ вашъ лѣжитъ на Баишевском кладбище под сосною, и родителници ваша дни столбы огненней над нимъ и в ыные свѣча кажется татаромъ, русским жѣ не кажѣтца» (Ремезов, 1989, с. 565). Карамзин передал этот фрагмент так: «страшные видения и сны заставили неверных схоронить мертвеца на Бегишевском кладбище под кудрявою сосною <...>; многие чудеса совершались над Ермаковою могилою, сиял яркий свет и пылал столп огненный» (Карамзин, 1989, стб. 241). Вероятность

того, что Муравьеву был знаком первоисточник, «Сибирская история» Ремезова, невысока, однако заимствования из нее, читающиеся на страницах «Истории государства Российского», были развиты и усилены младшим поэтом в полной мере. Еще один лейтмотив «Сибирской истории» и труда Карамзина – стремление мусульман стереть память о Ермаке – также творчески переосмыслиется Муравьевым, о чем пойдет речь ниже.

Круг литературных источников «Ермака» представляется не менее обширным. Как мы знаем, образ покорителя Сибири в русской литературе был востребован в широком репертуаре жанров – от трагедии до романа. По воспоминаниям самого Муравьева, «Ермак» создавался под влиянием одноименного стихотворения И. И. Дмитриева: «Раич представил меня сему ветерану наших поэтов и весьма назидательна была для меня его умная беседа <...> Услышав однажды от Раича, что я написал небольшое стихотворение “Ермак”, как бы в подражание его вдохновенной песне о завоевателе Сибири, он непременно потребовал, чтобы я прочел ему мои стихи, и в награду за это прочел мне собственного “Ермака”» (Муравьев, 1871, с. 7–8). Однако Муравьев существенно переработал первоначальный сюжет, добавив историческую дистанцию и сменив жанровые коды произведения.

В обращении к теме гибели Ермака ближайшим литературным предшественником поэта был К. Ф. Рылеев, написавший незадолго до Муравьева думу «Смерть Ермака» (1821) и акцентировавший в ней сюжет об утонувшем под тяжестью лат воине. В контексте дум Рылеева «железная броня», пожалованная Ермаку Иоанном IV, воспринималась в идеологическом ключе: роковой дар царя оборачивается катастрофой для героя. В свою очередь, крайне характерно, что этот ключевой эпизод рылеевского произведения был создан под явным влиянием баллады Жуковского «Мщение» (1820), написанной и опубликованной годом ранее. Об этом свидетельствует ритмическая и лексическая близость текстов:

«Смерть Ермака» Рылеева
Иртыш волнуется сильней –
Ермак *все силы напрягает*
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...
<...>
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь – дар царя
Стал гибели его виною
(Рылеев, 1971, с. 145).

«Мщение» Жуковского
Он выплыть *из всех напрягается сил:*
Но *панцирь тяжелый* его утопил
(Жуковский, 2008, с. 146).

Творчество Жуковского представляло интерес для Рылеева и литераторов его круга. Так, в 1817–1818 гг. младший поэт пробует силы в жанре баллады и пишет собственную «Людмилу», сюжет которой является предысторией одноименной баллады великого предшественника. К началу 1825 г. относится полемика А. С. Пушкина с будущими декабристами по поводу роли первого русского романтика в отечественной словесности. В ответ на ставшую впоследствии крылатой фразу Пушкина в защиту Жуковского «Зачем кусать нам груди кормилицы нашей?» (Пушкин, 1996, с. 135) К. Ф. Рылеев дал следующий комментарий: «Не совсем прав ты и во мнении о Жуковском. Неоспоримо, что Жук.<овский> принес важные пользы языку нашему; он имел решительное влияние на стихо-

творный слог наш – и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за влияние его на дух нашей словесности (выделено Рылеевым. – Е. А.), как пишешь ты. К несчастью влияние это было с лишком (sic. – Е. А.) пагубно: мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали» (Пушкин, 1996, с. 141–142). Неудивительно, что Рылеев в своей «Смерти Ермака» посчитал возможным воспользоваться «слогом» Жуковского, изменив при этом его «дух»¹. Если герой «Мщения» наказан за свое преступление перед рыцарем, то рылеевский Ермак тонет вследствие губительной связи с высшей властью и принятия царского дара. Муравьев предпочел исключить из своей баллады тот политический контекст, который был привнесен в «Ермаков сюжет» Рылеевым, сохранив ассоциацию с Иваном IV и его концепцией «грозной власти» лишь в устойчивом эпитете «грозный», повторенном в тексте семь раз.

Сам Муравьев не избежал не только опосредованного, но и прямого влияния баллад Жуковского на собственное творчество. В мемуарной книге «Знакомство с русскими поэтами» он назвал Жуковского в ряду авторов, воздействовавших на него в пору работы над «Ермаком». Если Дмитриев, Державин и Карамзин, по его мнению, были представителями «старой славной эпохи», то «нов[ым] поколение[м] литераторов являлись Крылов, с своими чудными баснями, и Жуковский, создавший особый род романтической поэзии, и остроумный князь Вяземский» (Муравьев, 1871, с. 8). Младший поэт был хорошо знаком с творчеством русского балладника и синтезировал литературные традиции конца XVIII в. с новой романтической поэзией XIX столетия. Например, к нескольким стихотворениям «Тавриды» поэт сделал жанровый подзаголовок «баллада», а в переписке и воспоминаниях нередко именовал аналогичным образом многие свои произведения. Например, «Арфа» Муравьева писалась в творческом диалоге с «Эоловой арфой» Жуковского, а баллада «Перекати-поле» была создана как народная версия «Ивиковых журавлей» (Муравьев, 2007, с. 400, 406–407).

* * *

Обратимся к образам Ермака и Сибири. Итак, «Ермак» (1794) Дмитриева строился на диалоге сибирских шаманов (Младого и Старца), Муравьев же поместил в центр повествования диалог героев разных сознаний – мифологического («младой» Остяк) и культурного (Путник). Разница между ними не столько возрастная, сколько стадияльная: один принадлежит настоящему, другой – навеки остался в прошлом. Функция дмитриевского героя-старца сохраняется в тексте только имплицитно: остяк рассказывает предание, которое слышал от предков. Третьим героем «сибирской» баллады становится сам «грозный мертвец» Ермак.

По наблюдению современных исследователей, в «Ермаке» Дмитриева уже присутствовали некоторые черты «протобалладной» поэтики, в первую очередь, «эстетика “страшного” и суггестивная образность» [Петров, Колесникова, 2021, с. 75], а также «демонический образ Ермака» [Там же, с. 76]. При этом жанровые доминанты произведения были иные – одическая и поэзная [Там же, с. 75]. Муравьев, писавший свою версию «Ермака» спустя три десятилетия уже в ином историко-литературном контексте, использовал не только характерную атмосфер-

¹ В. Б. Лагутов в специальной работе об исторической балладе квалифицирует думы Рылеева как «балладу пропагандистскую» [Лагутов, 1984, ч. 1, с. 33].

ность, но и лежащий в основе балладного конфликта диалогово-ролевой треугольник: олицетворяющий установленный миропорядок Путник – испытуемый / жертва Остяк – пересекающий границу демонический Ермак. «Образ завоевателя, способного преодолевать любые преграды» [Анисимов, 2005, с. 73], сформировавшийся в народной культуре, точно соответствовал функции inferнального балладного героя, свободно пересекающего границы миров. Для Ермака оказываются проницаемы все рубежи – географические (Сибирь) и вещественные (лед на Иртыше, который проламывает изнутри утопленник).

Стихотворение И. И. Дмитриева не предусматривало посмертной активности покорителя Сибири: в этом смысле добавленный младшим современником демонизм персонажа существенно обновляет исходную схему. В «Ермаке» Муравьева именно эта активность, выход балладного героя и одновременно исторического лица за пределы отмеренного ему срока жизни определяет конфликт и жанровую природу произведения. Завоеватель Сибири, подобно мертвому жениху, приходит в мир живых после своей смерти и «забирает» то, что ему принадлежит по праву (Сибирь, завоеванные народы и т. д.).

Зачин муравьевского «Ермака» включает в себя узнаваемые признаки сибирского текста [Тюпа, 2009, с. 254–264] и строится как история путешествия, куда в определенный момент вторгается балладное начало, а затем начинает в нем преобладать. Проследим, какие слои «геопоэтики» Сибири были задействованы и отрефлексированы автором в его произведении. Действительно, для литературных странствий на Восток России наиболее ожидаемым жанровым кодом являлся травелог, в то время как баллада, «импортированный» европейский жанр, «разворачивалась» своим хронотопом, как правило, к западным границам империи, сигнализируя о них характерными особенностями художественного пространства, поэтикой антропонимов, топонимов, рыцарской топики и т. п. В «Ермаке» Муравьева, напротив, история Сибири показана как особая глава в истории России, а главный герой по своему статусу и харизме не уступает другому балладному герою – Наполеону. Обратившись в своем произведении к пространствам по другую сторону Урала, Муравьев предвосхитил исторические баллады А. К. Толстого, в центр которых был выдвинут конфликт европейского начала с азиатским, представленным в русской исторической памяти наследием ордынского ига.

Итак, травелоговое начало в «Ермаке» связано с традиционными сибирскими образами. Баллада открывается картинами северной природы, большой сибирской реки, Иртыша, бескрайних снежных пространств, включает фигуру инородца, а также рассказы последнего об охоте и преданиях предков. Путешествие условного русского европейца, сопровождаемого представителем коренного народа Севера – остяком, развивается в духе представлений о Сибири как «снежной пустыне»:

Путник

Я весь продрог, – мои ресницы
Одною льдиной обросли.
Меня не греет мех куницы. –
Остяк! – куда мы забрели?
(Муравьев, 1984, с. 125)

Чувство страха в «ледяных степях» испытывают оба героя – и путник, и остяк, но их тревоги вызваны разными причинами. Боязнь путешественника связана с особенностями сурового климата и разреженностью сибирского пространства.

Как мы помним, первой «зимней» балладой в отечественной словесности стала «Светлана» Жуковского, в которой поэт трансформировал западноевропейский сюжет о женихе-мертвце, акцентировав особенности национального характера и северной русской природы. Но лейтмотивом этой программной баллады был отнюдь не холод, а метель, дезориентировавшая героиню пространственно и психологически. Баллада Муравьева открывается этим же мотивом:

Путник

Младой остяк! – ненастье в поле!
Останови твой быстрый бег!
Моей стези не видно боле,
Ее занес пушистый снег!
(Муравьев, 1984, с. 125)

Однако далее развивается преимущественно тема сибирского холода. В финальной части стихотворения восставший из мертвых Ермак не просто появляется из воды, а ломает на Иртыше лёд и «льдину подымает», намереваясь, по словам инородца, бросить ее в спутников.

Мотив гибели в воде, как мы знаем, имеет большую культурную историю и не ограничивается балладными сюжетами, «водное» начало в которых, впрочем, тоже весьма influentially (ср. «Адельстан», «Варвик», «Рыбак», «Мщение», «Кубок», «Уллин и его дочь» Жуковского и др.). Главные сибирские реки входят в число крупнейших в мире и являются своего рода визитной карточкой региона и государства в целом. Так, Иртыш (вместе с Обью) – самая большая река России – сравнивается в балладе Муравьева с Енисеем (второй по величине рекой). Самый известный сюжет об утоплении воина под тяжестью доспехов связан в русской культуре с историческими воспоминаниями о Ледовом побоище (1242), военном триумфе новгородского князя Александра Невского. Как показывают недавние исследования, мотив утопления тевтонских рыцарей под бременем железных лат укоренен в русской книжности со второй половины XV в. Так, Карамзин не стал включать его в соответствующий раздел «Истории государства Российского». Менее известный средневековый сюжет, к которому, по мнению Д. Островски, восходят более поздние редакции истории о Ледовом побоище, – битва на замерзшем озере 1016 г. Ярослава со Святополком [Ostrowski, 2006, p. 302, 305–307]. Оба сюжета предполагали прочтение истории в религиозных и моральных координатах: Бог и природа словно наказывали тех, кто был неправ.

Говоря о гибели Ермака, Муравьев обходит вопрос о возможной вине казачьего вождя. Скорее причиной смерти оказывается невероятная сила сибирской реки: «Быть может, он бы достигнул, – / Иртышу показался грузным – / Иртыш взревел – он потонул!» (Муравьев, 1984, с. 128). По всей вероятности, сюжет об утоплении в воде осложнился для Муравьева, будущего духовного писателя, и иными, религиозными, подтекстами. Так, в 1820-е гг. у него родился замысел эпической поэмы «Потоп», с которой он связывал свои главные литературные надежды [Хохлова, 2001б]. К образам водной стихии Муравьев обращается практически во всех стихотворениях «Тавриды», а во второй его «северной» балладе «Эскимосы» он и вовсе создает своего рода модель библейского потопы. Семья эскимосов спасается на ладье, в которую помещается только пара человек, в то время как персонажей трое: отец, мать и ребенок. В финале баллады героиня-эскимоска тонет, жертвуя собой и оставляя в «ковчеге» мужа и сына.

В балладной перспективе мотивы гибели в воде и посмертного явления утопленника тесно связаны с темой памяти (ср. фразеологизмы «кануть в Лету» / «кануть в воду», поэтизм «река времен»). Так, смерть Ермака в воде у Муравьева предполагает не только и не столько его физическую гибель, сколько символическое забвение его имени и деяний. В процитированной выше балладе Жуковского «Мщение» слуга не просто бросает труп рыцаря в реку, а стремится самозванчески заменить собою своего хозяина, стирая, таким образом, всякую память о жертве. Потому уже у Жуковского посмертная месть убитого подразумевает и связь с водой (тело рыцаря брошено в реку; в переведенном Жуковским оригинале Л. Уланда – в Рейн), и своего рода активность невинного рыцаря, тянущую убийцу в воду: оседланный слугою-самозванцем хозяйский конь сбрасывает преступника с моста, а похищенный панцирь влечет его на дно.

И хотя мотив посмертного восстановления справедливости здесь, конечно, более значим, чем оживление памяти, общая сюжетная схема позволяет без особого труда сместить акценты. Ермак преступником не был, однако погиб, без следа канув в реку, его могила исчезла (фиксировавшиеся в конце XVII в. С. У. Ремезовым сведения о чудесах от обретенного тела завоевателя своей легендарностью лишь оттеняли факт потери). Значит, в распоряжении поэта остается лишь мотив посмертной активности, подлежащий всемерному усилению: восстание ожившего Ермака из-под льда требует в глазах остяка восстановления памяти о нем и его походе.

* * *

Семантическое ядро баллады как жанра – вторжение прошлого в настоящее. Причем в отличие от некоторых других смежных жанров, например элегии, прошлое врывается в актуальное настоящее внезапно и неотвратимо, подобно явившемуся к живым уже похороненному мертвецу. И в этом смысле всякая баллада связана с проблемой памяти и присутствия прошлого в настоящем. Обратимся к исторической концепции «Ермака» и актуализации прошлого в этой сибирской балладе.

Демонстрируя разницу картин мира сибирского охотника-инородца и просвещенного путешественника, Муравьев использует характерную черту балладной поэтики: двойную оптику восприятия реальности. Генетическая связь фольклорной европейской баллады с загадкой [Шатин, 1997, с. 53–54] в историко-культурной перспективе привнесла в поэтику литературных образцов жанра двойное видение ситуации. Так, диалог невесты и жениха-мертвеца во всех вариациях “Lepore” Г. А. Бюргера показывает постепенно нарастающий разрыв между повседневным и inferнальным пониманием событий, а в “Erlkönig” И. В. Гёте и его переводчиков беседа отца и ребенка демонстрирует две параллельные реальности, в одной из которых властвует демонический лесной царь, а в другой – просто «белеет туман над водой». Сюжет «Ермака» подразумевает аналогичную двойную перспективу: остяк, подобно ребенку из «Лесного царя», видит ожившего покорителя Сибири, путник же, как и отец из классической баллады, объясняет происходящее законами природы:

Остяк

<...>

Чу! Слышишь треск? –

Путник

Лед проломался
И затрещал.

Остяк

Неправда! – Он
На наши речи отозвался! –

Путник

Тебя тревожит грозный сон.

Остяк

Что говоришь? Взгляни: – поднялся
Из-подо льда живой мертвец!
Он нам грозит! – Он так являлся –
Другим! – так сказывал отец!
(Муравьев, 1984, с. 125)

Однако в показанной конкретной исторической ситуации ментальные различия персонажей выходят за пределы собственно эстетического восприятия и приобретают современные геополитические смыслы. Если тревога путника была связана с необычным для жителя европейской части России сибирским климатом, то балладный страх инородца вызван вторжением большой истории в привычное для него природно-мифологическое время-пространство:

Путник

Чего ж боишься?

Остяк

Не бояться
С младенчества учились мы;
Стрелюю меткой защищаться
Привык остяк! – у нас дома
Не безопасны от набега –
А мы – беспечно в кущах спим
На глыбах родственного снега.
Но деды правнукам своим
В рассказах мрачных передали
Молву о грозном мертвце,
Чей призрак часто здесь видали
(Муравьев, 1984, с. 126).

Остяк Муравьева не обременен исторической памятью («Его (Ермака. – Е. А.) мудреное название, / Я прежде помнил, но забыл» (Муравьев, 1984, с. 127))², и только явление «грозного мертвца» и страх смерти заставляют его вспомнить имя покорителя Сибири:

Остяк

Что говоришь? взгляни: – поднялся
Из-подо льда живой мертвец!
Он нам грозит! – Он так являлся –
Другим! – так сказывал отец!
<...> – Ермак! Ермак!

² Специально об имени Ермака см.: [Блажес, 2002, с. 27–37].

Путник

Ермак?

Остяк

Мне страх напомнил имя!
(Муравьев, 1984, с. 128–129)

В «Ермаке» Муравьева реализуется конструктивно-семантическая доминанта балладного жанра – вторжение прошлого в настоящее, а также включается тесно связанный с ней мотив памяти и сам образ памятника. В финальных строках Путник одновременно и принимает точку зрения остяка, обращаясь словно к присутствующему на Иртыше Ермаку, и сохраняет свое видение ситуации, говоря с ним не как со страшным inferнальным призраком, а как с героем национальной истории:

Утешься, грозный богатырь! –
Пускай Иртыш твоя могила! –
Надгробный памятник – Сибирь!
(Муравьев, 1984, с. 129)

Эти финальные строки показывают, что поэтический диалог Муравьева с И. И. Дмитриевым состоял прежде всего в ответе на риторический вопрос последнего об обелиске Ермака:

Где обелиск твой? – Мы не знаем,
Где даже прах твой был зарыт.
Увы! он вепрем попираем
Или остяк по нем бежит
За ланью быстрой и рогатой,
Прицелясь к ней стрелой пернатой...
(Дмитриев, 1986, с. 26)

Сибирь, традиционно ассоциирующаяся скорее с природным ландшафтом, нежели с культурным пространством, под пером Муравьева обретает черты одного из памятников национальной истории. Если в фокусе внимания Дмитриева оказывалось собственно покорение Сибири, то Муравьев обращается к посмертному образу Ермака, оценивая его деятельность в исторической ретроспективе.

Тезис о необходимости помнить о завоевании Сибири и его героях был сформулирован еще летописцем: «всякъ бо чтый да разумѣть и дѣло толика вещи не забываетъ; на воспоминаніе сие писание написахъ, да незабвенно будет толика вещи трудъ» (Сибирские летописи, 1907, с. 46). В конце XVIII – начале XIX в. вопросы о национальной идентичности и знании собственной истории зазвучали иначе с учетом тех исторических вызовов, которые встали перед Россией в новом политическом и культурном контексте. В это время Сибирь как неотъемлемая и крупнейшая часть империи оказывается в фокусе внимания государственной власти и общества, о чем свидетельствуют предприятия М. М. Сперанским ревизия и реформы региона в 1822 г. (т. е. за год до написания «Ермака» Муравьевым), а также несколько более поздний проект путешествия наследника престола цесаревича Александра Николаевича за Урал. Поэтому риторический вопрос Дмитриева об «обелиске» Ермака, провозглашение «вечной памяти» ему со стороны России, истории и церкви в труде Карамзина точно отвечали духу времени. Жанр баллады, вошедший в русскую литературу в эпоху наполеоновских войн, как никакой другой соответствовал этому запросу: кажущееся «мертвым» и слов-

но канувшим в Лету / Иртыш историческое прошлое согласно законам жанра «оживало» и вторгалось в актуальное настоящее. Ермак как личность и государственный деятель, для которого не существовало никаких границ и преград, идеально подходил на роль балладного героя, а балладный страх был сродни тому, который действительно наводил на обитателей Сибири казачий атаман.

Список литературы

Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 304 с.

Библиография Ермака. Опыт указателя малоизвестных сочинений на русском и частью иностранных языках о покорителе Сибири / Сост. Е. В. Кузнецов. Тобольск: Тип. Губернского Правления, 1891. 33 с.

Блажес В. В. Народная история о Ермаке. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002. 185 с.

Блажес В. В., Дворецкая Н. А., Дергачева-Скоп Е. И., Ромодановская Е. К. Сибирская литература второй половины XVII – первой половины XVIII в. // Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. С. 77–111.

Вацуро В. Э. Эпиграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1989. Т. 13. С. 222–241.

Лагутов В. Б. Жанр исторической баллады в русской поэзии первой половины XIX века: В 2 ч. Самарканд: Изд-во Самарканд. гос. ун-та, 1984. Ч. 1. 35 с.; 1985. Ч. 2. 36 с.

Петров А. В., Колесникова О. Ю. Баллады И. И. Дмитриева: жанровые стратегии и тактики // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2021. Т. 43, № 1. С. 74–81.

Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. 336 с.

Хохлова Н. А. Андрей Николаевич Муравьев – литератор. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001а. 244 с.

Хохлова Н. А. Эпическая поэма А. Н. Муравьева «Потоп» // Памятники культуры. Новые открытия. 2000. М.: Наука, 2001б. С. 19–45.

Шатин Ю. В. Мотив и жанр: приход живого мертвеца за жертвой (от «Леноры» Бюргера до «Революционной казачки» Пригова) // Литература и фольклорная традиция: Сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1997. С. 52–63.

Янушкевич А. С. «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820–1830-х годов // Мотивы и сюжеты русской литературы: от Жуковского до Чехова: К 50-летию научно-педагогической деятельности Ф. З. Кануновой: Сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 40–48.

Ostrowski D. Alexander Nevskii's "Battle on the Ice": the Creation of a Legend // Russian History / Histoire Russe. 2006. Vol. 33, no. 2-3-4. P. 289–312.

Список источников

Архив братьев Тургеневых / Под ред. Н. К. Кульмана. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1921. Вып. 6: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1: 1814–1833 годы. 542 с.

Дмитриев И. И. Соч. М.: Правда, 1986. 592 с.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: ЯСК, 2008. Т. 3. 456 с.

- Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринт. изд. 1843 г.: В 3 кн. М.: Книга, 1989. Кн. 3. 732 с.
- Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев: Тип. И. и. А. Давиденко, 1871. 35 с.
- Муравьев А. Н. Ермак // Северная лира на 1827 год. М.: Наука, 1984. С. 125–129. (Лит. памятники)
- Муравьев А. Н. Таврида. СПб.: Наука, 2007. 542 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 13. 684 с.
- Ремезов С. У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М.: Худож. лит., 1989. Кн. 2. С. 550–574.
- Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1971. 480 с. (Библиотека поэта).
- Сибирские летописи. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. 464 с.

References

- Anisimov K. V. *Problemy poetiki literatury Sibiri 19 – nachala 20 veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – Early 20th centuries: Peculiarities of the formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk, TSU Publ., 2005, 304 p.
- Bibliografiya Ermaka. Opyt ukazatelya maloizvestnykh sochi-neniy na russkom i chastiye inostrannykh yazykakh o pokoritele Sibiri* [Bibliography of Yermak. The experience of the index of little-known works in Russian and partly in foreign languages about the conqueror of Siberia]. E. V. Kuznetsov (Comp.). Tobolsk, Tip. Gubernskogo Pravleniya, 1891, 33 p.
- Blazhes V. V., Dvoretzkaya N. A., Dergacheva-Skop E. I., Romodanovskaya E. K. *Sibirskaya literatura vtoroy poloviny 17 – pervoy poloviny 18 v.* [Siberian literature of the second half of the 17th – first half of the 18th centuries]. In: *Ocherki russkoy literatury Sibiri* [Essays on Russian literature of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1982, vol. 1: Dorevolutsionnyy period [Pre-revolutionary period]. pp. 77–111.
- Blazhes V. V. *Narodnaya istoriya o Ermake* [Folk story about Yermak]. Yekaterinburg, UrSU Publ., 2002, 185 p.
- Khokhlova N. A. *Andrey Nikolaevich Murav'ev – literator* [Andrey Nikolaevich Muravyov is a writer]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2001a, 244 p.
- Khokhlova N. A. *Epicheskaya poema A. N. Murav'eva "Potop"* [The epic poem by A. N. Muravyov "The Flood"]. In: *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. 2000* [Monuments of Culture. New discoveries. 2000]. Moscow, Nauka, 2001b, pp. 19–45.
- Lagutov V. B. *Zhanr istoricheskoy ballady v russkoy poezii pervoy poloviny XIX veka: V 2 ch.* [Genre of the historical ballad in Russian poetry of the first half of the 19th century: In 2 pts]. Samarkand, Samarkand State Univ. Publ., 1984, pt. 1, 35 p.; 1985, pt. 2, 36 p.
- Ostrowski D. Alexander Nevskii's "Battle on the Ice": the Creation of a Legend. *Russian History/Histoire Russe*, 33, no. 2–3–4 (Summer-Fall-Winter 2006), pp. 289–312.
- Petrov A. V., Kolesnikova O. Yu. *Ballady I. I. Dmitrieva: zhanrovye strategii i taktiki* [Ballads of I. I. Dmitriev: genre strategies and tactics]. *Proceedings of Petrozavodsk state university*. 2021, vol. 43, no. 1. pp. 74–81.
- Shatin Yu. V. *Motiv i zhanr: prihod zhivogo mertvetsa za zhertvoy (ot "Lenory" Byurgera do "Revoluts'onnoy kazachki" Prigova)* [Motif and Genre: The Coming

of the Living Dead for the Victim (from Burger's "Lenora" to Prigov's "Revolutionary Cossack Girl"). In: *Literatura i fol'klornaya traditsiya: sb. nauch. tr.* [Literature and folklore tradition: a collection of scientific works]. Volgograd, VSPI Publ, 1997, pp. 52–63.

Tyupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of literary text]. Moscow, Akademiya, 2009, 336 p.

Vatsuro V. E. Epigramma Pushkina na A. N. Murav'eva [Epigram of Pushkin to A. N. Muravyov]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Research and materials]. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 13. pp. 222–241.

Yanushkevich A. S. "Ermakov syuzhet" v russkoy literature 1820–1830-kh godov ["Yermakov's Plot" in Russian Literature of the 1820s–1830s]. In: *Motivy i syuzhety russkoy literatury: Ot Zhukovskogo do Chekhova: K 50-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti F. Z. Kanunovoy: sb. st.* [Motives and Plots of Russian Literature: From Zhukovsky to Chekhov: On the 50th Anniversary of F. Z. Kanunova's Scientific and Pedagogical Activities: Coll. of art.]. Tomsk, TSU Publ., 1997, pp. 40–48.

List of sources

Arkhiv brat'ev Turgenevykh [Archive of the Turgenev brothers]. N. K. Kulman (Ed.). Petrograd, Ros. gos. akadem. tip., 1921, iss. 6. Perepiska Aleksandra Ivanovicha Turgeneva s kn. Petrom Andreevichem Vyazemskim. T. 1: 1814–1833 gody [Correspondence of Alexander Ivanovich Turgenev with Prince Peter Andreevich Vyazemsky. Vol. 1: 1814–1833]. 542 p.

Dmitriev I. I. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda, 1986, 592 p.

Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: reprint. izd. 1843 g.: V 3 kn.* [History of the Russian state: repr. ed. of 1843: In 3 bks.]. Moscow, Kniga, 1989, bk. 3, 732 p.

Murav'ev A. N. Ermak [Yermak]. *Severnaya lira na 1827 god* [Northern Lyre for 1827]. Moscow, Nauka, 1984, pp. 125–129 (Literaturnye pamyatniki [Literary monuments]).

Murav'ev A. N. Tavrida [Taurida]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 542 p.

Murav'ev A. N. *Znakomstvo s russkimi poetami* [Acquaintance with Russian poets]. Kiev, Tipografiya I. i. A. Davidenko, 1871, 35 p.

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: V 19 t.* [Complete works: In 19 vols]. Moscow, Voskresen'ye, 1996, vol. 13, 684 p.

Remezov S. U. *Istoriya Sibirskaya* [Siberian history]. In: *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. 17 vek* [Monuments of literature of Ancient Russia. 17 century]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, bk. 2, pp. 550–574.

Ryleev K. F. *Poln. sobr. Stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sov. pisatel'. Leningr. otd., 1971, 480 p. (Biblioteka poeta [Library of a poet]).

Sibirskie letopisi [The Siberian chronicle]. St. Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1907, 464 p.

Zhukovskiy V. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Moscow, LRC Publishing House, 2008, vol. 3, 456 p.

Информация об авторе

Евгения Евгеньевна Анисимова, доктор филологических наук
WoS Researcher ID O-2265-2017

Information about the author

Evgeniya E. Anisimova, Doctor of Philology
WoS Researcher ID O-2265-2017

*Статья поступила в редакцию 19.12.2022;
одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 27.12.2022
The article was submitted on 19.12.2022;
approved after reviewing on 27.12.2022; accepted for publication on 27.12.2022*

Научная статья

УДК 821.161 + 821.111(73)

DOI 10.17223/18137083/82/7

**Роман Натаниэля Готорна «The Scarlet Letter»
в творческом сознании И. С. Тургенева:
от чтения к интерпретации**

Иван Олегович Волков

Томский государственный университет

Томск, Россия

wolkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

Аннотация

Разрабатывается проблема художественно-эстетического диалога И. С. Тургенева с творчеством Н. Готорна. Впервые подвергаются анализу пометы русского писателя на экземпляре романа «Алая буква» (1850) из его личной библиотеки, что позволяет поставить вопрос о рецепции им литературы американского романтизма. От интерпретации тургеневских помет исследовательское внимание движется к роману «Рудин» (1856), в котором обнаруживается традиция Готорна. Главным аспектом сравнительно-сопоставительного анализа выступают принципы изображения центральных героев.

Ключевые слова

И. С. Тургенев, Н. Готорн, «Алая буква», «Рудин», библиотека писателя, «новая манера» письма

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-00027, <https://rscf.ru/project/21-78-00027>

Для цитирования

Волков И. О. Роман Натаниэля Готорна «The Scarlet Letter» в творческом сознании И. С. Тургенева: от чтения к интерпретации // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 102–115. DOI 10.17223/18137083/82/7

**“The Scarlet Letter” by Nathaniel Hawthorne in the creative mind
of Ivan Turgenev: from reading to explication**

Ivan O. Volkov

Tomsk State University

Tomsk, Russian Federation

wolkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

Abstract

The paper addresses the problem of Ivan Turgenev’s perception of the literary work of Nathaniel Hawthorne. For the Russian writer, the turn of the 1840s and the 1850s was a time of crisis of artistic manner. During a period of intense creative reflection, the writer came across Hawthorne’s novel “The Scarlet Letter” with its blend of romantic and realistic traits of the

© Волков И. О., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 102–115

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 102–115

characters. It was the London edition (1852), its pages still bearing nail and pencil marks revealing a sensitive perception and understanding of the romantic world of puritan Boston and the ways of its artistic recreation. The Russian writer discovers the image of Esther and the pictures of nature intended to reveal her character. In addition, Turgenev acquires the author's complex allegory embracing the images of Pearl and the letter "A." The marks on the pages of *The Scarlet Letter* trace a creative perception of the novel manifested when Turgenev worked on "Rudin" (1856). The pages of Turgenev's first novel provide a picture of Russian reality, with important questions about the social and spiritual life of society being addressed. This prioritization reflects the impact of "The Scarlet Letter". "Rudin" echoes Hawthorne's novel, both in the general framing of the moral and philosophical issues and the specificity of the main characters.

Keywords

I. S. Turgenev, N. Hawthorne, "Scarlet Letter", "Rudin", Turgenev's library, Turgenev's "New Manner"

Acknowledgments

The research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (project no. 21-78-00027), <https://rscf.ru/en/project/21-78-00027>

For citation

Volkov I. O. "The Scarlet Letter" by Nathaniel Hawthorne in the creative mind of Ivan Turgenev: from reading to explication. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 102–115. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/7

Американский писатель и литературовед Я. Бойесен в своем воспоминании запечатлел чрезвычайную увлеченность И. С. Тургенева литературой США, а особенно Н. Готорном и его романом «Алая буква», в котором русский писатель нашел «истинный вкус почвы», доказывающий его принадлежность к «произведениям новой цивилизации» [Boyesen, 1874, p. 460]. Такая оценка подтверждается «живым» свидетельством – тургеневским экземпляром романа, на страницах которого оставлены ногтевые и карандашные пометы.

Готорн вошел в мир Тургенева в значимый период напряженного формирования у русского писателя «новой манеры» письма. Лондонское издание «Алой буквы»¹ было предметом тургеневского чтения осенью 1852 г. в Спасском, где писатель находился в ссылке. Это сложное время для автора «Записок охотника» оказалось моментом творческого кризиса, основное содержание которого было связано с движением «от малых эпических форм к моделированию жанровой структуры... романа» [Черкезова, 2017, с. 213]. Сам Тургенев в письме к П. В. Анненкову от 19 ноября 1852 г. говорит о необходимости «пойти другой дорогой – надобно найти ее и раскланяться навсегда с старой манерой. Довольно я старался извлекать из людских характеров разводные эссенции – triples extraits – чтобы влить их потом в маленькие стекляночки – нюхайте, мол, почтенные читатели – откупоривайте и нюхайте – не правда ли пахнет русским типом? Довольно – довольно!» (Тургенев, 1987а, с. 115).

«Алая буква» была для Готорна плодом тех же усилий, в которых проходили поиски Тургенева. Роман 1850 г. вобрал в себя принципы новеллистического письма и одновременно осмыслялся автором как «живая форма, способная к свободному развитию и совершенствованию» [Коренева, 2000, с. 68]. Экземпляр «The Scarlet Letter» был прислан ссыльному Тургеневу княжной С. И. Мещерской, которая сочувствовала «изгнаннику» и поддерживала его. Как уже было отмечено

¹ ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1904.

но, страницы романа из библиотеки писателя хранят на себе следы читательской рефлексии. Почти все ногтевые и карандашные пометы принадлежат исключительно владельцу книги, так как манера их нанесения, а также почерк полностью совпадают с тургеневскими. Выделяется лишь едва уловимый карандашный отчерк, который был оставлен щедрым дарителем. Сам роман Готорна упоминается Тургеневым только однажды и именно в послании к княжне Мещерской. Описывая расшатанное здоровье, писатель признается, что в отношении своих болезней предпочитает «плыть по течению, даже не совершая тех “rare and great efforts”, которые подчеркнул чей-то карандаш в “Scarlet Letter”. Вам знаком этот карандаш?» (Тургенев, 1987а, с. 399). Тургенев делает отсылку к главе XVI романа, но заковыченные в письме слова не являются цитатой. «Rare and great efforts» (редкие и значительные усилия) – это тургеневский пересказ свойств лесного ручейка, который преодолевал природные преграды, прокладывая свой путь. В его книге этот эпизод дан на странице 173, здесь же на полях еще можно различить две тонкие-тонкие пересекающиеся волнистые линии, отмечающие фрагмент:

Все эти гигантские деревья и гранитные глыбы, казалось, хотели скрыть от постороннего взора путь маленького ручейка. Вероятно, они боялись, что своим неумолчным журчанием он выболтает многое из того, что старый лес хранил в своем сердце, откуда вытекал этот родник, или отразит на гладкой поверхности заводей его сокровенные тайны. И в самом деле, шумливый ручеек, пробираясь вперед, не умолкая, журчал ласково, тихо, успокаивающе, но вместе с тем меланхолично; его песенка напоминала лепет ребенка, который влачит безрадостное детство и не умеет быть веселым в кругу омраченных печалью людей и событий (Готорн, 1982, с. 175).

Тургенев, конечно, понимал, чей это «карандаш», поскольку в подтексте его риторического вопроса читается намерение напомнить об этом осторожном штрихе его «автору», который способен чутко воспринять проведенную им параллель. Остановившись в письме на выделенном княжной отрывке, писатель принимает заметку Мещерской и соглашается с ней, продолжая начатую рефлекссию с собственным акцентом.

Тургенев читает «Алую букву» постепенно и очень внимательно, его первая помета – уже в главе «Таможня», которая предшествует роману и открывает историю алой буквы. В «таможенном» вступлении «под покровом изящества и утонченности писатель дерзновенно увлекает читателя в бездны философских проблем, связанных с теорией познания и границами возможностей языка» [Коренева, 2000, с. 74]. Тургенев вчитывается в авторские размышления о назначении и ценности человеческой жизни, понимаемой в реальном (бытовом) и романтическом (проблема творческой личности) аспектах. В этом насыщенном тексте он на полях делает одну-единственную помету – отчеркивает ногтем рассуждение о жестком характере обыденного восприятия личности в современном обществе:

Для человека, мечтающего о литературной славе и завоевании таким путем места среди знаменитостей мира сего, будет весьма полезным, хотя и жестким уроком выйти из узкого круга, где он пользуется признанием, и убедиться, насколько за этими пределами лишено значения всё, что он делает и к чему стремится (Готорн, 1982, с. 59).

В словах о художнике и его значении Тургенев находил соответствие собственному положению. Его восприятию особую остроту придавал момент творче-

ского распутия. Именно в это время Тургенев нуждался в поддержке «узкого круга» друзей, которым открывал пробы «нового» пера. Но конкретность понимания не уводила его от романтической эстетики Готорна, и он шел к усвоению символической идеализации, которой остается верен американский автор.

Одинокий ногтевой отчерк на страницах «Таможни» – это знак интереса и ко всей романтической концепции Готорна. Размышления о человеческой личности и путях ее совершенствования импонируют гуманистической позиции Тургенева. В центре дальнейшего внимания русского писателя оказываются образы Эстер Прин и Артура Димсдейла, а также картины природы, вводимые для раскрытия их характеров.

Существование своей героини автор изображает как схватку «между обществом, с одной стороны, и одинокой женщиной, опиравшейся лишь на сочувствие природы, с другой» (Готорн, 1982, с. 112). Готорн не случайно в качестве единственной силы, которая помогает Эстер в этом неравном противостоянии, обозначает именно природу, связь с которой, в его концепции, необходима для духовного возрождения человека. В тексте романа образ природы предстает как сложная романтическая аллегория. Она, по словам повествователя, – «дикая, языческая, лесная <...>, еще не подвластная человеческим законам и не озаренная высшей истиной» (Готорн, 1982, с. 193). Такая природа равнодушна к человеку, и автор показывает это в неслучайных сравнениях: «Долго блуждала Эстер без всякого руководства в дебрях вопросов нравственных, дебрях столь же беспредельных, непроходимых и мрачных, как тот дремучий лес» (Готорн, 1982, с. 190). Но в то же время, одухотворенная человеческой страстью, любовью, она «всегда так пронизывает сердце солнечным сиянием, что оно невольно выплескивает часть его на окружающий мир» (Готорн, 1982, с. 190). Два лика природы равно оттеняют особенности духовного мира Эстер, создавая внутренне противоречивую и динамичную картину ее развития: сознание греховности и неукротимая жажда правды и свободы. Сложная аллегория стихии усиливается взаимодействием и с другими образами – маленькой Перл и буквой «А».

Тургеневу была близка философская идея Готорна о природе, проявляющей во взаимодействии с человеком как созидательную, так и разрушительную силу. На рубеже 1830-х – 1840-х гг. в «немецких» письмах писателя отчетливо звучит мысль о живом величии природы, сочувствующей человеку в момент полноты и истинности его переживаний. В 1841 г. романтически настроенный Тургенев писал к Б. фон Арним: «...тесная связь человеческого духа с природой – не случайно самое приятное, самое прекрасное, самое глубокое явление нашей жизни: только с духовным началом, с идеями может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление» (Тургенев, 1982, с. 351). Позднее к этому восприятию примешиваются ноты горечи, и в определении природы появляются слова «жестокое равнодушие» и «злодейка». В письме к П. Виардо от 10–11 июня 1849 г. он описывает дуальность стихии через саму природную метафору: «...и соловей может очаровывать нас и восхищать, а тем временем какое-нибудь несчастное, полураздавленное насекомое мучительно умирает у него в зобу» (Тургенев, 1982, с. 407).

Последующие пометы Тургенева точно определялись его интересом к процессу внутреннего изменения Эстер, тому, как рядом с мучительным ощущением греха ее душа расцветает под влиянием вспыхнувшего сочувствия и усилившейся любви. Готорн показывает развитие нового чувства, рисуя Эстер и ее дочь в тесном общении с природой. Маленькая Перл, рожденная от чистой взаимной люб-

ви, плоть от плоти повторяет мать. Подвижная и разносторонняя натура девочки, определяемая автором словом «хаос», была сродни дикой природе и проявляла себя в детской эгоистичности и равнодушии. Это особенно отразилось в необычайно заинтересованном и даже любовном восприятии Перл буквы «А», которую носила на груди мать. Но именно это любопытство дочери, терзавшее и мучившее Эстер, готовило чудесное превращение алой буквы из знака греха и позора в символ любви и сострадания.

Следуя за логикой автора в изображении разности человеческого взаимодействия с природой, Тургенев делает пометы в важных «натурфилософских» главах романа: XVI («Прогулка в лесу») и XIX («Ребенок у ручья»). В первой из них Эстер и Перл рисуются на фоне солнечного света и журчащего ручья. Русский писатель глубокими ногтевыми линиями отчеркивает внутри текста небольшой фрагмент:

Шаловливый солнечный луч, игривость которого была едва приметна среди хмурой мрачности дня и леса, прятался, как только приближались наши путники, и те места, где он прежде плясал, казались еще более унылыми оттого, что мать и дочь надеялись увидеть их яркими. – Мама, – сказала Перл, – солнечный свет не любит тебя. Он убегает и прячется, словно пугаясь чего-то на твоей груди. Смотри! Вот он играет вдали. Постой на месте, а я побегу и поймаю его. Я ведь только девочка. Он не упорхнет от меня, потому что я еще ничего не ношу на груди (Готорн, 1982, с. 173).

В искренних словах девочки повествователь делает указание на то, что тепло и свет солнечных лучей пока еще не доступны для Эстер, поскольку сейчас она сознательно находится во власти идеи совершённого греха. В противоположность же ей неотягощенная ложным сознанием стыда и несовершенства Перл вся светится в щедрых лучах солнца. Но здесь же в картину беззаботной радости ребенка Готорн деликатно допускает – а Тургенев с чуткостью отмечает – мысль о «сомнительном очаровании». В то время, когда «залитая потоком света, оживленная и раскрасневшаяся» (Готорн, 1982, с. 173) Перл резво наслаждалась солнечным даром природы, автор в ее «непочатой жизненной силе» обозначает неполноту характера:

Резвость Перл очаровывала, но это было какое-то сомнительное очарование, придававшее жесткий, металлический блеск характеру ребенка. Ей недоставало того, чего иным людям недостает всю жизнь, – горя, которое, глубоко затронув ее, тем самым смягчило бы и сделало способной к сочувствию. Но у маленькой Перл было еще довольно времени впереди (Готорн, 1982, с. 174).

Мысль Готорна о том, что несчастье вносит равновесие в человеческое существование и дает полноценное ощущение жизни, была органична восприятию Тургенева. В конце 1840-х гг. на страницах переписки с Виардо он в связи со своей концепцией Гамлета развивает идею необходимости страдания:

Да, великие страдания не могут сломить великие души, они делают их спокойными, более простыми, они смягчают их, нисколько не заставляя терять в своём достоинстве. <...> Те, кто прошел через это, кто умел страдать (я чуть было не сказал: те, кто имел это счастье, потому что страдание – это счастье, которое, например, эгоисту или человеку низкому неведомо),

несет на себе отпечаток страдания, облагораживающий его, если он страданию не поддастся» (Тургенев, 1982, с. 384).

Помета Тургенева в характеристике Перл более чем неслучайна. Идея страдающей личности в конце 1850-х гг. получает у русского писателя всё более обобщенное развитие: «кругом меня всё мирные, тихие существования, а как приглядишься – трагическое виднеется в каждом» (Тургенев, 1987б, с. 98).

Всё в той же главе Тургенев в единстве авторского философского взгляда отмечает описание меланхолической песенки ручья, сочувственно разделяемой Эстер, но непонятной для Перл. В отрывке, живописно сочетающем образы природы и человека, внимание писателя привлекло авторское сравнение настроения детской души и созвучной ей одухотворенной частицы лесной жизни:

И в самом деле, шумливый ручеек, пробираясь вперед, не умолкая журчал – ласково, тихо, успокаивающе, но вместе с тем меланхолично; его песенка напоминала лепет ребенка, который влачит безрадостные детские годы и не умеет быть веселым среди омраченных печалью людей и грустных событий.

– Ах, ручеек! Глупый и скучный ручеек! – воскликнула Перл, послушав немного его болтовню. – Почему ты так печален? Развеселись и перестань все время вздыхать и бормотать! <...> О чем говорит этот печальный ручеек, мама?

– Будь у тебя свое горе, ручеек поговорил бы с тобой о нем, – ответила мать... (Готорн, 1982, с. 175–176).

Идеальным комментарием ко всему описанию, включая и подчеркнутые Тургеневым строки, может быть необычайно сходное место из уже приведенного письма к фон Арним: «...нужно быть таким же правдивым, как сама природа, чтобы каждый замысел природы, каждое ее движение претворялись в человеческой душе непосредственно в сознательные мысли и духовные образы» (Тургенев, 1982, с. 351).

Кульминацией тургеневских помет, касающихся поэтико-философского осмысления природы и человека, становится заключительный абзац главы XIX. Взгляд писателя обращается на лирическое обобщение Готорном свидания Эстер и священника. Душа героини устремляется к новым надеждам, хотя груз греховности совсем не покидает ее. Спасения и свободы жаждет и Димсдейл, измученный сознанием вины. Выражением состояния и будущности Эстер оказывается полностью выделенный Тургеневым отрывок одушевленной природы:

И вот это знаменательное свидание пришло к концу. Пора было предоставить лесную ложбинку под старыми темными деревьями, которые долго еще будут шелестеть своими многочисленными языками, рассказывать о том, что там произошло, но ни один смертный не поймет их слов. И меланхоличный ручей прибавит эту новую историю к тем тайнам, которые уже и так переполняют его маленькое сердце; он будет продолжать свой непонятный лепет, и голос его останется таким же печальным, как много столетий назад (Готорн, 1982, с. 195).

В этом фрагменте – интерес Тургенева к проблеме нравственно-философского универсализма Готорна. В системе авторской многозначности текущий ручей предстает также метафорой жизни и времени в их бесконечном и повторяющемся движении. Американский писатель включает трагедию Эстер в круг общечелове-

ческих тайн и горестей, которые существовали прежде и будут происходить после. Такая концепция отвечала представлениям русского писателя.

Ногтевые пометы Тургенева, маркирующие его внимание на образе Эстер, после XIX главы сменяет карандаш, а вместе с этим происходит и смена объекта писательского интереса. На первый план выходят нравственно-психологические проблемы, связанные с особенностями образа священника Артура Димсдейла. Готорн рисует страстную и талантливую натуру пуританского проповедника, но, в отличие от Эстер, он – человек слабого характера, неспособный ни признаться в совершенном грехе, ни выдержать его тяжесть. Как честный человек и пастор, почитаемый своей паствой, он с кафедры произносит нравственные истины, однако в душе клянет и презирает себя: «...я должен был бы давно уже сбросить личину ложной святости и предстать перед людьми только таким, каким меня увидят когда-нибудь в день суда» (Готорн, 1982, с. 179).

Тургенев отмечает именно тот диссонанс в образе Димсдейла, который внутренне его разрывает и лишает спокойствия. Он отчеркивает слова повествователя, согласуемые с новой моралью Эстер. Это утверждение о невозможности устоять на двух разных истинах без ущерба для цельности своей души:

Ни один человек не может так долго быть двуликим: иметь одно лицо для себя, а другое – для толпы; в конце концов он сам перестанет понимать, какое из них подлинное (Готорн, 1982, с. 196–197).

В следующем отмеченном отрывке Тургенев продолжает наблюдение за душевным состоянием священника, он обращается к эпизоду торжественного шествия по городу, в котором принимает участие и молодой богослов. Писатель ловит образ Димсдейла именно в момент тайной трансформации. Небольшой линией на полях писатель выделил авторский комментарий, содержащий объяснение необычайного состояния священника – внутренней энергии, бодрости духа, что поддерживают слабое тело:

Люди большого ума, но болезненные и слабые, обладают этой способностью к мгновенному и могучему напряжению: вкладывают в него всю жизненную силу многих дней, а потом столько же дней лежат в изнеможении (Готорн, 1982, с. 214).

В этих словах звучит и намек на драматичный исход испытанного героем душевного подъема. Новообретенная сила – это результат принятого Димсдейлом решения обнажить свое «клеймо позора на груди», но пережить признание вины ему не дано – он умирает, обретая свободу. При этом Тургенев продолжает комментированное чтение, записывая здесь же: «**И.Т.**». Две английские буквы обозначают инициалы писателя – «Иван Тургенев», которые встречаются также в виде тиснения на корешках книг из его библиотеки. В этом угадываются размышления о схожести им самим переживаемого состояния с той зависимостью между возбуждением души (творческим огнем) и последующей немощью тела, которую описал Готорн. Эта параллель делается особенно явной в свете приводимого выше письма к Мещерской, где рассказывается о многочисленных расстройствах здоровья и о плодотворном вдохновении.

В заключительной главе романа Тургенев сделал две последние пометы. Первая свидетельствует о его сочувственном отношении к священнику как к человеку честному и талантливому, но слабому и беспомощному. Писатель подчеркивает

мнение «почтенных свидетелей», отрицающих возможность греховности Димсдейла и уверяющих, что он «сделал и смерть свою притчей»:

Он хотел научить их тому, что самый праведный из нас лишь настолько возвышается над своими братьями, чтобы яснее понять милосердие, взирающее на землю, и увереннее отвергнуть призрак человеческих заслуг, взирающий на небеса, в надежде на воздаяние (Готорн, 1982, с. 228).

Но это мнение оспаривает повествователь, изрекающий «поучительный вывод» в форме нравственного урока – не только погибшему пастору, но и каждому читателю истории алой буквы:

Говори правду! Говори правду! Говори правду! Не скрывай от людей того, что есть в тебе, если и не дурного, то хоть такого, за чем может скрываться дурное! (Готорн, 1982, с. 228).

И Тургенев отмечает этот наставительный фрагмент, соглашаясь с автором в требовании от человека истины без условностей. Но согласие не означает осуждение Димсдейла, а даже напротив: в представлении писателя последние отчеркнутые им тексты находятся в одной нравственно-философской плоскости, следовательно, необходимость правды сочетается с потребностью в милосердии – это тот этический синтез, что стал выстраданной идеей Эстер.

Знакомство Тургенева с «Алой буквой» не прошло бесследно. Пометы писателя ведут к творческому восприятию романа, проявившему себя в момент работы над «Рудиным». Роман создан в 1855 г. и стал первым законченным опытом автора в большой форме. В определенном смысле история его появления повторяет уже упомянутые закономерности развития художественной манеры Готорна. «Алая буква», появление которой тесно связано «с общим направлением социального и духовного развития США в 40-е годы XIX века» [Ковалев, 2003, с. 129], точно так же открывает романский период творчества автора. После овладения мастерством «малой прозы» американскому писателю потребовалась новая форма «для более глубокого и обстоятельного художественного исследования волновавших его социально-нравственных проблем» [Там же, с. 127]. Но роман не теряет органической связи с новеллой, оставаясь во многом с ней близок. Тургенев следует похожим путем – от рассказа и повести к освоению большого художественного пространства, и подобным же образом его роман находится в отношении родства с очерково-повествовательным стилем письма.

На страницах «Рудина» развернулась картина русской действительности, заданы важные вопросы социальной и духовной жизни российского общества. В этой расстановке приоритетов улавливаются следы чтения первого романа Готорна, хотя ранее «Алая буква» не называлась в качестве возможного творческого источника для Тургенева. Самым ярким «предшественником» «Рудина» обычно считают пушкинского «Евгения Онегина» (герой как воплощение духа времени), кроме того, в его генеалогию относят «Гамлета» У. Шекспира, «Дон Кихота» М. де Сервантеса (тип рефлексии героя, разрыв между словом и делом), отчасти – романы Ж. Санд (любовная коллизия на основе духовного неравенства).

Сходство же с «Алой буквой» можно обнаружить в принципах изображения двух главных героев. Интересно, что имя американского автора и роман «Рудин» были употреблены в одном контексте еще при жизни Тургенева. Н. Г. Чернышевский в разгромной статье о русском переводе сочинений Готорна для детей (1860)

резко отозвался о характере нового тургеневского героя. Общим критерием, схематически объединившим рассказы Готорна и русский роман, стала «фантастика» – «утаивание и искажение фактов» в первом случае и «искажение психологической истины» в другом [Чернышевский, 1860, с. 239]. Чернышевский, недооценивший художественные достоинства обоих авторов, в своем отрицании уловил, хотя и не в том направлении, их близость.

Образ Димсдейла стал для Тургенева одним из благотворных материалов в создании характера Дмитрия Рудина, с самого начала также отличавшегося двойственностью: в нем кипит энергия, устремляющая его в будущее, но нет внутренней силы, способной претворить мечту в действительность. Ярчайшая черта, объединяющая двух героев, – удивительная сила красноречия, заставляющая слушателей благоговейно взирать на оратора. Показательно сравнение их страстных монологов в мощи внутреннего убеждения:

Н. Готорн

«Этот голос сам по себе был богатейшим даром, и слушатель, даже не понимая языка проповедника, всё же бывал захвачен тембром и ритмом. Подобно всякой музыке, он дышал страстью и пафосом, чувствами высокими и нежными... Эстер Прин так жадно внимала этим звукам, хотя и заглушенным церковными стенами, и так была полна ответного чувства, что сама проповедь, независимо от слов, которых она не различала, всё время была ей понятна... Звуки, которые она ловила, то понижались, как будто это стихал ветер, ложась на покой, то повышались, сладостные и мощные, пока не окутали ее атмосферой благоговейного и торжественного величия. ...он будил чувство в каждом сердце!»

(Готорн, 1982, с. 217)

И. С. Тургенев

«Он говорил мастерски увлекательно, не совсем ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его речам... вдохновением дышала его нетерпеливая импровизация. Он не искал слов: они сами послушно и свободно приходили к нему на уста, и каждое слово, казалось, так и лилось прямо из души, пылало всем жаром убеждения. Рудин владел едва ли не высшей тайной – музыкой красноречия. Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять звенеть и дрожать все другие. Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чем шла речь; но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди»

(Тургенев, 1980, с. 229)

Речь проповедника, которая «показана как его индивидуальный взлет, высочайший духовный акт личности» [Хомук, 2018, с. 240], была следствием ночного «прилива чувств и мыслей», который он испытал после свидания с Эстер в лесу и в результате пережитого внутреннего смятения. Слова же Рудина явились чистой импровизацией – это способ «порыва к возвышенному идеалу» [Курляндская, 1977, с. 62], но и она принимает форму своеобразной проповеди пастыря. Дар речи роднит Рудина с Димсдейлом своим естественным восторгом и способностью вдохновлять. Страсть, заключенная в словах священника, отзывается высоким и искренним сочувствием в сердцах прихожан. С полнотой душевной чуткости искренность рудинского экспромта принимается и «публикой» дома Ласунских.

Очевидна и другая черта сходства, связанная с уподоблением льющегося голося музыкальному звучанию. Ритм, тембр и темп в обоих случаях соотносятся с игрой инструмента. Тургенев делает это сравнение более явным, придавая речи

Рудина «струнное» свойство, и далее переводит ее в плоскость мелодии, называя поэтической («он возвысился до красноречия, до поэзии» (Тургенев, 1980, с. 230)). Именно эта черта в итоге оказывается определяющей в тонкости его внимательного восприятия слушателями – в этот момент «его устами говорило что-то высшее» (Тургенев, 1980, с. 230). У Готорна поэзии тургеневского героя параллельна «нота отчаяния», придававшая Димсдейлу «могучую власть над людьми», – «это был вопль человеческой души, удрученной горем» (Готорн, 1982, с. 217).

Важно, что при всей завораживающей дисгармонии (Димсдейл) или гармонии (Рудин) в речах молодых ораторов главному слушателю – Эстер и Наталье соответственно – было недоступно значение слышимых слов. Готорн указывает на это в начале проповеди («слова были не ясны») (Готорн, 1982, с. 216), хотя тайна смысла не помешала почувствовать их притягательную силу. Тургенев же чуть позже говорит: «Смысл их часто оставался недоступным для Натальи» (Тургенев, 1980, с. 248). Однако в содержании этого непонимания есть существенная разница. В случае Эстер восприятию проповеди мешали массивные церковные стены, заглушавшие звук. Но это религиозное препятствие, символически прочитываемое, не стало преградой ее «ответному чувству». В случае с Натальей недоступность смысла оказывается почти прямым укором в сторону Рудина, который, «казалось, и не очень заботился о том, чтобы она его понимала» (Тургенев, 1980, с. 283).

Фрагменты, в которых герои Готорна и Тургенева произносят вдохновенные речи, различаются своим местом в сюжетно-психологической линии произведений. Проповедь Димсдейла (гл. XXII) служит практически завершающим штрихом в обрисовке образа. Монолог Рудина (гл. III) входит в общий комплекс его начальной характеристики. Однако композиционное расхождение не нарушает очевидную близость их внутренней структуры, более того, они получают своеобразное смысловое продолжение, но уже в новом качестве. Таким развитием становятся сцены гибели героев, которые выступают в функции их оправдания.

Димсдейл, «опираясь на плечо Эстер и поддерживаемый ее рукою, <...> держа в своей руке ручку рожденного во грехе ребенка» (Готорн, 1982, с. 224), поднялся на помост рыночной площади – на место публичной казни, где он должен был стоять семь лет назад. С этого возвышения пастор, борющийся с «телесной слабостью и духовным изнеможением», открывает собравшимся тайну алой буквы, признавая в себе «величайшего грешника на земле» (Готорн, 1982, с. 225). Готорн отмечает, что акт покаяния стал моментом торжества над «невыносимыми страданиями». Но с разрушением двойственности обрывается и жизнь Димсдейла, не способная вынести последнего очистительного потрясения.

За мгновение до своей гибели Рудин также оказывается на своеобразном помосте – баррикаде, «на самой ее вершине» (Тургенев, 1980, с. 322). И это тоже час его духовного торжества. Он взбирается на форт в предместье Парижа в качестве революционного героя, несущего людям свободу. Своим последним поступком, участием в «восстании “национальных мастерских”» (Тургенев, 1980, с. 322), Рудин заслуживает оправдание в обвинении, которое когда-то справедливо прозвучало из уст Натальи: «от слова до дела еще далеко, и вы теперь струсили» (Тургенев, 1980, с. 282). Смерть на баррикаде становится единственным верным исходом его судьбы, в которой, как и у Димсдейла, было немало страданий, преждевременно его состаривших.

Противоположные слабым мужским героям сильные женские образы в романах Готорна и Тургенева также находят значимые переклички. Как и Рудин, Наталья обладает страстной натурой, но ее энергия, подобно Эстер Прин, сосредоточена глубоко внутри («чувствовала глубоко и сильно, но тайно» (Тургенев, 1980, с. 239)) и имеет нравственное превосходство над характером своего избранника. Знакомство и постепенное сближение двух героев в атмосфере общего чувства благотворно влияет на каждого из них. С момента приезда «приятеля барона» в Наталье начинается процесс умственного и эмоционального развития: «Пока – одна голова у ней кипела... но молодая голова недолго кипит одна» (Тургенев, 1980, с. 249). Первая любовь и первое разочарование совершают переворот в ее чувственно-психологическом мире. Взросление Натальи происходит шаг за шагом, но автор показывает это деликатно, полунамекками и полутонами. Рудин же в присутствии чистой и искренней души всё острее понимает, что «не должен растрчивать свои силы на одну болтовню...» (Тургенев, 1980, с. 242).

Читая «Алую букву», Тургенев видел, что сюжетная линия романа находится в состоянии относительного покоя, но главная героиня не остается в положении статички. Эстер проходит свой путь становления, определенный роковой встречей с Димсдейлом. В ее движении от испуганной девушки у ворот тюрьмы с младенцем на руках до закаленной страданиями женщины таится огромная сила внутреннего перерождения. И автор называет некоторые проявления этой силы, не раскрывая весь процесс. Так, в середине романа он говорит, что Эстер усвоила дух нового времени, «обрела свободу мышления, уже распространившуюся тогда по ту сторону Атлантики» (Готорн, 1982, с. 159). В неравных же отношениях с Димсдейлом она приходит к тому, что берет на себя ответственность за него, которую «должна нести, не считаясь ни с кем на свете» (Готорн, 1982, с. 155).

На всем протяжении романного действия Эстер и Димсдейлу, разлученным пуританским законом, позволено встретиться лишь несколько раз, но каждое их свидание имеет последствия. Особое значение Готорн придал отмеченному Тургеневым свиданию героев в лесу в гл. XVII–XIX. Здесь им обоим впервые дана возможность сбросить с себя маски (примечательно срывание Эстер алой буквы) и предстать друг перед другом в естественном облике двух любящих людей. Писатель, помещая их в пространство первобытного леса, проводит прямую параллель между его состоянием и внутренним расположением героев:

Между верхушками деревьев, стоявших черными плотными стенами с обеих сторон, виднелись такие крошечные просветы неба, что Эстер этот лес казался воплощением тех духовных дебрей, в которых она так долго блуждала (Готорн, 1982, с. 172–173).

Пастор и прихожанка, скрытые от людского мира и одновременно открытые всей безграничной природе, получают надежду на освобождение. Но, как солнечный свет в темном небе, который то появлялся, то исчезал, так и чаяния Эстер и Димсдейла не могут обрести полноту воплощения. Иллюзия совместного бегства из Новой Англии на корабле скоро развеется, но пока они находятся в лоне природы, которая хранит их мечту, сочувствуя «блаженству... двух существ» (Готорн, 1982, с. 188).

В «Рудине» образ Натальи в значительные минуты ее переживаний тоже рисуется в тесной связи с природой – в именно той сочувственной и сочувствующей связи, которую Тургенев отметил во время чтения. Так, день рудинского признания в любви оказывается «жарким, светлым, лучезарным днем» (Тургенев, 1980,

с. 262). Природа, быстро проходя через смену своих состояний – от утреннего пробуждения Натальи до ее прогулки, словно стремится предстать перед ней в состоянии полного умиротворения. Когда она вышла в сад, от него «веяло свежестью и тишиной» (Тургенев, 1980, с. 263). И автор далее уточняет это воцарившееся спокойствие, указывая на его чуткое восприятие человеком: «той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человека отзывается сладким томлением тайного сочувствия...» (Тургенев, 1980, с. 263).

Несколько иной природа предстает в момент нового свидания героев, где они признаются во взаимной любви. Тургенев дает уже отличную картину позднего вечера с «далекой и бледной» глубиной неба, в которой «только что проступали звездочки», и «полукруг луны блестел золотом сквозь черную сетку плакучей березы» (Тургенев, 1980, с. 269). Так же, как и в первом отрывке, здесь акцентируется состояние всеобщей тишины, но ее свойство уже иное, в ней нет благоухания, истомы и сладостного трепета. Окружающая Наталью и Рудина природа, находясь в состоянии затаенного ожидания, одновременно показывает свою настороженность, в которой чувствуется оттенок тревоги.

Последний пейзаж, аккомпанирующий героям, рисуется в совершенно отличном виде. День мучительного разочарования Натальи погружен в угрюмое уныние Авдюхина пруда. Автор описывает безжизненное место, лишенное былого человеческого присутствия. Пустынный пейзаж тоже олицетворяется – за счет сравнения мертвых деревьев сначала с призраками, а затем со «злыми стариками», которые «сошлись и замышляют что-то недоброе» (Тургенев, 1980, с. 269). Довершением картины становится отсутствие в солнечное утро ясного света. При этом отчужденности Авдюхина пруда писатель придает зловещую символичность в виде народной легенды о совершенных здесь преступлениях: в одном был повинен человек, а в другом – злодейка-природа (сосна «повалилась и задавила девочку») (Тургенев, 1980, с. 269). Именно в этой недоброй атмосфере объясняются Наталья и Рудин. Но природа предугадывает не само крушение надежды на счастье, с которой девушка пришла на свидание, а последующее отчаяние. Всё вокруг вторит назревающей драме Натальи, которая уже дома проявила себя в холодных слезах.

Сходство между «Алой буквой» и «Рудиным» в психологическом сопутствии природы очевидно. Хотя Тургенев находится вне какой-либо зависимости от Готорна. Об этом говорит сам метод исполнения пейзажа, его введения в чувствительный мир человека. Различаются и смысловые оттенки природных изображений: в «Алой букве» преимущество отдано философизации, в «Рудине» же на первый план выходит поэтизация. Но важно, что Тургенев, тончайший лирик, нашел в романе Готорна родственное ему понимание пейзажа как сочувствующей и объясняющей человека стихии.

«Алая буква» представила русскому писателю опыт осмысления нравственно-го кризиса личности, обусловленного состоянием современной действительности и проявленного в глубоком противоречии внутреннего мира (Димсдейл) и одинокой борьбе человека за свое жизненное право (Эстер). Тургенев вчитывается в историю героев Готорна, объединенных темой любви и страдания, находя в ней пример разной реакции человека на посягательство внешнего мира на личное счастье. В «Рудине» отзвуки романа «Алая буква» проявили себя как в общем оформлении нравственно-философской проблематики, так и в конкретике главных образов. Наталья и Рудин включены в авторское осмысление вопросов состояния личности.

Список литературы

- Ковалев Ю. В. От «Шпиона» до «Шарлатана». Статьи, очерки, заметки по истории американского романтизма. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. 258 с.
- Коренева М. М. Натаниель Готорн // История литературы США. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. 3. С. 26–113.
- Курляндская Г. Б. Структура повести и романа И. С. Тургенева 1850-х годов. Тула: Приок. кн. изд-во, 1977. 270 с.
- Хомук Н. В. Художественная онтология американской литературы XIX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 566 с.
- Черкезова О. В. Кризис авторской манеры И. С. Тургенева на рубеже 1840–1850-х гг. // Феномен творческого кризиса: Монография / [Т. А. Снигирева и др.]; под общ. ред. Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиненова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 213–235.
- Чернышевский Н. Г. Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии. Соч. Н. Готорна. СПб. 1860 // Современник. 1860. № 6. С. 230–245.
- Boyesen H. A visit to Tourgueneff // *The Galaxy*. 1874. Vol. 17, no. 4. P. 456–466.

Список источников

- Готорн Н. Избр. произведения: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1982. Т. 1. 455 с.
- Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева (ОГЛМТ). Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 1904.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1982. Т. 1. 607 с.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М.: Наука, 1987а. Т. 2. 623 с.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1987б. Т. 4. 766 с.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М.: Наука, 1980. Т. 5. 540 с.

References

- Boyesen H. A visit to Tourgueneff. *The Galaxy*. 1874, vol. 17, no. 4, pp. 456–466.
- Cherkezova O. V. Krizis avtorskoy manery I. S. Turgeneva na rubezhe 1840–1850-kh gg. [The crisis of I. S. Turgenev's authorial manner at the turn of 1840–1850s]. In: Snigireva T. A. et al. *Fenomen tvorcheskogo krizisa: Monografiya*. T. A. Snigireva, A. V. Podchinenov (Eds.). Ekaterinburg, UrSU Publ., 2017, pp. 213–235.
- Chernyshevskiy N. G. *Sobranie chudes, povesti, zaimstvovannye iz mifologii*. *Soch. N. Gotorna* [Collected miracles, tales borrowed from mythology. Works of N. Hawthorne]. St. Petersburg. 1860. *Sovremennik*. 1860, no. 6, pp. 230–245.
- Khomuk N. V. *Khudozhestvennaya ontologiya amerikanskoy literatury 19 veka* [The artistic ontology of American literature of the 19th century]. Tomsk, TSU Publ., 2018, 566 p.
- Koreneva M. M. Nathaniel Hawthorne. In: *Istoriya literatury SShA* [History of American literature]. Moscow, IWL RAS, Nasledie, 2000, vol. 3, pp. 26–113.

Kovalev Yu. V. Ot “Shpiona” do “Sharlatana”. Stat’i, ocherki, zametki po istorii amerikanskogo romantizma [From “Spy” to “Charlatan”. Articles, essays, notes on the history of American romanticism]. St. Petersburg, SPbU Publ., 2003, 258 p.

Kurlyandskaya G. B. *Struktura povesti i romana I. S. Turgeneva 1850-kh godov* [The Structure of the Novel and Novel of I. S. Turgenev in the 1850s]. Tula, Priok. kn. izd., 1977, 270 p.

List of sources

Hawthorne N. *Izbr. proizvedeniya: V 2 t.* [Selected works: In 2 vols]. Leningrad, Khudozh. lit., 1982, vol. 1, 455 p.

Orlovskiy ob”edinenny gosudarstvennyy literaturnyy muzey I. S. Turgeneva [Oryol United State Literary Museum of I. S. Turgenev]. Fund 1, Inventory 3, OF. 325/1904.

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis’ma: V 12 t.* [Complete works and letters: In 30 vols. Letters: In 12 vols.]. Moscow, 1987b, vol. 4, 766 p.

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis’ma: V 18 t.* [Complete works and letters: In 30 vols. Letters: In 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1987a, vol. 2, 623 p.

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis’ma: V 18 t.* [Complete works and letters: In 30 vols. Letters: In 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1982, vol. 1, 607 p.

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 12 t.* [Complete works and letters: In 30 vols. Works: In 12 vols.]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 5, 540 p.

Информация об авторе

Иван Олегович Волков, кандидат филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57200369238

WoS Researcher ID J-5018-2017

SPIN 4823-4376

Information about the author

Ivan O. Volkov, Candidate of Philology, Associate Professor

Scopus Author ID 57200369238

WoS Researcher ID J-5018-2017

SPIN 4823-4376

Статья поступила в редакцию 18.05.2022;

одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 11.08.2022

The article was submitted on 18.05.2022;

approved after reviewing on 11.08.2022; accepted for publication on 11.08.2022

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/82/8

Тургеневская традиция в ранней прозе А. П. Чехова (на примере повести «Цветы запоздалые», 1882)

Светлана Николаевна Черепанова

Университет им. свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве

Трнава, Словацкая Республика

cherepanova1@ucm.sk, <http://orcid.org/0000-0002-9846-4000>

Аннотация

Рассматривается переосмысление тургеневской традиции в чеховской повести «Цветы запоздалые» (1882), которая относится к раннему периоду творчества автора. Внимание уделяется анализу системы образов и приемов их изображения, усадебному миру, почтению к слову. Переосмысляя тургеневскую традицию, Чехов не столько полемизирует с писательской манерой Тургенева, сколько выражает свое отношение к писательскому процессу: сейчас не представляется возможным писать так, как писали раньше, современная Чехову литература требует новых способов изображения. Также через переосмысление тургеневской традиции Чехов дает оценку нравственному фундаменту современной эпохи, в которой проявляется невозможность существования прежнего уклада жизни.

Ключевые слова

русская литература, Чехов, Тургенев, «Цветы запоздалые», усадьба, тургеневская традиция

Для цитирования

Черепанова С. Н. Тургеневская традиция в ранней прозе А. П. Чехова (на примере повести «Цветы запоздалые», 1882) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 116–128. DOI 10.17223/18137083/82/8

Turgenev's tradition in the early prose of A. P. Chekhov (a case study of the story "Late-Blooming Flowers," 1882)

Svetlana N. Cherepanova

University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava

Trnava, Slovak Republic

cherepanova1@ucm.sk, <http://orcid.org/0000-0002-9846-4000>

Abstract

The paper examines how Turgenev's tradition is reinterpreted in the story "Late-Blooming Flowers," belonging to the early period of Chekhov's creative work. Attention is paid to the system of images and techniques of their depiction, the manor world, and reverence for the

© Черепанова С. Н., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 116–128

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 116–128

word. The analysis of Chekhov's and Turgenev's landscapes revealed that the ways of depicting familiar images were transformed into clichés. Psychological parallelism in Turgenev's work contributes to the understanding of the characters' inner states. Chekhov describes nature in cursory strokes by combining heterogeneous concepts in one row, leading to a comic effect. He ironically refers to the technique of creating the main characters with external facial features not indicative of the hero's inner state. The change of literary eras also affects the type of hero, demanding a different artistic challenge. The change of values allows Chekhov to express his attitude to the modern era: the moral values of the past are consigned to oblivion. In Chekhov's story, the manor world is destroyed, with the honor and dignity of the noble world replaced by drunkenness and riotous life. To summarize, Chekhov reinterpreted Turgenev's tradition not by criticizing the writing style but by expressing his attitude toward the writing process. For it was no longer possible to write as one did before, the literature of Chekhov's time required new ways of imagery. It is through rethinking the Turgenev tradition that Chekhov assesses the moral foundation of the modern era, revealing the impossibility of the former way of life to exist.

Keywords

Russian literature, Chekhov, Turgenev, "Late-Blooming Flowers", mansion, Turgenev tradition

For citation

Cherepanova S. N. Turgenev's tradition in the early prose of A. P. Chekhov (a case study of the story "Late-Blooming Flowers," 1882). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 116–128. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/8

В современном литературоведении существует немало работ, в которых исследователи обращались к рассмотрению тургеневской традиции в творчестве А. П. Чехова. При сопоставлении «Свидания» И. С. Тургенева с «Егерем» А. П. Чехова А. С. Долинин приходит к следующей мысли: «Чехов – это почти тот же Тургенев в жизни и творчестве, тот же в основе своей, в центральном пункте своего “Я”, только без большинства его ошибок, без отрицательных сторон, которые часто раздражали его современников, за которые иные его не любили, иные и не уважали» [Долинин, 1989, с. 336]. Исследователь обращает внимание на психологические особенности авторов, которые находят отражение в художественных произведениях. А. С. Долинин подчеркивает безусловную связь обоих писателей, их схожесть. Глубокое родство Чехова с Тургеневым исследователь усматривает в том, что оба писателя «в системе образов тяготеют ко всем тем, которые по той или иной причине лишены этой стойкости, слабы волею своей, страдая от частых столкновений с себе противоположными, – с теми, кто их посильнее, кто знает или думает, что знает, чего хочет в жизни» [Там же, с. 337].

Д. С. Мережковский, современник и критик А. П. Чехова, видел талант писателя прежде всего в особой гармоничности его прозы, унаследованной писателем от великих предшественников. Свой взгляд критик выразил в работе «Старый вопрос по поводу нового таланта», 1888 г.: «Г-н Чехов, конечно, не по количеству таланта, о котором трудно судить по тому, что он до сих пор дал, а по качеству примыкает к современной русской школе, к Тургеневу и Толстому: он научился у них одинаково любить природу и человеческий мир, не жертвовать одним из этих элементов для другого, понимать их органическое и необходимое взаимодействие» [Мережковский, 1986, с. 334]. Д. С. Мережковский сосредотачивает свой взгляд на традиции, которую наследует Чехов в начале своего творческого пути от предшествующей литературы.

Напротив, А. Дерман находит в творчестве А. П. Чехова не просто переосмысление предшествующей литературы, а даже некий спор с традицией: «Чеховская поэтика сводится к преодолению поэтики предшествующей фазы развития русской художественной литературы. Литературный стиль предшествующей фазы – это тургеневский стиль» [Дерман, 1959, с. 255].

Однако существует и иная точка зрения. Ю. Соболев в статье «Чехов современности» заявил, что Чехов не является продолжателем традиций предшествующей литературы: «Чехов не был завершителем классической русской литературы. На нем почти не сказались Гоголь, Тургенев, Толстой»¹. Автор сближает чеховскую манеру письма с западноевропейской традицией Флобера, Мопассана.

На сегодняшний день в литературоведении нет единой точки зрения на рассматриваемый вопрос о преломлении тургеневской традиции в прозе А. П. Чехова. На наш взгляд, это обусловлено сложным характером взаимосвязи творчества обоих авторов.

А. П. Чехов был прекрасно знаком с прозой И. С. Тургенева. Уже стало хрестоматийным восторженное выражение писателя об «Отцах и детях» И. С. Тургенева (из письма А. Суворину от 24.02.1893): «Боже мой! Что за роскошь “Отцы и дети”! Просто хоть караул кричи. Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички? А Кукшина? Это чорт знает как сделано. Просто гениально» (Чехов, 1977, с. 175). Однако в этом же письме Чехов высказывает свое недовольство женскими образами, созданными Тургеневым: «Лиза, Елена – это не русские девицы, а какие-то Пифии, вещающие, избилующие претензиями не по чину» (Чехов, 1977, с. 174). Видно противоречивое восприятие Чеховым тургеневской прозы. Стоит упомянуть, что Чехов с досадой относился к сравнениям с другими писателями: «Странно пишут обо мне, никогда просто о Чехове. Всегда о Чехове в сравнении с кем-нибудь. Прежде писали: “Чехов и Тургенев”, “Чехов и Короленко”, даже “Чехов и Мопассан”. Теперь стали писать: “Чехов и Горький”, “Чехов и Андреев”...» (из воспоминаний Григория Петрова) [Литературный быт..., 1928, с. 378].

А. П. Кузичева, анализируя сопоставления и противопоставления Чехова и Тургенева, приходит к важному выводу о том, что феномен «Чехова и Тургенева» был «феноменом не только творчества Чехова, но и сутью переломного момента в судьбе русской литературы» [Кузичева, 2020, с. 75].

В данной статье мы рассмотрим, как тургеневская традиция реализуется в раннем творчестве А. П. Чехова (на примере повести «Цветы запоздалые», 1882), сосредоточим свое внимание на анализе системы образов и приемов их изображения, сюжета, в частности особое внимание уделим почтению к слову и приемам разрушения усадебного мира.

Исследователи (Д. С. Мережковский, А. Долинин, Д. В. Григорович, М. Л. Семанова, Е. В. Тюхова, Г. А. Григорян) обращают внимание на роль пейзажа и специфику его создания в произведениях обоих авторов. Описание природы придавало особую поэтичность прозе XIX в. Как известно, И. С. Тургенев был одним из лучших пейзажистов в русской литературе XIX в., писатель мастерски использовал поэтику пейзажа в самых разных функциях. Р. А. Воронин, размышляя о функции пейзажа в художественном произведении, выявляет психологиче-

¹ Цит. по: *Громов М. П.* Чехов и его великие предшественники. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st003.shtml> (дата обращения 18.02.2021).

скую функцию: «Искусно созданный пейзаж позволяет передать душевное состояние героя, в некоторой степени постичь его внутренний мир, эмпатически прочувствовать испытываемые им эмоции. Кроме того, пейзаж может оказывать психологическое воздействие на читателя, настраивая его на определенную эмоциональную волну восприятия художественного текста» [Воронин, 2017, с. 3]. Например, в романе «Рудин» (начало VII главы) мы находим подробное описание воскресного утра Натальи. Состояние природы созвучно состоянию героини: «В конце пейзаж наделяется лирическим аккордом и, тем самым, приобретает психологическое звучание через прямое авторское признание взаимосвязи человека и природы» [Зейнали, Гули-заде, 2019, с. 425].

В «Цветях запоздалых» пейзаж в начале II главы детальностью описаний напоминает тургеневский. Пейзаж органично определяет состояние главной героини: свет, бьющий в окно, играющий «на коврах, стульях, рояле», созвучен с праздничным настроением Маруси, с ее желанием жить. Безусловно, в этом ощущается следование тургеневской традиции. Однако уже здесь в описании чеховской природы исчезает поэтичность, свойственная Тургеневу. Юмористическую окраску у Чехова имеет сближение явлений природы с миром быта: «Выйдите вы на улицу, и ваши щеки покроются здоровым, широким румянцем, напоминающим хорошее крымское яблоко. Давно опавшие желтые листья, терпеливо ожидающие первого снега и попираемые ногами, золотятся на солнце, испуская из себя лучи, как червонцы» (Чехов, 1983, с. 401)², или: «не было видно ни одной физиономии, на которой нельзя было бы прочесть отчаянной скуки» (с. 418). Чехов наполняет пейзаж комическими акцентами, сочетая в одном ряду разнородные понятия: «день ясный, прозрачный, слегка морозный, один из тех дней, в которые охотно миришься *и с холодом, и с сыростью, и с калошами*» (здесь и далее курсив наш. – С. Ч.) (с. 401). Также Чехов приближает пейзажную деталь к обычному, бытовому течению жизни: «то суровая (*зима*), как свекровь, то плаксивая, как старая дева...» (с. 408), или: «ветер плакал в трубах и выл, как собака, потерявшая хозяина» (с. 417). Чехов-пейзажист обрисовывает природу лишь бегло, штрихами, тогда как описание пейзажа Тургенева часто подробно.

Чехов нередко упоминает тургеневских героев в своих произведениях. Тургеневское начало, по мнению Е. В. Тюховой, проявляется в прозе Чехова по-разному: «Если в произведениях первой половины 80-х годов имя Тургенева, его герои упоминались преимущественно с целью сатирической характеристики персонажей, которым не доступен тургеневский мир поэзии и красоты, то начало второго периода отмечено уже осознанным усвоением тургеневских традиций и прежде всего – в изображении народного характера»³.

В «Цветях запоздалых» Маруся Приклонская уподобляет своего брата Егорушку тургеневскому Рудину. Однако интересно, что сама героиня не произносит имени тургеневского героя: «Ты с горя пьешь, это правда... Но забудь свое горе, если так! Неужели все несчастные должны пить? Ты терпи, мужайся, борись! Богатырем будь! При таком уме, как у тебя, с такой честной, любящей душой можно сносить удары судьбы! О! Вы, неудачники, все малодушны!..» И далее: «И Маруся (простите ей, читатель!) вспомнила тургеневского Рудина и принялась

² Далее повесть «Цветы запоздалые» будет цитироваться по этому изданию с указанием номера страниц в круглых скобках.

³ Тюхова Е. В. А. П. Чехов и И. С. Тургенев: преемственные и типологические связи // Спасский вестник. 2005. № 12. URL: <http://www.turgenev.org.ru/e-book/vestnik-12-2005/tuhova.htm> (дата обращения 13.02.2021).

толковать о нем Егорушке» (с. 393). Извинение повествователя за героиню вносит иронический подтекст в повествование. Прямое обращение к читателю – излюбленный прием И. С. Тургенева – также является отсылкой к предшественнику. Нельзя не согласиться с Г. А. Бялым, который считает, что чеховская героиня проецирует литературный мир на окружающую ее действительность: «Для нее весь мир населен литературными шаблонами, и сквозь дымку литературных иллюзий она воспринимает все окружающее в идеализированном виде. Ее брат, негодяй, пьяница и “дурандас” Егорушка, в ее глазах – тургеневский Рудин, а черствый карьерист – доктор Топорков – нечто вроде романтического героя с возвышенной натурой и озлобленным умом» [Бялый, 1990, с. 263]. Тонкость души чеховской героини проявляется в ее переживаниях о болезненном состоянии брата. Сцена выглядит комичной, поскольку брат «свински пьян», а Маруся, наделяя брата чертами тургеневского Рудина, видит в нем страдающую душу, несчастного и непризнанного человека. Даже в обращении к Егорушке присутствует книжность: княжна обращается к брату не иначе, как Жорж.

Г. А. Григорян, сопоставляя творчество А. П. Чехова и И. С. Тургенева, верно отмечает, что некоторые персонажи А. П. Чехова должны пройти «испытание Тургеневым» [Григорян, 2019]. Маруся Приклонская, воспитанная на романах Тургенева, следовательно, на тургеневских героях, сталкивается с реальностью, в которой разрушаются ее представления о мире. Так, брат для героини перестает быть идеальным, перестает быть Рудиным. Чехов переосмысляет восприятие тургеневского героя, иронизируя над идеальным образом, который создала сама героиня. Если в брате Марусю постигло разочарование, то доктор Топорков останется для княжны Приклонской идеалом до последних страниц повести. Для любого поступка доктора героиня находит оправдание: «Этот человек имеет право презирать! – думала она. – Он мудр!» (с. 410).

Маруся влюбляется в доктора, так как он для нее нов, неординарен, образован. Здесь мы видим явное пересечение с образом «тургеневской девушки», которая всегда влюбляется в необыкновенного мужчину, таковы Наталья Ласунская, Елена Стахова, Лиза Калитина. Г. М. Ребель определяет следующие качества, характеризующие тип «тургеневской девушки»: «максимализм и своеволие, отсутствие смирения, непокорность судьбе, жажда самореализации, даже ценой гибели, рационалистическая самонадеянность, принципиальная бездетность, безблудность, устремленная в небытие» [Ребель, 2012, с. 147]. Тургеневскую героиню привлекает в герое не внешняя составляющая, но то, что через слово герой транслирует в мир: «Она (*Наталья*) всё думала – не о самом Рудине, но о каком-нибудь слове, им сказанном, и погружалась вся в свою думу» (Тургенев, 1980, с. 262); «я гляжу на него (*Инсарова*), и мне приятно – но только; а когда он уйдет, я всё припоминаю его слова и досаду на себя и даже волнуясь... сама не знаю отчего» (Тургенев, 1981, с. 209); «Очень я люблю, когда она (*Лиза*) вдруг остановится, слушает со вниманием, без улыбки, потом задумается и откинёт назад свои волосы» (Тургенев, 1981, с. 60). Произнесенное слово является важнейшей характеристикой для тургеневских героев. Чеховская Маруся, подобно тургеневским героиням, обращает внимание на слово доктора, княжна очарована речью Топоркова: «Маруся не отрывала глаз от его рта и ловила каждое слово» (с. 406).

Маруся, как и «тургеневские девушки», чиста, наивна, ранима, самоотверженна. Однако княжне, в отличие от героини Тургенева, не хватает решимости и смелости. Возможно, именно поэтому девушка так долго не могла признаться Топоркову в своих чувствах. Долгое, напряженное внутреннее переживание спровоцировало

болезнь героини, которая в итоге привела к гибели. Для тургеневских героинь болезнь – это физическое продолжение душевного состояния. Воспаление легких, которое нашел Топорков у Маруси, оказывается неперенным условием развития любовных отношений. А. В. Кубасов отмечает, что одна из главных примет тургеневских девушек – готовность к жертве [Кубасов, 1998, с. 23]. Чеховская героиня, как и тургеневская, готова пожертвовать собой.

Обратимся к чеховской характеристике речи доктора Топоркова: «Говорил он мерно, отчеканивая каждое слово, не возвышая и не понижая голоса <...> говорил очень хорошо и красиво, но очень непонятно» (с. 406). Сравним с тургеневским Рудиным: «Рудин говорил умно, горячо, дельно; выказал много знания, много начитанности. Никто не ожидал найти в нем человека замечательного <...> Разговор стал более общим, но уже по одной внезапности, с которой все замолкали, лишь только Рудин раскрывал рот, можно было судить о силе произведенного им впечатления» (Тургенев, 1980, с. 225, 226). Ни Маруся, ни Егорушка, ни княгиня Приклонская не понимают чеканной речи Топоркова, при этом чтут его очень умным и образованным человеком, ловят каждое его слово. Топорков же читает лекции исключительно о болезнях, используя профессиональную лексику: доктор «говорил очень хорошо и красиво, но очень непонятно» (с. 406). Непонимание речи героя позволяет девушке возвести Топоркова в идеал, увидеть в нем загадку, образованность, «замечательного человека». Необходимо отметить, что Топорков и не способен говорить ни о чем, кроме своей работы, поскольку вся его жизнь подчинена только делу, но Маруся этого не замечает.

Исключительную «положительность» доктора Маруся считывает с выражения его лица, исходя из своих идеалистических представлений, которые не имеют ничего общего с реальным миром: «Ей нужно было прочесть на лице доктора: какое впечатление произвела на него ее игра?» (с. 407); «И в воображении Маруси торчало гвоздем одно порядочное, разумное лицо; на этом лице она читала и ум, и массу знаний, и утомление» (с. 410); «“У него печаль на лице, – подумала Маруся, глядя на него. – Он, должно быть, очень несчастлив со своей купчихой!”» (с. 424). «Считывание с лица» Маруся заимствует у тургеневских героев, выражение лица которых отражает их внутреннее состояние: «Она (*Наталья*) часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; *на лице ее выражалась тогда внутренняя работа мыслей...*» (Тургенев, 1980, с. 239); «Она (*Наталья*) встала: *лицо ее выразило* замешательство» (Тургенев, 1980, с. 228); «*Глаза Лизы, прямо на него устремленные, выражали* неудовольствие; губы ее не улыбались, *всё лицо было строго, почти печально*» (Тургенев, 1981, с. 21); «Она (*Маланья Сергеевна*) уже не могла говорить, уже могильные тени ложились на ее лицо, но *черты ее по-прежнему выражали терпеливое недоумение и постоянную кротость смирения...*» (Тургенев, 1981, с. 37). Если в тургеневской характеристике героя выражение лица характеризовало внутреннее состояние персонажа, то Чехов говорит о том, что нельзя доверять только внешней характеристике, поскольку она бывает обманчивой. Обманывается Маруся и в сцене сватовства. Слепая вера в «положительность» Топоркова не позволяет княжне увидеть, что доктор хочет найти деньги для покупки дома, и для этого он готов жениться на любой, которая сможет собрать приданое в шестьдесят тысяч.

С тургеневским Базаровым Топоркова роднит не только происхождение (выбился из самых низов), но и род занятий: «Жаль только, что он... он такого низкого происхождения <...> И ремесло его... не особенно чистое. Вечно в разной разности копается... Фи!» (с. 402). В отличие от Базарова, Топорков интересуется

лишь материальным благосостоянием: «Он насчитал двенадцать двадцатипятирублевек <...> По лицу Топоркова пробежала светлая тучка, нечто вроде сияния, с которым пишут святых; рот слегка передернула улыбка. По-видимому, он остался очень доволен вознаграждением» (с. 403). Именно работа врачом позволила Топоркову составить состояние и сделать себе имя.

Сопоставляя творчество Чехова и Тургенева, исследователи уделяли внимание усадебной теме. Усадьба как отражение национальной самобытности, культуры, «отражение глубинных пластов духовной и материально-бытовой национальной жизни» [Грицкевич, 2014, с. 283], безусловно, привлекает внимание исследователей. По точному определению Л. Капитановой, главная особенность усадьбы заключается в «единой системе ценностей, патриархальных по своей сути, которая делает этот мир незабываемым и тем самым способствует сохранению его первозданности...» [Капитанова, 2016, с. 74].

Перед нами семейство Приклонских – представителей княжеского рода. С первых строк Чехов умело создает комический эффект, используя прием говорящей фамилии: читатель угадывает несовместимость дворянского статуса с фамилией Приклонских. В своей структуре фамилия Приклонских имеет значение «приклоняться перед кем-то», тогда как княжеский титул исключает возможность такого поведения. Уже в первой сцене, с которой сталкивается читатель, княжеская фамилия находит свое оправдание: «Старая княгиня и княжна Маруся... ломали пальцы и умоляли. Умоляли они так, как только могут умолять несчастные, плачущие женщины: Христом-богом, честью, прахом отца» (с. 392). Вся чета Приклонских так или иначе приклоняется перед кем-то. Княжна Маруся умоляет Топоркова вылечить ее брата: «Маруся пошла навстречу Топоркову и, ломая перед ним руки, начала просить. Ранее она никогда и ни у кого не просила. <...> – Умоляю вас! На вас вся надежда!» (с. 398). Княгиню бедность вынуждает идти на поклон к кредиторам: «умоляла его (*Фурова*) подождать протестовать вексель» (с. 408). Егорушка, в свою очередь, умоляет Калерию Ивановну: «И Егорушка, проклиная сестру, целую неделю провалился у ног Калерии, прося ее не уходить» (с. 426).

Обращает на себя внимание имя главной героини – Маруся. Интересно, что герои повести обращаются к княжне Мари или Маша, тогда как повествователь использует уменьшительно-ласкательную форму – Маруся. Уже на уровне имен персонажей вводится контекст уменьшительности. В. А. Никонов, анализируя частотность употребления имени среди дворянок и крестьянок, говорит о том, что имя Мария в начале XIX в. было самым частотным именем среди дворянок, к середине XIX в. это имя начинает распространяться среди крестьянок, и, как следствие, «свершился крутой перелом в отношении дворянок к этому имени: начиная с 60-х годов стремительно падает употребительность его среди дворянок – от Марьи “запахло мужичкой”» [Никонов, 1974, с. 16]. Таким образом, «уменьшение» имени носит не только формальный, но и социальный характер.

Использование уменьшительно-ласкательного суффикса в имени Егорушка создает, по верному замечанию Ф. М. Горленко, комический образ «взрослого дитяти». Исследователь отмечает, что «по мере развертывания характеристики Егорушки в значении суффикса *-ушк-* нейтрализуется сема ласкательности,

а на первый план выдвигается сема уменьшительности»⁴. На наш взгляд, эта деталь важна, так как через сему уменьшительности реализуется потенциал семы «Приклонских». Высокий статус дворянина нивелируется: «Занять денег у первого встречного ему (*Егорушке*) ничего не стоило. Садиться играть в карты, не имея в кармане ни гроша, было у него обыкновением, а попить и пожрать на чужой счет, прокатиться с шиком на чужом извозчике и не заплатить извозчику не считалось грехом. Изменился он очень мало: прежде он сердился, когда над ним смеялись, теперь же он только слегка конфузился, когда его выталкивали или выводили» (с. 409). Данное поведение для Егорушки-дворянина становится нормой.

Дворянское слово перестает иметь вес и значение. Егорушка «божится и клянется честью», что перестанет вести беспорядочную жизнь. Читатель не верит данному слову, потому что знает весьма прозаическую причину, по которой герой его дал: «Егорушке надоело валяться и не спать» (с. 394). Клятва и целование образа выглядят комичными, поскольку соблюдаются лишь формальные признаки, но суть происходящего уже предана забвению. Обесценивается и слово старой княгини, которая живет в долг, но свои требования обосновывает княжеским родом. Дворянская честность ставится под удар – долги не возвращаются. Для княгини жить в бедности унизительно, но теперь положение князей Приклонских зависит от «ничтожных людишек» и бывших крепостных – мир перевернулся.

Значительную роль в усадебной культуре играет образ дома, который отражает уклад жизни его хозяев. Дом связывает прошлое, настоящее и будущее, именно в доме сохранялись вековые традиции и преемственность, дом как родовое гнездо является «материальной связью между поколениями, символом прочности, защищенности» [Ермоленко, 2003, с. 67]. Для тургеневских усадеб характерны атрибуты семейных ценностей: портреты предков, семейные предания и легенды. Реалии, через которые представлена усадьба в «Цветах запоздалых», разрушают традиционный образ усадебной жизни, преемственность поколений исчезает. Буквально в одном предложении рассказчик описывает родословную отставного гусара Егорушки: «Дед Приклонский был посланником и говорил на всех европейских языках, отец был командиром одного из известнейших полков, сын же будет... будет... чем он будет?» (с. 394). При этом рассказчик подробно останавливается на происхождении доктора Топоркова: описывает, какое положение занимала семья Топорковых и кем стал Топорков сейчас. О его происхождении будут говорить Приклонские, и если княгиня судит о Топоркове по его происхождению, то князь Егорушка «с удовольствием променял бы свое княжество на его (*Топоркова*) голову и карман» (с. 402).

Интересно взглянуть на второстепенного персонажа – старого слугу Никифора. С одной стороны, Никифор, как и господа, верит, что можно жить по-старому. Он отдает свои деньги Марусе, чтобы помочь княжне Приклонской прокормить семью, а также сходить на прием к доктору Топоркову (по сути, Никифор разоряется таким же способом, что и его господа). Этим слуга как бы пытается сохранить прежний уклад жизни. С другой стороны, Никифор, в отличие от его господ, все-таки осознает, что происходит на самом деле, видит, что дворянская культура пропитана Егорушкой, что старый мир уходит. Но при этом слуга продолжает жить

⁴ Горленко Ф. М. Экспрессивно-смысловые связи слов как основа художественной образности в рассказе А. П. Чехова «Цветы запоздалые». URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st008.shtml> (дата обращения 29.03.2021).

по старому укладу. Часто Маруся находила утешение в воспоминаниях Никифора о прошлом. Интересно, что автор дважды использует одну и ту же конструкцию: «Никифор хныкал и разьедал ее (Маруси) раны воспоминаниями о прошлом» (с. 423, 426). Никифору не остается ничего больше, кроме как «хныкать» и предаваться воспоминаниям, потому что только в воспоминаниях герой может вернуться в тот мир, который сейчас утерян. Важно отметить тот факт, что Маруся решается на признание в своих чувствах доктору Топоркову после разговора с Никифором, после воспоминаний о прежней беззаботной жизни.

Таким образом, ценности прошлого по-разному осознаются героями. Егорушка променял княжество на праздную жизнь, старая княгиня, осознавая свое высокое положение, не может им воспользоваться и соблности его в окружающем ее мире, именно поэтому княгиня Приклонская оказывается в долгах у кредиторов. Маруся соблюдает традиции прошлого, но в современном героине мире это оказывается не уместно. Слуга Никифор предается воспоминаниям о прежнем укладе жизни. Дворянский уклад жизни ставится в контраст к современному Чехову миру и, как следствие, теряет свою ценность. Прием, используемый Чеховым, показывает, что старый мир разрушается, ценности дворянского рода опошляются. Контрастным становится падение князя Егорушки и восхождение Топоркова. Этот контраст проявлен не только в социальном статусе и материальном положении героев, но и в духовном плане. Финальная сцена раскрывает духовное восхождение доктора Топоркова, которое оказалось возможным благодаря любви Маруси. В Топоркове что-то меняется, теперь цель его жизни не только в зарабатывании «пятирублевков», Топорков вспомнил свои студенческие цели и мечты. В финале он близок к тому укладу жизни, которым жила княжна Маруся, однако счастливая жизнь оказывается невозможной – героиня умирает.

Финал чеховской повести напоминает финал «Накануне» Тургенева. Однако в тургеневском романе умирает герой, а его возлюбленная, Елена Стахова, продолжает воплощать в жизнь идеи Инсарова: «я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни» (Тургенев, 1981, с. 298).

Топорков, подобно тургеневской героине, пытается сохранить то чистое, что смогла открыть в нем княжна Приклонская, правда, делает это своеобразно – берет под свою опеку Егорушку, потакая его пьянству: «Егорушкин подбородок напоминает ему подбородок Маруси, и за это позволяет он Егорушке прокучивать свои пятирублевки» (с. 431). Принципиальное отличие Топоркова от тургеневской героини заключается в его действиях после смерти возлюбленной: «Топорков, по приезде из Франции, зажил по-прежнему. По-прежнему лечит барынь и копит пятирублевки. Впрочем, можно заметить в нем и перемену. Он, говоря с женщиной, глядит в сторону, в пространство... Почему-то ему страшно делается, когда он глядит на женское лицо...» (с. 431). Любовь Маруси не сподвигла Топоркова на активные действия, но пробудила в его душе воспоминания о том, каким он был и о чем мечтал. Финал чеховской повести доказывает невозможность существования прежнего уклада жизни. Об этом свидетельствует и продажа дома князей Приклонских за долги, и смерть главной героини.

Безусловно, в «Цветах запоздалых» мы видим связь с творчеством И. С. Тургенева: в детальности пейзажа угадывается влияние предшественника. Однако уже в раннем произведении Чехов полемизирует с Тургеневым-пейзажистом, вводя в описание бытовые детали и разнородную лексику. Переосмысливая тургеневских героев, А. П. Чехов пересматривает предшествующую литературную традицию, показывает ее несостоятельность: так, как писали раньше, уже писать

нельзя – со сменой литературных эпох меняются и приемы изображения знакомых образов, которые в прежнем виде начинают превращаться в штампы. В обществе, современном Чехову, меняются ценности, на первый план выходит другой тип героя, который требует и других литературных задач. Переосмысление тургеневской традиции не столько дискредитирует писательскую манеру И. С. Тургенева, сколько позволяет А. П. Чехову выразить отношение к современной эпохе: то, в чем раньше человек обретал опору для существования, осталось в прошлом. В отличие от тургеневских произведений, в «Цветах запоздалых» нет места традициям высокой дворянской культуры, нет взаимосвязи поколений, тепла человеческих отношений и гармонии, культурные, нравственные ценности прошлого осквернены и преданы забвению: потеряно достоинство, понятие чести, слова превращаются в пустой звук. Символом уходящего времени становится продажа поместья Приклонских за долги. Чехов показывает неспособность княжеской семьи жить в новых условиях: в новом мире нет возможности гармоничного счастья.

Список литературы

Бялый Г. А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л.: Сов. писатель, 1990. 660 с.

Воронин Р. А. Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном мире: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, июнь 2017 г.). М.: ИД «Буки-Веди», 2017. С. 1–4.

Горленко Ф. М. Экспрессивно-смысловые связи слов как основа художественной образности в рассказе А. П. Чехова «Цветы запоздалые». URL: <http://arckehov.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st008.shtml> (дата обращения 29.03.2021).

Григорян Г. А. А. П. Чехов – читатель и критик И. С. Тургенева: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 207 с.

Грицкевич Ю. Н. Усадебный текст на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Псков. гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 5. С. 283–288.

Громов М. П. Чехов и его великие предшественники. URL: <http://arckehov.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st003.shtml> (дата обращения 18.02.2021).

Дерман А. С. О мастерстве Чехова. М.: Сов. писатель, 1959. 207 с.

Долинин А. С. Достоевский и другие: статьи и исследования о русской классической литературе. Л.: Худож. лит., 1989. 480 с.

Ермоленко С. И. «Головлево – это сама смерть» (образ «дворянского гнезда» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы») (статья вторая) // Филологический класс. 2003. № 10. С. 67–75.

Зейнали Б. А., Гули-заде Р. Н. Пейзажное мастерство И. С. Тургенева // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 424–426.

Капитанова Л. А. «Оглянуться и поискать прежнего»: «малый» усадебный мир в романе Ю. В. Жадовской «В стороне от большого света». Статья первая // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2016. № 1 (383). Вып. 99. С. 73–79.

Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1998. 399 с.

Кузичева А. П. Феномен «Чехов и Тургенев». О «тени» Тургенева, «тургеневских нотах» и «тургеневском пошибе», о «тургеневском» и «чеховском» //

А. П. Чехов и И. С. Тургенев: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Шестые Скафтымовские чтения. М.: ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. С. 66–93.

Литературный быт и творчество русских писателей: по воспоминаниям, дневникам и письмам. А. П. Чехов / Сост. Вал. Фейдер. Л.: АCADEMIA, 1928, 378 с.

Мережковский Д. С. Старый вопрос по поводу нового таланта // Чехов А. П. В сумерках: Очерки и рассказы. М.: Наука, 1986. С. 330–372.

Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

Ребель Г. М. «Чеховские вариации на тему “тургеневской девушки”» // Русская литература. 2012. № 2. С. 144–170.

Тюхова Е. В. А. П. Чехов и И. С. Тургенев: преемственные и типологические связи // Спасский вестник. 2005. № 12. URL: <http://www.turgenev.org.ru/e-book/vestnik-12-2005/tuhova.htm> (дата обращения 13.02.2021).

Список источников

Тургенев И. С. Дворянское гнездо. Накануне // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 6: Дворянское гнездо. Накануне. Первая любовь. 1858–1860. С. 5–301.

Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 5: Повести и рассказы 1853–1857 годов. Рудин. Статьи и воспоминания. 1855–1859. С. 197–325.

Чехов А. П. Цветы запоздалые // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1983. Т. 1: Рассказы. Повести. Юморески, 1880–1882. С. 392–431.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1977. Т. 5: Письма, март 1892–1894. С. 173–175.

References

Byaluy G. A. *Russkiy realizm. Ot Turgeneva k Chekhovu* [Russian realism. From Turgenev to Chekhov]. Leningrad, Sov. pisatel', 1990, 660 p.

Derman A. S. *O masterstve Chekhova* [On the mastery of Chekhov]. Moscow, 1959, 207 p.

Dolinin A. S. *Dostoevskiy i drugie: stat'i i issledovaniya o russkoy klassicheskoy literature* [Dostoevsky and others: articles and research on Russian classical literature]. Leningrad, Khudozh. lit., 1989, 480 p.

Ermolenko S. I. “Golovlevo – eto sama smert” (obraz “dvoryanskogo gnezda” v romane M. E. Saltykova-Shchedrina “Gospoda Golovlevy”) (stat'ya vtoraya) [“Golovlyovo is death itself” (the image of the “noble nest” in the novel by M. E. Saltykov-Shchedrin “The Golovlyov Family”) (paper two)]. *Philological Class.* 2003, no. 10, pp. 67–75.

Gorlenko F. M. *Ekspressivno-smyslovye svyazi slov kak osnova khudozhestvennoy obraznosti v rasskaze A. P. Chekhova “Tsvety zapozdalnye”* [Expressive and semantic connections of words as the basis of artistic imagery in the story of A. P. Chekhov “Late-blooming Flowers”]. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st008.shtml> (accessed 29.03.2021).

Grigoryan G. A. *A. P. Chekhov – chitatel' i kritik I. S. Turgeneva* [A. P. Chekhov – a reader and critic of I. S. Turgenev]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2019, 207 p.

Gritskevich Yu. N. Usadbenyy tekst na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [The educational text in the classroom on Russian as a foreign language]. *Bulletin of the Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2014, no. 5, pp. 283–288.

Gromov M. P. *Chekhov i ego velikie predshestvenniki* [Chekhov and his great predecessors]. URL: <http://apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st003.shtml> (accessed 18.02.2021).

Kapitanova L. A. “Oglyanut’sya i poiskat’ prezhnego”: “malyy” usadbenyy mir v romane Yu. V. Zhadovskoy “V storone ot bol’shogo sveta”. Stat’ya pervaya [“Looking back and searching for the previous”: “Small” country estate world in Y. V. Zhadovskaya’s novel “Away from society”. Paper one]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2016, no. 1 (383), iss. 99, pp. 73–79.

Kubasov A. V. *Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii* [Chekhov’s prose: the art of stylization]. Ekaterinburg, UrSPU, 1998, 399 p.

Kuzicheva A. P. Fenomen “Chekhov i Turgenev”. O “teni” Turgeneva, “turgenevskikh notakh” i “turgenevskom poshibe”, o “turgenevskom” i “chekhovskom” [Phenomenon of “Chekhov and Turgenev”. About Turgenev’s “shadow”, “Turgenev’s notes” and “Turgenev’s manner”, about “Turgenev’s” and “Chekhov’s”]. In: *A. P. Chekhov i I. S. Turgenev: Sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. Shestye Skaftymovskie chteniya* [A. P. Chekhov and I. S. Turgenev: Collection of articles based on the materials of Inter. sci. conf. The 6th Skaftymov Readings]. Moscow, A. A. Bakhrushin State Central Theatre Museum, 2020, pp. 66–93.

Literaturnyy byt i tvorchestvo russkikh pisateley: po vospominaniyam, dnevnikam i pis’mam. A. P. Chekhov [Literary life and creativity of Russian writers: according to memoirs, diaries and letters. A. P. Chekhov]. Leningrad, ACADEMIA, 1928, 378 p.

Merezhkovskiy D. S. Staryy vopros po povodu novogo talanta [An old question about a new talent]. In: *Chekhov A. P. V sumerkakh: Ocherki i rasskazy* [Chekhov A. P. In the Twilight: Essays and stories]. Moscow, Nauka, 1986, pp. 330–372.

Nikonov V. A. *Imya i obshchestvo* [Name and society]. Moscow, Nauka, 1974, 278 p.

Rebel’ G. M. “Chekhovskie variatsii na temu ‘turgenevskoy devushki’” [Chekhov’s variations on the theme of “Turgenev’s girl”]. *Russkaya literatura*. 2012, no. 2, pp. 144–170.

Tyukhova E. V. A. P. Chekhov i I. S. Turgenev: preemstvennyye i tipologicheskie svyazi [A. P. Chekhov and I. S. Turgenev: succession and typological relations]. *Spasskiy vestnik*. 2005, no. 12. URL: <http://www.turgenev.org.ru/e-book/vestnik-12-2005/tuhova.htm> (accessed 13.02.2021)

Voronin R. A. Vidy i funktsii peyzazhnykh opisaniy v literature [Types and functions of landscape descriptions in literature]. In: *Filologiya i lingvistika v sovremennom mire: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, iyun’ 2017 g.)* [Philology and linguistics in the modern world: Proceedings of the International. Conf. (Moscow, June 2017)]. Moscow, “Buki-Vedi” Publ. House, 2017, pp. 1–4.

Zeynali B. A., Guli-zade R. N. Peyzazhnoe masterstvo I. S. Turgeneva [The landscape mastery of Ivan Turgenev]. *The world of science, culture and education*. 2019, no. 6 (79), pp. 424–426.

List of sources

Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 12 t.* [Complete works and letters: In 30 vols. Letters: In 12 vols.]. Institute of World Literature named after A. M. Gorky, AN SSSR. Moscow, Nauka, 1977, vol. 5: Pis'ma, mart 1892–1894 [Letters, March 1892–1894], p. 173–175.

Chekhov A. P. Tsvety zapozdalye [Flowers belated]. In: Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete collected works and letters: In 30 vols.]. Moscow, Nauka, 1983, vol. 1: Rasskazy. Povesti. Yumoreski, 1880–1882 [The Stories. Novels. Comedies, 1880–1882], pp. 392–431.

Turgenev I. S. Dvoryanskoe gnezdo. Nakanune [A Nest of the Gentry. On the eve]. In: Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* Moscow, Nauka, 1981, vol. 6: Dvoryanskoe gnezdo. Nakanune. Pervaya lyubov'. 1858–1860 [A Nest of the Gentry. On the Eve. The first Love. 1858–1860]. pp. 5–301.

Turgenev I. S. Rudin. In: Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete Works and Letters: In 30 vols.]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 5: Povesti i rasskazy 1853–1857 godov. Rudin. Stat'i i vospominaniya. 1855–1859 [Novels and Stories of 1853–1857. Rudin. Articles and Memoirs. 1855–1859], pp. 197–325.

Информация об авторе

Светлана Николаевна Черепанова, аспирант

Information about the author

Svetlana N. Cherepanova, PhD Student

*Статья поступила в редакцию 19.07.2021;
одобрена после рецензирования 02.04.2022; принята к публикации 02.04.2022
The article was submitted on 19.07.2021;
approved after reviewing on 02.04.2022; accepted for publication on 02.04.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1.09 “18”
DOI 10.17223/18137083/82/9

Тургеневский контекст в повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека»

Татьяна Геннадьевна Дубинина

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия

dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-0164>

Аннотация

Рассмотрен вопрос о тургеневском влиянии на повесть А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека». В небольшой по объему повести упоминаются или цитируются три произведения Тургенева – романы «Отцы и дети» и «Накануне», а также повесть «Три встречи». В этой связи можно говорить о различных типах художественного диалога – от прямых цитат и реминисценций до типологии героев и системы мотивов. Автор статьи настаивает, что изучение цитаций оказывается важным, но недостаточным. Помимо типологической связи героев романов Тургенева и чеховской повести, изучения системы мотивов и художественных приемов предлагается попытка анализа художественного видения мира обоих писателей.

Ключевые слова

Тургенев, Чехов, роман, повесть, «Отцы и дети», «Накануне», «Рассказ неизвестного человека», контекст, аллюзия, картина мира

Для цитирования

Дубинина Т. Г. Тургеневский контекст в повести А. П. Чехова «Рассказ неизвестного человека» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 129–137. DOI 10.17223/18137083/82/9

Turgenev’s context in the novel “The Story of an Unknown Man” by A. P. Chekhov

Tatiana G. Dubinina

Moscow City University
Moscow, Russian Federation

dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-0164>

Abstract

The paper considers the question of Turgenev’s influence on the novel of A. P. Chekhov “The Story of an Unknown Man.” It is well known that Chekhov was affected by the works of his

© Дубинина Т. Г., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 129–137
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 129–137

great predecessor. Scholars consider the novel under consideration to be the text with the most significant influence of Turgenev. Three works of Turgenev are mentioned or quoted in the short novel: “Fathers and Children,” “On the Eve,” and “Three Encounters. This work aimed to identify and analyze the Turgenev motifs in Chekhov’s novel. The principal method of research is comparative-historical. Various types of artistic dialogue can be discussed, from direct quotations and reminiscences to a hidden dispute with Turgenev’s worldview. Besides identifying the typological connection between the characters of Turgenev and Chekhov, an attempt was made to analyze the artistic vision of the world of both writers. It was found that Chekhov and Turgenev both agreed on the indisputable importance of parental love, despite their differing opinions on such fundamental concepts as the love between a man and a woman and the existence of entire and powerful people. Also, Turgenev and Chekhov proved to have a similar understanding of the sorrow and briefness of human life. Both writers share the ability to accept quiet as a response to the most pressing queries. Both writers had a preference for silence as an answer to the most pressing questions.

Keywords

Turgenev, Chekhov, Novel, story, Fathers and Sons, The Day Before, The Story of an Unknown Man, context, allusion, picture of the world

For citation

Dubinina T. G. Turgenev’s context in the novel “The Story of an Unknown Man” by A. P. Chekhov. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 129–137. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/9

Вопрос о восприятии А. П. Чеховым творчества И. С. Тургенева неоднократно поднимался в отечественной науке, однако решенным его считать нельзя. Известно, что писатель не любил сравнений со своими предшественниками, полагая, что при желании любое произведение можно «пристегнуть к чему угодно» (Чехов. Письма, 1974–1983, т. 8, с. 319). В то же время интерес Чехова к тургеневскому творчеству сомнению не подлежит – известно, что писатель восхищался финалами романов «Накануне» и «Отцы и дети», высока и частотность обращений к имени Тургенева и его сочинениям на страницах чеховских произведений.

Говоря о чеховском «Рассказе неизвестного человека», нельзя не изумиться объему «припоминания» Тургенева в этом сравнительно небольшом тексте. Отсылки к Тургеневу разнообразны – от прямого цитирования («Три встречи») до скрытых реминисценций. Вопрос о тургеневской традиции в «Рассказе неизвестного человека» рассмотрен, в частности, в работах Г. М. Ребель [2012; 2018], М. Л. Семановой [1957], Е. В. Тюховой [2005], Г. И. Ямпольского [1986]. Е. В. Тюхова отмечает типологическую связь героинь Чехова и Тургенева. Г. М. Ребель справедливо пишет о серьезном влиянии романа «Отцы и дети» на чеховское творчество в целом и на «Рассказ неизвестного человека» в частности. Исследователь предлагает очень интересный взгляд на героя чеховской повести Орлова, типологически возводя его к тургеневскому Базарову с его прямым и честным отношением к миру. Соглашаясь с общими выводами исследователей, рискнем предложить свой взгляд на отношение Чехова к тургеневской традиции. Отметим, что при изучении этого вопроса работа по анализу цитат и реминисценций оказывается важной, но недостаточной. Чеховская рецепция тургеневского творчества была гораздо сложнее и разнообразнее, чем кажется на первый взгляд. Изучая эту проблему, исследователь неизменно сталкивается с экзистенциальными вопросами, касающимися смысла жизни, любви, отношения человека и мироздания. Нет сомнений в том, что у Чехова был «свой» Тургенев. Об очень личном отношении писателя к Тургеневу свидетельствует и его переписка [Григорян,

2019]. Именно на уровне выявления особенностей художественного мировидения Тургенева и Чехова следует, на наш взгляд, вести подобные размышления.

Нельзя не заметить, что само название повести указывает на значимость тургеневского контекста. «Рассказ неизвестного человека» очень созвучен «Дневнику лишнего человека». Повествование и у Тургенева, и у Чехова ведется от первого лица. Представляется, что сам концепт «лишний человек», закрепленный Тургеньевым в русской культуре, является важным смысловым ключом повести. Думается, что это тема для большого отдельного исследования, поэтому в данной статье мы лишь обозначим этот аспект, сосредоточив свое внимание на трех тургеневских текстах, оказавших влияние на «Рассказ неизвестного человека», – романы «Отцы и дети», «Накануне» и повесть «Три встречи».

Начать проще всего с очевидных цитат. Так, в одном из разговоров главный герой «Рассказа неизвестного человека» иронически назовет Орлова, в которого страстно влюблена героиня Зинаида Федоровна, сфинксом: «Неужели было так трудно разгадать его? Хорош сфинкс! Сфинкс – камер-юнкер!» (Чехов. Сочинения, 1977, т. 8, с. 200)¹. В романе «Отцы и дети» Павел Петрович Кирсанов дарит своей возлюбленной перстень с изображением сфинкса. У Тургенева этот знак связан с загадкой любви. Интересно отметить, что Зинаида Федоровна страстно и слепо влюблена в Орлова – она готова на любые уступки, даже и унижения, лишь бы оставаться рядом с возлюбленным. Героиня тешит себя самообманом, что он – редкий, необыкновенный человек, тяготящийся службой и высшим светом. Между тем Орлова вполне устраивают и служба, и свет, и образ жизни, который он ведет. Он человек крайне прозаический, если не сказать циничный, в чем признается и сам. Тургеневский знак (сфинкс) использован Чеховым скорее в ироническом ключе – тут нет тургеневского агностицизма и трепета перед великой загадкой любви, напротив, звучит как будто двойная насмешка – над «предметом» горячей привязанности героини (высказанная в тексте рассказчиком) и над самим чувством – насмешка уже авторская, ведь Орлов никак не отвечает образу, нарисованному пылким воображением Зинаиды Федоровны.

Сюжетные элементы романа Тургенева «Накануне» явно обнаруживаются в сюжетике чеховского текста. Напомним, тургеневская героиня Елена Стахова влюбляется в болгарина Дмитрия Инсарова, тайно от всех выходит за него замуж, а потом отправляется с ним на его родину, чтобы участвовать в ее освобождении. Героиня Чехова, Зинаида Федоровна, открыто рассказывает мужу о своей любовной связи с Орловым и, полная надежд на взаимную любовь и счастье, тоже переезжает к нему, чему, однако, тот совершенно не рад. Обсуждая с приятелями поступок возлюбленной, Орлов и ссылается на Тургенева: «Тургенев в своих произведениях учит, чтобы всякая возвышенная, честно мыслящая девица уходила с любимым мужчиной на край света и служила бы его идее...» (с. 156). Между тем у Орлова нет «идеи», которой он хотел бы «служить», а уж если ему «когда-нибудь понадобится освободить Болгарию», то он не «понуждается в женском обществе» (с. 157).

Как и персонажи «Накануне», герои Чехова оказываются в Венеции. Старинный, романтический город, в котором, кажется, всё дышит счастьем, становится тюрьмой для Елены и ее супруга – болезнь Инсарова обостряется, и он умирает. С ним умирает и надежда на личное счастье Елены. Чахотка чеховского героя

¹ Далее повесть А. П. Чехова цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

также обостряется в Венеции, но, в отличие от Инсарова, он выздоравливает. И тем не менее именно в этом городе начинает рушиться та духовная близость, которая возникла между Владимиром Ивановичем и его возлюбленной. Поначалу они много и откровенно разговаривают. Спустя месяц, в один из пасмурных дней, обоим вдруг становится скучно. Надежда на счастье, на настоящую, наполненную жизнь и здесь терпит крушение. Примечательно, что, как и у Тургенева в «Накануне», всё происходит в Венеции. Этот город, по выражению Инсарова, «смертью пахнет». И хотя в повести Чехова в Венеции физически никто умирает (Зинаида Федоровна скончалась позже, уже в Ницце), именно в ней персонажи чувствуют разъединяющую их и разъедающую скуку. Короткий душевный подъем сменяется глухой тоской у Зинаиды Федоровны и отчаянием у Владимира Ивановича. Духовная смерть, крушение надежд происходит именно в Венеции.

Рассуждая о художественном присутствии тургеневского романа в «Рассказе неизвестного человека», нельзя не коснуться вопроса типологии главных героев. Инсаров – непримиримый борец за освобождение Болгарии, герой, если так можно выразиться, в прямом смысле. Все остальные мужские персонажи (Шубин, Берсенов и др.) явно проигрывают ему. Что важнее всего, его цель не меняется в течение сюжета романа, даже искренняя любовь к Елене не способна заставить Инсарова отказаться от его дела.

Чеховский центральный персонаж и рассказчик – дворянин, устроившийся служить к Орлову, чтобы быть ближе к его отцу, которого считает «серьезным врагом своего дела». Он – отставной лейтенант флота, много повидавший, в частности совершивший кругосветное путешествие. Еще раз отметим, он дворянин, посвятивший себя служению некоторому «делу» – скорее всего, он народоволец, что уже отмечалось в литературе о Чехове (см.: [Долотова и др., 1977]). Всё это в определенной мере оказывается созвучно тому делу, или той задаче, которой служил и тургеневский Инсаров.

Однако уже в самом начале повести герой отмечает, что им «изо дня в день овладевала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни» (с. 140). Проникшись теплым чувством к Зинаиде Федоровне, он решает спасти ее и увозит за границу. И там происходит окончательный отказ от героических идеалов. Слушая страстные монологи Зинаиды Федоровны о борьбе, о смысле жизни, герой остается холоден. Теперь ему хочется только одного: «...жить! Жить – и более ничего!» (с. 199). Интересы обыкновенной, частной жизни заступают на место высоких идеалов. Место героев с большими чувствами – в романах прошлого, современному человеку такие эмоции не свойственны. Об этом справедливо пишет Е. Г. Новикова [1989]. Типологически сопоставляя героев тургеневского романа «Накануне» и чеховской повести, исследователь размышляет о преемственности поколений в литературе – от романских героев к «героям безвременья», которые появляются в текстах Чехова. Рискнем добавить, что, видимо, дело не только во времени. Важно, что «разгероизация» вовсе не несет отрицательного заряда. Вероятно, по мысли Чехова, это обычный, нормальный ход жизни. Человек со временем меняется, и интересы частные всегда займут место общественных.

Главные героини романа и повести у Тургенева и у Чехова почти противоположны. Зинаида Федоровна, повторимся, склонна видеть в Орлове героическое начало, которого в нем вовсе нет. Когда же наступает жестокая развязка – Орлов оставляет ее беременной, она соглашается ехать с главным героем за границу. И теперь уже он становится для нее «необыкновенным человеком, которого нель-

зя мерить общим аршином» и нравственные требования которого очень высоки. Пылкость, восторженность чеховской героини доходят до некоторой экзальтированности и делают ее отчасти смешной. Представляя себя женщиной независимой, сильной, свободной, она, однако, таковой не является – и в этом ее коренное отличие от тургеневской Елены.

Как и Елена Стахова, чеховская героиня много размышляет о своей вине и свободе. В разговорах с Инсаровым Елена не единожды говорит, что она чутко прислушивается к совести, но та молчит – она не чувствует себя виноватой перед родителями за тайный брак с безродным и бедным болгаринном. Зинаида Федоровна утверждает, что чиста перед Богом и людьми, но в то же время толкует о лживости брака, о важности свободы, а потом вдруг требует, чтобы Орлов представил ее своему отцу и кузине. Ясно, что положение любовницы тяготит ее, как и то, что Орлов не восхищается ее поступком и не ставит ее на пьедестал. Несмотря на искреннюю любовь, а потом и горе, она продолжает хлопотать о туалетах, об устройстве квартиры, что искренне поражает главного героя повести, наблюдающего эту ситуацию со стороны.

Зинаида Федоровна оказывается не «версией» Елены, она противопоставляется ей. Видимо, такой образ Чехов считал более жизненным и современным. Тургеневский контекст в этом случае помогает Чехову высказаться о своем современнике, он оттеняет в нем нечто важное – иногда сложное, иногда простое.

Известно отношение Чехова к тургеневскому роману. «В «Накануне» мне не нравится всё, – писал он, – кроме отца Елены и финала. Финал этот полон трагизма» (Чехов. Письма, 1974–1983, т. 5, с. 174). В этой связи представляется интересным рассмотреть коллизию «отец – дочь» у Тургенева и у Чехова и финалы «Накануне» и «Рассказа неизвестного человека». Николай Артемьевич Стахов, отец Елены, человек холодный, привыкший жить в свое удовольствие. Своей дочери он почти не знает, увлеченный карточной игрой и отношениями с любовницей. Узнав, что Елена вышла замуж за безродного и почти нищего болгарина, он негодует, собирается поднять «историю». Видеть Инсарова отец Елены не желает, с дочерью ведет себя предельно холодно. Однако в день отъезда супругов за границу он признает простить с Еленой, приносит ей образок – «последнее наше родительское благословение» (Тургенев, 1978–2014, т. 6, с. 283), пытается произнести «спич» и не может – руки его дрожат, а из глаз льются слезы. Такой поступок говорит о всепрощающей родительской любви.

Примерно такие же отеческие чувства испытывает чеховский рассказчик по отношению к Соне – дочери Зинаиды Федоровны и Орлова. После смерти возлюбленной он взял девочку к себе и воспитывал как родную дочь: «Я <...> весь ушел в отеческое, или, вернее, идолопоклонническое чувство, которое возбуждала во мне Соня <...>. Я любил эту девочку безумно. В ней я видел продолжение своей жизни...» (с. 209). Именно любовь к Соне озарила жизнь героя новым светом, придала ей смысл, дала ответы на вопросы, его мучавшие. Сам Владимир Иванович говорит, что в этой девочке он, наконец, нашел именно то, что ему было нужно. И именно в счастливый момент своей жизни он понимает, что скоро умрет. Такая коллизия – смерть героя на пике счастья – вновь сюжетно перекликается с историей главных персонажей тургеневского романа. Смерть разлучила их тогда, когда они были вместе, полны надежд и радости, но меньше всего готовы к вечной разлуке. И вновь за сюжетной перекличкой стоит огромный вопрос о видении мира писателями. Тургеневское трагическое понимание хрупкости счастья, конечности «маленькой игры жизни» (Тургенев, 1978–2014, т. 6, с. 299)

и внезапности смерти оказывается близко Чехову. Во многом поэтому он высоко оценил «полный трагизма» финал романа Тургенева.

Повесть и роман имеют схожие мотивы и художественные приемы, ключевые из которых – мотив молчания и прием умолчания. Понимая, что находится на пороге смерти, Владимир Иванович обращается к Орлову в надежде обеспечить Сонину судьбу. Тот же, со своей стороны, находит некую даму, содержательницу детского сада, и обещает определить девочку туда. Во время чтения рассказчиком записки от Орлова Соня сидит на столе и смотрит на него «внимательно, не мигая, как будто знала, что решается ее участь» (с. 213). Чеховская повесть оканчивается этой фразой. Читатель не узнает, что стало с Соней, долго ли прожил Владимир Иванович. Думается, в этой неизвестности также есть доля трагизма, восходящего к финалу «Накануне». Роман Тургенева оканчивается молчаливой реакцией Увара Уваровича на вопрос Шубина, будут ли в России настоящие люди. Также и вопрос о судьбе Сони остается без ответа. Позволим себе отметить, что рассказчик у Чехова читает полученную им записку про себя – молча. Молча смотрит на него и Соня. Отметим, что на принципиальную открытость финалов романов Тургенева указала И. А. Беляева [2018], открытость чеховских финалов общеизвестна.

Думается, что финал и тургеневского романа, и чеховской повести можно сопоставить и с гамлетовским «The rest is silence» («Дальнейшее – молчание» (пер. Б. Л. Пастернака)). Огромный интерес Тургенева к трагедии Шекспира и образу Гамлета известен. Недаром именно Гамлет становится для него воплощением одной из «коренных особенностей человеческой природы». Описывая смерть Гамлета, Тургенев подчеркивает, что, произнеся последнюю фразу, Гамлет «действительно умолкает навеки» (Тургенев, 1978–2014, т. 5, с. 347). В этом слове «действительно» высказалось тургеневское чувство трагического, когда человеческая жизнь может кончиться «действительно» навсегда, что едва ли не было близко Чехову.

Говоря о тургеневских аллюзиях у Чехова, нельзя не остановиться на том, как относятся к персонажам и книгам Тургенева герои чеховских произведений. Примечательно, что ни Владимир Иванович, ни Зинаида Федоровна имени писателя почти не упоминают. Чтобы быть точными, оговоримся, что один раз его вспомнит рассказчик, цитируя Орлова, считающего, что его возлюбленная «начиталась Тургенева». О писателе говорят Орлов и его приятели, причем говорят исключительно в ироническом ключе. Произведения Тургенева, по их мнению, наполнены пустым романтизмом, увлекающим и кружащим голову недалеким дамам, для которых «весь свет с его краями помещается в квартире любимого мужчины» (с. 157). Начитавшись Тургенева, женщины решаются на такие поступки, как Зинаида Федоровна, – со скандалом рвут отношения в браке и открыто сожительствуют с любовниками, придавая всему случившемуся романтический флер и прикрываясь высокими словами о ложности брака без любви, свободе и служении идее. Несчастные же любовники, попавшие в неловкую ситуацию, есть всего лишь «простые смертные», которые теперь вынуждены «расхлебывать кашу». Видимо, тургеневские произведения воспринимаются такими персонажами профанно, как некое общее место, что характерно для чеховской эпохи. Тургенев, как и Толстой и Достоевский, воспринимается в это время уже как «седой патриарх» русской литературы, а культурные концепты, сформулированные в его творчестве, – «дворянские гнезда», «лишний человек», «тургеневская девушка» – действительно стали некоторым общим местом для образованной

части общества. Однако тот факт, что иронически о Тургеневе в тексте повести говорят лишь душевно несостоятельные герои, позволяет предположить, что Тургенев для Чехова значил всё же несколько больше, чем собрание общих мест. Отсылки же к романам «Накануне», «Отцы и дети», о которых мы говорили выше, скорее убеждают в том, что Тургенев писателем читал с большим вниманием и интересом.

Тургеневская повесть «Три встречи» упоминается в чеховском «Рассказе неизвестного человека» лишь однажды. Один из гостей Орлова вспоминает строчки романа. Но сюжет тургеневской повести – история любви и постепенного охлаждения мужчины к женщине и присутствие некоторого случайного наблюдателя – оказывается созвучным Чехову. Интересно, что тургеневский рассказчик тоже выступает своего рода спасителем для героини, он поддерживает ее под руку на роковом для нее карнавале. Подобного героя, сначала наблюдателя, а потом «спасителя», миссия которого, увы, не удастся вполне, встречаем и в «Рассказе неизвестного человека». Таким образом, персонажи Тургенева и Чехова схожи ролью в структуре сюжета.

Тексты Тургенева и Чехова обнаруживают еще ряд важных переключек. При всем «трагическом значении любви» у Тургенева финальной сцене объяснения героев придан несколько иронический оттенок. Напомним, дело происходит в маскарде, т. е. персонажи одеты в костюмы и как будто играют свои роли. Это тем более важно, что сам рассказчик берет на себя функцию некоего всеведущего существа. Но роль оказывается неудачной, ведь, кроме слов «Уж я знаю... Я все знаю...» (Тургенев, 1978–2014, т. 4, с. 241), несчастному герою сказать нечего, и он, по собственному признанию, из персонажа всемогущего превращается в «ухмыляющегося дурачка», но, увы, сделать с этим ничего не может. Ирония, даже гораздо менее мягкая, была близка Чехову – вспомним упоминание сфинкса как знака загадки любви. Более того, тут обнаруживаются переключки текстов на уровне мотивов. Мотив маски, маскарада оказывается значим в повести Чехова. Орлов и Владимир Иванович как будто назначаются Зинаидой Федоровной на роль исключительных, необыкновенных людей – каждый в свою очередь. И каждому из них эта роль не удастся. Таким образом, в обеих повестях актуализируется тема обманчивости жизни. Важно, что при всей ироничности подачи у обоих писателей она приобретает трагический оттенок: мысль о разъединении людей, обманчивости мироздания и о невозможности этому что-то противопоставить становится ключевой и у Тургенева, и у Чехова.

Итак, изучение тургеневского контекста дает возможность по-новому прочесть чеховскую повесть. Тургеневское «проникновение» в текст «Рассказа неизвестного человека» на всех уровнях – от сюжета до системы мотивов – свидетельствует о напряженном внимании Чехова к творчеству предшественника. Множественность тургеневских «маячков» в сравнительно небольшом тексте наводит на следующие размышления. Во-первых, Чехов, очевидно, создает своих персонажей, отгалкиваясь от текстов Тургенева. Герои романов уже ушли в прошлое, на смену им приходят другие – гораздо менее масштабные, но представляющие не меньший художественный интерес. Таким образом, Чехов включается в разговор о современном человеке, человеке другой эпохи. Во-вторых, для писателя тургеневское осмысление экзистенциальных вопросов любви, отношения человека и мироздания, краткости, хрупкости и непредсказуемости жизни, очевидно, служит важным элементом художественной картины мира. Вводя множественные знаки из текстов предшественника в свою повесть, Чехов обозначает

эти вопросы, в то же время подробно о них не распространяясь. Нельзя не отметить, что трактовка этих вопросов у обоих писателей часто совпадает.

Список литературы

Беляева И. А. «Помни мои последние три слова»: к вопросу о структуре финалов в романах Тургенева // Филологический класс. 2018. № 3 (53). С. 25–32.

Григорян Г. А. Эпистолярные высказывания Чехова о Тургеневе в свете писательской критики // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2019. № 2. С. 85–89.

Долотова Л. М., Орнатская Т. И., Сахарова Е. М., Чудаков А. П. Примечания // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. С. 413–518.

Новикова Е. Г. Тургеневские мотивы в «Рассказе неизвестного человека» А. П. Чехова (к проблеме героя) // Проблемы метода и жанра: Межвуз. сб. ст. Томск, 1989. С. 219–235.

Ребель Г. М. Чеховские вариации на тему «тургеневской девушки» // Русская литература. 2012. № 2. С. 144–170.

Ребель Г. М. Чехов как Базаров. Мировоззренческий и художественный аспекты тургеневской традиции // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 218–258.

Семанова М. Л. Тургенев и Чехов // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1957. Т. 134. С. 177–266.

Тюхова Е. В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи // Спасский вестник. 2005. № 12. URL: <http://turgenev.org.ru/>.

Ямпольский Г. И. И. С. Тургенев и его герои в произведениях других писателей // Поэты и прозаики: статьи о русских писателях XIX – начала XX века. Л., 1986. С. 275–310.

Список источников

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978–2014.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 8. 525 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

References

Belyaeva I.A. “Pomni moi poslednye tri slova”: k voprosy o srukture finalov v romanax Turgeneva [“Remember my last three words”: on the question of the structure of finals in Turgenev’s novels]. *Philological class*. 2018, no. 3 (53), pp. 25–32

Dolotova L. M., Ornatkaya T. I., Sakharova E. M., Chudakov A. P. Primechaniya [Notes]. In: Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1977, vol. 8, pp. 413–518.

Grigoryan G. A. Epistolarynye vyskazyvaniya Chekhova o Turgeneye v svete pisatel’skoy kritiki [Chekhov’s epistolary statements about Turgenev in the light of literary criticism]. *Scientific notes of Orel State University*. 2019, no. 2, pp. 85–89.

Novikova E. G. Turgenevskie motivy v “Rasskaze neizvestnogo cheloveka” A. P. Chekhova (k probleme geroya) [Turgenev’s motives in “The Story of an Un-

known Person” by A. P. Chekhov (to the problem of a hero)]. In: *Problemy metoda i zhanra: Mezhevuz. sb. st.* [Method and genre problems: Interuniv. coll. of arts]. Tomsk, 1989, pp. 219–235.

Rebel’ G. M. Chekhov kak Bazarov. Mirovozzrencheskii i khudozhestvennyi aspekty turgenevskoi traditsii [Chekhov asis like Bazarov. Worldview and artistic aspects of the Turgenev tradition]. *Voprosy literatury*. 2018, no. 3, pp. 218–258.

Rebel’ G. M. Chekhovskie variatsii na temu “turgenevskoi devushki” [Chekhov’s variations on the theme of “Turgenev girl”]. *Russkaya Literatura*. 2012, no. 2, pp. 144–170.

Semanova M. L. Turgenev i Chekhov [Turgenev and Chekhov]. *Uchen. zap. Leningr. ped. in-ta im. A. I. Gertsena* 1957, vol. 134, pp. 177–266.

Tyukhova E. V. Turgenev i Chekhov: preemstvennye i tipologicheskie svyazi [Turgenev and Chekhov: successive and typological ties]. *Spasskiy vestnik*. 2005, no. 12. URL: <http://turgenev.org.ru/>.

Yampol’skiy G. I. I. S. Turgenev i ego geroi v proizvedeniyakh drugih pisateley [Turgenev and his heroes in the works of other writers]. In: *Poety i prozaiki: stat’i o russkikh pisatelyakh 19 – nachla 20 veka* [Poets and prose writers: articles about Russian writers of the 19th – beginning of the 20th century]. Leningrad, 1986, pp. 275–310.

List of sources

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1974–1983.

Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Moscow, Nauka, 1974–1983.

Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka, 1978–2014.

Информация об авторе

Татьяна Геннадьевна Дубинина, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID HFF-7101-2022
RSCI Author ID 766286
SPIN 9313-8308

Information about the author

Tatiana G. Dubinina, Candidate of Philology
WoS Researcher ID HFF-7101-2022
RSCI Author ID 766286
SPIN 9313-8308

Статья поступила в редакцию 04.02.2021;
одобрена после рецензирования 12.03.2021; принята к публикации 12.03.2021
The article was submitted 04.02.2021;
approved after reviewing 12.03.2021; accepted for publication 12.03.2021

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.0

DOI 10.17223/18137083/82/10

«За репутацию сатиры»: о форме, содержании и прагматике стихотворных стилизаций «Искры»

Алексей Евгеньевич Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

Корпус стихотворных пародий, сатирических произведений и стилизаций «Искры» традиционно рассматривается в социологическом аспекте как проект по изменению действительности и в формальном аспекте – как мнимая литература (или паралитература). В статье с опорой на прецедентные тексты 1860-х гг. предпринята попытка концептуализации этого явления в семиотическом, культурологическом и семантико-прагматическом аспектах. Отталкиваясь от стилизаций Д. Д. Минаева, В. П. Буренина и В. С. Курочкина, автор статьи показывает игровые стратегии и тактики, направленные на карнавальное переосмысление бытовой и политической действительности.

Ключевые слова

русская литература XIX века, теория пародии, Буренин, Минаев, Курочкин, «Искра», вторичность и альтернативность, карнавализация, гротеск, травестия, мнемоническая матрица

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта для поддержки молодых ученых МК-302.2022.2: «“Видимый миру смех”: издательские практики, сюжетные механизмы и жанровые модификации в иллюстрированных еженедельниках XIX века»

Для цитирования

Козлов А. Е. «За репутацию сатиры»: о форме, содержании и прагматике стихотворных стилизаций «Искры» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 138–154. DOI 10.17223/18137083/82/10

© Козлов А. Е., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 138–154

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 138–154

“Sing in Different Rhythms”: the form, content, and pragmatics of the poetic stylizations of “Iskra”

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

The corpus of poetic parodies, satires, and stylizations of Iskra, based on precedent texts of the 1860s, is considered in the sociological (Benjamin, Bourdieu, Jampolsky, Rejtlat), semi-otic (Lotman, Toporov), cultural (Bakhtin) and semantic-pragmatic (Penskaya, Kulikova, Tselikova, Shabalina) aspects. Considering the stylizations of Dmitry Minaev, Viktor Burenin, Vasily Kurochkin, and Pyotr Veinberg, the author of the paper depicts the role-game strategies and tactics aimed at carnival rethinking of everyday and political reality. The analysis of the poem “My pseudonym” reveals that Iskra became a trademark, a brand, with its significance substantially exceeding that of a single name. Of particular illustrative value are the cases when a pseudonym was passed from one editor to another with no independent value. It is found that the satires and stylizations of “Iskra,” as well as most other democratic publications, are characterized by a conscious secondary form, the use of mnemonic matrices; the neglect of the author’s name in favor of the “party” name; metonymic transfers, the pictures of provincial disorder, particular evidence of general misfortune; metaphorical transfers, carnival rethinking (Bakhtin) of the canonical imperial history; the creation of an alternative literary project. The combination of these properties turns the field of satirical weeklies into a “collective” Don Quixote, proteanly associated with book culture and yet neglecting conditional but false prescriptions. The parodies considered combine baroque with postmodernist aesthetics, making these texts open for further interpretations and commentaries.

Keywords

Russian literature of the 19th century, theory of parody, Burenin, Minaev, Weinberg, Iskra, secondariness and alternativeness, carnivalization, grotesque, travesty, mnemonic matrix

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the grant for state support of young Russian scientists – candidates of sciences, no. MK-302.2022.2: “‘Laughter visible to the world’: publishing practices, plot mechanisms, and genre modifications in the 19th-century illustrated weeklies”

For citation

Kozlov A. E. “Sing in Different Rhythms”: the form, content, and pragmatics of the poetic stylizations of “Iskra”. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 138–154. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/10

Сатирические произведения и стилизации еженедельника «Искра» обычно рассматриваются как элементы литературной и социальной борьбы. Во многом это оправданно. Большинство этих текстов устаревает пропорционально изменению новостной повестки: написанные на злобу дня, они теряют свою актуальность, притом, что собственно эстетическими достоинствами, как правило, не обладают. Вероятно, по этой причине Ю. Н. Тынянов [1977] отнес такие тексты к мнимой литературе, а уделивший пристальное внимание реальному коммента-

рию пародий «Искры» И. Г. Ямпольский [1964] никогда не настаивал на оригинальности и художественности собранного им массива.

С точки зрения диалектики формы и содержания поэтические тексты «Искры» демонстрируют диссонанс: стилизации, метрически ориентированные на силлаботоническую лирику В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и др., как правило, обращались к современным литературным и социальным, внеположенным к литературе явлениям¹ (табл. 1).

Таблица 1

Стилизация: аспект формы

Table 1

Stylization: the form aspect

Оригинал	Стилизация
<p>Молитвой нашей Бог смягчился; Царевне жить еще велел: Опять к нам Ангел возвратился, Который уж к Нему летел. В. А. Жуковский</p>	<p>Молитвой нашей Бог смягчился: Роман Тургенев сочинил, – И шар земной остановился, Нарушив стройный ход светил. В. С. Курочкин</p>
<p>По небу полуночи ангел летел И тихую песню он пел; И месяц, и звезды, и тучи толпой Внимали той песне святой. М. Ю. Лермонтов</p>	<p>Реакция тихо над темной землей Плыла в вышине голубой, И взоры кидала с высоких небес, И видела всюду прогресс. В. С. Курочкин</p>
<p>Солнце, солнце золотое, Всем тепло, красно с тобой! Твое небо голубое, <...> Распахнулось над землей. Царь мой!.. выслушай молитвы: Лик свой в тучах погаси, И по полю жаркой битвы Стрел каленых не носи! Луки витязей тугие Ты в железо иссушил, И колчаны боевые По неволе затворил. Слово о Полку Игореве, Д. И. Минаев</p>	<p>Не кукушка куковала за околицей на сене – Причитая, тосковала Тур Евгения на Сене: «Солнце, солнце! Ты пригрело Бокля, Милля вредный труд, И печатают их смело И в России издают. Солнце красное! На свете Жечь лучи твои могли, Так сожги ты книжки эти, Их листы испепели, Чтоб никто отравы не пил От зловещего труда, Чтобы даже самый пепел Разлетелся без следа»². Д. Д. Минаев</p>

¹ По предварительным данным, собранным исследовательским коллективом, в «перепевках» абсолютно доминируют четырехстопный «онегинский» и вольный, разностопный «грибоедовский» ямб (> 43 и ≥ 20 %), далее – четырехстопный хорей (> 22 %), остальные, преимущественно трехсложные, ≥ 15 % [Vasilenko, 2021].

² Автор этой стилизации Д. Д. Минаев отталкивается от перевода «Слова», сделанного его отцом – специалистом по изучению древнерусской культуры Д. И. Минаевым.

Как замечает О. Е. Майорова, «излюбленный поэтами-“искровцами” жанр “перепева” <...> в отличие от пародии не предполагал дискредитации поэтического материала, а был ориентирован лишь на осмеяние предмета изображения» [Майорова, 1990, с. 309]. В то же время отдельный разряд составляют произведения, в которых пародирование формы и содержания совпадает: к таким относятся многочисленные и хорошо изученные пародии на лирику А. А. Фета [Целикова, 2007], в изобилии появлявшиеся на страницах «Искры» после 1866 г. пародии на поэмы Н. А. Некрасова. В этом случае, как правило, текст превращался в попури лейтмотивов, взятых из поэзии оппонентов (табл. 2).

Таблица 2

Стилизация: аспект содержания

Table 2

Stylization: the content aspect

Оригинал	Стилизация
<p>Ты помнишь, что было тогда, Как всюду ручьи бушевали И птиц косяками стада На север, свистя, пролетали.</p> <p>И видели мы средь ветвей, Еще не укрытых листьями, Как, глазки закрыв, соловей Блаженствовал в песне над нами.</p> <p>К себе зазывала любовь И блеском и страстью пахучей, Не только весельем дубов, Но счастьем и ивы плакучей.</p> <p style="text-align: right;">А. А. Фет</p>	<p>Ты помнишь ли майское утро одно? На скотном дворе мы сидели; Воскресный и радостный слышался звон, Цветочки на травке пестрели.</p> <p>Амурились мы и амурилось всё, С любовью живой и игривой, Цветы, соловьи и наседки, и скот – И даже репейник с крапивой³.</p> <p style="text-align: right;">Н. С. Курочкин</p>
<p>Нет ответа! Несчастные девы В чистом поле остались одни. Дикий хохот, лихие напевы Постепенно умолкли. Они Огляделись: безлюдно и тихо, Звезды с ясного неба глядят...</p> <p style="text-align: right;">Н. А. Некрасов</p>	<p>... Но, сатирик, скажи, для кого же ты Поднимаешь карающий крик? Пой различными самыми метрами, Негодуй в фельетонных стихах: Речь твоя разнесется, как ветрами В чистом поле разносится прах!⁴</p> <p style="text-align: right;">В. П. Буренин</p>

Устоявшийся репертуар метрических схем, обусловленных национальным канонем, кажется справедливым называть в этом случае не «семантическим ореолом», соотносимым с индивидуальной, коллективной и общей культурной памятью [Гаспаров, 2012; Лотман, 1997], а «мнемоническими матрицами», основной

³ Такой текст, собранный из лейтмотивов лирики А. А. Фета, соответствует пренебрежительной оценке Н. Г. Чернышевского: «Он положительный идиот: идиот, каких мало на свете» [Целикова, 2007].

⁴ Семантически связанная с социальной темой метрика Некрасова – «главного канонизатора дактилических рифм эпохи» [Гаспаров, 2012, с. 203] – активно использовалась поэтами «Искры».

функцией которых становится экстенсивная трансляция уже отработанных ритмических приемов. «Мнемоническая матрица» должна была помочь пародисту порождать новые и новые вариации текстов [Gronas, 2010] в условиях их массовой воспроизводимости [Беньямин, 1996]: быть при таких условиях сколько-нибудь оригинальным поэтом, конечно же, невозможно.

С этим связан и принцип организации еженедельника, во многом отличающийся от тех, что были приняты в толстых журналах [Зыкова, 2005]. Если начиная с Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина журнал был представлен сильным именем писателя или литературного критика [Русский реализм..., 2020], то «Искра» и подобные ей еженедельники вырабатывали принципиально иную стратегию позиционирования [Bourdieu, 1996]. На первый план выходили не имена сотрудников издания (например, участников обязательных соглашений), а некоторая партийная или цеховая солидарность: «Искра» становилась фирмой, брендом, значение которого было много выше имен братьев В. С. и Н. С. Курочкиных или карикатуриста Н. Степанова. Надежно скрытые за псевдонимами беллетристы, как правило, не держались одного псевдонима, выбирая десятки разных имен [Опыт и небывалое..., 2022]. Особенно показательны случаи, когда псевдоним передавался от одного сотрудника редакции к другому, не имея сколько-нибудь самостоятельной ценности.

Названный способ солидарности неоднократно декларировался и был частью программы: «Искра» оставалась полем анонимности и конспирации, представляя «коллективное тело», выступающее и говорящее от имени целой редакции⁵. Так, в стихотворении В. П. Буренина «Мой псевдоним» (стилизации «Моей родословной» А. С. Пушкина) личность лирического героя уничтожалась до устойчивого, опознаваемого в газетно-журнальной коммуникации знака.

В разгар времен прогресса бурных,
Иль в наши дни, как пресса спит,
Среди имен литературных
Мое прозвание не блеснит,
Подобно дюжинным писакам,
Я не совался всюду с ним,
И к славе авторской не лаком,
Всегда был только **псевдоним**
(Буренин, 1867, с. 708).

Как и оригинал, «Мой псевдоним» построен на антитезе значимого и незначимого имени (Пушкинский обзор переходит в эпиграмму, направленную против пасквилянта, издателя «Северной пчелы» Ф. В. Булгарина), однако логика этой антитезы меняется. Псевдоним, по логике этого текста, избавляет автора и от персональной ответственности за сказанное слово, и от основных функций литератора.

*Ни беллетристом, ни поэтом,
Ни даже критиком родным*

⁵ Отсутствие имени становилось неотъемлемой частью игры с читателем и многократно декларировалось: «Я гласности, я гласности желаю

В столбцах газет, –

Но формулы, как в алгебре, встречаю:

X, Y, Z» [Ямпольский 1964, с. 14].

Я не желаю быть пред светом
И потому я **псевдоним**
(Буренин, 1867, с. 708).

В стихотворной стилизации происходит значимое перераспределение смысла: каждое имя наделяется репутацией, которая при необходимости может быть развернута в краткое и, как правило, оценочное повествование [Опыт и небывалое..., 2022]. Так, издатели «Русского вестника» и «Москвитянина» М. Н. Катков и М. П. Погодин представлены как ретрограды и консерваторы; поставленный в одном ряду с А. Н. Майковым автор «Петербургских сатир» (в частности, микроцикла «О погоде») Н. А. Некрасов назван здесь создателем «клубных од» – жестокий намек на отчаянный поступок поэта, пытавшегося спасти «Современник». Упоминаемые далее (Л. Н. или А. К.?) Толстой и А. Н. Островский показаны как представители исторической литературы, лишенной занимательности и правдоподобия, а В. В. Крестовский и Н. С. Лесков – как авторы скандальной «трущобной беллетристики» [Козлов, 2021]. Тот же принцип распространяется и на критику, позволяя соединить в одной строфе «словоблудие» Е. Н. Эдельсона, П. В. Анненкова и Е. Ф. Зарина. В итоге «скромный псевдоним» оказывается в суперпозиции: он неуязвим для нападок, потому что за ним не стоит конкретная личность.

Как критик дрянненьких журналов,
Я не морочил жалко свет
На счет «Принципов, идеалов»
И всякой «Суеты сует»⁶;
За Ханов рубль иль полтинник
Я не скрипел пером своим,
Я просто Выборгский пустынный,
А не известный псевдоним⁷
(Буренин, 1867, с. 708).

Такие тексты, восходящие к водевилям «Репертуара и Пантеона», фельетонам Нового поэта (И. И. Панев, Н. А. Некрасов), поэзии Конрада Либлишвангера (Н. А. Добролюбов), манифестируют ключевой принцип реальной критики: ути-

⁶ «Мой Псевдоним» стал реакцией на реплику обозревателя журнала «Всемирный труд» Н. И. Соловьева в статьях «Принципы и идеаль» и особенно «Суета сует»:

На нас вообще эта столь распространенная игра в прятки производит чрезвычайно тяжелое впечатление. Ужели в самом деле нельзя вести дела на чистоту, так, чтобы всякий читатель видел, с кем имеет дело, кого читает? Ужели мы, столь много говорившие о гласности, не сочтем нужным применить к себе этого правила, и останемся даже в наших критических статьях безгласными, безымянными? Неподписанная статья, как и неподписанная бумага, всегда способна возбуждать недоверие (Соловьев, 1867, с. 179).

Обвиняя литературные маскарады в беспринципности, критик перечислил «деятелей, не могущих по своему убожеству даже и раз в жизни подписать своего имени. Сюда, разумеется, относятся разного рода *Незнакомцы*, *Стародумы*, *Выборгские пустынные* и другие литературные инфузории, гнездящиеся в наших листках и фельетонах» (Соловьев, 1867, с. 181).

⁷ Разойдясь с «Искрой», В. П. Буренин начал сотрудничать в «Санкт-Петербургских ведомостях», сократив свою подпись до совсем уже ничего не значащей буквы Z [Пенская, Куликова, 2018; Шабалина, 2012].

литарность используемой формы [Румянцева, 2007], первичность содержания, направленного на изменение социальной действительности, и отказ от отвлеченного искусства, существующего в себе и для себя⁸ (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение имени и псевдонима

Table 3

Correlation between the name and the pseudonym

Имя	Псевдоним
Персональное	Коллективное
История, литература	Политика, журналистика
Биография, репутация	Репутация

Зазор между эстетическим как «приятным» / благонамеренным и «неприятным» как реальным и отталкивающим прослеживается во многих стихотворениях «искорцев». Можно говорить о целом репертуаре стихотворений, отражающих служебные дела и ревизии. Так, в стихотворении «Идеальная ревизия» грозный голос ревизора постоянно перебивается лебезящим голосом чиновника-городничего.

– Дороги у вас в околотке!
Ухабы, озера, бугры!
– *Пожалуста, рюмочку водки;*
Пожалуста, свежей икры.

– Дороги, положим, безделки;
Но был я в остроге у вас...
– *Пожалуста, старой горелки,*
Галушек, грибочков, колбас.

Негативной критике противопоставлен целый реестр блюд и напитков: меню, которое становится к концу текста всё более изысканным и утонченным, побеждает «сгущающуюся» реальность:

Вы факт не один привели...
– *Угодно-с икемцу, лафиту?*
Угодно-с рейнвейну, шабли?
– Положим, что вы увлекались...
Сходило предместнику с рук...
– *Сигарочку вам-с: имперьялис,*
Регалия, упман, трабук.

⁸ Частным примером является сатира П. И. Вейнберга «Оставь!», написанная от лица «бледного эстетика»:

Ведь мы «искусству для искусства»
С тобою служим, ангел мой...
Так для чего же портить чувства
Всей этой жалкой ерундой?
(цит. по: [Ямпольский, 1964, с. 15]).

– Положим, я строг через меру,
 И как-нибудь дело сойдет...
 – *Пожалуста... Эй! Редереру!*
Поставить две дюжины в лед!

Близкой по форме оказывается и сатира «В нашем городе жизнь улыбается», встроенная в фельетон «Уездный городок». Обличительная часть первых восьми строф отражается, как в кривом зеркале, в последующих строфах. По замыслу пародиста, второй текст – это результат переработки исходного произведения, возникший под давлением губернского начальства, испугавшегося гласности. Читатель наблюдает метаморфозу, иллюстрирующую работу местной и государственной цензуры (табл. 4).

Таблица 4

Стилизация: перевод сатиры в мадригал

Table 4

Stylization: conversion of the satire into the madrigal

Оригинальный текст	Текст после губернской цензуры
В нашем городе жизнь улыбается Прощельгам одним да ворам; Что ни шаг – то душа возмущается, Как пойдешь по уездным дворам.	В нашем городе жизнь улыбается Всем, кто в городе только живет, И невольно слеза проливается, Если ступишь ногой из ворот.
Залита грязью площадь базарная, И разбитый гниет тротуар; Здесь нередко команда пожарная Прикатит без воды на пожар.	Мостовой крыта площадь базарная, Тротуар, как картинка на вид, Аккуратна команда пожарная, В фонарях керосин здесь горит.
Всё начальство пропахло здесь взятками.	Здесь начальство гнушается взятками,
Всем берут – что кладут на весы: Ситцем, сахаром, чаем, лошадами И, пожалуй, куском колбасы.	И привычки такие давно Называют привычками гадкими: «Брать-де стыдно теперь и грешно».
Здесь обычай такой городничего: Если в лавку поедет жена – Говорит: «Ты, смотри, не купи чего – Лавка даром давать мне должна».	Городничий у нас... городничего Мы такого не сыщем нигде (Не всегда лишь умеют постичь его) – Он любому поможет в беде.
Наш исправник старинного норова, Пьет за двух он тринадцатый год, А уж грабит – так грабит он здорово Да и ухом себе не ведет.	Наш исправник без всякого норова, Ведь хмельного и в рот не берет, А поймает он вора которого – То его со слезами дерет.
Не боясь обличенья столичного, Лихоимством живет наш судья; По словам стихотворца отличного: «При колодце пустынь он бадьа».	Наш судья же не тронет и волоса, Если видит, что прав человек, И в статейках издания «Голоса» Одобряет он нынешний век.

<p>Сплетни, карты, баталии с женами, Вот и всё, что встречаешь у нас; С крючкотворами теми прожженными Не зевай, попадешься как раз.</p> <p>В нашем городе жизнь улыбается Прощелыгам одним да ворам; Что ни шаг – то душа возмущается, Как пойдешь по уездным дворам.</p>	<p>Сплетни, пьянство, с семейством баталии –</p> <p>Их не знает у нас гражданин; Здесь у женщин высокие талии И высокая честь у мужчин.</p> <p>В нашем городе жизнь улыбается Всем, кто в городе только живет. И невольно слеза проливается, Если ступишь ногой из ворот.</p>
--	---

Два совпадающих по ритмической организации текста в то же время отражают ни в чем не сходные картины мира. Если исходный текст в большей мере тяготеет к обличительному направлению в русской литературе, то его «вторая редакция», появившаяся в результате «отеческой переработки», иллюстрирует один из принципов работы цензуры: создается во всех отношениях посредственный текст, тяготеющий к провинциальным мадригалам или поздравительным открыткам. Читатель «Искры» мог выбрать любую из этих картин мира, однако посредством сатирического еженедельника он обретал возможность стать сопричастным некоторому антимиру, в котором события национальной истории, явления искусства и литературы, современная политическая и социальная повестка приобретали карнавальное переосмысление⁹.

Ярким примером такого переосмысления [Бахтин, 1973], во многом связанного с нигилистическим отрицанием декларируемых на государственном уровне основ, являются стихотворения Д. Д. Минаева «Годовщина общего собрания акционеров главного общества российских железных дорог» и «Два века». В обоих стихотворениях, отталкиваясь от пушкинской метрики, фразеологии и идиоматики, поэт осмысляет капиталистические процессы в пореформенной России¹⁰. Так, исторический фундаментализм редуцируется в описание собрания акционеров.

В великий день поверки сумм,
Отчетов, смет и изысканий
Мы говорили: «Был же шум
В начале наших заседаний!
Ведь оппозиция была
И сколько совершила зла!
Но наш совет остался твердым,
Умолк противников задор,
И мы молчаньем нашим гордым
Неравный выравняли спор.

⁹ Заметим, что по такому же принципу устроен псевдоисторический мир «Истории одного города» и «Господ помпадуров» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

¹⁰ «Верификационный талант Минаева», по мнению О. Е. Майоровой, «был связан с его подлинной поэтической культурой, с органичным использованием литературных традиций» [Майорова, 1990, с. 310]. Минаев, по указанию автора библиографической статьи, «с пиететом относился к наследию Пушкина и Лермонтова (что явилось одной из причин его разрыва в 1864 г. с журналом “Русское слово”, отстаивавшим писаревские идеи “разрушения эстетики”» [Там же].

И что ж? Недавний свой урон
Они кичливо позабыли,
Забыли все, как Стасов, Крон
Поражены советом были.
И снова каждый сует нос
В известный денежный вопрос.
Но мы никак своим вниманьем
Не удостоим их ни в чем
И так же гордо, как молчаньем,
Их одолеем большинством
(Поэты «Искры», 1955, т. 2, с. 87).

В другом стихотворении «Два века» Д. Д. Минаев обращается к сюжету «Медного всадника» [Топоров, 2003], противопоставляя демиургу Петру некоего акционера водопроводов. Знаменательно, что в сравнении с оригинальным пушкинским текстом первая часть, описывающая грезы акционера, количественно больше, при этом строительным материалом становятся различные, хотя и имеющие статус хрестоматийных, цитаты из Пушкина:

«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой».
На берегу Невы широкой,
Меж двух высоких пристаней,
Где волны прядали сердито
У ног недвижимого гранита –
Акционер один стоял
И вдаль глядел. Пред ним, как львица,
Река неслася. Город спал.
Безмолвна шумная столица.

Вдоль берегов суда стоят,
Не мчатся лодки, гички, яхты,
Пустынны площади, – и спят
Дома, казармы, гаупвахты,
Трактиры, будки, кабаки,
Аптеки, лавки, рестораны,
И утра раннего туманы,
Прозрачны, влажны и легки,
Бегут над городом. Венера
На светлом небе чуть видна...
И в этот час не знал лишь сна
Пытливый ум акционера
Водопроводов. Думал он,
Любуясь площадью свободной:
Большой бассейн водопроводный
Здесь будет нами заложен;
Проект огромный, строгий, важный
(Поэты «Искры», 1955, т. 2, с. 122).

Логика пародии и память исходного текста позволяют провести параллель между историей чудесного создания Петербурга в «Медном всаднике» и некоторым

огромным, строгим, важным проектом, ключевым свойством которого является обуздание водной стихии.

Реальное положение дел далее описывается лаконично и кратко.

Прошло сто лет. Иное племя
В столице севера живет,
«Пчелу» и «Почту», «Наше время»
Забыл бесчувственный народ.
Не пел Зарин о ласках «милой»,
Сразил Чичерина недуг,
И над Скарятина могилой
Ходил поплакать добрый внук.

Прошло сто лет. Стоят обломки,
Гниют в канавах труб ряды,
И всё, как прежде, ждут потомки
Водопроводов и воды.
Как прежде, в городе, на даче,
В июльский день, зимой в мороз,
На изнуренной чахлой кляче
Развозит воду водовоз
(Поэты «Искрь», 1955, т. 2, с. 89).

Процеируя эту вариацию на оригинал, мы можем прийти к довольно любопытному историософскому выводу. Вместо мифа о золотом веке и Петре-демиурге, как видим, в сюжете развернута история водопровода, трубы от которого «похоронили ради бога». При этом сама российская действительность предстает в своем неизменном виде (заставляя вспомнить доимперский пейзаж оригинального текста: *приют убогого чухонца, печальный пасынок природы*): ущербная, грязная и страшная, ставшая жертвой дележа со стороны акционеров [Пономарева, 2021], она совершенно равнодушна к «чающим движенья воды» потомкам. Разумеется, социальная тема продолжает доминировать, но она вновь и вновь осложняется некоторыми вневременными историософскими обертонами¹¹ (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение мира и антимира (карнавализация)

Table 5

Correlation between the world and the anti-world (carnival deconstruction)

Мир	Антимир
Империя, национальная история	Собрание случайностей, курьезов и анекдотов
Исторические и государственные деятели	Куклы и уроды
Национальное искусство (литература, живопись, театр)	Недоразумение
Канон	Основа для пародий

¹¹ Такой взгляд в будущее едва ли не позволяет провести параллель между Минаевым и русскими футуристами [Майорова, 1990], где «Два века» предвосхищают «Летающего пролетария» Маяковского (при этом «водопроводов» прочитывается как фамилия, а не как имя нарицательное).

Разумеется, такое скептическое и недоверчивое отношение к общему национально-историческому прошлому и нигилистическое отрицание имперских амбиций литературы золотого века вызывало раздражение со стороны консервативной части общества. Обращаясь к разговору о прагматике русской сатиры и признавая ее достоинства, Ф. М. Достоевский писал о психологическом парадоксе, возникающем при чтении фельетонной поэзии и прозы:

Русская сатира как бы боится хорошего поступка в русском обществе. Встретив подобный поступок, она приходит в беспокойство и не успокаивается до тех пор, пока не приищет где-нибудь, в подкладке этого поступка, подлеца. Тут она тотчас обрадуется и закричит: “Это вовсе не хороший поступок, радоваться совсем нечему, видите сами, тут тоже подлец сидит!”» (Достоевский, 1995, с. 30).

Казалось бы, такая прагматическая заостренность должна была определить кратковременный характер их жизни в культурной памяти [Лотман, 1997, Чумаков, 1999]. Однако, не став частью большого литературного канона, сатиры и стилизации большинства иллюстрированных еженедельников организовали отдельную орбиту, во многом – пародически – изоморфную русской классике, а во многом существующую по собственным законам и движущуюся по самостоятельной траектории [Дубин, 2010, Рейтблат, 2009]. Разумеется, признание этих сатир и стилизаций как полноценных литературных фактов было обусловлено марксистско-социологическим поворотом советского литературоведения, выстраивающего идеологическую мифологию, подкрепляемую социально-политическими свидетельствами культурной жизни. При этом сами пародисты – темные люди русской литературы¹² – зачастую сомневались в том, что они в действительности могут что-либо изменить. Об этом писал Минаев, обращаясь к октавам «Домика в Коломне»:

Скорей за репутацию сатиры
И отвечай: вы правы! Мы скромны,
Не кровопийцы мы и не вампиры,
Но в этом нет еще вины,
Как думают различные задиры.
Когда нет зла среди родной страны,
Где каждый счастьем близких только занят,
Где без улыбки праздничной лица нет.

Сатира с отрицаньем неразлучна,
А мы давно девизом запаслись,
Что вокруг всё обстоит благополучно
И искренно поверив в тот девиз,
Нашли, что и без смеха нам не скучно,
А если б даже им мы увлеклись,
То этот смех не смех ведь, а скорее
Хихиканье ливрейного лакея
(Поэты «Искры», 1955, т. 2, с. 287).

Еще более категоричен оказался «отец» «Искры» В. С. Курочкин, в одном из своих стихотворений писавший от лица современного дельца-эпикурейца:

¹² Один из псевдонимов Д. Д. Минаева – *Темный человек*.

Пусть в Петербурге полмиллиона
Людей хохочет мне в ответ,
Я ставлю твёрдо, непреклонно
Вопрос: нужна она или нет?
И вот, приняв в соображение
Объём вопроса, весь, сполна,
Я смело вывожу решение:
– *Литература не нужна.*

Когда есть в обществе идея,
Она получит кровь и плоть —
Так рассуждаю я, жирея
(Спасибо, жиру дал господь!).
Её, среди житейских шквалов,
Выводит практика одна,
А не суждения журналов.
– *Литература не нужна.*
(Поэты «Искры», 1955, т. 1, с. 372).

Эта критика современного невзыскательного читателя становится одновременно авторефлексией, в которой утверждается бесполезность каких-либо эстетических средств для воздействия на социальную действительность.

* * *

Итак, сатиры и стилизации «Искры» (как и большинства других демократических изданий) характеризуются 1) осознанной вторичностью формы – использованием мнемонических матриц; 2) небрежением авторским именем – в пользу «партийного» имени; 3) метонимическими переносами – картинами провинциального неустройства, являющимися частным свидетельством общего неблагополучия; 4) метафорическими переносами – карнавальным переосмыслением канонической имперской истории; 5) созданием альтернативного литературного проекта. Совокупность этих свойств превращает поле сатирических еженедельников в «коллективного» Дон Кихота, протеически связанного с книжной культурой и одновременно пренебрегающего условными, но ложными предписаниями¹³.

От того, какой взгляд сфокусируется на этом явлении в будущем, зависят и его аксиология, и его анализ, и комментарий.

¹³ В этом свете новое прочтение получает опубликованный в «Искре» «Портрет многих» – лирический отклик на статью И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот»:

Не прельщу никого я собой,
И любить меня, что за охота:
Я неловкий, несчастный герой
В щутовском колтаке Дон-Кихота!
Жизнь мою окружал страшный мрак.
Жив на свете, не видел я света,
Хоть рядился порой, как дурак,
И в мишурное платье Гамлета!
(Портрет многих, 1861, с. 509).

Список литературы

- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1973. 502 с.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под ред. Ю. А. Здорова. М.: Медиум, 1996. 240 с.
- Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
- Дубин Б. В.* Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛЮ, 2010. 344 с.
- Зыкова Г. В.* Поэтика русского журнала 1830–1870 гг. М.: Изд-во МГУ, 2005. 204 с.
- Козлов А. Е.* Сатирический еженедельник «Искра»: опыт реинтерпретации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 19–34. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-19-34
- Лотман Ю. М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство, 1997. С. 410–413.
- Майорова О. Е.* Минаев, Дмитрий Дмитриевич // Русские писатели. М.: Сов. энциклопедия, 1990. Т. 2. С. 309–311.
- Опыт и небывалое в литературе и культуре. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVIII* / Под ред. Т. Н. Степанищевой. Тарту, 2022. 322 с.
- Пенская Е. Н., Куликова Е. Ю.* Литературные и эстетические парадоксы Виктора Буренина // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 82–92. DOI 10.17223/18137083/62/11
- Пономарева А. А.* А. Ф. Писемский и акционерное учредительство середины XIX века: экономические процессы и комментирование произведения (роман «Взбаламученное море») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2: Филология. С. 110–119. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-110-119
- Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛЮ, 2009. 239 с.
- Румянцева В. Н.* Стихотворный фельетон середины XIX века: Н. А. Некрасов, В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев: Дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2007. 234 с.
- Русский реализм XIX века. Общество, знание, повествование / Под ред. А. Вдовина, К. Осповата, М. Вайсман. М.: НЛЮ, 2020. 568 с.
- Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство, 2003. 616 с.
- Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
- Шабалина Н. Н.* Литературный скандал в критике В. П. Буренина // Учен. зап. Казан. ун-та. 2012. Т. 154, кн. 2. С. 145–150.
- Чумаков Ю. Н.* «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. С. 123–178.
- Целикова Е. В.* Феномен пародийной личности А. А. Фета в творчестве поэтов «Искры» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. № 11 (32). С. 234–237.
- Ямпольский И. Г.* Сатирическая журналистика 1860-х годов. М.: Худож. лит., 1964. 624 с.
- Bourdieu P.* Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford Uni. Press, 1996, 409 p.

Gronas M. *Cognitive Poetics and Cultural Memory: Russian Literary Mnemonics*. Routledge, 2010. 188 p.

Vasilenko A. G. Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations // SHS Web of Conf. 2021. Vol. 94 (Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and Practical Conference “State. Politics. Society”). DOI 10.1051/shsconf/20219402001

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Портрет многих // Искра. 1861. № 36. С. 509.
Буренин – Выборгский пустынный [В. П. Буренин]. Мой псевдоним // Искра. 1867. № 19. С. 708.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877. Январь. Глава вторая. IV Русская сатира. «Новь». «Последние песни» // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 30–36.
Поэты «Искры»: В 2 т. / Подгот. И. Г. Ямпольского. Л.: Сов. писатель, 1955. Т. 1. 809 с.; Т. 2. 1057 с.
Соловьев Н. И. Суета сует // Всемирный труд. 1867. № 2. С. 2–67.

References

- Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Voprosy literatury i estetiki. Researches of different years]. Moscow, 1973, 502 p.
Ben'yamin V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [The work of art in the epoch of its technical Reproducibility. Selected essays]. Yu. A. Zdorovyy (Ed.), Moscow, Medium, 1996, 240 p.
Bourdieu P. *Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford Uni. Press, 1996, 409 p.
Chumakov Yu. N. “Evgeniy Onegin” i stikhotvornaya belletristika 1830-kh godov [“Eugene Onegin” and verse fiction of the 1830-ies]. In: Chumakov Yu. N. *Stikhotvornaya poetika Pushkina* [Verse poetics of Pushkin]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center in St. Petersburg, 1999, pp. 123–178.
Dubin B. V. *Klassika, posle i ryadom: sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, after and besides: sociological essays on literature and culture]. Moscow, New Literary Observer, 2010, 344 p.
Gasparov M. L. *Metr i smysl* [Meter and meaning]. Moscow, Fortuna EL, 2012, 416 p.
Gronas M. *Cognitive Poetics and Cultural Memory: Russian Literary Mnemonics*. Routledge, 2010, 188 p.
Kozlov A. E. Satiricheskiy ezhenedel'nik “Iskra”: opyt reinterpretatsii [Satirical weekly “Iskra”: the experience of reinterpretation]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021, vol. 20, no. 6: Journalism. pp. 19–34. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-19-34
Lotman Yu. M. Massovaya literatura kak istoriko-kul'turnaya problema [Mass literature as a historical and cultural problem]. In: Lotman Yu. M. *O russkoy literature. Stat'i i issledovaniya: istoriya russkoy prozy, teoriya literatury* [On Russian literature. Articles and studies: history of Russian prose, theory of literature]. St. Petersburg, Iskustvo, 1997, pp. 410–413.

Mayorova O. E. Minaev, Dmitriy Dmitrievich. In: *Russkie pisateli* [Russian writers]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, vol. 2, pp. 309–311.

Opyt i nebyvaloe v literature i kul'ture. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVIII [Experience and unprecedented in literature and culture. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XVIII]. T. N. Stepanishcheva, Tartu, 2022, 322 p.

Penskaya E. N., Kulikova E. Yu. Literaturnye i esteticheskie paradoksy Viktora Burenina [Literary and Aesthetic Paradoxes of Viktor Burenin]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 1, pp. 82–92. DOI 10.17223/18137083/62/11

Ponomareva A. A. A. F. Pisemskiy i aktsionernoe uchreditel'stvo serediny 19 veka: ekonomicheskie protsessy i kommentirovanie proizvedeniya (roman “Vzbalamuchennoe more”) [Pisemsky and the joint-stock founding of the mid 19 century: economic processes and commentary of the work (novel “The Disturbed Sea”)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021, vol. 20, no. 2: Philology. pp. 110–119. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-2-110-119

Reytblat A. I. *Ot Bova k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow, New Literary Observer, 2009, 239 p.

Rumyantseva V. N. *Stikhotvornyy fel'eton serediny 19 veka: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev* [A poetic feuilleton of the mid-19th century: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev]. Orenburg, 2007, 234 p.

Russkiy realizm 19 veka. Obshchestvo, znanie, povestvovanie [Russian realism in the 19th century. Society, knowledge, narration]. A. Vdovin, K. Ospovat, M. Vaysman (Eds.). Moscow, New Literary Observer, 2020, 568 p.

Shabalina N. N. Literaturnyy skandal v kritike V. P. Burenina [Polemics as propaganda means of V. P. Burenin's literary-critical views (by material of belles-lettres of the 70-90s of the XIXth Century)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*. 2012, vol. 154, bk. 2, pp. 145–150.

Toporov V. N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury* [Petersburg text of Russian literature]. St. Petersburg, Iskusstvo, 2003, 808 p.

Tselikova E. V. Fenomen parodiynoy lichnosti A. A. Feta v tvorchestve poetov “Iskry” [Phenomenon of the parody personality of A. A. Fet in works of “Iskra” poets]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, no. 11 (32), pp. 234–237.

Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature and Cinema]. Moscow, Nauka, 1977, 574 p.

Vasilenko A. G. Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations. *SHS Web of Conf. 2021. Vol. 94 (Sustainable Development of Regions 2020 – XVI International Scientific and Practical Conference “State. Politics. Society”)*. DOI 10.1051/shsconf/20219402001

Yampol'skiy I. G. *Satiricheskaya zhurnalistika 1860-kh godov* [Satirical Magazines of 60th of XIX century]. Moscow, Khudozh. lit., 1964, 624 p.

Zykova G. V. *Poetika russkogo zhurnala 1830–1870 gg.* [Poetics of the Russian periodical magazine (1830–1870)]. Moscow, MSU Publ., 2005, 204 p.

List of sources

Burenin – Vyborgskiy pustynnik [V. P. Burenin]. Moy psevdonim [Burenin – Hermit from Vyborg [V. P. Burenin]. My pseudonym]. *Iskra*. 1867, no. 19, p. 708.

Dostoevskiy F. M. Dnevnik pisatelya. 1877. Yanvar'. Glava vtoraya. IV Russkaya satira. "Novy". "Poslednie pesni" [Diary of a Writer. 1877. January. Chapter Two. IV Russian satire. "Novy." "The Last Songs"]. In: Dostoevskiy F. M. *Sobr. soch.: V 15 t.* [Collected Works: In 15 vols]. St. Petersburg, Nauka, 1995, vol. 14, pp. 30–36.

Poety "Iskry": V 2 t. [Poets of Iskra: In 2 vols.]. I. G. Yampol'sky (Prep.). Leningrad, Sov. pisatel', 1955, vol. 1, 809 p., vol. 2, 1057 p.

Portret mnogikh [Portrait of the many]. *Iskra*. 1861, no. 36, p. 509.

Solov'ev N. I. Sueta suet [Vanity of vanities]. *Vsemirnyy trud*. 1867, no. 2, pp. 2–67.

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID K-6578-2017

Information about the author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Philology
WoS Researcher ID K-6578-2017

*Статья поступила в редакцию 25.08.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 15.11.2022
The article was submitted on 25.08.2022;
approved after reviewing on 15.11.2022; accepted for publication on 15.11.2022*

Научная статья

УДК 82-343

DOI 10.17223/18137083/82/11

**Категории времени и пространства
в произведении Г. Д. Гребенщикова «Моя Сибирь»
и ее англоязычном автопереводе «My Siberia»**

Елена Владимировна Яркова

Томский государственный университет
Томск, Россия

beork.berkana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7405-2418>

Аннотация

Книга Г. Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» и ее автоперевод «My Siberia» представляют собой целостное произведение автора, которое обладает синтетической языковой и жанровой природой, требующей специального исследования в контексте истории его создания и публикации. В статье впервые предпринята попытка рассмотрения русско- и англоязычной версий текстов сборника в совокупности сквозь призму пространственно-временной организации, репрезентативной в плане выражения поэтики и философии писателя. Делается вывод о характере влияния Живой Этики Рериха на формирование художественного мировоззрения Гребенщикова.

Ключевые слова

Г. Д. Гребенщиков, Живая Этика, Н. К. Рерих, имагология, пространственно-временная организация текста

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00040 «Литературный билингвизм как творческая стратегия русских писателей-эмигрантов: на материале наследия Г. Д. Гребенщикова (1883–1964)», <https://rscf.ru/project/22-78-00040/>

Для цитирования

Яркова Е. В. Категории времени и пространства в произведении Г. Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» и ее англоязычном автопереводе «My Siberia» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 155–167. DOI 10.17223/18137083/82/11

© Яркова Е. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 155–167
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 155–167

Categories of time and space in the work of G. D. Grebenshchikov “Moya Sibir” and its author’s translation into English “My Siberia”

Elena V. Yarkova

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

beork.berkana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7405-2418>

Abstract

This paper defines the influence of time and space categories on the artistic paradigm of G. D. Grebenshchikov. The writer’s spiritual philosophy is, to a certain extent, based on the teaching of Living Ethics, which is explained by both philosophical and biographical reasons: Grebenshchikov’s acquaintance with the Roerichs, his move to the USA, and foundation of the “Alatas” publishing house as part of the “Roerich Museum” in New York. “My Siberia” is an illustrative representation of how the philosophy of Living Ethics is incorporated into Grebenshchikov’s works, both in Russian and in English, primarily at the level of the spatio-temporal organization of the text. The concept of time and space united by unique relations mutually flowing into each other is one of the key concepts for the philosophy of Living Ethics. Being largely inspired by the philosophy of Tibetan Buddhism, Living Ethics has acquired a particular coloring, becoming one of the cornerstones of Russian cosmism. Enlightened by this philosophy, G. D. Grebenshchikov demonstrated the chronotopic organization of Living Ethics in a number of his works, including the collection “My Siberia.” The writer used nation-building motifs, messianic intentions, and actualization of the motif of inseparability between large and small, the past and the future. The author constructs a syncretic image of Siberia, with historical time and space not only neighboring with mythological but also existing in an inseparable connection.

Keywords

George Grebenshchikov, Living Ethics, Nicholas Roerich, imagology, spatio-temporal organization of the text

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-78-00040, <https://rscf.ru/project/22-78-00040/>

For citation

Yarkova E. V. Categories of time and space in the work of G. D. Grebenshchikov “Moya Sibir” and its author’s translation into English “My Siberia”. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 155–167. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/11

«Моя Сибирь» – произведение Г. Д. Гребенщикова, сформировавшееся на основе цикла публичных лекций по истории и культуре Сибири, которые писатель читал в Америке в 20–30-е гг. XX в. Прижизненные финальные версии книги можно датировать 50-ми годами XX в. «Моя Сибирь» не была полностью издана при жизни Гребенщикова, однако в различные годы был опубликован ряд фрагментов произведения. В рижском журнале «Перезвоны», в № 40 за 1928 г., была напечатана сказка «Хан Алтай» (Гребенщикова, 1928), а в 1926 г. там же было размещено «Послание из Америки» (Гребенщикова, 1926). В 2002 г. «Моя Сибирь» вышла на русском языке в Барнауле по материалам личного архива писателя, к изданию привлекались тексты как на русском, так и на английском языке. В частности, разделы 1–6 главы «Алтай – моя Родина» были переведены с английского исследователем Т. В. Медведевой, в главе «Хозяйство и богатство Сиби-

ри» находится помета Гребенщикова: «(вставка полстраницы – см. английский текст)» (Гребенщиков, 2002, с. 95). В состав изданного в 2002 г. сборника вошли главы «Сибирь и ее прошлое», «Природа и люди Сибири», «Хозяйство и богатство Сибири», «Алтай – жемчужина Сибири», «Алтай – моя Родина» и «Хан Алтай».

Можно с уверенностью утверждать, что Гребенщиков готовил «Мою Сибирь» к изданию не только на русском, но и на английском языке. Идею о полной публикации книги не удалось осуществить, однако значимым фактом эдиционных практик Г. Д. Гребенщикова на английском языке является брошюра «Siberia. The Country of Great Future»¹, выпущенная Университетом Андхра в 1945 г. Англоязычный корпус текстов «Моей Сибири»², хранящийся в ГМИЛИКА (Барнаул), представляет полное и обширное полотно работы автора над переводом и изданием. Текстология англоязычных рукописей была ранее рассмотрена Е. В. Масяйкиной в рамках кандидатской диссертации [2020a] и статьи «Литературная имагология зрелого Г. Д. Гребенщикова: “Моя Сибирь” и “My Siberia”» [2020b]. Установлено, что «Моя Сибирь» и «My Siberia» являются текстами-синонимами (равноправными версиями одного произведения на разных языках). Их совокупное исследование обеспечивает более полное понимание авторских намерений. Русско- и англоязычные версии произведения можно обозначить как версии-партнеры (partner versions) [Hokenson, 2013].

Ключевая особенность, связанная с хронотопической организацией «Моей Сибири» как текстового целого и требующая специального внимания, заключается в биографических предпосылках, оказавших влияние на создание как лекций, так и впоследствии сборника. В 1924 г. Гребенщиков с супругой покинули Францию и переехали в Соединенные Штаты Америки по приглашению Н. К. Рериха, предложившего им включить издательство «Алатас» в структуру музея Рериха в Нью-Йорке. Гребенщиков в данный период жизни искал возможности для духовного роста и выхода на новую ступень осознания действительности как мистического единства «мира и беспредельности» («На Гималаи первая весть», 2001, с. 34).

Значимым этапом включения рериховской парадигмы в литературное творчество Гребенщикова стал так называемый «Великий План» Н. К. Рериха, предполагавший будущее строительство города Звенигорода в окрестностях горы Белухи, а в нем – Храма единой веры [Росов, 2021, с. 275]. В связи с этим Гребенщиков начинает работу над книгой «Алтай – жемчужина Сибири». Происхождение Гребенщикова играло значительную роль в данном проекте, что подтверждается высказыванием Е. И. Рерих: «...искусство прежде всего является выразителем особенностей или характера народа и условий природы, в которых оно зародилось и развилось» (Рерих Е. И., 2019, с. 192). Так, исконный сибиряк Гребенщиков приобретает в глазах Рерихов особое право говорить «от лица» Сибири.

Творческое и духовное влияние Рерихов на писателя является особой частью дискуссии относительно религиозно-философских воззрений Г. Д. Гребенщикова. Т. Г. Черняева отмечает: «Встреча в Париже с Николаем Константиновичем Рерихом в корне изменила судьбу Гребенщикова. В апреле 1924 г. чета Гребенщиковых, последовав совету Рериха и договорившись с ним о создании на паях книго-

¹ ГМИЛИКА. ОФ. Д. 16936/002. Л. 1–31.

² Здесь и далее цит. по: *Гребенщиков Г. Д. My Siberia* (ГМИЛИКА. ОФ. Д. 15533/1. Л. 1–158); *Гребенщиков Г. Д. Хан-Алтай* (ГМИЛИКА. ОФ. Д. 15533/1, П. 23. Л. 136–158).

издательства “Алатас”, отплывает из Европы в Нью-Йорк» [Черняева, 2015, с. 162]. В диссертации С. С. Царегородцевой, позднее изданной в качестве монографии, отдельный раздел посвящен мотиву гонца, связывающему Г. Д. Гребенщикова и Н. К. Рериха [Царегородцева, 2020, с. 76], который у Гребенщикова особенно полно реализуется в частности в произведении «Гонец. Письма с Помпеярага» [Там же, с. 84]. Космический, вселенский масштаб культуртрегерских идей, а также футурологическая рефлексия объединяет художников, что подтверждает доминирующая идея Н. К. Рериха о Беловодье как символе прекрасного нового мира, «храма веры, объединяющего все человечество» [Там же].

Параллель между духовными взглядами Рерихов и Г. Д. Гребенщикова проводит А. Ю. Горбенко, рассматривая Чураевку как проект, инспирированный рериховской идеей [Горбенко, 2015, с. 194], что сообщало русской деревне явный «религиозно-мистический оттенок». Исследователь также отмечает, что почитание св. Сергия Радонежского Г. Д. Гребенщиковым объясняется прямым влиянием семьи Рерихов [Там же, с. 195]. Это подтверждается, например, тем, что часовня Сергия Радонежского в Чураевке была построена по проекту Н. К. Рериха [Там же, с. 194]. Дискуссия об участии художника в постройке часовни дополняется В. А. Росовым. В частности им приводится эскиз часовни [Росов, 2021, с. 357]. Этот факт служит подтверждением «синтетического характера религиозности <Гребенщикова>» [Горбенко, 2015, с. 194]. Данная идея поддерживается В. В. Десятовым с позиции восприятия часовни как трехчастной интермедальной структуры, включающей в себя также эпопею «Чураевы» и текст «Радонеги» [Десятов, 2018, с. 12].

Концепция времени и пространства в «Живой Этике» занимает одну из ключевых позиций, определяя «систему координат» данного философско-духовного учения. О. А. Лавренова в статье «“Спатиософия” Елены Рерих» [2019] цитирует Е. И. Рерих: «При расширении сознания и время, и пространство приобретают совершенно иное значение и размеры, земные измерения неприменимы там, где произошло объединение Миров», и продолжает: «...концепция мироустройства <Е. И. Рерих> может быть объяснена только с помощью учения о пространственно-временном континууме». Данные понятия связаны с идеей о «психической энергии», являющейся двигателем всего в мире: «Но при пробуждении большей духовности в человечестве, благодаря воздействию *новых пространственных лучей* <курсив авт.>, достигающих нашу планету, будем надеяться, что высшие проявления или качества ее будут преобладать» (Рерих Е. И., 2019, с. 126). Помимо этого, понятия времени и пространства связываются с идеей соединения «мира плотного с миром тонким» на грядущей ступени человеческого развития (Рерих Е. И., 2019, с. 36).

Отдельное исследование культурологических, духовных и литературных связей Г. Д. Гребенщикова и Н. К. и Е. И. Рерихов было выполнено В. А. Росовым и отражено в ряде монографий³. С. С. Царегородцева, проводя связь между Г. Д. Гребенщиковым и Рерихами в докладе «Идеи русского космизма и Живой Этики в книге Георгия Гребенщикова “Гонец. Письма с Помпеярага”», прочитанном на конференции «Философия космической реальности и новое научное мыш-

³ См., например: Росов В. А. Георгий Гребенщиков: Сын Белухи / Мин-во культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. Барнаул; Новосибирск: Экселент, 2021. 544 с.; Росов В. А. Белый Храм на высоких горах. Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. СПб.: Алетейя, 2004. 120 с. и др.

ление: к 100-летию Живой Этики» (Москва, 2020 г.), утверждает, что «Г. Д. Гребенщикова и Н. К. Рериха изначально объединяли высокие цели культурного строительства. Идеи общинности Рериха, созвучные идеям русского космизма и Учения Живой Этики, были апробированы в Чураевке <...> Книга Гребенщикова “Гонец. Письма с Помпеярага” <созвучна> жизнеутверждающим идеям Живой Этики, определившим основные творческие установки Гребенщикова»⁴. Так, идея культурного (жизне)строительства [Горбенко, 2016] и духовных исканий Г. Д. Гребенщикова является в определенной степени сформированной и вдохновленной философией «Живой Этики».

Сборник «Моя Сибирь» открывает глава «Сибирь и ее прошлое», однако Гребенщикова высказывается таким образом: «Перед нами смелая и благородная задача: не только угадать будущее Сибири, но и наметить, а может быть, и начать его строительство» (Гребенщикова, 2002, с. 31). Устремленность автора в будущее подкрепляется не только мотивами построения новой Сибири и формирования принципиально новой культуры («<...> с той минуты, как мы объединились на мечте о будущем Сибири, мы тем самым начинаем великую постройку новой страны и новой культуры для тех новых людей, которых еще нет на свете <...>» (Гребенщикова, 2002, с. 31)), но и идеями, характерными для философии космизма («Даже самое человеческое бессмертие становится бесспорным, когда мы знаем, что через сто лет только что возникнет и начнется то, что мы сейчас начинаем строить мысленно» (Гребенщикова, 2002, с. 31)), что подтверждается словами Е. И. Рерих, настаивающей на идее трансформации общества на пути строения новой жизни [Рерих Е. И., 2019, с. 37].

Так, с самого начала книги (глава «Сибирь и ее прошлое» была помещена на первое место еще в авторских редакциях) утверждается манифест Гребенщикова о тонкой взаимосвязи прошлого, будущего и настоящего как Сибири, так и всего мира. Данная позиция будет последовательно воспроизводиться в тексте и далее. Например, автор углубляется в историю освоения Сибири русскими, упоминая в первую очередь «викингов, или варягов, смешанных с кровью новгородских славян» (Гребенщикова, 2002, с. 32), которые пришли в Сибирь первыми из европейцев, «положив начало ее завоевания Россией». Важно заметить в связи с данной цитатой, что исторический ход событий у Гребенщикова непрерывен – каждый герой является чьим-то предком и чьим-то потомком, каждое событие имеет предпосылки и несет определенные последствия в будущем. Викинги, по словам автора, были привлечены не только материальными богатствами Востока («<...> стремились на своих стругах по всем морям и рекам к алмазам Индии, к мехам бобров и соболей востока-севера, к золоту и серебру Алтая <...>» (Гребенщикова, 2002, с. 33)), но и духовными («<...> и к вечному источнику духовных упоений далекого Востока. Ибо, как ни хороши были морские боги викингов, их все-таки манил к себе духовный свет великих мудрецов и созерцателей Востока» (Гребенщикова, 2002, с. 33)). Под «духовным светом» Гребенщикова подразумевает в первую очередь христианство, продолжая: «Но пока свет Востока в лице Христа явился на север с юга <...>» (Гребенщикова, 2002, с. 33). В англоязычной версии данный вывод также присутствует, совпадая дословно, однако при редактировании он был вычеркнут: «Yet, while the light of the East in the person of Christ penetrated

⁴ Обзор докладов конференции «Философия космической реальности и новое научное мышление: к 100-летию Живой Этики». Международный Центр Рерихов. URL: https://icr.su/rus/news/icr/detail.php?ELEMENT_ID=6817 (дата обращения 13.09.2021).

from South to North...». В данном контексте интересно замечание С. С. Царегородцевой о том, что основная культуртрегерская миссия Н. К. Рериха и его круга – «налаживание культурного контакта между Востоком и Западом» [Царегородцева, 2020, с. 79]. Идея об их особом синтезе в дальнейшем продуктивно развивается философами-рериховцами, в частности С. В. Стульгинским: «Мыслящие люди Востока и Запада одинаково ясно видят, что в будущем наиболее яркие результаты прогресса должны получиться от соединения методов двух цивилизаций» [Космические легенды Востока, 2019, с. 10].

Небезынтересны в данном контексте трансформации следующей реплики: «Бурно-синее “Море Варяжское”, столь хорошо воспетое красками славного потомка русских викингов Николая Рериха, было в свое время школой и для тех мореплавателей, которые построили Америку» (Гребенщиков, 2002, с. 32). В англоязычной версии главы данное предложение присутствует в дословном переводе: «The gray-blue foaming waves of the “Varangian Sea”, so powerfully depicted in the picture of Nicholas Roerich, a descendant of the Russian Vikings, was at a time the school through which went the navigators who discovered America». Однако в автопереводе ремарка о Н. К. Рерихе была вычеркнута. Также важна разница между викингами, которые в русскоязычном тексте «построили Америку», а в англоязычном – «открыли», что является дословным переводом глагола «discovered». Так, цивилизационная роль викингов по отношению к Америке изменяется в зависимости от выбранной читательской аудитории: русской или американской. Можно предположить, что художественная реальность, конструируемая Гребенщиковым, где все элементы находятся в глубокой и мистической связи друг с другом, более характерна для русскоязычной версии «Моей Сибири», тогда как в англоязычном автопереводе самые парадоксальные авторские умозаключения сглаживаются редактором в пользу более традиционных и общепринятых представлений.

Рериховский интертекст, связанный с упоминаемым выше проектом по строительству города на Алтае, манифестируется на уровне заключительных строк первой главы «И хочется верить, что великая Сибирь скоро станет наисвободнейшей страной мира, куда стекутся избранные люди всех стран земного шара для идейного и практического объединения под новым знаменем строительства новой мировой страны, новой мировой культуры и нового прочного мира, всего мира, семена которого уже бросаются в пространство лучшими людьми нашей эпохи» (Гребенщиков, 2002, с. 51). Данный тезис повторяется в англоязычном корпусе «Моей Сибири» в начале главы «Siberia and her past»: «...we are starting the building of a new country and of a new culture for the men who are yet unborn, but who will take our place...» (Мы начинаем строительство новой страны и новой культуры для людей, которые еще не родились, но скоро займут наше место – <примеч: перевод авт.>). Мотив же мирового храма появляется в рукописи, озаглавленной «Author introduction»: «Because Siberia is an immeasurable, clear, untouched field, full of inexhaustible wealth and spiritual possibilities, where a temple of world peace should be erected» (Поскольку Сибирь – неизмеримое, чистое, нетронутое пространство, полное неисчислимых богатств и духовных возможностей, где должен быть возведен мировой храм – <примеч: перевод авт.>), однако в данном тексте этот мотив проявляется в первую очередь в контексте сотрудничества Америки и Сибири, где Гребенщиков задает риторический вопрос: «And who, if not the American people, rich of forces and possibilities, should come to the aid of the Russian people in building this beautiful Temple?» (И кому, как не жителям Америки, кото-

рые полны сил и возможностей, стоит прийти на помощь России в постройке этого прекрасного Храма? – <примеч: перевод авт.>). В. А. Росов также указывал на потребность участников алтайского проекта Н. К. Рериха привлечь американские инвестиции для реализации их планов: «Стал вырисовываться замысел: связать два континента, чтобы использовать экономическую мощь Соединенных Штатов для выявления духовного богатства России и Сибири» [Росов, 2021, с. 280].

Глава «Природа и люди Сибири» воспроизводит систему образов, заложенную в первой главе, однако поэтика художественного времени уступает место поэтике художественного пространства, поскольку ключевым образом раздела «Демография Сибири» становится не население, представленное преимущественно в численном эквиваленте («И всего населения в республике по переписи 1920 года – 90 825 человек, то есть менее ста тысяч душ обоего пола <...>» (Гребенщиков, 2002, с. 58)), а жестокая и прекрасная сибирская природа («Сурова и мертва сибирская природа в долгую зимнюю пору, но зато как она неопишимо прекрасна и богата с наступлением весны, как пышно расцветает и переполняется птичьим и животным миром в красное лето и как нарядна и перегружена медом, ягодами и плодами ранней осенью!» (Гребенщиков, 2002, с. 55)). Данное описание дословно повторяется в англоязычной версии главы: «But, although Siberian nature was stern and rigorous during the long winter, in spring it is exquisitely beautiful and glamorous, in summer it blossomed forth in unrivaled splendor, and birds and beasts were abundant; and in fall radiantly clad in all the gorgeous autumnal shades and filled to overflowing with honey, berries and fruit». Гребенщиков, повествуя о тяготах жизни сибиряков, упоминает и первопоселенцев, и нынешних жителей региона, русских и инородцев, подчеркивая их зависимость от природы региона: «<...> в какой зависимости находится еще человек от природы Сибири и как далека еще Сибирь от момента, когда человек мог бы сказать, что он начал побеждать сибирскую природу» (Гребенщиков, 2002, с. 59). Данный тезис повторяется также и в автопереводе: «how much man is till dependent on nature in Siberia, and how distant is the time when he can assert that he is beginning to win in his fight with nature».

В разделе «География Сибири» Гребенщиков, углубляясь в картографические описания региона, тем не менее, не оставляет мысль о «надмирной», мифологической составляющей Сибири: «<...> остается <Сибирь> все-таки страной почти непочатой, таинственной и заколдованной в своих извечных синих дымках» (Гребенщиков, 2002, с. 59). Здесь важно обратить внимание на эпитеты, актуализирующие мистическую компоненту, а также на символику цвета. Синий цвет, символизирующий небеса, бесконечность и безмятежность, часто использовался Н. К. Рерихом в живописи («Рерих очень любил работать с синим колоритом – мастер гениально писал небо, и благодаря его таланту небеса буквально жили своей жизнью, радуя диковинными фигурами и очертаниями»⁵). Таким образом, «синяя дымка» является одним из признаков, включающих Сибирь в пространство рериховского мифа.

Рериховские мотивы реализуются в представлении образа Алтая как прошлой и будущей колыбели народов. В первой главе Гребенщиков высказывает наивное, на взгляд современного ученого, предположение, что родиной человечества являлся Алтай. Во второй главе данная мысль продолжается авторским футуристиче-

⁵ «Синие храмы», Николай Рерих – описание картины. Музеи мира. URL: https://muzei-mira.com/kartini_russkih_hudojnikov/2476-sinie-hramy-nikolay-rerih-opisanie-kartiny.html (дата обращения 13.09.2021).

ческим размышлением о гипотетическом всемирном потопе, после которого «все Забайкалье, Саяны, Алтай и продолжение его – Тибето-Гималайские хребты – останутся единственным неприкосновенным остовом Земли, возле которого опять начнет строиться весь новый мир после нового всемирного потопа» (Гребенщиков, 2002, с. 62). Данная проекция повторяется и в англоязычном автопереводе: «it is evident, that Transbaikalia, the Sayan mountains, the Altai and its continuation – the Tibet-Himalayas – will remain the only untouchable skeleton of the earth around which the rebuilding of the new world may centre after the second flood» (очевидно, что Забайкалье, Саяны, Алтай и его продолжение – Тибето-Гималайские хребты – останутся единственным нетронутым остовом земли, вокруг которой после второго потопа начнется восстановление нового мира). Эсхатологические размышления повторяются под несколько иным углом в очерке Гребенщикова «О Новом Ковчеге», где автор примеряет к Н. К. Рериху роль «нового Ноя», задаваясь вопросом о его мессианском потенциале и давая ироничный ответ: «Сам я на этот вопрос ответить не решаюсь по чисто тактическим соображениям. Но ясно представляю, как бы ответил какой-нибудь остроумный одессит: «Он, конечно, может! И может быть, его ковчег на Гималаях стоит готовый. Но кто мне даст деньги и визу туда добраться?»» (Гребенщиков, 2001).

Образ времени выходит на первый план, когда Гребенщиков развивает тему народных верований. Характерным примером является легенда о Белом Бурхане, которую автор приводит на страницах сборника: «Никто хорошо не знает, что произошло в одну из ночей летом 1907 года на горе Херем вблизи села Усть-Кан на северном Алтае, но последствием этой именно ночи и явилось рождение новой веры». Легенда, приведенная в сборнике, гласит, что пастуху Чет Челпанову и его жене Тутанхэ явился мифический народный герой Ойрот в облике сияющего всадника на белом коне. Ойрот сообщил изумленным алтайцам, что он друг Белого Бурхана и наказал сказать всем, что «идет Бурхан и с ним идет счастье, любовь и добро...»» (Гребенщиков, 2002, с. 134). Автор не дает однозначного ответа на вопрос о явлении Белого Бурхана: «Если все это были только сновидения или даже выдумки Чета Челпанова и его жены Тутанхэ, то и тогда надо благословлять такую выдумку простых бесхитрых людей, ибо она способна создавать прекрасные образы нового эпоса» (Гребенщиков, 2002, с. 136). Размышляя о происхождении новой веры, автор замечает: «Несомненно лишь одно, что бурханизм не является пришлой или противоположной мировоззрению алтайцев верой, но является эволюцией их же шаманизма, вернее, новой, более жизненной и радующей живой ветвью их религии. Но так или иначе, новая вера родилась на Алтае сама собой, и быстрый рост ее популярности среди народа является лучшим доказательством ее жизненности и радующей и покоряющей духовной силы <...>» (Гребенщиков, 2002, с. 133). Но, несмотря на авторские оговорки, на уровне темпоральности данные события преподносятся автором так, как будто гипотетически они могли происходить в объективной реальности: автор приводит точную дату явления Ойрота, дает библиографическую ссылку на исследователя, занимавшегося данным сюжетом народных верований, а также оговаривает, что «дословно» приводит эту легенду на страницах своей книги.

Последняя глава «Моей Сибири», сказка «Хан-Алтай», является наиболее иллюстративным примером вовлечения в творческий процесс Гребенщикова философских и эстетических воззрений Рерихов. Это выражается в первую очередь на уровне горной мифопоэтики и живописания. Автор прямо манифестирует свое особое отношение к Алтаю: «О, земля, земля! Хочу разыскать и принести тебе

лучший дар. Хочу воспеть Алтай – родину мою, радость твою!» (Гребенщиков, 2002, с. 173); «Музыкой ласкает слово Алтай. Песней звучит для каждого странника. Родиной – каждой светлой душе. Маяком – для всякого искателя подвига. Храмом для всякого молящегося. Звучком мощного колокола зов его: – Алтай! Алтай! Алтай!» (Гребенщиков, 2002, с. 205). Об особой роли Алтая неоднократно упоминал и Н. К. Рерих, выражая ее прежде всего через живопись. Используется в тексте также важный для Гребенщикова и Рериха образ «белого камня Алата-са»: «Как на серой земле блестит и виднеется белый камень – Ала-Тас, – так на синих горах блестят крылья вечных снегов» (Гребенщиков, 2002, с. 207), что является в том числе отсылкой на их совместную издательскую деятельность. Присутствуют в тексте и системные для обоих авторов восхваления горы Белухи: «Высоко ушла в небо в жемчужной короне глава твоя, Алтай, великая Белуха – царица земли!» (Гребенщиков, 2002, с. 173).

Для более полного объяснения рериховской образности в сказке необходимо сделать акцент на ее вступительной части. Она повествует о древних алтайских богах: боге неба Ульгене, стражах Эдзене, Эрлике и их сестре Урус. Сюжет об их конфликте восходит как к традиционным алтайским верованиям, так и к христианской мифологии и концепциям Н. К. Рериха. Христианский компонент представлен сюжетом о разведении Ульгеном чудесного сада у подножия Алтайских гор и поручении братьям его сторожить: «Ульгень... насадил новый сад прекрасный и избрал для охраны его двух великих братьев – богатырей алтайских Эдзена и Эрлика» (Гребенщиков, 2002, с. 174) («Ulgen... planted a new beautiful garden and chose for its guards two great brothers, the giants of Altai – Edzen and Erlic»). Рецепция рериховской философии происходит за счет реализации мифологического потенциала мотива образования нового государства: «Ушла печальная сестра Урус на север и стала создавать там на равнинах царство Русь, чтобы когда-нибудь прийти обратно в горы и принести любовь и мир глубоко обиженному брату Эрлику» (Гребенщиков, 2002, с. 175) («In sorrow the sister Urus went north and there upon the plains she founded the kingdom Rus so that after a while she might be able to go back late into the mountains and bring love and peace to Erlic, her deeply affronted brother»). Важно отметить здесь также мессианские идеи, наделяющие Русь чертами культуры-избавителя. Данная новелла мыслилась Гребенщиковым не только в составе сказки «Хан Алтай», но и как самостоятельный текст, о чем говорит рукопись, обнаруженная в составе корпуса документов, связанных с «Моей Сибирью». Данная рукопись озаглавлена «Shaman's Mystery»⁶ и содержит в себе указанную новеллу без каких-либо системных изменений.

Е. И. Рерих приводит такое высказывание Н. К. Рериха: «Как писал Н. К.: “Поверх всех Росий есть одна незабываемая Россия”» (Елена Ивановна Рерих, 2006, с. 16). Так, Г. Д. Гребенщиков, опираясь на рериховский комплекс философских воззрений, создал одну «незабываемую Сибирь» поверх «всех» остальных проявлений данного региона. Концепция времени и пространства, объединенных особыми отношениями, взаимно друг в друга перетекающих, является одной из ключевых для философии Живой Этики. Сопоставительный анализ русско- и англоязычных версий текста показывает относительную неизменность проявления в тексте категорий времени и пространства, однако в англоязычном автопереводе самые парадоксальные авторские умозаключения (такие как, например, подсвечивание цивилизационной роли викингов) имеют тенденцию к сглаживанию в поль-

⁶ Гребенщиков Г. Д. Shaman's Mystery: [рукопись] (ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65499. Л. 1–3).

зу более традиционных и общепринятых представлений. Помимо этого, образ мирового храма в англоязычной версии проявляется в первую очередь в контексте взаимодействия Сибири и Америки. Данные различия дают возможность подтвердить вывод об ориентации Гребенщикова на читательские аудитории двух различных культур: русской и американской.

Категории времени и пространства в произведении выражаются на уровне использования мотивов формирования особого образа региона или образования нового государства, мессианских интенций, а также актуализации мотива неразрывности связи между большим и малым, прошлым и будущим. Гребенщиков конструирует синкретический образ Сибири, где историческое время и пространство не только соседствуют с мифологическим, но и существуют в неразрывной связи, взаимодействуя друг с другом. Наиболее иллюстративными для этого вывода примерами являются легенда о Белом Бурхане (легендарные события преподносятся автором так, будто гипотетически они могли происходить на самом деле) и сочетание объективных картографических описаний Сибири со сказочной, «надмирной» образностью (Сибирь представляется автору «непочатой, таинственной и заколдованной в своих извечных синих дымаках»). Пространственно-временная организация «Моей Сибири» и ее англоязычного текста-синонима является иллюстративным примером включения философии Живой Этики в творчество Гребенщикова как на русском, так и на английском языке, что можно считать дополнительным доказательством преемственности писателя по отношению к учению и деятельности семьи Рерихов.

Список литературы

Горбенко А. Ю. К механизмам жизнестроительства Георгия Гребенщикова: Чураевка как реплика скита Сергея Радонежского // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2015. Т. 3, № 4 (64). С. 193–197.

Горбенко А. Ю. Жизнестроительство Г. Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016. 206 с.

Десятов В. В. Скит искусств: жизнестроительство Георгия Гребенщикова // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 5–18. DOI 10.17223/18137083/62/1

Космические легенды Востока / Автор-сост. С. В. Стульгинскис. Новосибирск: Сибирское Рериховское Общество: Издательский центр «Россазия», 2019. 416 с.

Лавренова О. А. «Спатиософия» Елены Рерих. Estonian Roerich Society. 2019. URL: https://www.roerich.ee/articles/rus_spatiosophia.htm (дата обращения 13.09.2021).

Масяйкина Е. В. Литературное наследие сибирского областничества: на материале архивов Г. Н. Потанина и Г. Д. Гребенщикова: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2020а. 180 с.

Масяйкина Е. В. Литературная имагология зрелого Г. Д. Гребенщикова: «Моя Сибирь» и «My Siberia» // Русская и зарубежная словесность: рецепция, перевод, коммуникация : Коллективная монография, посвящ. 25-летию кафедры романо-германской филологии Том. гос. ун-та / Н. Е. Никонова, Д. А. Олицкая, О. Б. Кафанова [и др.]; под ред. Н. Е. Никоновой, Ю. С. Серягиной. Томск: Изд-во ТГУ, 2020б. С. 63–84.

Росов В. А. Георгий Гребенщиков: Сын Белухи / Мин-во культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. Барнаул; Новосибирск: Экселент, 2021. 544 с.

Царегородцева С. С. Роман Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи: Монография. М.: ИНФРА-М, 2020. 127 с.

Черняева Т. Г. Забытый русский писатель. О собрании сочинений Георгия Гребенщикова // Сибирские огни. 2015. № 1. С. 161–171.

Hokenson J. History and the Self-Translator // Self Translation : Brokering Originality in Hybrid Culture. London; New York, 2013. P. 39–61.

Список источников

Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. 214 с.

Гребенщиков Г. Д. О Новом Ковчеге // Дельфис. 2001. № 25 (1/2001). URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/o-novom-kovchege> (дата обращения 13.01.2022).

Гребенщиков Г. Д. Послание из Америки // Перезвоны. 1926. № 20. С. 35.

Гребенщиков Г. Д. Хан-Алтай: Сказка в семи главах // Перезвоны. 1928. № 40. С. 43–68.

Елена Ивановна Рерих. Письма. М.: Международный Центр Рерихов, 2006. Т. 4: 1938–1939 гг. 560 с., илл.

«На Гималаи первая весть»: письма Г. Д. Гребенщикова Н. К. и Е. И. Рерихам (1923–1924) // Дельфис. 2001. № 1. С. 27–38.

Рерих Е. И. Избранное: Фрагменты из писем. 3-е изд. / Сост.: Г. С. Николаиди, О. А. Ольховая. Новосибирск: Сибирское Рериховское Общество: Издательский центр «Россазия», 2019. 280 с.

Список архивов

Государственный музей истории, литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА). ОФ. Д. 15533/1. Л. 1–158. Гребенщиков Г. Д. Му Siberia: [рукопись]; Д. 15533/1, П. 23. Л. 136–158. Гребенщиков Г. Д. Хан-Алтай: [рукопись]; Д. 16936/002. Л. 1–31. Гребенщиков Г. Д. Siberia. The Country of Great Future: [брошюра]; Д. 65499. Л. 1–3. Гребенщиков Г. Д. Shaman's Mystery: [рукопись].

References

Chernyaeva T. G. Zabytyy russkiy pisatel'. O sobranii sochineniy Georgiya Grebenshchikova [Forgotten Russian writer. On the collected works of Georgy Grebenshchikov]. *Sibirskie ognii*. 2015, no. 1, pp. 161–171.

Desyatov V. V. Skit iskusstv: zhiznestroitel'stvo Georgiya Grebenshchikova [Hermitage of arts: life-creating of Georgy Grebenshchikov]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 1, pp. 5–18. DOI 10.17223/18137083/62/1

Gorbenko A. Yu. *Zhiznestroitel'stvo G. D. Grebenshchikova: genesis, mekhanizmy, semantika, kontekst* [Life-building of George Grebenshchikov: genesis, mechanisms, semantics, context]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2016, 206 p.

Gorbenko A. Yu. K mekhanizmam zhiznestroitel'stva Georgiya Grebenshchikova: Churaevka kak replika skita Sergiya Radonezhskogo [To the mechanisms of life-building of Georgiy Grebenshchikov: Churaevka as a replica of the hermitage of Ser-

gius of Radonezh]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015, vol. 3, no. 4 (64), pp. 193–197.

Hokenson J. History and the Self-Translator. In: *Self Translation: Brokering Originality in Hybrid Culture*. London, New York, 2013, pp. 39–61.

Kosmicheskie legendy vostoka [Cosmic legends of the East]. S. V. Stulginsky (Comp.). Novosibirsk, Siberian Roerich Society, “Rossaziya” Publ. Center, 2019, 416 p.

Lavrenova O. A. “*Spatiosofiya*” *Eleny Rerikh* [“Spatiosophy” by Helena Roerich]. Estonian Roerich Society. 2019. URL: https://www.roerich.ee/articles/rus_spatiosophia.htm (accessed 13.09.2021).

Masyaykina E. V. Literaturnaya imagologiya zrelogo G. D. Grebenshchikova: “Moya Sibir” i “My Siberia” [Literary imagology of the mature G. D. Grebenshchikov: “Moya Sibir” and “My Siberia”]. In: *Russkaya i zarubezhnaya slovesnost’: retseptsiya, perevod, kommunikatsiya: Kollektivnaya monografiya, posvyashch. 25-letiyu kafedry romano-germanskoj filologii Tom. gos. univ.* [Russian and foreign literature: reception, translation, communication: a collective monograph dedicated to the 25th anniversary of the Department of Romance and Germanic Philology of Tomsk State University]. N. E. Nikonova, D. A. Olitskaya, O. B. Kafanova, et al. (Comps.), N. Ye. Nikonova, Yu. S. Seryagina (Eds.). Tomsk, TSU Publ. House, 2020, pp. 63–84.

Masyaykina E. V. *Literaturnoe nasledie sibirskogo oblastnichestva: na materiale arkhivov G. N. Potanina i G. D. Grebenshchikova* [Literary heritage of Siberian regionalism: based on the archives of G.N. Potanin and G. D. Grebenshchikov]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2020a, 180 p.

Rosov V. A. *Georgiy Grebenshchikov: Syn Belukhi* [The Son of Belukha]. Ministry of Culture of the Altai Krai, Ya. Shishkov Altai Regional Universal Scientific Library. Barnaul, Novosibirsk, Excelent, 2021, 544 p.

Tsaregorodtseva S. S. *Roman G. D. Grebenshchikova “Churaevy” v sotsiokul’turnom kontekste epokhi: Monografiya* [G. D. Grebenshchikov’s novel “Churaevy” in the socio-cultural context of the era: monograph]. Moscow, INFRA-M, 2020, 127 p.

List of sources

Elena Ivanovna Rerikh. Pis'ma [Elena Ivanovna Roerich. Letters]. Moscow, Mezhdunarodny Tsentr Rerikhov, 2006, vol. 4: 1938–1939. 560 p., ill.

Grebenshchikov G. D. Khan Altai: skazka v semi glavah [Khan Altai: the fairy tale in seven chapters]. *Perezhony*. 1928, no. 40, pp. 43–68

Grebenshchikov G. D. *Moya Sibir* [My Siberia]. Barnaul, ASU Publ. House, 2002, 214 p.

Grebenshchikov G. D. O Novom Kovchege [On the New Ark]. *Delphis*. 2001, no. 25 (1/2001). URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/o-novom-kovchege> (accessed 01.13.2022).

Grebenshchikov G. D. Poslanie iz Ameriki [The message from America]. *Perezhony*. 1926, no. 20, p. 35.

“Na Gimalai pervaya vest’”: pis'ma G. D. Grebenshchikova N. K. i E. I. Rerikham (1923–1924) [“The first message to the Himalayas”: G. D. Grebenshchikov’s letters to N. K. and E. I. Roerich (1923). I. Roerich (1923–1924)]. *Delphis*. 2001, no. 1, pp. 27–38.

Rerikh E. I. *Izbrannoe: Fragmenty iz pisem. 3-e izd.* [Selected works: Fragments from letters.]. G. S. Nikolaidi, O. A. Ol'khovaya (Comps.). Novosibirsk, Siberian Roerich Society, "Rossaziya" Publ. Center, 2019, 280 p.

List of archives

Gosudarstvennyy muzey istorii, literatury, iskusstva i kul'tury Altaya [Altai State Museum of History, Literature, Art and Culture]. OF. D. 15533/1. L. 1–158. Grebenshchikov G. D. *My Siberia: rukopis'* [My Siberia: manuscript]; D. 15533/1, P. 23. L. 136–158. Grebenshchikov G. D. *Khan-Altay: rukopis'* [Khan-Altay: manuscript]; D. 16936/002. L. 1–31. Grebenshchikov G. D. *Siberia. The Country of Great Future: broshyura* [pamphlet]; D. 65499. L. 1–3. Grebenshchikov G. D. *Shaman's Mystery: rukopis'* [manuscript].

Информация об авторе

Елена Владимировна Яркова, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57207109261

Information about the author

Elena V. Yarkova, Candidate of Philology
Scopus Author ID 57207109261

*Статья поступила в редакцию 29.07.2022;
одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 09.09.2022
The article was submitted on 29.07.2022;
approved after reviewing on 09.09.2022; accepted for publication on 09.09.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/82/12

Театральный код в лирике Бориса Пастернака

Юрий Васильевич Шатин

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Аннотация

В отличие от изучения театральнойности и театрального кода в прозе Пастернака, указанная проблематика в лирике поэта не привлекала значительного внимания исследователей. Между тем мотивы подмостков, театральной игры, соотношения театра и жизни – важный элемент его поэтики. В статье рассматриваются три существенных момента, определяющих театральный код. Во-первых, театр как особый топос, структурированный и отделенный от других типов художественного пространства; во-вторых, театр как особый семиотический знак, деформирующий первичное языковое значение, наделяющий его дополнительным смыслом; в-третьих, театр как средство создания универсального метонимического дискурса, распространяемого на другие моменты лирического целого. Важно отметить устойчивость театрального кода на протяжении всего творческого пути поэта, в той или иной мере присутствующего на всех этапах эволюции его лирики.

Ключевые слова

Пастернак, театральный код, сценическое пространство, семиотический знак, метонимический дискурс

Для цитирования

Шатин Ю. В. Театральный код в лирике Бориса Пастернака // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 168–178. DOI 10.17223/18137083/82/12

Theatrical code in the lyrics of Boris Pasternak

Yuri V. Shatin

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

shatin08@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2725-2836>

Abstract

The problem of the theatrical code has been widely studied in Pasternak's prose, but it has not received the proper attention from scholars regarding his lyrics. This paper discusses three

© Шатин Ю. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 168–178

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 168–178

significant factors having influenced the theatrical code formation. First, the theater is understood as special topos, different from other types of artistic space. Second, the theater becomes a specific semiotic sign, deforming the primary linguistic meaning and endowing it with additional meaning. Third, the theater proves to be a means of creating a universal metonymic discourse extending to other aspects of the lyrical whole. In the lyrical continuum, the theater initially exists as a space presupposing a special eventfulness that cannot be realized in other spheres. Also, the stage becomes a factory of metamorphosis, creating the contours of events related to the lyrical hero. Besides using the topos of the stage, Pasternak, in his lyrics, semiotizes the word, turning it into a vocal gesture. The vocal gesture coming from the stage and the hum of the auditorium form the most crucial counterpoint of theatrical performance, developing the lyrical plot and strengthening the role of the opposition to the stage and life. The focus of this paper is on three types of lyrical plot: 1) the stage play as a tragic sacrifice related to the death of the hero; 2) the lyrical hero endowed with the features of a creator who creates a new world; 3) the hero's acquisition of the world of freedom, a motive that is significant in the life and work of Pasternak.

Keywords

Pasternak, theatrical code, stage space, semiotic sign, metonymic discourse

For citation

Shatin Yu. V. Theatrical code in the lyrics of Boris Pasternak. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 168–178. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/12

Что такое театральность? Это театр минус текст, это густота ощущений и знаков, возводимых на сцене на основе написанного, и это особого рода одновременное восприятие чувственных воздействий – жестов, тона, расстояний, материальных субстанций, световых эффектов – при котором текст утопает в полноте проявлений этого внешнего.

Р. Барм

Проблема сценической игры в творчестве Бориса Пастернака далеко не новая в современном литературоведении. Достаточно указать на работы Л. Флейшмана [1977] или на статью В. И. Хаменюк «“Весь мир – театр...”»: театральность в творчестве Б. Пастернака» [2017], а также на отдельные фрагменты книги Д. Быкова «Борис Пастернак» [2016], вышедшей в серии ЖЗЛ. Вместе с тем, обращаясь к указанной теме, авторы делают основной акцент на прозу Пастернака, начиная с «Детства Люверс» и кончая знаменитым романом, тогда как роль сцены и театра – одного из основных мотивов лирики Пастернака – остается в тени. Целью настоящей статьи является попытка показать, что роль сцены, сценической игры и театра в их со- и противопоставленности жизни занимают в стихотворном наследии писателя гораздо большее место, чем это принято считать. Недаром еще в письме В. Э. Мейерхольду от 26 марта 1928 г. поэт утверждает: «...натуру, которой должен следовать в своём построении театр, может быть только воображение, воображение в целом, его строй, его неповторимая, вся напролёт, сплошной особенностью бегущая мускулатура. Говоря проще, через среду воображенья все искусства тяготеют к идеальной сцене и иногда, и очень редко на неё попадают» (Пастернак, 1985, т. 2, с. 451)¹. Вполне вероятно, что поэзия как неисчерпае-

¹ Далее при цитировании этого издания в круглых скобках указываются номер тома и страницы.

мый источник такого воображения оказывалась для Пастернака если не единственной, то одной из важных «идеальных сцен», где разыгрывалась основная драма жизни.

Формирование театрального кода, который создавал ту идеальную сцену, включало, на наш взгляд, три существенных момента.

Во-первых, театр в этой связи рассматривался как *пространство*, особый *топос*, отделенный в своих границах от других топосов, организующих лирическую систему поэта. Во-вторых, *мотив театра опосредовался театральным – семиотическим знаком*, благодаря чему слово, произнесенное со сцены, наделялось дополнительным смыслом, деформирующим первичное языковое значение. Наконец, в-третьих, *средства, предполагаемые театральным кодом, распространялись на другие моменты лирического целого в качестве метонимического дискурса* и, следовательно, указывали на важную роль оппозиции сцены и жизни, запечатленной в целом ряде значимых для поэтики автора текстов.

Итак, театр в лирическом континууме изначально существует как *пространство*, предполагающее особый род событийности, которая не могла бы осуществиться в иных сферах. При этом уже подступы к театру создают предощущение сакрального, судьбоносного действия.

Это не розы, не рты, не ропот
Толп, это здесь пред театром – прибой
Заколебавшийся ночи Европы
Гордой на наших асфальтах собой.
(т. 1, с. 85)

Сорок лет спустя, комментируя атмосферу, сопутствующую стихотворению «Весенний дождь», Пастернак писал: «В это знаменитое лето 1917 года, в промежутке между двумя революционными сроками. Казалось, вместе с людьми митинговали и философствовали дороги, деревья и звёзды. Воздух из конца в конец был охвачен горячим тысячевёрстным вдохновением и казался личностью с именем, казался ясновидящим и одушевлённым» (т. 2, с. 498). Околотеатральное пространство уже создавало атмосферу вдохновения и судьбоносных перемен. Этот же топос в «Высокой болезни»:

И, помню, в самый день торжеств
Пошёл, взволнованный донельзя,
К театру с пропуском в оркестр.
(т. 1, с. 204)

Приближение к театру в лирике Пастернака всегда вихрь, патетика, знак ожидаемого чуда, как в стихотворении «Между прочим, все вы, чтицы...»:

И Чайковский на афише
Патетично, как и вас,
Может потрясти, и к крыше
В вихорь театральных касс.
(т. 1, с. 146)

Похожая ситуация в «Вакханалии»:

Все идут вереницей,
Как сквозь строй алебард,

Торопясь протесниться
На «Марию Стюарт».
(т. 1, с. 450)

Сцена оказывается границей двух миров: быта с его «Зисами», «Зимами», «Татрами», с перекупщиками мест – и бытия, запечатленного в сценическом действе.

За дверьми ещё драка.
А уж среди темноты
Вырастают из мрака
Декораций холсты.

Словно выбежав с танцев
И покинув их круг,
Королева шотландцев
Появляется вдруг.
(т. 1, с. 451)

Сценическая магия преобразует лирического героя Пастернака, обуславливает его экстатический выход за пределы повседневного существования в стихотворении «Мейерхольдам»:

Рытым ходом за сценой залягте.
И обуглясь у всех на виду,
Как дурак, я зайду к вам в антракте,
И смешаясь, и слов не найду.

И далее:

Что от чувств на земле нет отбою,
Что в руках моих – плеск из фойе,
Что из этих признаний любое
Вам обоим, а лучшее – ей.
(т. 1, с. 161)

Сцена становится фабрикой метаморфоз, сквозь которые проступают контуры будущих судеб. «Гамлет»:

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске,
Что случится на моём веку.
(т. 1, с. 390)

Ближайшим противопоставлением *сцены* у Пастернака выступает *зеркало*, в одном случае мы имеем дело с иллюзией реальности, ее удвоением, в другом – с его нераздельностью и неслиянностью.

В «Зеркале»:

Несметный мир семенит в месмеризме,
И только ветру связать,

Что ломится в жизнь и ломается в призме
И радо играть в слезах.
(т. 1, с. 76)

В «Вакханалии»:

То же бешенство риска,
Та же радость и боль,
Слили роль и артистку,
И артистку, и роль.
(т. 1, с. 452)

Наряду с *топосом* «бегущая мускулатура театра» воплощается в *специфике театрального слова*, которое, как уже говорилось, не равно обычному слову и исключает прямую коммуникацию. Как точно заметил Л. Флейшман, «Пастернак исходит из антикоммуникативности слова – слово (как название) говорящее отгорожено непреодолимой “рампой” от “слушающего” (“зрителя”) – даже тогда, когда зритель (слушатель) и актёр совпадают в одном лице. Вместе с тем некоммуникативность и даже “бессловесность” общения, беседы и есть залог понимания чужого “я”» [Флейшман, 1977, с. 25].

Отсутствие прямой коммуникации театрального слова приводит к тому, что в идеале оно *становится аналогом голосового жеста*, который, как и жест телесный, является *семиотическим знаком*. И в том, и в другом случае знак существует на *пересечении гестуса*, означающего привязанность к *персонажу*, и жеста, связанного с индивидуальностью *актёра*. *Голосовой жест* в художественной системе Пастернака соотносится с *гулом*, идущим со стороны зрительного зала и выполняющим роль фона по отношению к актёрскому слову. Голосовой жест, идущий со сцены, и гул зрительного зала образуют важнейший контрапункт театрального представления, развивая лирический сюжет, усиливая роль *оппозиции сцены и жизни*. Об этом писал Пастернак в начальной поре своего творчества С. П. Боброву 2 августа 1913 г.: «Драматичнее всего сцена: сама сцена – момент борения с зрительным залом, или реальности идеи с тёмным простором, в котором размнивается, в котором получает своё осуществление замысленная ценность идеи» (Пастернак, 1995, с. 75).

Гул, идущий со сцены, трижды повторен в стихотворениях Пастернака, использующих театральный код:

В ночь кончины от тифа сгорающий комик
Слышит гул: гомерический хохот райка.
(т. 1, с. 143)

Желоба коридоров иссякли,
Гул отхлынул и сплыл, и заглох.
(т. 1, с. 161)

Гул затих. Я вышел на подмостки.
(т. 1, с. 390)

«Затихание» гула преодолевает семантическую и /или временную дистанцию стоящих рядом слов и образует новые связи. Время как означающее и время как означаемое создают эффект поэтической теории относительности.

К смерти приговорённой,
Что ей пища и кров,
Рвы, форты, бастионы,
Пламя рефлекторов.
«Вакханалия» (т. 1, с. 451)

Подобная поэтическая относительность – важнейшее средство и следствие глубокого проникновения в поэтику Пастернака феноменологии Э. Гуссерля. Еще около полувека назад Л. Флейшман пронизательно заметил, что «учение о безличности субъективности, о субъективности без субъекта – пронизывающее пастернаковское поэтическое мышление – связано с философской системой Э. Гуссерля и целиком находится в плоскости последнего» [Флейшман, 1977, с. 8]. Благодаря феноменологии слова, относящиеся к различным сферам быта и бытия, или явления, удаленные во времени, становятся однородными членами поэтического высказывания, когда расписание поездов в «Сестре – моей жизни» становится грандиознее святого писания и черных от пыли и бурь канапе. Точно так же и в «Вакханалии» рвы, форты, бастионы соседствуют с пламенем рефлекторов, а в «Гамлете» дверной косяк помогает уловить в далеком отголоске, «что случится на моём веку». Или, например, сцена театра Мейерхольда, напоминающая сотворение человеческого рода:

Так играл пред землёй молодою
Одарённый один режиссёр,
Что носился как дух над водою
И ребро сокрушённое тёр.
(т. 1, с. 161)

Средства, найденные поэтом для создания театрального кода, переносятся в качестве метонимического развертывания как на явления природы, так и на ситуации, связанные с переживанием лирического героя в стихотворении «Весна» (1914):

Апрель. Возмужалостью тянет из парка
И реплики леса окрепли.
(т. 1, с. 53)

Новогодняя ёлка в «Вальсе со слезой»:

Это волнующаяся актриса
С самыми близкими в день бенефиса,
Как я люблю её в первые дни
Перед кулисами в кучке родни.
(т. 1, с. 361)

Или известная метонимия из «Марбурга»:

В тот день всю тебя, от гребёнок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.
(т. 1, с. 71)

Или:

Как я трогал тебя! Даже губ моих медью
Трогал так, как трагедией трогают зал.
(т. 1, с. 157)

Театральный код Пастернака не только структурирует его лирику, но и активно участвует в установлении глобальной связи искусства и жизни. Как заметил Р. Якобсон, «лирика Пастернака, как и других поэтов его поколения, имеет тенденцию довести до крайней степени эмансипацию знака от своего объекта. Это центральный поиск всего нового искусства, стремящегося составить антитезу натурализму» [Якобсон, 1987, с. 331]. Сознательный отказ от эмпирического подхода к изображаемой ситуации открыл перед поэтом несколько вариантов развития лирического сюжета, в основе которого лежала антиномия сценической игры и жизни.

Можно говорить по крайней мере о *трёх типах, каждый из которых по-своему конструирует построение сюжета*.

Сценическая игра понимается либо как трагическое жертвоприношение, связанное с гибелью («О, знал бы я, что так бывает», «Гамлет»), либо как жизнотворчество, создание новой действительности («Мейерхольдам»), либо как способ утверждения территории свободы, проецируемый затем на реальную жизнь («Вакханалия»). Следует отметить, что во всех трех случаях фигура актёра выступает как активная действующая сила, даже более значимая, чем фигура лирического автора.

В первом случае – «О, знал бы я, что так бывает» и «Гамлет» – важным элементом в развитии сюжета оказывается мотив пути. В «Гамлете» этот мотив даже маркируется специфическим размером – пятистопным хореем. В обоих примерах перед нами имеется начало («когда пускался на дебют», «вышел на подмостки»), перспектива («размечен распорядок действий») и финал («предопределён конец пути», «чаша смерти», «Рим, который / Взамен турусов и колёс / Не читки требует с актёра, / А полной гибели всерьёз»).

Мотив пути в качестве семантического центра обоих стихотворений позволяет выстраивать ряды ассоциаций, в первом – «О, знал бы я, что так бывает» – с античной трагедией. По выражению Р. Барта, такой спектакль «перестаёт быть ежедневной рутинной или ускользящей сущностью, а становится раним, подобно телу, живущему здесь и сейчас. Он – незаменим и в то же время смертен. Вот почему в его власти пронзить тоской, но одарить свежестью, которая сметает с подмостков пыль, с актёра стряхивает все штампы, а из костюмов изгоняет их искусственность, творя из всего этого прекрасное и заведомо неповторимое сплетение» [Барт, 2014, с. 19]. У Пастернака же ассоциация спектакля с античным театром доводит актёра до предела трагического существования, не оставляя в качестве зацепок турысы, колёса, выразительную читку и прочую театральную мишуру.

Еще более сложным оказывается ассоциативный ряд «Гамлета», что неоднократно отмечалось исследователями. По существу, фигура Гамлета в стихотворении Пастернака соединяет по принципу смежности четыре ипостаси: Христа с его молением о чаше, героя шекспировской трагедии, имплицитного автора стихотворения и одновременно главного героя романа Юрия Живаго и, наконец, актёра, вышедшего на подмостки, чтобы сыграть роль. В таком построении Пастернак буквально следует технике шекспировской пьесы, которая, по мысли Л. С. Выготского, «допускает как бы условность в квадрате, вводит сцену на сцену, заставляя

своих героев противопоставлять себя актёрам, одно и то же событие даёт дважды, сперва как действительное, затем как разыгрываемое актёрами, раздваивает своё действие и его фиктивной, вымышленной частью, второй условностью затушёвывающая и скрывающая невероятность первого плана» [Выготский, 1986, с. 237]. Пастернак превращает двухмерность трагедии Шекспира в четыре проекции образа лирического героя, при этом «множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается, сохраняя свою неслиянность, в единстве некоторого события» [Malcolm, 2000, p. 8–9]. Такая равноправность сознаний обуславливает полицентричность фигуры Гамлета, благодаря которой мы ощущаем не только контраст сцены и зрительного зала, как это было в предшествующем стихотворении, но и постоянное присутствие нескольких встроженных друг в друга «действительностей» в их взаимном преломлении. Действительность становится набором ее описаний и возможных интерпретаций, а сам текст «Гамлета» как бы всё время пытается выйти за границы своего языка, став метаязыком вновь образуемых данностей. Такой выход, безусловно, усиливает центростремительный статус героя, образующего сюжет, поскольку, по словам С. Пасько, «в его космосе сходятся и существуют одновременно то пространство, в котором он находится в данный момент (либо театр, либо весь мир и одновременно театр и весь мир), пространство Датского королевства и пространство Гефсиманского сада» [Пасько, 2016, с. 133–134].

Во втором типе лирического сюжета обращение к трагедии Шекспира тесно сблизило двух выдающихся мастеров – переводчика Пастернака и режиссера Мейерхольда, а затем переросло в близкую дружбу, свидетельством которой стало стихотворение поэта «Мейерхольдам», адресованное создателю театра и его жене Зинаиде Райх. Воссоздавая образ Мейерхольда, Пастернак в полной мере реализует кантовскую идею искусства как игры познавательными суждениями путем изобретения новых форм, а также мысль немецкого философа о гении как субъекте художественного творчества. Сложно построенный смысл стихотворения «Мейерхольдам» представлен как система градаций, устанавливающая дистанцию между автором стихотворения и его адресатом, а затем наделяющая героя смысловой полифонией, благодаря которой он одновременно выступает и как субъект творения, и как его материал, из которого творится другой образ. В соотношении *автор – герой* Пастернак прибегает к приему, напоминающему житийную традицию, где обе фигуры расположены на различных ступенях ценностной иерархии. С одной стороны, *автор*: «Как дурак, я зайду к вам в антракте / И смешаюсь, и слов не найду» – с подчеркнута бытовыми деталями:

Я скажу, что от этих ужимок
Еле цел я остался внизу,
Что пакет развязался и вымок
И что я вам другой принесу.
(т. 1, с. 161)

С другой стороны – *герой, творящий мир*, и тем самым уподобленный Создателю. При этом усложненность образа режиссера-новатора достигается, как уже говорилось, совмещением в одном лице и Творца этого мира, и первого человека на Земле. Герой стихотворения – «одарённый один режиссёр», «дух», который носился над Землей, и одновременно Адам, который «ребро сокрушённое тёр». Совмещение двух фокусов изображения в одном лице – прием, идущий от «Двенадцати» Блока. В нем Христос одновременно оказывается *над* идущими красно-

гвардейцами, *скрытый* от глаз наблюдателя вьюгой, и – «в алом венчике из роз» возглавляющий это шествие. Сам акт творения рассматривается Пастернаком как рок и тем самым относит к стихотворению «О, знал бы я...».

И, притискавшись в мир из-за дисков
Наобум размещённых светил,
За дрожашую руку артистку
На дебют роковой выводил.
(т. 1, с. 161)

Можно лишь сожалеть, что роковой дебют оказался роковым финалом: Мейерхольды трагически погибли на исходе 1930-х.

Наконец, следует рассмотреть третий вариант лирического сюжета, который связал героиню трагедии Шиллера с нашими современниками и обусловил развитие мотива обретения личной свободы, знакового в жизни и творчестве Пастернака. Воплощением этого мотива стала «Вакханалия». Положение участников действия и роль каждого, как и специфика театрального кода в «Вакханалии», существенно отличаются от других стихотворных произведений Пастернака, связанных с театром. Три локуса, объединяющих сюжет, – храм, театр, дом – лишены резких переходов и очень напоминают плавное движение камеры в сокуровском «Русском ковчеге». Единство внешне разнородных событий достигается сквозными мотивами. Прежде всего мотивом света, на роль которого первым обратил внимание Д. Быков, указав на «бьющий снизу свет – свет, освещающий сцену, или фар, выхватывающий из темноты стену, свет свечей в церкви». Игра, построенная на контрасте света и тьмы, создает «личный и подспудный мотив «Вакханалии» – разгул на грани трагедии, греховности на грани священнодействия» [Быков, 2016, с. 507].

«Вакханалия» – единственный случай, где фигура автора исключается из активного действия, предоставляя событиям развиваться в их естественном порядке. Вместе с тем мотив игры свободных стихий природы подготавливает игру театральную с ее главной героиней – Марией Стюарт.

А на улице вьюга
Всё смешало в одно,
И пробиться друг к другу
Никому не дано.
(т. 1, с. 449)

Вьюга, завывание бурана, метель создают театральное пространство свободной игры, и вырастающая из мрака «Рампа яркая снизу / Льёт ей свет на подол». Такая игра светотени оказывается в «Вакханалии» подлинной «гибелью всерьёз», казнью и триумфом одновременно, концом героини и славой «до скончанья времён».

Плавность горизонтальной линии сюжета отчетливо выявляет вертикальный ряд параллелей: молитвы, греха, свободы падения и минутного счастья в оргиастическом действе. Пастернак достигает максимального художественного эффекта в финале именной вакханалии, где герой и героиня до конца реализуют недосказанный смысл трагедии Шиллера:

Впрочем, что им, бесстыжим,
Жалость, совесть и страх

Пред живым чернокнижьем
В их горячих руках?
Море им по колено
И в бездумье своём
Им дороже вселенной
Миг короткий вдвоём.
(т. 1, с. 455)

Пространство вселенной, сжатое до мига, и есть та точка свободы, которая соединяет храм с театром, а театр с реальностью человеческого чувства.

В поэзии Пастернака частотность лирических мотивов, театральная тема и театральные коды занимали далеко не первое место. Однако они, порой незримо, присутствуют в художественном мире и многократно усиливают разнообразие целого.

Список литературы

Барт Р. Силы античной трагедии // Барт Р. Работы о театре. М., Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 16–26.

Быков Д. Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2016. 896 с. (Серия: ЖЗЛ)

Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986. 537 с.

Пасько Ю. В. «Вселенная внутри нас»: «Гамлет» Б. Пастернака через призму философии немецкого романтизма // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 1 (39). С. 130–149.

Флейшман Л. Статьи о Пастернаке. Bremen, 1977. 150 с.

Хаменюк В. И. «Весь мир – театр...»: театральность в творчестве Пастернака // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1 (71). С. 34–37.

Якобсон Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324–338.

Malcolm D. Understanding Graham Swift. Columbia Uni. Press, 2000. 236 p.

Список источников

Пастернак Б. Л. Избранное: В 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 622 с.; Т. 2: Проза. Стихотворения. 560 с.

Пастернак Б. Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1995. Т. 5. 460 с.

References

Bart R. Sily antichnoy tragedii [The forces of ancient tragedy]. In: Bart R. *Raboty o teatre* [Works on the theater]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014, pp. 16–26.

Bykov D. *Boris Pasternak*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2016, 896 p. (Series: ZHZL)

Fleyshman L. *Stat'i o Pasternake* [Articles about Pasternak]. Bremen. 1977, 150 p.

Khamenyuk V. I. “Ves’ mir – teatr...”: teatral’nost’ v tvorchestve Pasternaka [The whole world – theater”. Teatrality in Pasternak’s work]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017, no. 5 (71), pp. 34–37.

Malcolm D. *Understanding Draham Swift*. Columbia Unicersity Press. 2003, 236 p.

Pas’ko Yu. V. “Vseleennaya vnutri nas”: “Gamlet” B. Pasternaka cherez prizmu filosofii nemetskogo romantizma [“Universe with us”: Pasternak’s “Hamlet” through

the prism of the German romanticism philosophy]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2016, no. 1 (39), pp. 130–14.

Vygotskiy L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, Iskusstvo, 1986, 573 p.

Yakobson R. O. Zаметки о прозе поэта Pasternak [Notes on the prose of poet Pasternak]. In: Jakobson R. O. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow, Progress, 1987, pp. 324–338.

List of sources

Pasternak B. L. *Izbrannoe: V 2 t.* [Selected Works: In 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1985, vol. 1: Stikhotvoreniya i poemы [Verses and poems]. 622 p., vol. 2: Proza. Stikhotvoreniya [Prose. Poems]. 560 p.

Pasternak B. L. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: in 5 vols.]. Moscow, 1995. vol. 5, 460 p.

Информация об авторе

Юрий Васильевич Шатин, доктор филологических наук, профессор

Information about the author

Yuri V. Shatin, Doctor of Philology, Professor

*Статья поступила в редакцию 08.11.2022;
одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 20.11.2022
The article was submitted on 08.11.2022;
approved after reviewing on 20.11.2022; accepted for publication on 20.11.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1:325.2

DOI 10.17223/18137083/82/13

**«Эмигрантская» и «советская» литература
в освещении Георгия Черкасова (Г. И. Газданова)
на «Радио Свобода»**

Юлия Владимировна Матвеева¹
Александра Юрьевна Кириенко²

^{1,2} Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

¹ matveeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3810-867X>

² alexandrakirienko@mail.ru

Аннотация

Рассматривается журналистская и редакторская деятельность писателя Г. Газданова на «Радио Свобода» (с 1953 по 1971 г.), в которой своеобразно проявлялся литературоцентризм его творческой личности. На основе сохранившихся и доступных в настоящее время записей радиовыступлений Георгия Черкасова (Газданова), а также на основании анализа деловой переписки Газданова с Г. Адамовичем, Р. Гулем, Ю. Иваском, Л. Ржевским, Ген. Хомяковым (Андреевым) и другими писателями «первой» и «второй» эмиграции, были собраны, систематизированы и изучены оценки и взгляды Газданова, транслируемые им в эфире «Радио Свобода», на литературу русской эмиграции и литературу, создаваемую в метрополии.

Ключевые слова

Радио Свобода, Г. Газданов, Г. Черкасов, младшее поколение первой русской эмиграции, эмигрантская литература, советская литература

Для цитирования

Матвеева Ю. В., Кириенко А. Ю. «Эмигрантская» и «советская» литература в освещении Георгия Черкасова (Г. И. Газданова) на «Радио Свобода» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 179–192. DOI 10.17223/18137083/82/13

© Матвеева Ю. В., Кириенко А. Ю., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 179–192
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 179–192

“Emigrant” and “soviet” literature as covered by Georgy Cherkasov (G. Gazdanov) on Radio Liberty

Yulia V. Matveeva¹, Alexandra Yu. Kirienko²

^{1,2} Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation

¹ matveeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3810-867X>

² alexandrakirienko@mail.ru

Abstract

The paper considers G. Gazdanov's journalistic and editorial work for Radio Liberty from 1953 to 1971. In this period, the distinctive literary-centrism of the writer's creative personality was manifested in several cultural and educational programs (“In the World of Books”, “On Books and Authors”, “Round Table Talks”, “Before the Curtain”, “Diary of a Writer”), reviews (“Review of cultural life”, “Review of thick magazines”), and “special programs” related to literature. Using the pseudonym Georgy Cherkasov, Gazdanov talks about culture with his friends and professional colleagues: poets, prose writers, critics of the first Russian emigration, orders “scripts” and organizes the writer's radio performances, and creates his own series of radio monologues. Apparently, he becomes a certain personified authority for Soviet listeners, shaping for them the images of Russian émigré literature, the European literature of the twentieth century and, finally, Soviet literature as seen from within a Western world. Currently available recordings of G. Cherkasov's radio speeches were studied and his business correspondence with G. Adamovich, R. Gulym, Y. Ivask, L. Rzhnevsky, Gen. Kho-myakov (Andreev), and other writers of the Russian emigration were analyzed. Gazdanov's assessments and views on the literature of the Russian emigration and the literature created in the metropolis were collected, systematized, and examined. Despite Gazdanov's desire to maintain parity between culture and politics, his journalistic, propagandistic, and culturist activities were found to be biased by objective and subjective factors, manifested primarily in a superficial, often tendentious, and intolerant attitude toward all the literary works bearing the stamp of Soviet life and influence.

Keywords

Radio Liberty, G. Gazdanov, G. Cherkasov, the younger generation of the first Russian emigration, emigrant literature, Soviet literature

For citation

Matveeva Yu. V., Kirienko A. Yu. “Emigrant” and “soviet” literature as covered by Georgy Cherkasov (G. Gazdanov) on Radio Liberty. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 179–192. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/13

Общеизвестно, что созидательный культурный потенциал первой русской эмиграции был огромный и, конечно, имел великое множество проявлений. Одним из важнейших механизмов этого процесса и одновременно своеобразным способом закрепления и оформления культурной космогонии русского зарубежья стала, начиная с 1953 г., ее презентация на «Радио Свобода»¹, куда были приглашены и где имели возможность сотрудничать многие представители среднего и младшего поколения первой эмиграции: Г. Адамович, А. Бахрах, В. Варшав-

¹ Русская редакция «Радио Освобождение» была создана в 1953 г., с мая 1959 г. радиостанция была переименована, получив название «Радио Свобода». Далее в тексте статьи название радиостанции будет сокращено до РС.

ский, В. Вейдле, Р. Гуль, Ю. Иваск, Т. Червинская, И. Чиннов². Ключевой фигурой этого ряда можно считать писателя Георгия Ивановича Газданова, который в 1953 г. под псевдонимом Георгий Черкасов начал свое сотрудничество с только что созданным «Радио Освобождение» (Radio Liberation). Работа на этом Радио продолжалась до самой смерти писателя (5 декабря 1971 г.), причем с 1967 г. Газданов становится главным редактором Русской службы «Свободы» в Мюнхене, получив тем самым довольно большие полномочия и в плане выбора программ, и в плане выбора приглашенных собеседников.

Без сомнения, это был особенный период в жизни и творчестве Газданова. С одной стороны, его писательская продуктивность сильно упала. В письмах этого времени он неоднократно жалуется друзьям на непомерную занятость, на отсутствие времени для творчества: «...теперь моя литературная работа – это нечто вроде давно заржавевшего механизма, который, тяжело скрипя, медленно приходит в действие»³; «такая хамская жизнь, что для себя ничего не успеваешь сделать»⁴. С другой стороны, человеческий темперамент, литературный профессионализм и художественный дар Газданова получают еще одно воплощение на поприще политической и культурной журналистики. И нет никаких сомнений в том, что к последней Газданов (несмотря на скептическое отношение к «журнализму»⁵ в целом) особенно был склонен и, по-видимому, относился к ней не только как к необходимой работе по договору, но как к деятельности творческой, по-настоящему важной, культурно значительной. Это доказывает большое количество сохранившихся личных писем Газданова, в которых он договаривается со своими корреспондентами о будущих «скриптах», подробно объясняет поставленные задачи, комментирует сюжеты намеченных передач. Но в первую очередь, творческое отношение Газданова к его журналистской деятельности доказывает целый ряд им задуманных и осуществленных культурно-просветительских программ: «В мире книг», «О книгах и авторах», «Беседы за круглым столом», «Перед занавесом», «Дневник писателя».

В рамках этих и других (по-видимому, более информационных и менее лично окрашенных программ – «Обзор культурной жизни», «Обзор толстых журналов», а также в ряде так называемых «специальных передач»⁶) Георгий Черкасов беседует по актуальным вопросам культуры со своими друзьями и профессиональными коллегами – писателями первой эмиграции В. Вейдле, Г. Адамовичем, Н. А. Струве; заказывает «скрипты» и организует выступления таких авто-

² В монографии А. С. Колчиной «Радио Свобода как литературный проект» [2014] сама идейная концепция РС рассматривается в свете возможной реализации творческого потенциала русской эмиграции. Как нам представляется, это не совсем верно, хотя, судя по объему и качеству культурных и литературных программ на РС, отнюдь не лишено оснований.

³ Газданов Г. Письмо Л. Д. Ржевскому от 28.12.1959 (Газданов, 2009, т. 5, с. 209). Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются номер тома и страницы.

⁴ Газданов Г. Письмо Р. Б. Гулю от 05.06.1963 (т. 5, с. 108).

⁵ Слово «журнализм» принадлежит Газданову. Например, в упоминаемом Л. Дненешем тематическом перечне передач программы «Дневник писателя» на второе место Газданов поставил тему «Литература и журнализм» [Дненеш, 2009].

⁶ Записи передач хранятся в репозитории Архива Открытого общества в Будапеште. См.: Газданов Г. И. Выступления на Радио Свобода // Архив Открытого общества (OSA – Open Society Archives). URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:08c75020-2ddc-4f98-a1e0-d20e090840ce> (дата обращения 07.08.2021).

ров, как, например, Ю. Иваск и Л. Ржевский; создает собственную серию радиомонологов.

Во многом именно Георгий Черкасов становится для советских слушателей некой персонифицированной инстанцией, формирующей, во-первых, образ русской эмигрантской литературы; во-вторых, образ европейской литературы XX в.; и, наконец, в-третьих, тот образ литературы советской, который виделся изнутри западного мира ⁷.

Не будучи свободным от Американского Комитета ⁸ и балансируя на грани культуры и политики ⁹, Газданов всё же пытался, и небезрезультатно, реализовать собственную модель культурной журналистики, где политика и тенденциозность в значительной мере перекрываются устремлениями просветительскими, морально-философскими, литературно-критическими. По сохранившимся записям радиопередач можно представить, как облагораживает неизбежную тенденциозную направленность автора-ведущего Георгия Черкасова писатель Георгий Иванович Газданов. И всё же ситуация жесткого противостояния Запада и СССР не могла не влиять на Газданова-радиоведущего и тем более – главного редактора Русской службы, заставляла расставлять приоритеты весьма определенно, без скидок и компромиссов. Об этом труднодостижимом балансе, который пытался удерживать Газданов, писал первый исследователь его творчества Л. Диенеш: «Вполне закономерно, они (Диенеш говорит о текстах радиовыступлений Газданова. – Ю. М., А. К.) имеют политическую тенденциозность, объясняемую главной задачей радио «Свобода»: противопоставить советской идеологии – западную. Тем не менее в ряде передач Газданову удалось избежать политизированности, и он выступает как увлекательный рассказчик, корректный мемуарист и чуткий критик, тонко выражающий свое не всегда положительное мнение» [Диенеш, 2009, с. 693]. На то же самое, а именно на стремление Газданова соединить политическую конъюнктуру и просветительскую увлеченность, обращает внимание и публикатор многих радиовыступлений Г. Газданова Т. Н. Красавченко: «Из писем Газданова видно, что у него скребли кошки на душе. Он часто пишет приглашаемым им авторам, что контроля со стороны американцев практически нет, однако из тех же писем и архивных материалов этой службы, видно, что контроль, отчетность, а порой “отчитывания”, нагоняи и прочее все-таки были...» [Красавченко, 2005, с. 232–233].

⁷ Интересно и примечательно, что имя Черкасова, как, собственно, и другие имена привлеченных на РС эмигрантов первой волны, не упоминаются в публикациях и монографиях советского периода, посвященных западным радиоголосам. Так, например, в книге Г. И. Вачнадзе «Антенны направлены на Восток. Формы и методы империалистической пропаганды на страны социализма» [1977] в главе «Голоса из Мюнхена», где дается анализ деятельности РС в риторике следственного дела, изобличающего преступления целого ряда сотрудников, о Черкасове нет даже упоминания. Основными врагами СССР советские аналитики все-таки считали на РС не белоэмигрантов, а эмигрантов эпохи Второй мировой.

⁸ Радиостанция «Свобода» была создана так называемым Американским Комитетом по освобождению от большевизма, переименованным после 1964 г. в Комитет Радио Свобода. Как лаконично и точно пишет Т. Н. Красавченко, «радио финансировалось Конгрессом США (конечно, контролировалось ЦРУ) и должно было отрабатывать свои деньги...» [Красавченко, 2005, с. 233].

⁹ Этот вопрос – соотношение политики и культуры – остро волновал Газданова, который в целом ряде своих послевоенных выступлений, докладов и эссе его проговаривает и прорабатывает. Этой проблеме, в частности, посвящен один из масонских докладов Газданова (т. 3. с. 685–691), а также многие радиовыступления и радиоскрипты.

Прочитав, прослушав и проанализировав сохранившиеся и доступные в настоящий момент записи радиовыступлений Георгия Черкасова, а это – выступления на РС, опубликованные в четвертом томе пятитомного собрания сочинений Газданова, и пятьдесят восемь аудиозаписей цифрового репозитория Архива Открытого общества в Будапеште (OSA Open Society Archives), а также опираясь на деловую переписку Газданова с Г. Адамовичем, Р. Гулем, Ю. Иваском, Л. Ржевским, Ген. Хомяковым (Андреевым) и другими писателями «первой» и «второй» эмиграции, попытаемся выделить и систематизировать оценки и взгляды Газданова на литературу эмиграции и метрополии, какими они представлены в его радиоматериалах.

Не будучи по складу характера человеком комплиментарного типа и не имея, по-видимому, склонности к культопорождению, Газданов, тем не менее, довольно широко представил в своих выступлениях систему имен эмигрантских писателей: это Бунин, Адамович, Зайцев, Ремизов, Алданов, Степун, Набоков и весь собирательный образ «поколения тех писателей, которые сформировались в эмиграции» (Газданов, 2009, т. 4, с. 443). Поводом для подготовки материалов о вышеперечисленных авторах часто служили какие-либо даты: юбилеи (выступление по случаю 85-летия Б. К. Зайцева и передача «О Б. К. Зайцеве» к 90-летию писателя), годовщины смерти (к пятой годовщине со дня смерти Ф. А. Степуна приурочена передача «Федор Степун»). Однако передачи об Алданове и Ремизове с памяtnыми датами совсем не соотносятся, и автор, мотивируя свой интерес к избранным фигурам, вынужден подыскивать объяснение: непопулярность таких оригинальных писателей, как Ремизов, среди читателей; псевдоюбилейная дата со дня смерти М. Алданова: «Несколько лет тому назад, точнее в 1967 году, исполнилось десять лет со дня смерти Марка Александровича Алданова, одного из самых видных эмигрантских писателей» (т. 4, с. 394). Фрагментарные портреты Бунина и Адамовича набросаны Газдановым в связи с циклами передач, им посвященных: когда в программе «Перед занавесом» осуществлялось чтение сначала «Воспоминаний» Бунина, а потом «Комментариев» Г. Адамовича. О своем литературном поколении Газданов настойчиво повторяет в одной из передач программы «Беседы за круглым столом», признавая за ним и совершенно особое качество авторского самосознания, и наличие среди представителей этой генерации «действительно выдающихся» поэтов (т. 4, с. 445).

Прав Л. Диенеш, который, комментируя газдановские выступления на РС, вспоминает весьма скептическое отношение Газданова ко многим эмигрантским писателям¹⁰, однако в самих выступлениях, если разобраться, нет ни скепсиса, ни критики. Газданов предельно уважителен, аналитичен, человечен. Он всякий раз старается донести до советских слушателей то, какими замечательными были или являются упомянутые авторы: несмотря на резкость Бунина в его воспоминаниях, он, как утверждает сам Газданов, «гораздо мягче относился к тем, о ком писал» (т. 4, с. 370); несмотря на абсолютную чуждость для него Ремизова, Газданов воссоздает его портрет как портрет писателя, достойного внимания уже ради одной его невероятной оригинальности, удивительной непохожести на кого бы то ни было. Адамович предстает у Газданова «человеком блестящей культуры, непо-

¹⁰ Ирония и скепсис вообще не покидают Газданова ни по отношению к собратям по перу, ни (это, конечно, в первую очередь) по отношению к самому себе. Так, например, в письмах Газданов неоднократно называет свои занятия литературой «графоманией», делает ироничные замечания и о многих вышеназванных писателях-эмигрантах.

грешимого литературного вкуса» (т. 4, с. 371). Подлинным космополитом выглядит с подачи Газданова Ф. А. Степун – «известный немецкий профессор», который был одновременно «русским философом, эссеистом, критиком и писателем» (т. 4, с. 372). Зайцев видится Газданову своеобразным символом русской литературы в изгнании. Очевидно, что в этом пафосе восхваления есть что-то не совсем «газдановское», особенно если учесть всегдашнюю резкость оценок, ироничный скепсис и, в общем-то, весьма критическое отношение Газданова и к прозе Ремизова, и к творчеству Зайцева, и даже к исторической романистике Алданова.

Но таковы, очевидно, правила игры, правила культурной пропаганды на РС, предполагающие, разумеется, критику только с одной стороны. И действительно, всякий раз, когда Газданов говорит о писателях эмиграции, как, собственно, и о русских классиках (Чехове, Гоголе, Достоевском) или даже о европейских знаменитостях (П. Валери, М. Прусте, Ж. П. Сартре), он неизменно обращается к советской литературе, стараясь ее задеть или вполне основательно и аргументированно дискредитировать – развенчать ее официально распропагандированные имена, художественные достоинства, идейную состоятельность.

Так, например, анонсируя предстоящее чтение «Комментариев» Г. Адамовича в программе «Перед занавесом» (от 17/24 декабря 1967 г.) и знакомя слушателей с книгой и ее автором, Георгий Черкасов не скупится на элегантные комплименты в адрес поэта и критика русского эмигрантского Парижа: «один из лучших знатоков русской поэзии и литературы и человек европейской культуры», «его книгу “Комментарии” следует признать одной из замечательных книг в этом виде литературного искусства, том, которое определяется французским словом “essai”» (т. 4, с. 371). При этом всякий раз Г. Черкасов, дабы лучше ощущалась непроходимая разница между «блестящим» Адамовичем и убогой советской литературой, к реалиям и фактам последней всё время обращается: говорит, что «Комментарии» совершенно непохожи «на так называемые литературоведческие труды, которых так много выходит в Советском Союзе и за границей» (т. 4, с. 371); подчеркивает, что Адамович, «будучи человеком блестящей культуры», пишет в той свободной манере, «проявления которой в условиях советской цензуры оказались бы невозможными» (т. 4, с. 371); отмечает, что книга Адамовича «по сравнению с тем, что пишется о литературе в Советском Союзе», «открывает новые горизонты», ведь «история русской литературы – как она преподавалась в Советском Союзе и как она преподавалась в царское время – грешит грубыми ошибками – Гоголь – основатель натуралистической школы, Белинский – великий критик, и так далее – вплоть до злополучного социалистического реализма» (т. 4, с. 371).

Интересно, что даже в тех случаях, когда Газданов использует для своих радиовыступлений тексты, написанные им ранее и вовсе не предназначенные для радиовещания, он вставляет в них фрагменты, откровенно заостряющие антисоветскую критическую полемику. Так, в одной из передач «Дневника писателя» (от 12 марта 1971 г.) Газданов прочел опубликованное им в 1964 г. в «Новом журнале» эссе «О Чехове» – замечательный тонкий анализ чеховского творчества и чеховской мировоззренческой позиции – в текст которого (как бы предваряя фразу о том, что «Чехов не любил “мировоззрений”») ввел целый фрагмент, прямо-таки обличающий собирательное советское литературоведение и собирательное советское представление о Чехове. Начинается этот фрагмент с тезиса о том,

что «облик Чехова в советской трактовке представлен в искаженном виде»¹¹, в частности в Большой советской энциклопедии (год издания энциклопедии при этом не уточняется) сказано, что в повести «В овраге» изображено проникновение капитализма в деревню. Далее Г. Черкасов пытается опровергнуть все эти постулаты. Он говорит о том, что нет ничего хуже социологического подхода, что никто из героев Чехова не мог размышлять ни о классовой борьбе, ни о капитализме.

В порядке комментария нельзя не сказать, что в том же году, что и прозвучавшая в эфире передача, в СССР вышла монография А. П. Чудакова «Поэтика Чехова» [1971], давно ставшая классическим образцом глубокого и многостороннего анализа литературного творчества писателя. В ней есть главы, посвященные типу повествования, предметному миру чеховских рассказов, их фабульному и сюжетному построению, их идейно-тематическому спектру, но соотношения рассказов и повестей Чехова с марксистским учением точно нет. И уж конечно, базисом Чудакова как исследователя были совсем не те спрямленные утверждения, которыми, по Газданову, ограничивалось «советское» представление о творчестве Чехова¹².

Что же касается вышеупомянутого обращения к Большой советской энциклопедии, оно появилось в «чеховской» передаче Газданова не случайно. Можно сказать, что апелляция к этому безусловному для сотрудника РС источнику давно стала устойчивым приемом Газданова-полемиста. В этом идейно выверенном и даже эталонном источнике, как стремится доказать в разных своих радиодискурсах Газданов, всё сплошная неправда.

Отсылает Газданов и к другим советским изданиям – Литературной энциклопедии, газетам, «так называемым литературоведческим трудам». Все рассуждения Газданова о современной русской литературе, в общем-то, сводятся к антитезе: эмигрантская культура слова с ее тонкими смыслами, пониманием токов истории, широтой знаний, наследованием русской и европейской классической традиции и советская – с ее «злополучным социалистическим реализмом», нелепыми тема-

¹¹ См.: *Газданов Г. И.* Выступления на Радио Свобода // Архив Открытого общества (OSA – Open Society Archives).

¹² Интересно, что как раз в 1960-е гг. признанные знатоки литературы в эмиграции стали с удивлением и уважением отзываться о том, что делалось в области литературоведения в СССР. Приведем, к примеру, замечание Р. Б. Гуля из письма Газданову от 7 апреля 1962 г.: «Кстати, купил последнюю книгу академика Виноградова “Проблема авторства и теория стилей”, которая только что пришла в Нью-Йорк (изд. 1961). В ней Виноградов разрекламировал Новый Журнал – чудесно. Семь ссылок, да каких! <...> Вот какой либерализм пошел. Это последнее подтверждение, что там нас читают внимательно. Есть много других подтверждений. И сие обязывает нас и сие приятно» (т. 5. с. 104–105). Еще в большей мере подтверждает сказанное опубликованная О. А. Коростелевым переписка Г. В. Адамовича с редакторами бунинского тома «Литературного наследства», завязавшаяся в начале 1960-х и длившаяся несколько лет. Коростелев, кроме того, приводит в своей публикации следующее высказывание Адамовича из его статьи 1952 г. в «Новом русском слове»: «Советское “литературоведение”, как теперь выражаются в Москве, – стоит, бесспорно, на большой высоте <...>. Некоторые ценнейшие тома “Литературного наследства” или работы, посвященные Пушкину, или хотя бы такие издания, как собрание писем Достоевского, под редакцией Долинина, с необыкновенно тщательно, толково и богато подобранными примечаниями, свидетельствуют о наличии исследователей, которым каждый беспристрастный человек должен отдать должное» [Коростелев, 2017, с. 10].

ми вроде повышения урожая картофеля, партийными указаниями и «наивно-дидактическим провинциальным» колоритом.

При этом вышеупомянутая оппозиция возникает в передачах Газданова отнюдь не стихийно, но формируется вполне осознанно. Своим потенциальным авторам и сотрудникам он неоднократно предлагает написать о неуклонном снижении художественного уровня советской литературы. Так, например, 22 января 1969 г. Л. Д. Ржевскому Газданов пишет: «Не хотели бы Вы написать, скажем, о литературной технике в Советском Союзе – о резком ее понижении по сравнению хотя бы с тридцатыми годами и о приближении к какому-нибудь бедному Златовратскому?» (т. 5, с. 230). Или несколько месяцев спустя в этом же 1969 г. – Б. П. Иваску: «Можно еще было бы, мне кажется, сделать две или три передачи об эволюции поэтической техники в русской поэзии в разные периоды времени – до Октября, после Октября, и потом, когда советская литература скатилась до албанского или черногорского уровня» (т. 5, с. 171). И вот в письме к тому же Иваску от 9 апреля 1970 г. Газданов формулирует свое видение советской литературы на фоне литературы эмигрантской уже совсем концептуально: «Я хотел бы предложить Вам для дальнейших передач – двух или трех – следующую тему, которая мне кажется заслуживающей внимания: органическая разница между теми путями, которыми шли за все эти годы – советская и эмигрантская литература. С одной стороны – провинциализм, наивная дидактика и возвращение к Златовратскому и Решетникову. С другой стороны – попытка (удавшаяся или нет – это другой вопрос) быть на уровне, скажем, европейской литературы и в смысле тематики, и в смысле литературной техники» (т. 5, с. 179). В одной из передач цикла «Беседы за круглым столом», а именно в передаче «О русской зарубежной литературе», куда были приглашены Г. Адамович и В. Вейдле, Г. Черкасов оппозицию «советская литература» / «литература эмигрантская» совершенно отчетливо выстраивает: с одной стороны – «провинциальный характер», «очень невысокий уровень» с точки зрения «литературного стиля», с другой же стороны – стремление «держаться на уровне европейском» (т. 4, с. 447).

Не щадит Газданов и советских писателей: о таких, как Г. Николаева, А. Караваева, М. Шагинян или Е. Зозуля и говорить не приходится – они повсюду упоминаются Газдановым (не только в передачах, но и в письмах) как символическое воплощение соцреалистического идиотизма, однако зачастую в своих выступлениях Газданов действует еще решительнее, повергая ниц подлинно хрестоматийные в советском мире произведения или имена.

Выделяется в этом смысле передача из программы «Дневник писателя» «Литература и пропаганда» (от 27 ноября 1970 г.)¹³. В ней в форме излюбленного интеллектуального диалога в духе «бесед с Сократом» автор разбивает все аргументы мнимого собеседника – «европейски образованного человека», желающего выучить русский язык, чтобы составить «более или менее правильное представление о советской литературе». Газданов пытается объяснить своему собеседнику сущность так называемой советской литературы как литературы «прежде всего партийной», «пропагандной», и здесь же развенчивает как минимум две ее сильнейшие позиции: авторитет писателя К. Федина, который на вопрос западного журналиста – читал ли он Пруста, Джойса и Кафку, «простодушно» отвечает, «что нет, не читал», и роман Н. Островского «Как закалялась сталь», написанный

¹³ См.: *Газданов Г. И.* Выступления на Радио Свобода // Архив Открытого общества (OSA – Open Society Archives).

«совершенно по-детски», «наивно и неумело». Собеседник Газданова не может понять, почему этот роман получил в России «очень высокую оценку», «как это возможно»?

Думается, Газданов вряд ли мог забыть первый роман К. Федина «Города и годы» (1924), явно превосходящий эмигрантскую романистику его ровесников первой половины 1920-х гг. Кроме того, Федин несколько раз в 1920-е – 1930-е гг. выезжал за границу, какое-то время дружил с Р. Гулем (что отражено в мемуарах последнего), и не помнить об этом Газданов, конечно, не мог. Более того, Федин, как известно, много лет дружил с Б. Пастернаком, считавшим Пруста наиболее близким и любимым писателем. Вряд ли можно было воспринимать публичное признание Федина западным журналистам вполне серьезно. Что же касается Н. Островского и его героического Павки Корчагина, ответ Газданову можно было бы найти в книге «Незамеченное поколение», написанной в 1956 г. его товарищем по эмиграции, литературному поприщу и работе на радиостанции «Свобода» В. Варшавским, который последнюю, шестую главу своей книги, повествующую об участии эмигрантских сыновей во время Второй мировой войны, начнет с вопроса о том, «можно ли говорить о героической смерти, как об особой форме творчества культуры», и, отвечая сам себе на этот риторический вопрос, вспомнит примеры Христа и Сократа, которые доказывают, что «творческое значение имеет жертвенная смерть каждого человека и глубина, величие и ценность культуры измеряются не только “памятниками” искусства и науки, но и тем, как умирали люди, воспитанные в этой культуре» [Варшавский, 1956, с. 312]. Роман Островского «Как закалялась сталь» для советского читателя тоже был, по сути дела, литературным свидетельством высокого самопожертвования, учением страдать и умирать за идеалы. Газданов этого не замечает, не хочет или не может на расстоянии заметить.

В этой же передаче Газданов оспаривает и еще одно безусловное достижение советской литературы – военную прозу. Сначала, правда, оговаривается, что «не вся советская литература такова, но очень значительная ее часть», однако далее к этой именно «очень значительной части» причисляет «произведения, тема которых – Вторая мировая война». Ведь и там, продолжает автор, «вполне определенная цель: книга должна доказывать, что война была выиграна благодаря мудрому руководству партии и мужеству советских воинов»¹⁴. Нет нужды доказывать обратное, достаточно сказать, что уже самая ранняя послевоенная повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда» опровергает это утверждение. Не говоря о той громадной, заряженной трагическим и вместе с тем экзистенциальным пафосом «военной» прозе, которая появилась во второй половине 1950-х – 1960-х гг. Мог бы здесь вспомнить Газданов и свой личный опыт общения с советскими людьми во время войны в движении Сопротивления, с поразительной искренностью и непредвзятостью им зафиксированный в послевоенной публицистической книге «Советские партизаны во Франции».

Однако это еще не всё, что касается основополагающих позиций советской литературы, подвергнутых в передачах Г. Черкасова ироничной и жесткой критике. В противовес низвергнутым идеалам официальной советской литературы он постоянно отмечает (и вполне справедливо) наличие в этой литературе других авто-

¹⁴ Здесь и далее цитаты из данной радиопередачи, ввиду их полного совпадения, не смотря на разницу в заголовках передач, приводятся по пятитомному собранию сочинений Газданова (т. 4, с. 378).

ров, другой литературы, альтернативной: «...советская литература – это Солженицын и Кочетов, Пастернак и Ахматова, Мандельштам – и Демьян Бедный, Лебедев-Кумач и Михалков» (т. 4, с. 376). Эту альтернативную, «подпольную» литературу Газданов, как и литературу эмигрантскую, во многих радиовыступлениях культивирует, выделяя в ней свои наиважнейшие позиции, которые занимают, по его мнению, А. Солженицын и Б. Пастернак. Имя Солженицына Газданов вообще поднимает до уровня символа: «Чем могла бы быть русская литература, об этом мы можем судить по книгам, запрещенным в Советском Союзе и проникшим за границу, прежде всего по романам Солженицына» (т. 4, с. 380). Однако при всем том, ни Солженицын, ни Пастернак нигде в газдановских выступлениях не оцениваются по высшей шкале литературных ценностей. При всем величии солженицынского противостояния режиму для Газданова он все-таки не гениальный, а лишь «талантливый» писатель, который, конечно, может быть оценен по толстовским критериям: «умение видеть то, чего не видят другие, ясность изложения, искренность и правильное, то есть нравственное отношение автора к предмету» (т. 4, с. 387), но среди них нет одного, необходимого для победы над временем, – «гения автора»¹⁵.

Таково же и отношение Газданова к Пастернаку. Как и Солженицына, Газданов выделяет Пастернака из плеяды советских авторов, создавших «литературу протеста против существующего строя» (т. 4, с. 380) (т. е. всё ту же политизированную, хоть и противоположно заряженную литературу, не очень-то им ценимую). Более того, один из масонских докладов Газданова, посвященный роли писателя в современном мире, был, судя по всему, спровоцирован опубликованной в «Новом журнале» (1966, № 83, с. 185–227) стенограммой заседания Общественного собрания писателей СССР «О поведении Б. Пастернака» от 31 октября 1958 г., где состоялось обличение и осуждение романа Пастернака «Доктор Живаго» многими именитыми представителями Союза писателей СССР. Однако к числу любимых или даже просто высоко ценимых Газдановым поэтов Пастернак все-таки не принадлежал, и в письмах разным корреспондентам Газданов несколько раз в этом признается: «Пастернак, по-моему, при всем его таланте, никак не может справиться со своим словесным потоком и, кроме того, в некоторых случаях, его русский язык вызывает, мягко говоря, сомнения...»¹⁶; «... в стихах Пастернака не люблю дурного вкуса, который в них нередко попадаетеся...»¹⁷.

Ясно, что и Пастернак, и Солженицын, и А. Синявский с Ю. Даниэлем, процессу над которыми была посвящена одна из передач в 1966 г. – «Беседы о реакции советской литературной общественности на меры репрессии, принятые к двум советским писателям – Синявскому и Даниэлю»¹⁸, все они, несмотря на осознанный или подспудный антисоветский пафос, все-таки принадлежали, по мнению Газданова, советскому миру, т. е. миру чуждому не только идеологически, но и конституционально, на бытовом, языковом и эстетическом уровнях.

О нарастающем отчуждении «двух России» в послевоенные десятилетия убедительно пишет А. В. Антошин в монографии, посвященной идейным исканиям русских эмигрантов во Франции в послевоенную эпоху [Антошин, 2017], а также

¹⁵ Примерно в это же время – 1970 г. – Ю. П. Иваск пишет Газданову: «Солженицын – совесть, но предпочитают молчать о нем – художнике» (т. 5, с. 178).

¹⁶ Из письма Газданова Г. В. Адамовичу от 28.09.1967 (т. 5, с. 158–159).

¹⁷ Из письма Газданова Н. А. Струве от 24.11.1970 (т. 5, с. 200).

¹⁸ См.: *Газданов Г. И.* Выступления на Радио Свобода // Архив Открытого общества (OSA – Open Society Archives).

в одной из глав коллективной монографии о «Homo soveticus: pro et contra», где весьма убедительно говорит о динамике этого процесса: «В 1920-е годы впечатления эмигрантов о Советской России были еще недавними, некоторое время сохранялась возможность общения с оставшимися на родине друзьями и родственниками. <...> Постепенно контакты между соотечественниками, разделенными “железным занавесом”, практически прекращаются. Эпоха первых пятилеток, тяжелейшие испытания периода Великой Отечественной войны выковали такого советского человека, внутренний мир которого фактически не был известен эмигрантам старшего поколения. Гражданин СССР превратился в человека-загадку, психологию которого было трудно понять тем, кто уехал из страны несколько десятков лет назад» [Человек советский..., 2021, с. 234].

Несколько десятилетий (1920-е – 1940-е гг.) Газданов тоже удерживал в себе живой человеческий интерес и объективность оценок по отношению к тому, что происходило в СССР, – реагировал на литературные новинки советских писателей, пытался представить новый образ советского человека, сформированного в условиях советской идеологии, сравнивал его с тем портретом дореволюционной русской молодежи, который хранила его собственная память¹⁹. Однако работа на РС, очевидно, всё же наложила на писателя свой отпечаток. В суждениях радиожурналиста, радиоведущего и редактора Г. Черкасова исчезла та доля допущения, та доля сомнения в истине, которая позволяет видеть вещи сразу в нескольких проекциях.

Весьма показателен в этом смысле сюжет взаимоотношений Газданова с его ровесниками, попавшими на Запад во время Второй мировой войны – Л. Д. Ржевским и Г. А. Хомяковым. С обоими писателями-дипийцами Газданов сотрудничал на РС, переписывался и дружил. За творчеством Ржевского, много и плодотворно писавшего в 1950-е – 1960-е гг., пристально следил, о чем свидетельствует их переписка, из которой видно, что Ржевского и как писателя, и как человека Газданов по-настоящему ценит, однако это не мешает ему писать своему корреспонденту весьма определенно: «То, что я не всегда согласен с тем, что Вы пишете, и с тем, как это написано, – это, мне кажется, не так важно. Важно другое – то, что так, как Вы, никто, кроме Вас, не пишет и вообще никто из писателей на Вас не похож» (т. 5, с. 223). Конечно, в газдановском понимании искусства «непохожесть» на других – вещь чрезвычайно важная, даже решающая, но первая часть фразы – несогласие с тем, о чем и как пишет Ржевский, – приоткрывает ту непреодолимую стену между «советскими» дипийцами и «не-советскими» белоэмигрантами: да, ценит, уважает, но – внутренне отталкивается. И не случайно поэтому, когда Г. Хомяков задумал передачу о Ржевском и, по-видимому, послал ее текст на утверждение в Мюнхен, Газданов его забраковал.

Эта история прекрасно реконструируется по переписке Газданова и Хомякова: в письме от 21 ноября 1967 г. Газданову Хомяков сетует, что «скрипт о Ржевском» «сняли, сочли плохо написанным». В ответном письме Газданов пытается подробно объяснить, почему «скрипт» не прошел, – увы, не только потому, что был плохо написан, но и потому, что расходился в оценке Ржевского-писателя с самим Газдановым: «По поводу текста о Ржевском и Вашей идеи передач об эмигрантских писателях и поэтах. Предпочитаю писать об этом частным образом, а не в нью-йоркскую редакцию. Вот в чем дело. Текст Ильинского действительно плохой, но не только из-за стиля, а еще и потому, что Леонид Денисович наш ми-

¹⁹ См. об этом: [Матвеева, 2013].

лейший в нем представлен совершенным корифеем. Я понимаю, что такая передача доставила бы Л<еониду> Д<енисовичу> удовольствие, но как “Литературный портрет” это совершенное барахло, и зачем людей вводить в заблуждение?” (Переписка..., 2019, с. 211). Безусловно, для Газданова Ржевский при всей человеческой многолетней симпатии к нему был как писатель – всё-таки явлением не западного порядка, в нем, по-видимому, Газданов видел прежде всего продолжателя советской, примитивно-реалистической литературной традиции, которую был способен распознавать не столько и не только по содержанию, сколько по духу, вернее – лежащему в основе генетическому художественному коду. Многолетняя удаленность от социальной, культурной и литературной жизни метрополии, жесткая идеологическая конъюнктура, безусловно присутствовавшая на РС, ощущение органического родства с русской дореволюционной литературой и постоянная соотнесенность с европейским XX веком – всё это обусловило практически полную нетерпимость позднего Газданова ко всему, что было создано в литературе под знаком советской жизни и советского влияния.

Список литературы

Антошин А. В. Русский Париж – за Советский Союз? Идеиные искания русских эмигрантов во Франции (вторая половина 1940-х гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 190 с.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. 388 с.

Вачнадзе Г. И. Антенны направлены на Восток. Формы и методы империалистической пропаганды на страны социализма. М.: Изд-во полит. лит., 1977. 239 с.

Диенеш Л. Выступления на радио «Свобода» (1960-е – 1971) // Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 4. С. 692–696.

Колчина А. С. Радио Свобода как литературный проект. Социокультурный феномен зарубежного радиовещания. М.: ИД ВШЭ, 2014. 295 с.

Коростелев О. А. «С “Литнаследством” у меня была переписка долгая»: к истории несостоявшегося сотрудничества Г. В. Адамовича в бунинском томе // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 9–37.

Красавченко Т. Н. Газданов на «Радио Свобод» // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. М., 2005. С. 232–234.

Матвеева Ю. В. Советский мир в восприятии и оценках Гайто Газданова // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 251–264.

Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / В. М. Амиров, А. В. Антошин, В. И. Бортников и др.; под общ. ред. Ю. В. Матвеевой, Ю. А. Рушиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 412 с.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 290 с.

Список источников

Газданов Г. И. Собр. соч.: В 5 т. М.: Эллис Лак, 2009.

Газданов Г. И. Выступления на Радио Свобода // Архив Открытого общества (OSA Open Society Archives). URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:08c75020-2ddc-4f98-a1e0-d20e090840ce> (дата обращения 07.08.2021).

Переписка Г. И. Газданова и Г. А. Хомякова (Андреева) 1964–1967 годов (вступ. ст., подгот. текста и коммент. Ю. В. Матвеевой) // Русская литература. 2019. № 4. С. 199–215.

References

Antoshin A. V. *Russkiy Parizh – za Sovetskiy Soyuz? Ideynye iskaniya russkikh emigrantov vo Frantsii (vtoraya polovina 1940-kh gg.)* [Is the Russian Paris for the Soviet Union? Ideological search of Russian emigrants in France (second half of 1940th)]. Ekaterinburg, UrSU Publ., 2017, 190 p.

Chelovek sovetskiy: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra [Man Soviet: pro et contra = Homo soveticus: pro et contra]. V. M. Amirov, A. V. Antoshin, V. I. Bortnikov et al. (Comps.), Yu. V. Matveeva, Yu. A. Rusina (Eds.). Ekaterinburg, UrSU Publ., 2021, 412 p.

Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [Poetics of Chekhov]. Moscow, Nauka, 1971, 290 p.

Dienesh L. Vystupleniya na radio “Svoboda” (1960-e – 1971) [Performances on Radio Liberty (1960s – 1971)]. In: Gazdanov G. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Ellis Lak, 2009, vol. 4, pp. 692–696.

Kolchina A. S. *Radio Svoboda kak literaturnyy proekt. Sotsiokul’turnyy fenomen zarubezhnogo radioveshchaniya* [Radio Liberty as a literary project. Sociocultural phenomenon of foreign radio broadcasting]. Moscow, HSE Publ. House, 2014, 295 p.

Korostelev O. A. “S “Litnasledstvom” u menya byla perepiska dolgaya”: k istorii nesostoyavshegosya sotrudnichestva G. V. Adamovicha v buninskom tome “I had a long correspondence with Litnasledstvo”: to the history of G. Adamovich’s failed collaboration with Bunin’s volume]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 2017, no. 2, pp. 9–37.

Krasavchenko T. N. Gazdanov na “Radio Svoboda” [Gazdanov on Radio Svoboda]. In: *Gayto Gazdanov i “nezamechennoe pokolenie”: pisatel’ na peresechenii traditsiy i kul’tur: Sb. nauch. tr.* [Gaito Gazdanov and the “unnoticed generation”: a writer at the crossroads of traditions and cultures: Coll. of sci. works]. ISISS RAS, Moscow, 2005, pp. 232–234.

Matveeva Yu. V. Sovetskiy mir v vospriyatii i otsenkakh Gayto Gazdanova [The Soviet world in the perceptions and assessments of Gaito Gazdanov]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 2013, no. 4, pp. 251–264.

Vachnadze G. I. *Antenny napravleny na Vostok. Formy i metody imperialisticheskoy propagandy na strany sotsializma* [Forms and methods of imperialist propaganda on the countries of socialism]. Moscow, Izd. polit. lit., 1977, 239 p.

Varshavskiy V. S. *Nezamechennoe pokolenie* [Unnoticed generation]. New York, Chekhov Publishers, 1956, 388 p.

List of sources

Gazdanov G. I. *Sobr. soch.: V 5 t.* [Collected works: In 5 vols.]. Moscow, Ellis Lack, 2009.

Gazdanov G. I. Vystupleniya na Radio Svoboda [Speeches on Radio Liberty]. In: *Open Society Archives*. URL: <https://catalog.osaarchivum.org/catalog/osa:08c75020-2ddc-4f98-a1e0-d20e090840ce> (accessed 07.08.2021).

Perepiska G. I. Gazdanova i G. A. Khomyakova (Andreeva) 1964–1967 godov (vstup. st., podgot. teksta i komment. Yu. V. Matveevoy) [Correspondence between G. I. Gazdanov and G. A. Khomyakov (Andreev) 1964-1967. (Introduction, prep. text and commentary by Yu. V. Matveeva)]. *Russkaya Literatura*. 2019, no. 4, pp. 199–215.

Информация об авторах

Юлия Владимировна Матвеева, доктор филологических наук, профессор
Александра Юрьевна Кириенко, ассистент

Information about the authors

Yulia V. Matveeva, Doctor of Philology, Professor
Alexandra Yu. Kirienko, Assistant

Статья поступила в редакцию 24.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 20.09.2021
The article was submitted on 24.08.2021;
approved after reviewing on 20.09.2021; accepted for publication on 20.09.2021

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/82/14

Культурная основа в изображении топоса Москвы в пьесе Н. Н. Садур «Летчик»

Юлия Сергеевна Красноухова

Томский государственный университет
Томск, Россия

oriental-v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2575-2033>

Аннотация

Рассматривается топос Москвы в пьесе современного драматурга Н. Садур «Летчик» (2009). На примере указанного текста выявляются особенности репрезентации образа Москвы автором в поздний период творчества. Н. Садур деконструирует традиционные культурные представления, связанные с Москвой. На основании специфики пространственных образов делается вывод о картине мира автора в целом. В указанной пьесе воссоздается образ раздробленного мира, в котором нарушены связи между людьми. Воплощением этого мира становится Москва как город, обладающий широким спектром культурных значений в прошлом и функционирующий как пространство подмены и симуляции сейчас. Однако утверждается, что главным для автора становится не заявление об ущербности современного мира, а тоска по идеальному прошлому и обращение к индивидуальному мифу, созданному на его основе.

Ключевые слова

современная драматургия, образ Москвы, образ города, пространство игры, Н. Садур

Для цитирования

Красноухова Ю. С. Культурная основа в изображении топоса Москвы в пьесе Н. Н. Садур «Летчик» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 193–203. DOI 10.17223/18137083/82/14

© Красноухова Ю. С., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 193–203
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 193–203

Cultural basis in the image of the topos of Moscow in the play “The Pilot” by N. N. Sadur

Yuliya S. Krasnoukhova

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

oriental-v@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2575-2033>

Abstract

The paper examines the image of Moscow in the play “The Pilot” (2009) by the modern playwright N. Sadur. The study reveals how the author represents the image of Moscow in the late period of her creativity. The space of Moscow is found to have different levels in the play. First, Moscow, a direct place of action, is both an actual city and its artistic representation. Second, Moscow serves as the space of the characters’ consciousness. Third, Moscow represents the space of the author’s consciousness and symbolization. Sadur is seen to deconstruct traditional cultural ideas about Moscow. Moscow is transformed from a holistic space of life in close connection with the cultural and historical memory into an atomic space of unsupported existence, a total substitution and simulation. “The Pilot” recreates the game reality generated by the dream of a living city. The specifics of spatial images allow drawing a conclusion about the image of the world and the author’s worldview. According to Sadur, the modern reality is “flawed:” the ties between people existing outside the home are broken. However, the idea is put forward that the main thing for the author is not to declare the inferiority of the modern world but to long for an ideal past and refer to the individual myth created on its basis. Therefore, for Sadur, it is not postmodern deconstruction that comes to the fore but the modernist construction of a new myth about the world.

Keywords

modern drama, the image of Moscow, the image of the city, the space of the game, N. Sadur

For citation

Krasnoukhova Yu. S. Cultural basis in the image of the topos of Moscow in the play “The Pilot” by N. N. Sadur. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 193–203. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/14

Художественное пространство в драматическом произведении приобретает особую семантическую нагруженность, поскольку специфика драмы проявляется в ее сценическом воплощении, которое в первую очередь пространственно и заключено в рамки театральной сцены. Образы пространства в драме, не имея эксплицитного выражения, обладают при этом значительным смыслопорождающим потенциалом. Так, драматическое действие происходит всегда в определенном месте: это, как правило, некая замкнутая структура, пространственная модель, являющаяся составной частью художественного мира той или иной пьесы. В случае если автор обращает внимание в большей мере на пространственный аспект, т. е. обладает своего рода «пространственным» мышлением, эта категория становится ключом к разгадке его эстетической системы, пониманию художественного мира автора.

Творчество современного драматурга Н. Н. Садур (род. в 1950 г.) рассматривается исследователями с разных точек зрения¹, но все так или иначе сходятся

¹ Творческая манера Н. Садур определяется по-разному: Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий считают, что ее творчество следует рассматривать в русле эстетики постмодер-

в одном: в пьесах автора фантастическое и непознаваемое проникает в реальный мир повседневной жизни и нарушает ее естественный ход. Пространство в пьесах Н. Садур не ограничивается квартирой или комнатой, а часто расширяется до космических масштабов и свободно трансформируется по воле автора, то же происходит со временем – оно включает в себя как настоящее, так и прошлое и будущее. Пространственные образы приобретают большое значение уже в ранних пьесах автора. Таковы, например, уже классические для автора «Чудная баба», «Панночка», где количество описанных образов пространства ограничено, а каждый из них глубоко символичен и одновременно полисемантичен (таковы, например, образы поля, дороги, комнаты конструкторского бюро в «Чудной бабе»).

Объектом данного исследования выбрана пьеса Н. Садур «Летчик», основанная на более раннем прозаическом произведении (повесть «Вечная мерзлота», 2001), но с учетом того, что автор значительно перерабатывает исходный прозаический вариант и иначе расставляет смысловые акценты, можно предположить, что пьеса является отражением современной авторской картины мира. Сюжет повести концентрируется вокруг истории Пети и Лены, а сам текст приобретает черты психологического повествования, направленного на исследование проблемы восприятия человеком себя, соотношения и уравнивания внешнего и внутреннего. Пространство повести «Вечная мерзлота» очерчено конкретно: основное действие сосредоточено на маленьком участке в центре Москвы, на пересечении Нового Арбата с Никитской улицей, т. е. город представляет собой лишь место действия, не имеющее, в отличие от пьесы, акцентированной культурно-семантической основы. В пьесе «Летчик», во многом благодаря появившейся истории полярного летчика Паоло, автор выстраивает топологию Москвы, которой не было в прозаическом тексте. Упомянутые или реально изображенные объекты приобретают символический смысл и становятся как бы опорными точками, на которых держится город. В пьесе, таким образом, появляется Москва (которая не может быть заменена на другой город) как субъект. Так, с одной стороны, Москва в изображаемом автором мире становится последней опорой, на которой держится стремящийся к разрушению мир, с другой – именно московское повествование, заключенное в речи летчика Паоло, обрамляет текст пьесы, собирая его в единое целое. Так, Паоло выступает как бы повествователем, глядя извне как на героев, так и на сам город. Сюжетообразующий топос Москвы, таким образом, становится объектом нашего исследования.

Пространство Москвы выстраивается как многоуровневое, сложное: город существует в разных своих проявлениях. Во-первых, это Москва как непосредственное место действия – реальный город и его художественное изображение; во-вторых, Москва как пространство сознания героев: каждый из персонажей выстраивает в сознании свой образ города, неповторимый локальный мир; наконец, в-третьих, Москва как пространство авторского сознания, символизации – город, который строится из культурных и исторических образов разных времен.

Выстраивая образ Москвы, автор вступает в диалог с традицией его представления в русской культуре. Москва (особенно в противопоставлении с Петербургом) воспринимается как город-храм, имеющий сакральное значение; как природный, органический и при этом исконно русский мир. Московский хронотоп

низма и называют ее драматургию «фантазмагорическим театром» [2003, с. 516–520]; Н. Е. Лихина вписывает ее в эсхатологическое или апокалиптическое направление русской постмодернистской литературы [1997, с. 17]; М. И. Громова употребляет словосочетание «драматургия авангардизма» [2017, с. 199–225] и т. д.

предстает запутанным, разрастающимся по своей воле пространством, со сложным бессистемным переплетением улиц, в которых легко заблудиться. В. Н. Топоров, отмечая разницу между Москвой и Петербургом, говорит, что в Москве «живется удобно, уютно, свободно (“по своей воле”), надежно (с опорой на семью, род, традицию), а в Петербурге – не по своей воле и безопорно» [1995, с. 273]. В XX в. Москва лишается своего традиционного облика, теряет связи с семьей, родом. Демоническую мифологию «новой» Москвы воссоздает М. А. Булгаков. Москва второй половины XX в. с подчеркнутым урбанизмом, захватывающей героев повседневностью представлена в прозе Ю. В. Трифонова. В начале XXI в. характер представления образа Москвы меняется. Как замечает А. П. Люсьи, теперь Москва – это «эпицентр капитализации государства с присущими для этапа первоначального накопления капитала реалиями, новой и характерной для времени мифологией, с новой системой присущих периоду глобализации кодов культуры» [2013, с. 175]. Москва перестает быть оплотом традиционной жизни, семейственности, символом старинной культуры, и ее образ приобретает новые, характерные для времени, признаки: разобщенность, индивидуализм, потеря связей между людьми, ускоренный темп жизни, который захватывает человека. Выбор Москвы как места действия в некоторой степени обусловлен биографически: долгое время Нина Садур прожила в Москве².

Пьеса «Летчик» была начата автором в 2004 г., закончена в 2009 г. Время, изображенное в пьесе, – примерно конец 1990-х гг., переломный период общественной системы, переоценки ценностей. В пьесе сталкиваются разные типы героев: люди, не способные привыкнуть к новому времени, и люди, сумевшие не только освоиться в новой жизни, но и подчинить ее своей воле. Действие пьесы сосредоточено вокруг идеалистического желания бывшего полярного летчика Паоло попасть в фантастическую страну. Реальная Москва как место действия представлена набором отдельных локусов, слабо связанных между собой. Отбор этих опорных для выстраивания картины города локусов или точек и последующее наделение их культурным значением становится задачей автора и отражает его взгляд на современную Москву. Такими точками становятся Кремль (он существует в авторском художественном мире, но не является местом действия), Дом полярников, памятник Гоголю.

Один из центральных локусов – Дом полярников, где живет бывший летчик Паоло, который не может смириться с законами нового времени. Комнату Паоло рассчитывает получить незаконным путем риелтор Зиновий, «хозяин» новой жизни. Дом построили в Москве в 1936 г. по заказу Главсевморпути для полярников и их семей. Этот дом – знак былого величия советской власти, знак ушедшего прошлого, скрывающий при этом многие тайны. Сейчас он кажется забытым и брошенным, в его дворе стоит «сосланный» памятник Гоголю, но в то же время он находится в самом центре Москвы. Этот «окаанный», как говорит Паоло, дом стоит «в миллиметре от всякой чистой-нечистой власти и в одном поцелуе

² В интервью Н. Садур рассказывает: «[В Москве жила] на Суворовском бульваре. Там рядом усадьба, где умер Гоголь. Она примыкает к моему дому. Потрясающе, правда? До этого я жила недалеко от Патриарших прудов, там же, совсем рядом, жил Малюта Скуратов. То есть – средоточие зла. Патриаршие пруды – это не Булгаков, это Воланд. Я жила в треугольнике зла. Там было ужасно». См.: *Заболотная М.* Нина Садур: «...Искусство дело волчье» // Петербургский театральный журнал. 1993. № 3. URL: <http://ptj.spb.ru/archive/3/> (дата обращения 20.09.2021).

от ярменной жилы великой Родины» (Садур, 2015, с. 67)³. Дом полярников становится свидетелем перемены исторической судьбы страны («По телевизору смотрел взятие Белого Дома. <...> прямой эфир! но звук отставал – вначале реальный взрыв за окном, а потом звук этого, уже канувшего в лету взрыва – на экране» (с. 67). Паоло видит в нем отголосок атмосферы 1930–1940-х гг., сталинских интриг, дом – «окаанный», загадочный. В его репликах упоминание Дома связано всегда с Кремлем, Дом полярников для него – центр Москвы, Кремль – центр России. При этом он разделяет Кремль как символ власти и как символ России. Власть, особенно власть переходного времени, воспринимается Паоло отрицательно, она нацелена на собственную выгоду и действует в основном милитаристским способом.

Полярный летчик Паоло в пьесе является одним из центральных персонажей, более того – ему дана возможность говорить о самом Городе. Акцент на значимости Паоло сделан уже в названии – «Летчик». «Вечная мерзлота» в заглавии прозаического варианта констатирует общее состояние мира и человека в нем, в заглавии же пьесы появляется семантика героического, связанная с полярным летчиком, войной и экспедициями на Северный полюс. Летчик, в свою очередь, наделяется способностью преодолевать настоящую, т. е. обыденную реальность, чего не могут сделать остальные.

Комната Паоло хранит следы интеллигентского прошлого: «...полки с книгами, обшарпанный письменный стол. На потолке лепнина. На столе глобус, на стене карта СССР. В углу комнаты, главная роскошь, всех поражающая – чучело белого медведя» (с. 66). Всё это – знаки прошлого, связанные с поисками Паоло мифической страны Гипербореи. В настоящем они позволяют открыть путь в эту страну. Таковую силу обретает карта СССР: придуманная Паоло схема могла указать путь в Гиперборею, «только слившись с картой недавно умершего государства» (с. 111). И квартира Паоло, и сам Дом являются знаками прошлого, которое не идеализируется, но противопоставляется настоящему как другое: это два разных государства, два разных образа мира. Лена, разглядывая карту СССР, говорит: «Ух ты, страница – руки не достают до краев! (льстиво) Твоя страна большая, моя – маленькая» (с. 86). Паоло принадлежит «своей» стране, он до сих пор живет в прошлом. Его страна прекратила существование, поэтому он должен открыть путь в страну героического прошлого – Гиперборею. Это становится его целью, поскольку тогда, в прошлом, он уже видел эту страну и сейчас хочет туда вернуться.

Мемориальные доски на стене Дома запечатлели прошлое: на них высечены имена известных полярников, в том числе и имя Паоло. Зиновий, стремящийся завладеть квартирой Паоло, царапает гвоздем доску, ругает его («Увековечился, хам. Холера-Паоло» (с. 77)). Зиновий – человек другой страны и иного мировосприятия, он цинично оценивает всё в квадратных метрах, заботясь о своей выгоде. Ему нет входа в Дом, он может находиться только во дворе, под окнами квартиры Паоло, но не способен попасть внутрь. Для автора же Дом полярников становится символом культуры прошлого, той жизни, которая больше не доступна, культурного слоя, который обесценился и не существует в настоящем. Поэтому вход в него закрыт тем, кто не имеет связи с прошлой жизнью, с духовными основами ее культуры.

³ Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

С Домом полярников в пьесе тесно связан памятник Гоголю, который не только наполнен семантической значимостью, но и в определенной степени принимает участие в действии. Его изображение обусловлено в том числе личным отношением Садур к Гоголю и, соответственно, особым отношением к его памятнику⁴. Памятник Гоголю, находясь на периферии действия (и пространства: он стоит во дворе дома, где живет Паоло), выступает безмолвным свидетелем, зрителем происходящего с героями. Уже в первой сцене памятник обретает черты живого человека: на его «уныло опущенное лицо» (с. 64) падает свет из окна дома, так что сочетание света и тени рождает впечатление движения.

Памятник «существует» не для всех героев: замечают его и обращаются к нему непосредственно только Марья Петровна и Лена. Два эпизода вступают в диалогическое взаимодействие: они оба обозначают символическое подношение памятнику. Первый из них связан с действиями Зиновия, «черного» риелтора, занимающегося незаконным оборотом недвижимости. Он вытаскивает из гаража мешки и ставит у памятника, приказав дворнику-таджику избавиться от них. В мешках – его жертвы, обманутые люди. Мешки шевелятся, бродят по двору, замерзают в зимнюю метель и отогреваются благодаря огню, разведенному таджиком. Эта комедийная линия с мешками, забытыми Зиновием, протягивается почти до финала и достигает кульминации в фантазмагорической сцене: «...мешки полопались и из них выпорхнули старухи в балетных пачках. Старухи бормочут: “Отдай квартиру, обманщик-риэлтер!” Старухи кружатся метельно-вьюжно» (с. 107). Этот момент отсылает к повести Гоголя «Ночь перед Рождеством», где ведьма Солоха прячет в мешки пятерых героев, пришедших к ней. Комичная ситуация – со скрытым в ней демонизмом – проявляет глубинный абсурд бытия: люди оказываются на месте вещей, при этом обесценивается их личностное, индивидуальное начало. У Садур за подобной ситуацией скрывается трагичность жизни, для которой нормой становится обесмысливание каких бы то ни было связей между людьми, пренебрежение слабых людей сильными.

Сцена подношения памятнику обретает символический смысл только в сравнении с другой сценой. В ней Марья Петровна приходит к памятнику с младенцем и «отдает» его Гоголю. Оставление ребенка у памятника приравнивается ей к оставлению букета. Но здесь прослеживается и измененный мотив жертвоприношения. Марья Петровна, с одной стороны, бросает девочку умирать, с другой – дает ей возможность иного варианта существования («Укрой ее своим пальто. Ну, ты там сам знаешь, как и что там у вас в этих ваших высших сферах» (с. 104)). Однако незримое участие памятника, воплощающего дух Гоголя, помогает Лене обнаружить ребенка и через это обрести смысл существования. Акт передачи младенца является, таким образом, космогоническим ритуалом, цель которого – обновление мира. Обращение времени вспять при космогоническом ритуале во-

⁴ В интервью Садур говорит: «Я живу в Москве, в Доме полярников, рядом с памятником Н. В. Гоголю, но не тем, парадным, к которому все привыкли, а сумрачным, больным – это работа скульптора Николая Андреева. “Моего” Гоголя спрятали во дворе, на него даже птички не садятся, как на другие монументы, такой он необыкновенный. Перед юбилейными торжествами мне показалось, что на него покушаются – памятник обвили веревками, обкопали, подняли с фундамента. Я забила тревогу, стала звонить в газеты, приятелям, пока не узнала, что это так о нем беспокоятся, постамент укрепляют. Гоголь для меня как живой». См.: Ченалов А. «Чудная» Садур // День. 1996. № 204. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/kultura/chudnayasadur> (дата обращения 08.10.2021).

площадется в пьесе буквально: Марья Петровна как бы продолжается в собственной дочери – символе возрождения.

Памятник соединяет в себе одновременно витальность и смертность, являясь не только застывшим знаком культуры прошлого, но и воплощением некой силы, стоящей над миром. При этом лишь некоторые герои могут не только увидеть памятник, но и установить его в некотором смысле метафизическую функцию для себя. Для автора же образ памятника, как и пространство Дома, является константой, дающей культурные, духовные основания создаваемому миру, с одной стороны, и точкой опоры для выстраивания этого мира, с другой. Гоголь выражал глубокий кризис современного ему мира, вскрывая бессмысленность и алогичность реальности, искажение духовных основ бытия. Присутствие образа Гоголя и гоголевского духа в пьесе подтверждает состояние упадка современного мира, свидетелем которого незримо становится Гоголь.

Каждый из героев выстраивает свой локальный московский мир, в который включается только то, что видит этот герой, что считает значимым для себя. Объединяющим для всех является ощущение бездомности: все персонажи так или иначе переживают отсутствие дома, а создаваемый в пьесе художественный мир в целом представляет собой бытие вне дома.

Так, дворник Шамшид теряет привычный мир и дом как его воплощение: его дом подразумевает не только материальные ценности, но и особый традиционный уклад жизни. Он вынужден существовать в чуждом ему пространстве, за границами национального мира, потому что этого требует новая жизнь. Он вернется на родину летом, но там не будет его дома, и поэтому он хранит в сознании мечту о стране благополучия (Хульбук – воплощение идеала в его сознании). Шамшид, пришедший в этот город за солнцем, «с мечтой об огне», не находит его. Он сам представляет стихию огня: его родина – солнечная страна, он зороастриец (огнепоклонник), и его поиски огня протягиваются через всю пьесу. Он ищет очаг – и это приводит его к Паоло, который дает ему возможность согреться. Мир Шамшида исчез, это идиллическое прошлое, как и бывший мир Паоло. На противопоставлении, выраженном в словах Шамшида, выстраивается в его сознании образ Москвы: она темная и холодная, не принимает чужих. Страна Шамшида устремлена к небу, Москва стремится вниз, под землю. Паоло же мучает духовная неприкаянность, ощущение конца своей жизни, который совпадает с концом истории страны. Его цель глобальна: он не ищет дом для себя, а осознает тотальную бездомность всех и поэтому стремится попасть в Гиперборею (его образ героического прошлого, идеальной страны). Его стремление обусловлено желанием не существовать в конкретном времени-пространстве Москвы, а обратиться к вечности, безвременью.

Наиболее ясно мотив бездомности и обретения дома прослеживается в истории Лены Зацепиной. Фактически она – сирота, ее отец-дальнобойщик разбился в одном из рейсов, мать упоминается, но не принимает участия в жизни Лены. Паоло она называет дедушкой, но ясно, что между ними нет родственной связи. Лена характеризуется через восприятие Марьи Петровны, Зиновия и Пети. Резко негативно подчеркивается ее сиротство, нужда и вечный голод, невысокие интеллектуальные способности («Марья Петровна. У Лены Зацепиной папа безработный дальнобойщик, а мама вообще неизвестно где. Лена у нас голодная ходит всю дорогу и сапоги у нее рваные. Она даже читает по складам, очень тупая девочка. И как человек неприятная: в голове туман, в глазах вечная мерзлота» (с. 73)). Недостаток жизни, «вечная мерзлота» в ее глазах переключается с моти-

вом замерзшего города. Лена выражает собой потерянность и бездомность – физическую и духовную, что воплощается в сопровождающем ее образ на протяжении всей пьесы мотиве непроверенного дневника (Лена просит проверить ее дневник, но ее никто не замечает. В конце первого действия она кричит в пустоту: «Никто не проверяет мой дневник!»). Именно Лена находит ребенка, которого оставила Марья Петровна, она единственная из героев оказывается готовой заботиться о нем. Обретение младенца лишает ее внутренней «неполноценности», наполняет жизненными силами. Она не обретает материальный дом и даже теряет то, что было его подобием («Петя. Твою квартиру мои родители забрали. Они риэлтеры. Они копят деньги мне на образование. Лена. Ну и пусть» (с. 108)). В этом смысле мир Лены выстраивается не на основе материальной реальности. Обретение духовной цельности и преодоление заброшенности дают Лене успокоение: кончается ее сиротство и начинается другая жизнь, в которой у нее есть внутренняя опора. Петя, сын успешных риэлторов, будучи внешне противопоставлен Лене, оказывается внутренне объединен с ней ощущением потерянности. Его стремление быть рядом с Леной – не столько осознанный выбор, сколько бессознательное стремление, обусловленное тем, что в ней он находит свет и тепло.

Марья Петровна, учитель химии, воплощает эмпирический тип мировосприятия. Она ценит в первую очередь материальный, осязаемый мир, поэтому для нее и ценна химия – «первооснова всех знаний человечества! Химия изучает соки металлов! Соки, это вещества, питающие всю материальную сторону мироздания» (с. 73). Мир Марьи Петровны исключительно телесный, и она стремится максимально ограничить его – пределами квартиры, комнаты, кровати. То, что ее мир отнимают (Зиновий и Римма завладели ее квартирой), воспринимается ею как катастрофа: «Здесь все мое! Вы хоть в ванную загляните – там белье в тазу замочено, мое это...» (с. 91); «...(мечется) Мое это. (Римме) И пахнет моим! Вы вот жарите внаглую, мое на моем, на масле моем – мои же ноги!» (с. 92). Марья Петровна, с одной стороны, предстает в виде полусумасшедшей, эксцентричной женщины, с другой – только она видит суть происходящего и потому стремится спрятаться от внешнего мира. Именно она говорит в лицо Зиновию и Римме, кто они и каково их прошлое, обычных, небогатых людей («Бестолковые, равнодушные люди. Только выгода, только нажива. От денег уже совсем с ума походили» (с. 89); «Да вы врете! Вы не крестьянка! Вы – еврейка! Вы в скорняжной мастерской, в подвале сидели, я ж помню...» (с. 90)). В этом смысле Марья Петровна и Лена функционируют как героини-двойники, однако сюжетная линия первой напоминает черную комедию. Особенно это выражается в ее отношениях с электриком: на него сбрасывают из окна то взрывающиеся химические препараты, то раскаленную сковороду; он постоянно оказывается там же, где и Марья Петровна, и это в итоге провоцирует шумные скандалы между ними.

Электрик, как и дворник-таджик, существует вне дома: Москва не является для него домом, и он надеется вернуться в родной город («Домой умотаю. В Туи-мазы. Родина меня помнит. По крайней мере, электрики пока еще везде нужны» (с. 97)). Он не представляет ценности для мира как человек – только как исполнитель профессиональной роли. Никто не знает даже его имени, и он обращается в пустоту: «Вадик. Имя мне Вадик. За последние двадцать лет ни один не спросил, как мое имя. Ни один не поинтересовался! В детстве – по фамилии, а после детства – сразу Электрик» (с. 99). В финале электрик и Марья Петровна объединяются и уезжают на его родину: электрик покидает Москву, которая

не стала его домом, Марья Петровна не в силах больше существовать в этом пространстве. Сюжетная линия пары электрика и Марьи Петровны параллельна сюжетной линии Пети и Лены, но в сниженном, травестийном варианте.

Представления о городе и образы города, возникающие в сознании каждого из героев, объединяются мотивом холода, которым охвачена Москва. Она распадается на части – буквально (так, например, Паоло говорит о воде, которая постепенно подтопляет город, приближает его к концу, а финалом действия и вовсе является разрушение города и мира) и символически (люди в этом городе ведут безопорное существование, вызываемое в том числе их тотальной бездомностью). Слабые герои при этом лишаются дома, квартиры, своей родины, становясь жертвами либо более сильных людей, либо исторической судьбы. Бездомность становится выражением состояния человека и действительности в целом. Город же сталкивает и смешивает разные национальности и культуры, сам оставаясь неизменным.

Так возникает как бы обрамляющий общее действие образ Города, который живет своей жизнью. Город в некоторой степени *одушевляется* только одним из героев – Паоло, и представляется одушевленным автору. В авторской ремарке говорится, что Город «видит сон о самом себе, все герои пьесы – это сон Города» (с. 64). С этой же темой связывается авторское жанровое определение – «ночная пьеса». Тема «сна Города», подчиняющего себе события и героев, вводит мотив онейрического пространства, которое охватывает весь город. В первом монологе Паоло раскрывается фантасмагорическая картина, представляется особый образ города: ночью он свободен от человеческого мира и поэтому предстает в своем настоящем виде. Город погружен в нескончаемую ночь. Паоло говорит со страхом и восхищением: «...о, страшный, о, древний! Полярный город моей жизни!» (с. 65). Город, охваченный мраком и холодом, буквально и символически, отторгает от себя то, что живо: Кремль и Дом полярников. Москва-река постепенно подтопляет их, и «оба этих строения дрейфуют на черных водах московской ночи, они больше не могут, они хотят уйти из города» (с. 65). Паоло при этом противопоставит остальным героям в том, что способен смотреть на сон города со стороны, отчасти он получает функцию повествователя, охватывающего взглядом со стороны все события. Он может выделять отдельные моменты сна, выстраивая рассказ (обращаясь к Шамшиду: «Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь про моих соседей? Что-нибудь веселое, увлекательное и дикое?» (с. 72)).

Охватывающий действие уровень «сна Города», недоступный героям, ставит под сомнение реальность и объективность мира для читателя и зрителя, мир героев же исчерпывается изображением тех пространственных объектов, где они существуют. Город у Садур видит сон о самом себе и о людях, его населяющих. При этом сами герои чувствуют неустроенность в пространстве, существуют на границе между реальным и нереальным, отчуждены как друг от друга, так и от пространства (прежде всего – от *своего* пространства дома в широком смысле). Город, в свою очередь, предстает живым существом, наблюдающим за людьми, чьи индивидуальные существования оказываются не важными, поскольку они преходящи, Город же – вечен.

Мир в целом, в его современном состоянии, по Садур, характеризуется крайней социальной разобщенностью, повсеместной игрой, театрализацией. Автор не создает целостного образа города, который принципиально невозможен в новых условиях, но именно Москва в современном мире остается традиционной системой координат, которая наполняется новым содержанием в соответствии

с законами времени. Современность деконструируется автором и начинает напоминать фантазмагорическую картину. Картины реального города, существующие в сознании героев пьесы, не наполняются глубоким содержанием и представляют собой локальные миры, создаваемые каждым из них. Культурно-историческая память в мире героев пьесы становится не более чем внешней оболочкой, однако автор глубоко переживает утрату важных, во многом сакральных смыслов, связанных с прошлым. На уровне авторского миромоделирования происходит символизация пространства, поэтому важными оказываются объекты, наполняемые культурно-исторической памятью или эту память вызывающие. Для Садур не является самоценной констатация утраты ценностей – она скорее показывает несоответствие реальности ее прошлой, лучшей модели. Целью автора является не утверждение *ущербности* мира, а своеобразное снятие его *слоев* в попытке найти какие-либо основания, к которым можно обратиться. Иначе говоря, если на уровне героев действует постмодернистский принцип повсеместной десакрализации, то для авторского сознания характерно модернистское моделирование мифа о мире как воспоминания об идеальном прошлом, несмотря на его нежизнеспособность в современности.

Список литературы

Громова М. И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М.: Флинта, 2017. 362 с.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. М.: Академия, 2003. Т. 2. 686 с.

Лихина Н. Е. Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм: Учеб. пособие. Калининград: КГУ, 1997. 56 с.

Люсый А. П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. М.: Вече, 2013. 320 с.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259–367.

Список источников

Садур Н. Летчик // Садур Н. Чудная баба. М.: АСТ, 2015. С. 63–114.

References

Gromova M. I. *Russkaya dramaturgiya kontsa 20 – nachala 21 veka* [Russian dramaturgy of the late 20th – early 21st century]. Moscow, Flinta, 2017, pp. 199–225.

Leyderman N. L., Lipovetskiy M. N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian literature: 1950s–1990s]. Moscow, Akademiya, 2003, vol. 2, 686 p.

Likhina N. E. *Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy literatury: Postmodernizm: Ucheb. posobie* [Actual problems of modern Russian literature: Postmodernism: Textbook]. Kaliningrad, KSU, 1997, 56 p.

Lyusyy A. P. *Moskovskiy tekst: Tekstologicheskaya kontseptsiya russkoy kul'tury* [Moscow text: Textual concept of the Russian culture]. Moscow, Veche, 2013, 161 p.

Toporov V. N. Peterburg i “Peterburgskiy tekst russkoy literatury” [Petersburg and the “Petersburg Text of Russian Literature”]. In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Selected works]. Moscow, 1995, pp. 259–367.

List of sources

Sadur N. Letchik [Pilot]. In: Sadur N. *Chudnaya baba* [The odd broad]. Moscow, AST, 2015, pp. 252–277.

Информация об авторе

Юлия Сергеевна Красноухова, аспирант

Information about the author

Yulia S. Krasnoukhova, Postgraduate Student

*Статья поступила в редакцию 07.03.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 29.06.2022
The article was submitted 07.03.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 29.06.2022*

Научная статья

УДК 821.551

DOI 10.17223/18137083/82/15

Мифологема реки в прозе писателей – представителей коренных народов Севера и Сибири

Наталья Алексеевна Непомнящих

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Аннотация

Река – одна из самых архаических мифологем. Однако в литературной традиции появляются новые интерпретации сложившихся в фольклоре образов реки. Задача этого исследования – рассмотреть «речные» сюжеты и мотивы, а также проанализировать их семантику в прозе писателей, представителей коренных народов Сибири. Мотивный анализ – тот метод, который позволяет выявить в корпусе текстов разных авторов повторяющиеся мотивы и сюжеты, семиотический анализ проявляет их смыслы, а также позволяет увидеть как генетическую связь с мифологией и фольклором, так и новые трактовки. Река у всех писателей, с одной стороны, становится поэтическим топосом родины. С другой – вслед за мифологической традицией авторы сохраняют в «речной» семантике значения границы и пути-переправы в иной мир с той разницей, что в литературе ответственность за путь «вниз по течению», за волю-движение к смерти несет сам человек, нарушивший нравственные законы. Несмотря на то что писатели представляют разные национальные культуры Сибири, семантика мифологемы реки в их литературном творчестве оказывается похожей как в силу ее богатого мифопоэтического потенциала, так и вследствие одинаково пессимистичных размышлений о судьбах их народов.

Ключевые слова

литература и фольклор, мифологема реки, путешествие по реке, семантика образа реки, хантыйская литература, мансийская литература, эвенкийская литература, Юван Шестапов, Еремей Айпин, Галина Кэптукэ

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Непомнящих Н. А. Мифологема реки в прозе писателей – представителей коренных народов Севера и Сибири // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 204–217. DOI 10.17223/18137083/82/15

© Непомнящих Н. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 204–217

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 204–217

Mythologeme of the river in the prose of writers – representatives of indigenous peoples of the North and Siberia

Natalya A. Nepomnyashchikh

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Abstract

“River” is regarded as one of the most archaic mythologemes. Although inspired by mythological sources, the literature is not limited to them. The river concepts characteristic of folklore and tradition receive new meanings and interpretations. Moreover, motifs and plots related to rivers grow in number because new ones are created by writers. This study aims to examine the river motifs and plots and to analyze their semantics in the works of writers who are the representatives of the indigenous peoples of Siberia. Motif analysis is used to identify recurrent motifs and plots in the works of various authors. Semiotic analysis reveals their meanings and discovers not only their genetic relation to mythology and folklore but also new writers’ interpretations. On the one hand, all writers refer to the river as a poetic topos of the homeland. On the other hand, following the mythological tradition, the authors continue to consider the river as a boundary or a way-crossing to the other world, taking into account that in literature, it is the human who is responsible for the way “downstream” or for the will-movement to death after violating the moral laws. Even though the writers come from different national cultures of Siberia, their literary works share a common semantics of the river mythologeme because of its rich mythopoetic potential and due to equally pessimistic reflections of the authors on the fate of their peoples.

Keywords

plot, motif, rivers in literature and folklore, travelling by river, semantics of river in literature, Khanty literature, Mansi literature, Evenki literature, Yuvan Shestalov, Ereimei Aipin, Galina Keptuke

Acknowledgments

This research was conducted as part of the project “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” implemented by the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15- 2019-1884

For citation

Nepomnyashchikh N. A. Mythologeme of the river in the prose of writers – representatives of indigenous peoples of the North and Siberia. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 204–217. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/15

Люди всегда старались жить рядом с водоемами, многие народы издревле кочевали вдоль рек, и первые цивилизации возникли в речных долинах, потому неудивительно, что река – одна из самых архаических мифологем. Она соединяет в себе и пространство, и время. Она – граница и вместилище. Образ реки многозначен, он есть в мифологии и фольклоре самых разных народов, не исключение и коренные народы Сибири.

По словам антропологов, «даже далеко не полный обзор мифологии народов Сибири дает все основания утверждать, что здесь мы имеем тот классический вариант образа космической реки, который характерен для мифопоэтической карти-

ны мира великих цивилизаций Индии, Египта и Ближнего Востока. Это позволяет рассматривать Сибирь как один из центров “речной цивилизации” Старого света» [Павлинская, 2007, с. 53]. В литературном творчестве многих писателей, представителей коренных сибирских народов, река – один из ведущих мотивов, а источником его семантики становятся мифология, фольклор, религиозные и обрядовые практики: невозможно обойти стороной тот мощный образный потенциал мифологии реки, который был накоплен веками. Названия рек часто выносятся в заглавие литературных произведений: повесть «Там, где бежит Сукпай» удэгейского автора Дж. Кимонко, роман «Амур широкий» ненецкого писателя Г. Ходжера, повесть «Имеющая свое имя, Желтула-река» эвенкийки Г. Кэптукэ, рассказ и книга, в которую он включен, «Река-в-январе» хантыйского писателя Е. Айпина и др. В творчестве Е. Айпина река – один из самых частых образов [Цимбалова, 2017]. Однако литература, хотя и постоянно питается от мифологического истока, всё же несводима только к нему: в литературном творчестве возникают новые интерпретации. Задача этого исследования – рассмотреть «речные» сюжеты и мотивы, а также проанализировать их семантику. Мотивный анализ – тот метод, который позволяет выявить в корпусе текстов разных авторов повторяющиеся мотивы и сюжеты, семиотический анализ проявляет их смыслы, а также позволяет увидеть не только генетическую связь с мифологией и фольклором, но и авторские трактовки.

Река – исток и источник жизни, тоπος родины

Река как исток жизни – один из самых древних мотивов. В литературе к традиционной для мифологии семантике реки как дарительницы влаги и жизни, источника плодородия добавляется метафора источника вдохновения. Мансийский писатель Юван Шесталов почти в каждой книге упоминает реку Сосьву. В итоговой книге-завещании «Огонь исцеления», названной «романом-сказанием», ее образ – начала начал – появляется на самых первых страницах и, закольцовывая композицию, возникает в финале. Если в начале книги рассказчик, вернувшийся на землю своих предков, идет к реке, «отягощенный грустными мыслями», и там ощущает, «будто снова попал в сказку детства» (Шесталов, 1989, с. 10), то в финале задается вопросом, почему он «с таким трепетом и благоговением» относится к «родной таежной реченьке»: не потому ли, что «речка-кормилица казалась духом», который, «как всякое живое существо, любит доброе Слово»? (Шесталов, 1989, с. 252).

В рассказе юкагирского писателя Семена Курилова «Первый ручей» речь идет о небольшой реке, названной Первым ручьем. Для рассказчика этот ручей – метафора: «достопримечательность сердца», источник его вдохновения:

Здесь слышу шорохи детства и счастливый смех юности. Здесь ко мне приходит то невыразимое словами состояние души, которое принято называть старомодным словом – вдохновение. <...> Первый ручей – это не только уголок любимой реки, но и моя творческая мастерская, здесь живут герои моих книг... Первый ручей – очевидец всей моей жизни (Курилов, 1979, с. 21–22).

Семантика истока жизни в речной символике становится особенно заметной «в мировоззренческой традиции кочевников-скотоводов, где образ реки сливается с образом источника, т. е. доминантной становится идея воды как источника жиз-

ни» [Павлинская, 2007, с. 38]. В алтайской литературе этот образ подробно изучен: «В творчестве алтайских писателей не найдется писателя, у которого отсутствовали бы произведения, посвященные реке, аржан-суу (“священный источник”) или другим водным пространствам, среди которых наиболее ярко представлен образ реки Катунь (“Кадын талай-суу” – “Катунь море-река”»». Современные алтайские поэты и сейчас связывают мотив водного источника, реки с мотивом родины [Текенова, 2020, с. 101; Чинина 2011; Дедина, 2009].

Обычно «...в традиционных культурах Сибири понятие малой родины всегда определялось территорией небольшой реки» [Павлинская, 2007, с. 32], поэтому общим местом у всех писателей становится описание красоты и богатства речных берегов в местах детства. В их воспоминаниях повторяются похожие описания ландшафтов, тема предков, называются родные топонимы. Причем меняются лишь некоторые детали, а суть рассказа однотипна. Не только биография автора начинается здесь, но и сама история его народа:

Суринда – моя родина... Несколько маленьких, потемневших от времени и непогоды избушек и серых обветренных чумов притулились на берегу говорливой, «никогда не закрывающей рта» речушки. Когда-то, давным-давно речка эта, наверное, богата была сигом, и сородичи мои, прикочевав к ней и наевшись досыта вкусной серебристой рыбы, недолго думая, нарекли ее – Суринда, сиговая значит. (...) Здесь просторно душе и глазу, легко и вольно дышать. Ветер доносит терпкий запах смолы и зелени леса, вдыхай сколько хочешь!.. А белые ночи? О, эти белые ночи! Разве забудешь их?! Солнце – огненный шар! Целый день оно в небе: над лесами, над озерами, над этой рекой. К осени след его остается на косматых бровях глухарей, на крыльях селезней, на бруснике, на листьях березы... А там, чуть в стороне от Суринды, на болотах – тоска журавля, на озерах – грусть лебедя, над полянами – смех жаворонка. О, до чего же здесь хорошо!.. Здесь, в Суринде, и вода-то в речке светлей да студеней, и хлебушко-то вкуснее и слаще... (Немтушкин, 1987, с. 6).

Река для многих коренных народов Сибири – кормилица, дающая пищу и воду. Изобилие – обязательный атрибут образа родины, где человек живет, растит детей, уходит в иной мир. Таков рассказ о «реке-кормилице нивхов» Нга-биле нивхского писателя В. Санги «Река кормит»: «А кеты шло, столько, что создавалось впечатление, что река пошла вспять!» (Санги, 1967, с. 219), он описывает, как вся жизнь его народа была организована вокруг реки. Повесть «Там, где бежит Сукпай» удэгейского писателя Дж. Кимонко начинается с подробного рассказа о поиске подходящего для жизни места возле реки, и определяющими стали изобилие и красота тех мест:

Однажды река перед ними сверкнула. По берегам ее росли травы. Здесь, развернув широкие листья на круглых душистых стеблях, тянулась вверх чугуня (*болотная трава). У тихих заводей расцветала лукта (*калужница), корни которой прибавляли силы уставшим, здесь всюду виднелись заросли аунты (*дудник) с сочными и сладкими дудками. Диковинные травы завели далеко... Рассказывают, будто что след выдры привел прадедов к самой реке. Река была светлая и прямая, как солнечный луч. Сукпай – это луч солнца. Они назвали ее Сукпаем. Ведь, придя на Сукпай, люди узнали, что бежит он в большую реку. Было много звериных следов по берегам этой реки. Было много пищи в реке. Звери, ходившие ночью лакомиться к про-

токама, били копытами рыбу... Сколько здесь было тополя для батов! (Кимонко, 1974, с. 10–11).

Воспоминания рассказчика, вернувшегося к истокам, к далекой заповедной местности, всегда окрашены эмоционально, в них много восклицаний, обращений к реке и родной земле, стилизации под фольклор: обилие эпитетов, инверсии, как в тексте Ю. Шесталова:

Земля моя! Твои олени щиплют сочный ягель, и темные соболи резвятся на ветвях, мудрецами мудрыми глядят на мир кедры, реки полноводные играют серебряными струями, рыбы юркие в струях звонких пляшут, а на небе синем белый-белый лебедь, как дитя, курлычет – не плачет, а поет. Летишь на крылатой лодке, любишься землей... (Шесталов, 1987, с. 43).

Здесь в описании золотого века своего народа писатель упоминает «полноводные реки» как один из неотъемлемых атрибутов родной земли. В повествование вплетается сказка, в которой природа еще не знает губительной силы человека:

Было в тайге много зверя. Больше деревьев было зверя. Больше ветвей было птицы. Смотришь: дерево стоит высокое. А пристальнее взглянешь – это стройный лось, красавец тайги стоит. Смотришь: коряга черная под деревом чернеет. Пристальнее взглянешь – сам царь тайги, медведь. А на каждой ветке кедра не пушистый мох, на каждой ветке – соболю. Там его пушистый мех золотится. И белки качаются на ветвях. Их – что кедровых шишек. А в таежной речке плавают бобры. Они строят хатки. И плотины даже строят. И в таежной речке появляется озеро. Его зеркальное лицо улыбается. А над озером бабочки летают. Их рыбы веселые хватают. Рыбы пляшут, резвятся. Кишит лесное озеро рыбами. Дышит лесное озеро. Живет. А на опушке леса, на зеленой поляне – глухарина свадьба. А небо звенит, как струна многострунной мансийской арфы – лебедя. Вечное лебединое «курлы-курлы» плывет и плывет, не умолкая. А поднимутся утиные стаи в небо – солнце собой затмевают (Шесталов, 1987, с. 36–37).

В этом идеальном изобильном месте проходит раннее детство, и оно ощущается как один из самых счастливых периодов жизни, когда ребенок живет в необыкновенной гармонии с миром и окружающими его близкими людьми. В создании такого идеального ландшафта основную роль играет образ водной стихии – описание берега реки и самой реки. В рассказе «Островок на стрежне» С. Курилова островок посреди стремнины становится таким средоточием мира в период детства – местом, где росли родовые лиственницы, место, которое они оберегали:

Я и мой брат всегда будем помнить небольшой островок на родной реке... для нас, мальчишек, это был целый мир, причем мир красивый и всегда тревожный – отрезанный водой от земли. Красивый островок был на самом деле: росли на нем две лиственницы, два замечательных дерева (Курилов, 1978, с. 289).

Сам островок идеально прекрасен, там растут голубика и морозка, и лучшие безмятежные минуты связаны с ним. Ребята любили сидеть на нем, глядя на воду. Но островок был уничтожен, взорван на глазах у всей семьи для расширения фарватера – такой оказалась цена прогресса. Мальчик тогда очень переживал: «Земля гудела и вздрагивала, и я всерьез думал, что ей очень больно, что она стонет: ведь ее на куски разрывали» (Курилов, 1978, с. 293).

Для рассказчика или рассказчицы родовое место всегда сакрально, его описание может включать обращение к реке как к одушевленному существу:

До чего я люблю тебя, светлая и чистая река Джелтула! Вот мы и снова встретились с тобой. В твоих глубоких ямах-дялту прячется крупный таймень, на светлых искрящихся перекатах резвится хариус-неру, в прибрежных озерцах-амут скрывается утка-чирок... Хороши берега Джелтулы, земля тверда, когда едешь, слышишь щелканье оленьих копыт. Нет скучных марей и болот, березовые рощи тянутся на много километров вверх и вниз по реке (Кэптукэ, 1991, с. 87).

С одной стороны, эти описания во многом похожи на образ идеального пейзажа в европейской и русской литературной традиции: «Элементами идеального пейзажа, как он сформировался в античной и средневековой европейской литературе, можно считать следующие: 1) мягкий ветерок, овевающий, нежащий, доносящий приятные запахи; 2) вечный источник, прохладный ручеек, утоляющий жажду; 3) цветы, широким ковром устилающие землю; 4) деревья, раскинувшиеся широким шатром, дающие тень; 5) птицы, поющие на ветвях» [Эпштейн, 1990, с. 131].

С другой стороны, важно отметить, что все «идеальные» пейзажи в этих повестях не абстрактны – это образ реальной родины героя-рассказчика, о чем говорят узнаваемые приметы родных мест. Даже в стилизованных обобщенных описаниях есть конкретные детали: местные топонимы, местные названия животных, растений, упоминание присущих именно этим местам ароматов, звуков и природных явлений. Так, у Дж. Кимонко упоминаются растения «чугуня» и «аунты», а у А. Немтушкина река характеризуется по названию рыбы – «сиговая», у Г. Кэптукэ перечислены «таймени», «хариусы-неру» и «утки-чирки». Во многих переводных текстах сохраняются специфические местные названия флоры и фауны на родном языке, и впоследствии у авторов, пишущих по-русски, этот прием работает точно так же. Рассказчик стремится не столько к документальности, сколько к аутентичности, конструируемой при помощи названий местных растений, рыб, птиц и животных из родного языка. Дело не в том, что в русском языке нет названий этим явлениям: «чугуня», например, в примечаниях к тексту повести Дж. Кимонко обозначена как известное не только в Сибири растение «калужница». А Г. Кэптукэ к русским словам добавляет через дефис названия на национальном языке: «ямы-дялту», «озерца-амут» и др. Писателям необходимо при помощи лексики родного языка обозначить и выделить свою ойкумену – их «остров детства» – в пространстве художественного текста, существующего на чужом языке, и принятыми в этой местности названиями автор маркирует такое особенное для себя место. По этим причинам идеализированный ландшафт повестей о детстве нельзя назвать полностью воображаемым.

Однако этот образ малой родины всегда создается по единой модели, и если выделить общие черты, то идеальный пейзаж в книгах писателей из самых разных уголков Сибири выглядит так:

- 1) это чаще весенний или летний солнечный (не зимний) пейзаж;
- 2) видна светлая и чистая река, которая обязательно блестит на солнце, серебрится, сияет и т. д.;
- 3) берега реки живописны: цветы, травы, тайга; запахи и звуки соответствуют типичным таежным и прибрежным, они приятны и вызывают приятные ощущения;

4) подчеркивается изобилие этого места: вокруг много зверей, рыбы, птиц, растений, пригодных в пищу и для бытовых нужд;

5) все животные и растения обязательно названы аутентичными именами, даже в том случае, когда есть эквиваленты в русском языке, т. е. в описаниях много подробностей, фиксирующих специфику конкретного места.

Итак, образ родины в литературном творчестве писателей, представителей коренных народов Сибири, – это образ идеального пейзажа, неотъемлемой частью которого становится река и узнаваемые приметы описываемого места.

Река – путь и граница между мирами

Не менее распространена в прозе сибирских авторов семантика реки – дороги – как в ее физическом измерении, так и в качестве метафоры жизненного пути. Во-первых, река мыслится в пространственных координатах реальной земной топографии, во-вторых, путешествие по реке или вдоль реки воспринимается как течение самой жизни, а хронотоп этого путешествия создается в художественном тексте в соответствии с традиционными космогоническими представлениями большинства народов Сибири: жизнь человека – это путь или скитания души в трех мирах: Верхнем, Среднем и Нижнем. Чаще всего оба значения накладываются друг на друга. Истоки такой семантики в мифологии. Представления о мирреке были свойственны селькупам, эвенкам, кетам, хантам и манси: «В космологических мифах хантов и манси река предстает как космический путь, соединяющий все три мира Вселенной и пролегающий через ее центр. <...> Река связывается с сакральным центром Вселенной и в мифологии эвенков» [Павлинская, 2007, с. 50–51]. В мифологии ненцев есть «образ моста, сотканного из дыма или тумана», который ведет шамана в Верхний мир [Там же, с.45]; «образ реки-года, как и Вселенной-года, которую она символически дублирует, присутствует во всех культурных традициях Сибири» [Там же, с. 53].

Кроме того, река часто бывает рубежом: во времени, при смене событий, пространственной границей между мирами. В этом значении мотив реки возникает в рассказе Г. Ходжера «Похороны шамана» (1978): нового партийного работника местные жители испытывают, попросив разрешить спор между бригадой стариков-рыболовов и родственниками умершего шамана. Проблемным становится вопрос о переправе шамана на родовое кладбище через реку в разгар рыболовецкого сезона. Это входит в противоречие со старой приметой, запрещающей перевозить шамана во время путины – по поверьям, в реке из-за этого может пропасть рыба. Прямая отсылка к сюжетам шаманских легенд есть в рассказе А. Немтушкина «Старуха Лолбикта». Старая шаманка впадает в осознанный летаргический сон, желая проведать мертвых, проводит в нем десять дней, а потом рассказывает, что видела на пути в Нижний мир: «Долго не могла переплыть родовую дорожку-реку, старушки не пускали, говорят, ты еще не наша» (Немтушкин, 2005, с. 257). Здесь переправа по реке символизирует переход в мир мертвых.

Эта семантика – перехода границы между мирами – присуща сюжетным ситуациям перехода реки вброд и переправы через реку, поскольку в реальном мире эти действия всегда сопряжены с опасностью. У эвенков считалось, что «при прохождении через речную преграду происходила своего рода проверка жизненных сил на прочность, здесь как бы испытывалась и решалась судьба человека – остаться в этом мире или покинуть его, уйдя в мир иной» [Ермолова, 2007, с. 103]. Такие сюжеты есть в повестях «Там, где бежит Сукпай» Дж. Кимонко, «Имеющая

свое имя Джелтула-река» Г. Кэптукэ. В последней ребенок чуть не утонул, когда семья перебиралась через реку вброд. Родители вспоминают другой давний случай на этой реке, когда маленький мальчик, тоже едва не погибший при переправе, перестает разговаривать. Ему помогает исцелиться от страха шаман, который снова отправляет ребенка в одиночку через реку.

Река может стать «дорогой в Нижний мир», в литературном творчестве ответственность за преждевременную смерть лежит на самом человеке: своими действиями он навлекает трагический конец. В рассказах эвенкийских писателей А. Немтушкина «Дорога в Нижний мир» и Г. Кэптукэ «Человек – земли соринка» персонажи в реке гибнут буквально. Главный герой Немтушкина, глядя на реку, в которой утонули его пьяные друзья, думает: «Отсюда река кажется заманчивой, красивой, ни за что не подумаешь, что в ней можно навсегда исчезнуть» (Немтушкин, 2005, с. 319). И если у Немтушкина герой сам поступательно шагает «вниз», спиваясь, то у Кэптукэ упрек в повсеместном пьянстве эвенков адресован не только конкретным людям, но и власти, изменившей их жизнь и нарушившей вековой экологический баланс, – река, затопленная водохранилищем, превратилась в «гнилую воду», и этой водой отравлено всё вокруг. Немтушкин публицистически размышляет об алкоголизме, погубившем огромное количество талантливых земляков, осторожно задаваясь вопросом об оправданности случившегося слома традиционного образа жизни. Той же проблемы касается и Г. Кэптукэ, в ее рассказе (повести в авторском наименовании) уничтоженная река становится аллегорией загубленной судьбы ее земляков, восклицающих в рассказе: «Всё одно нам, ороченам, конец» (Кэптукэ, 1988, с. 17).

Ее рассказ начинается с замечаний собеседников о том, что «полреки теперь нет, Зеи-то нашей, гнилой лужей она стала» (Кэптукэ, 1988, с. 11), и героиня винит в том золотоискателей, которые «всю реку замутили». От зараженной рыбы умерла жена одного из собеседников главной героини – Варвары. Уже самое начало повествования настраивает на пессимистический лад. Когда женщина приезжает на родину, она узнает, что все ее близкие умерли: отец, тетка, а дядя еще и утонул в водохранилище на 40-й день после смерти тетки. Все, с кем она встречается, обсуждают новое «море» – то самое водохранилище, из-за которого исчезла река, всем страшно по нему ездить:

Поближе к Бомнаку еще ничего, река тут у вас течет. А там у нас, плохо, страшно. Эти бревна, деревья, коряги – всё ведь плавают. Ехали, я всё боялась, что на бревно наскочем да перевернемся. Да вот перед нами два дня назад мужики перевернулись. Пьяные были. Утонули все (Кэптукэ, 1988, с. 16).

В воспоминаниях Варвары возникает образ подруги детства Тани, которая когда-то показала ей птиц на рассвете, говорящих «по-эвенкийски». Птичка-синичка настойчиво тогда повторяла: «Кто утонул?» В детстве эти слова казались неуместными. Однако Таня и впрямь утонула, скорее всего ее убили старатели как свидетельницу пьяного убийства. Героиня вспоминает, как ее подруга когда-то очень скучала в интернате по родным местам: «Самой красивой и чистой для нее была речка Ирокан» (Кэптукэ, 1988, с. 20). Количество смертей, случившихся на реке, о которых узнает героиня, всё возрастает.

Варвара решает ехать из поселка по водохранилищу в город устраиваться на работу, ее соглашается взять в лодку «бамовец», но спас-жилет у него только один, Варваре он выдает теплый тулуп. Варвара кидает в реку медяки перед по-

ездкой, задабривая духов воды: «Зея-река не принимай за чужую, помоги мне!» (Кэптукэ, 1988, с. 21). Но духи как будто злятся: мотор ломается, лодка застревает, героиня оглядывает водохранилище. Ее охватывают отчаянные мысли: «Вода будет прибывать и метр за метром захватывать землю. И будут тонуть и гибнуть те, кто еще живет на этих маленьких островках» (Кэптукэ, 1988, с. 22). Она вспоминает строки эвенкийского сказания о правремени, когда вокруг была одна вода. Вместе со спутником они обсуждают цветущую некогда по весне долину, затопленную теперь. В паучке на погибшей лиственнице, прибывшей к лодке, ей видится дух предка. Варваре хочется его спасти. К вечеру мотор удаётся починить, но, напорвшись на дерево под водой, лодка переворачивается, и Варвара и спутник вылетают из лодки. Здесь видится точка, не поставленная автором. Герои все-таки выжили: они выбирают на маленький островок, садятся спина к спине, чтобы согреться, и героиня видит на себе паучка, который каким-то образом сумел спастись в толстом тулупе, который был на ней. Финал остается открытым: спасут ли их, едва не утонувших, не замерзнут ли они ночью? Позже этот рассказ в существенно переработанном и сокращенном виде был опубликован под названием «Маленькая Америка» в одноименной книге, там финал однозначен, и в последних строках тонущая героиня лишь успеет подумать:

Я ж не забыла кинуть тебе хулгани-подарок, почему же, Зея-река, ты недовольна осталась?! Боже мой, я же тону не в реке, а в море, Зея-река тут ни при чем (Кэптукэ, 1991, с. 169).

Загубленная река словно мстит всем, кто соприкасается с ее водами. Имя героини, Варвара, – чужое и символичное: эвенки стали «чужими» в родных местах и превратились в варваров по отношению к своей земле.

Хантыйская мифология оказала непосредственное влияние на образность в творчестве Е. Айпина. В его прозе река – и сквозной мотив, и постоянно повторяющийся хронотоп. Сам человек у него «сотворен рекой». В итоговой книге «У гаснущего очага», написанной как завещание своему народу, Е. Айпин говорит: «И человечество на пути к покою поймет, что Сотворенной Реки Человек – это всеочищающая молния над рекой нашей жизни...» (Айпин, 1998, с. 78). В мифологии хантов река занимает особое место: «В подавляющем большинстве мифов и преданий хантов и манси в образе космической реки выступает реальная Обь, которая вбирает в себя все сакральные смыслы, присущие Мировой реке / Мировой оси, соединяющей три мира Вселенной и протекающей через ее священный центр» [Павлинская, 2007, с. 50–51]. В книгах Е. Айпина повторяется универсальный сюжет путешествия по реке, в процессе которого происходит преобразование героя.

Сюжет путешествия позволяет нанизывать на ось повествования различные ситуации: пересечение границ между мирами; испытание героя; встречи с представителями других культур; сюжеты охоты и др., но чаще всего у него река ведет героев к смерти. Главный герой романа Е. Айпина «Ханты, или Звезда утренней зари» путешествует по реке с девушкой-медиком, которую необходимо сопроводить до места назначения, и в процессе этого путешествия с ним происходят внутренние метаморфозы, герой словно отправляется по реке из одного мира в другой. В рассказе Е. Айпина «Последний рейс» весь конфликт строится вокруг путешествия по реке: два характера героев-антагонистов, представителей двух мировоззренческих и нравственных позиций, запертых в замкнутом пространстве катера, идущего по реке, раскрываются в этом путешествии. Пространство часто

измеряется героями его книг в масштабах рек: так, рассказчик «В полете над бездной» упоминает, что «район, если считать по остяцким меркам,— это три больших притока на Средней Оби. По европейским меркам – целое государство» (Айпин, 1998, с. 53).

Образ Реки (у автора с прописной буквы) в книге рассказов Е. Айпина «Река-в январе» объединяет в себе почти все возможные мифологические смыслы. Слово «река» заменяет собой названия реальных рек, это «слово»-универсалия для названия любой реки. Оно появляется в первых же строчках: «И мы пошли на реку. Точнее, на набережную Твоей реки. У реки, где с моря налетал резкий ветер, хлопья снега как бы взрывались и бешено неслись неведомо куда». На набережной виднеются большие корабли – «в то время я еще не понимал, что любой подобный корабль – это смерть» (Айпин, 2007, с. 11).

Этот холод будет противопоставлен дальше теплу и огню, которые излучает та самая девушка:

Ты согревала Вселенную. Всю. Ты согревала и дом моего отца на далеком Севере, и наш сосновый белогельный бор, и наши озера, и нашу реку, и нашу Богиню... Я вздрогнул от неожиданности. Нашу богиню!.. Может быть, Ты сама Богиня?! Возможно ли такое?! Я горел в Твоем огне... (Айпин, 2007, с. 14).

Два полюса заданы: это далекий северный холодный город на реке, символизирующей смерть (а ориентация на север в «речной мифологии» народов Сибири – это направление к миру мертвых), и это река на родине, она же теплая Богиня, дарующая жизнь (река, помимо прочего, в мифологии и символ плодородия, т. е. самой жизни). Девушка умерла, книга – это посвящение, воспоминание о ней, о той любви, которую рассказчик испытывал с нею рядом. Во втором рассказе также с первых строк упоминается речка – горная, прозрачная, чья чистота говорит о чистоте чувств героев:

За окном, в низинке под горой, протекала небольшая речка. На ее дне и берегах светились круглые камни-гольши, а через нее вытянулся неширокий мост, прикрытый белой известковой пылью. По нему и по петляющей на склоне дороге мы выбирались «в мир» (Айпин, 1998, с. 22).

«У многих сибирских народов в мифологических сюжетах, относящихся к “путешествию” в нижний, или загробный, мир, присутствует образ моста (в данном случае плотины), перекинутого через реку и соединяющего ее берега. Образ этот очень устойчивый в сакральной топографии космоса и связан с семантикой реки как границы между мирами» [Павлинская, 2007, с. 44]. Появившийся образ моста, прикрытого белой пылью, указывает на момент перехода: по мосту в мифологии попадают в Верхний мир, однако рассказчик с девушкой по нему попадают из идиллически описанного изолированного места в мир Средний – к людям. В финале девушка уезжает на Север – она неуклонно продолжает перемещаться в сторону мира мертвых.

Рассказ «В полете над бездной» – ключевой рассказ книги, ее кульминация. В нем часть того действия, в котором противостоят силы жизни и смерти, разворачивается на реке. Центральному эпизоду предшествует диалог участников, в котором заявлена тема гибели родовой реки героя:

– У нас на Конде (река) тоже было много глухарей, – вспомнил Иван Андреевич. – В войну только глухарями и спасались по осени. А после вой-

ны вот вырубили все леса – и кончился там глухарь! Жалко! – Ну, считай, сначала твою реку кончили, а сейчас вот и тут прикончим. Потом локти начнем кусать (Айпин, 1998, с. 45).

Охотники, добыв четырех глухарей, забираются в лодку, чтобы на ней перебраться к месту ночлега. Однако лодка упорно отказывается заводиться, а затем на реке последний из убитых глухарей внезапно поднимается, выпрыгивает из лодки и плывет по реке прочь. Глухаря поймали, разможив ему голову веслом. Тем временем спускаются сумерки, наступает ночь, охотники добираются до стоянки, готовят ужин. Вдруг тот самый глухарь внезапно вскакивает и убегает во тьму леса. За ним гонится собака: «И наконец из тьмы собака приволокла трепыхающегося глухаря. Последнего. Четвертого. Вершинника. С макушки величественной лиственницы. Предводителя глухарьиной стаи. Всё еще живого. Всё еще не поверившего в свою кончину. Всё еще цепляющегося за белый свет» (Айпин, 1998, с. 48).

Охотники считают это плохим предзнаменованием: «А сверхживучесть зверя или птицы и вовсе плохая примета. На него, на его семью надвигается несчастье. Так считалось у охотников-манси на его родной реке. Очевидно, и здесь, на этой земле, у остяков есть подобное поверье» (Айпин, 1998, с. 51).

Вскоре охотник узнает у старика, что убил глухаря-шамана, чего делать было нельзя: теперь его ждет несчастье. Весь оставшийся путь по реке и после он размышляет о своей жизни, пытается понять, за что могли на него разгневаться остяцкие боги: «Разве что остяцкие боги могут призвать к ответу за истерзанные земли и оскверненные святые места?» (Айпин, 1998, с. 61). Поскольку примета предрекает смерть в семье, герой решает, что должен закрыть собой «эту дыру в потусторонний мир, подставив себя, тогда, по всей вероятности, беда обойдет стороной всех членов семьи» (Айпин, 1998, с. 58). Вскоре он узнает о смертельной болезни влюбленной в него девушки и понимает, что виноват перед ней и потому решает уйти вместе с ней:

А впереди только одна ночь. Последняя. А потом разве что податься в самое глухоманное верховье, где не ступала нога человека. Вдвоем. На последние дни и ночи. Это смертельное замкнуть в себя. Вернее, в них, в двоих. Не выпустить в людей (Айпин, 1998, с. 68).

Но перед этим рассказывает ей историю гибели лошади, которая спасла его в детстве, в сильную метель отыскав дом. Уже позже эта лошадь утонула в реке, когда поплыла на другой берег со спутанными ногами. Рассказ об этом еще раз напоминает о том, куда ведет переправа через реку и что ждет в финале героя. Гибнут оба – и прекрасная девушка, и уже немолодой герой: писатель будто предрекает смерть своему народу, показывая, как «продается» юная красавица в большом городе, желая «красивой жизни», и как пренебрегает спасением родной земли главный герой, имеющий влиятельную должность.

В процессе путешествия по реке герой вспоминает свою жизнь, принятые им решения, свое бессилие противостоять нефтяникам, уничтожающим родную землю. Он испытывает горькое чувство вины перед местами детства, хотя и осознает, что многим конкретным людям он в жизни помог. Таким образом, Е. Айпин, как и эвенкийские писатели, постоянно обращается к мифологеме реки и связывает ее символику с судьбой не только отдельного человека, но и своего народа.

Выводы

Река в литературном творчестве писателей, представителей разных коренных народов Сибири, – это амбивалентный образ жизни-смерти. Река дарует пищу и воду, она обязательный атрибут «идеального» родного пейзажа. Кроме того, река как граница отделяет свое освоенное пространство от чужого, она хранительница коллективной памяти. Именно потому река у всех писателей, с одной стороны, становится поэтическим топосом родины. С другой стороны, вслед за мифологической традицией авторы, как правило, сохраняют в «речной» семантике значения границы и пути-переправы в иной мир с той разницей, что в литературе ответственность за путь «вниз по течению», за волю-движение к смерти несет сам человек, нарушивший нравственные законы. Несмотря на то что писатели представляют разные национальные культуры Сибири, семантика мифологемы реки в их литературном творчестве оказывается похожей как в силу ее богатого мифопоэтического потенциала, так и вследствие одинаково пессимистичных размышлений о судьбах их народов.

Список литературы

Дедина М. С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова. Горно-Алтайск, 2009. 135 с.

Ермолова Н. В. Река в трех мирах эвенкийской вселенной // Реки и народы Сибири: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. 281 с.

Павлинская Л. Р. Реки Сибири // Реки и народы Сибири: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. 281 с.

Текенова У. Н. Мифологема воды (реки, моря, океана) в алтайской литературе (на примере произведений Д. Каинчина и К. Телесова) // Вестник СВФУ. 2020. № 2 (76). С. 108–120.

Цимбалова Ю. А. Образ реки в рассказах Е. Д. Айпина и В. И. Белова // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 2. С. 59–70.

Чинина Э. П. Образ Катуня в художественном мире Кюгея Телесова // Диалог культур: поэтика локального текста. Горно-Алтайск, 2011. С. 217–225.

Эпштейн М. «Природа, мир, тайник Вселенной...». М., 1990. 306 с.

Список источников

Айтин Е. У гаснувшего очага. Екатеринбург, 1998. 256 с.

Айтин Е. Река-в-январе. СПб., 2007. 208 с.

Кимонко Дж. Там, где бежит Сукпай / Пер. с удэге Ю. Шестаковой. М., 1974. 221 с.

Курилов С. Островок на стрежне / Пер. с юкагир. Р. Палехова // Сияние Севера. М., 1978. С. 288–295.

Курилов С. Первый ручей // Чаундаур: Новеллы, рассказы, сказки. Якутск, 1979. С. 20–23.

Кэптукэ Г. (Варламова Г. И.) Человек – земли соринка // Полярная звезда. 1988. № 6. С. 10–23.

Кэптукэ Г. Маленькая Америка: Повесть, рассказы. М., 1991. 205 с.

Немтушкин А. Мне снятся небесные олени. М., 1987. 222 с.

- Немтушкин А. Избранное. Красноярск, 2005. 512 с.
 Санги В. Легенды БХ-мифа. М., 1967. 223 с.
 Ходжер Г. Похороны шамана // Сияние Севера. М., 1978. С. 80–95.
 Шесталов Ю. Когда качало меня солнце: повести. Санги В. Женильба Кевонгов: Романы. Свердловск, 1987. 560 с.
 Шесталов Ю. Огонь исцеления. Л., 1989. 256 с.

References

- Chinina E. P. *Obraz Katuni v khudozhestvennom mire Kyugeya Telesova* [The image of Katun in the artistic world of Kyugei Telesov]. In: *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of cultures: the poetics of the local text]. Gorno-Altaysk, 2011, pp. 217–225
- Dedina M. S. *Fol'klorno-mifologicheskie motivy v proze Chingiza Aytmatova* [Folklore and mythological motifs in the prose of Chingiz Aitmatov]. Gorno-Altaysk, 2009, 135 p.
- Epshteyn M. "Priroda, mir, taynik Vselennoy..." ["Nature, the world, the secret place of the universe..."]. Moscow, 1990, 306 p.
- Ermolova N. V. *Reka v trekh mirakh evenkiyskoy vselennoy* [A river in the three worlds of the Evenk universe]. In: *Reki i narody Sibiri: Sb. nauch. st.* [Rivers and peoples of Siberia: Coll. of sci. art.]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 281 p.
- Pavlinkaya L.R. *Reki Sibiri* [Rivers of Siberia]. In: *Reki i narody Sibiri: Sb. nauch. st.* [Rivers and peoples of Siberia: Coll. of sci. art.]. St. Petersburg, Nauka, 2007, 281 p.
- Tekenova U. N. *Mifologema vody (reki, morya, okeana) v altayskoy literature (na primere proizvedeniy D. Kainchina i K. Telesova)* [The mythologeme of water (river, sea, ocean) in Altai literature (on the example of the works of D. Kainchin and K. Telesov)]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2020, 2 (76), pp. 108–120.
- Tsimbalova Yu. A. *Obraz reki v rasskazakh E. D. Aypina i V. I. Belova* [The image of the river in the stories of E. D. Aypin and V. I. Belov]. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2017, vol. 3, no 2. pp. 59–70.

List of sources

- Aypin E. *Reka-v-yanvare* [River-in-January]. St. Petersburg, 2007, 208 p.
- Aypin E. *U gasnushchego ochaga* [At the fading hearth]. Ekaterinburg, 1998, 256 p
- Khodzher G. *Pokhorony shamana* [Shaman's funeral]. *Siyanie Severa*. Moscow, 1978, pp. 80–95.
- Kimonko Dzh. *Tam, gde bezhit Sukpay* [Where the Sukpai flows]. Yu. Shestakova (Transl. from Udege). Moscow, 1974, 221 p.
- Keptuke G. *Malen'kaya Amerika: Povest', rasskazy* [A novel and stories]. Moscow, 1991, 205 p.
- Keptuke G. (Varlamova G. I.) *Chelovek – zemli sorinka* [Man is a mote of the Earth]. *Polyarnaya zvezda*. 1988, no. 6, pp. 10–23.
- Kurilov S. *Ostrovok na strezhne* [A midstream islet]. R. Palekhov (Transl. from Yukaghir.). In: *Siyanie Severa* [The Shining of the North.]. Moscow, 1978, pp. 288–295.
- Kurilov S. *Pervyy ruchey* [First stream]. In: *Chaundaur: novelly, rasskazy, skazki* [Chaundaur: Novels, stories, tales]. Yakutsk, 1979, pp. 20–23.
- Nemtushkin A. *Izbrannoe* [Selected works]. Krasnoyarsk, 2005, 512 p.

Nemtushkin A. *Mne snyatsya nebesnye oleni* [I dream of heavenly deer]. Moscow, 1987, 222 p.

Sangi V. *Legendy Ykh-mifa* [Legends of Yh-myth]. Moscow, 1967, 223 p.

Shestalov Yu. *Kogda kachalo menya solntse: povesti. Sangi V. Zhenit'ba Kevongov: romany* [When the sun rocked me: a story. Sangi V. The Marriage of the Kevongs: Novels]. Sverdlovsk, 1987, 560 p.

Shestalov Yu. *Ogon' istseleniya* [The fire of healing]. Leningrad, 1989, 256 p.

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Непомнящих, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID K-6510-2017

Information about the author

Natalya A. Nepomnyashchikh, Candidate of Philology
WoS Researcher ID K-6510-2017

*Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted on 12.01.2023;
approved after reviewing on 20.01.2023; accepted for publication on 20.01.2023*

Научная статья

УДК 882(092) Маяковский
DOI 10.17223/18137083/82/16

«Новое позиционирование» Маяковского Юэ Фэнлинем в Китае

Лю Чао

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

liuchao000@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2570-9513>

Аннотация

Статья посвящена деятельности известного китайского переводчика и исследователя русской литературы Юэ Фэнлиня. В контексте развития китайского литературоведения рассматриваются его монографии, не известные еще русскоговорящему читателю, «Маяковский – литературный мастер XX века» (2004), «Исследование искусства поэзии Маяковского» (2017), в которых систематизации и обобщению подвергаются не только все творчество Маяковского, переведенное на китайский язык к настоящему времени, но и история китайской рецепции Маяковского от 1921 г. до современности. Заслуга Юэ Фэнлиня заключается в том, что он сосредоточил свое внимание на футуристической эстетике, что послужило для китайских исследователей поворотным моментом: от изучения идеологической составляющей творчества к изучению поэтики.

Ключевые слова

В. Маяковский, Юэ Фэнлинь, рецепция Маяковского в Китае, футуризм, влияние, критика

Благодарности

Статья выполнена при поддержке Китайского стипендиального совета и Стипендии правительства России и относится к части кандидатской диссертации «Рецепция творчества Маяковского в Китае»

Для цитирования

Лю Чао. «Новое позиционирование» Маяковского Юэ Фэнлинем в Китае // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 218–225. DOI 10.17223/18137083/82/16

© Лю Чао, 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 218–225
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 218–225

“New positioning” of Mayakovsky by Yue Fenglin in China

Liu Chao

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

liuchao000@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2570-9513>

Abstract

The paper is devoted to the work of the famous Chinese translator and researcher of Russian literature Yue Fenglin. His monographs, still unknown to the Russian-speaking reader, “Mayakovsky – the literary master of the 20th century” (2004) and “The study of the art of Mayakovsky’s poetry” (2017), are considered in the context of the development of Chinese literary studies. These works systematize and summarize not only the entire work of Mayakovsky translated into Chinese to date but also the history of the Chinese reception of the poet from 1921 to the present. Chinese literary scholars regard Yue Fenglin as an iconic figure in the study of Mayakovsky. He brought a new understanding of Mayakovsky to the perception of Chinese readers. He was the first to propose the concept of Mayakovsky as a “poet of a new futuristic type,” one who put futuristic aesthetics in a new direction to reflect the realities of the revolutionary time and socialist construction. The theme of Mayakovsky’s influence on Chinese poetry is presented ambiguously, with a critical pathos towards literal imitation. Chinese philologists state that the Kubofuturism of Mayakovsky corresponded to the national conditions of China and the political needs of Chinese society. Attention is drawn to the impact of Yue Fenglin’s work on the changing direction of Chinese studies of the poet. Yue Fenglin should be recognized for his focus on futurist aesthetics, marking a turning point for Chinese researchers: from studying the ideological component of creativity to examining his poetics.

Keywords

V. Mayakovsky, Yue Fenglin, Mayakovsky's reception in China, futurism, influence, criticism

Acknowledgments

This work was supported by the Chinese Scholarship Council and the Russian Government Scholarship and belongs to the part of the PhD thesis “Reception of Mayakovsky’s work in China”

For citation

Liu Chao. “New positioning” of Mayakovsky by Yue Fenglin in China. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 218–225. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/16

Известный китайский переводчик и исследователь русской литературы Юэ Фэнлинь (род. в 1929 г.) долгое время занимал должность директора отдела преподавания и исследования советской литературы в Пекинском университете, был директором учебно-исследовательского отдела русской и советской литературы, директором Пекинской ассоциации переводчиков, написал более 20 научных работ по русской и советской литературе и перевел стихи известных русских поэтов: Маяковского, Есенина, Брюсова и др. Основные научные труды, в подготовке которых он участвовал: «История русской литературы» (1986), «История русской и советской литературы» (1992), «История европейской литературы» (2002), «Сборник научных работ о Есенине» (1987), «Маяковский – литературный мастер XX века» (2004), «Избранные патриотические стихи разных стран мира» (1996) и др. Юэ Фэнлинь переводил ранние произведения Маяковского с 1950-х гг., участвовал в рецензировании и подготовке сборника статей «Исследования творчества

Маяковского» (1980), опубликовал «Сборник рецензий по творчеству В. Маяковского» (1987).

Юэ Фэнлинь назван знаковой фигурой в изучении Маяковского в китайском литературном мире. Монография Юэ Фэнлиня «Маяковский – литературный мастер XX века» вышла в 2004 г., осмысление ее значения продолжается по сей день. Чжан Юй и Ван Цзунху в статье «Принятие и влияние Маяковского в Китае» (2019) дали такую оценку труду Юэ Фэнлиня: «Эта работа является флюгером (определяет направление) исследований Маяковского в новую эпоху, это поворотный момент для китайских ученых от изучения его революционности к выявлению футуристических характеристик творчества, это системно-обобщающее изложение всего переведенного творчества Маяковского в Китае» [Чжан Юй, Ван Цзунху, 2019, с. 51].

По мнению Юэ Фэнлиня, «в настоящее время существуют две проблемы в понимании и комментировании Маяковского в литературно-художественных кругах и среди читателей Китая. Одна из них заключается в том, что они недостаточно знают о дореволюционных творениях Маяковского, особенно о создании эпических поэм в тот период, во-вторых, в китайских литературных кругах слишком преувеличивается значение Маяковского как превосходного поэта-революционера, способного отразить основные социальные проблемы, но китайские ученые пренебрегают тем, что он также является выдающимся лириком, поэтом, описывающим любовные темы» [Юэ Фэнлинь, 2004, с. 67].

Юэ Фэнлинь предпринимает попытку создать непредвзятый целостный образ поэта. В названиях глав и параграфов отражается динамика его жизни и творческого развития: «Молодой и независимый индивидуалист» (青春年少 特立独行)¹, «Дебют “нестандартности” в поэзии» (初登诗坛标新立异), «Через испытания – изменения в поэтическом стиле» (历经磨难诗风渐变), «Выражение революционных чувств в стиле того времени» (绘时代风采抒革命情怀).

Логично выстроенную повествовательную структуру монографии оценили многие китайские исследователи. Чжан Юй и Ван Цзунху отмечают, что в монографии Юэ Фэнлинь «использует историческое время в качестве подсказки, описывает творческое развитие Маяковского в форме биографии в связи с социальными и культурными реалиями эпохи» [Чжан Юй, Ван Цзунху, 2019, с. 50].

В монографии целая глава посвящена теме взаимоотношений Владимира Маяковского с Лилей Брик. Китайские исследователи обходили эту тему или касались вскользь. Это было связано не только с веяниями времени и социальными установками, но и с особенностями китайского менталитета и культурными традициями. Страстное выражение любви, подобное извержению вулкана, противоречило конфуцианским рациональным установкам, соотносящимся с категориями порядка, духовного равновесия и гармонии. Сдержанность веками культивировалась высокой китайской поэзией.

Монография, написанная Юэ Фэнлинем, расширила восприятие Маяковского новыми представлениями о творческом стиле, эстетическом вкусе, фактами о жизненном опыте поэта, его общественной деятельности, идеологической динамике. Читатель научного труда узнаёт, что творчество Маяковского не ограничивается только поэмами, драмами, политическими, лирическими и сатирическими стихами, Маяковский также писал сценарии к фильмам, рекламные стихи, рисовал плакаты для «Окон РОСТА». Поездка за границу Маяковского получает револю-

¹ Сочетание иероглифов 特立独行 буквально означает «неклеяемый теленок».

ционную мотивировку: «Движимый энтузиазмом революции, Маяковский побывал во многих городах мира, выступал со страстными речами в ее поддержку в Париже, Нью-Йорке и других местах, что имело большое значение для пропаганды революции в России и возбуждения сочувственного к ней отношения» [Юэ Фэнлинь, 2004, с. 147].

В свете деполитизации в сфере культуры, отказа от революционной традиции, переосмысления прежних ценностей представление о Маяковском как о пролетарском поэте, воспевающем революцию с пламенной страстью, в монографии не подвергается сомнению. При этом образ идеального идеологически отшлифованного Маяковского разрушается. Юэ Фэнлинь стремится объективно и всесторонне объяснить факты и прояснить истину о Маяковском. «В период раннего футуризма он был не только нетрадиционен в идейном содержании и художественной форме своих произведений, но и в поступках, и образе деятельности» [Там же, 2004, с. 15].

Автор монографии не умалчивает о поведенческих и творческих, по его мнению, «изъянах» поэта, таких как эпатажность, пренебрежительное отношение к нормам официальной морали: «поэт иногда даже отрицает прекрасные культурные традиции и без утайки указывает на свою собственную неровную любовную жизнь» [Там же, с. 250].

Тема «Маяковский и футуризм» сложна для китайского восприятия. В Китае до начала XX в. не было представления о разных направлениях в литературе вообще. Интерес к футуристической эстетике в Китае был заложен еще в 1914 г. опубликованным в «Восточном журнале» переводом Чжан Сичэня из японского журнала «Новая Япония» статьи «Футуризм в популярном мире». В этой статье дается краткое обсуждение «идеологической коннотации, художественного духа и статуса футуризма в различных странах», в том числе и в России. Эту информацию мы находим в статье Ли Синя и Сун Дефа «Футуристическая литература в Китае»: «Футуризм пришел в Китай тремя путями: через Японию, через Европу и через Россию» [2006, с. 286].

В китайской традиционалистской культуре разрушение традиций не могло восприниматься как благо. Вот парадоксы восприятия, связанные с духом времени. Революционный пафос ведь тоже связан с разрушением ценностных представлений, но, когда они соотносились с несправедливым, хищническим буржуазным строем, это было поводом для положительной оценки бунтарства советского поэта. «Кубофутуризм, представленный Маяковским, соответствовал национальным условиям Китая и политическим потребностям китайского общества» [Там же].

Если лозунги в «Облаке в штанах»: «Долой вашу любовь!», «Долой ваше искусство!», «Долой ваш строй!», «Долой вашу религию!» – в условиях классовой борьбы воспринимались как смелый вызов буржуазному строю, то в настоящее время они могут рассматриваться как пренебрежительное отношение к общепринятым нормам морали.

Нетрадиционализм в поэтике Маяковского сказался на языке его произведений. Это проблемная ситуация для переводчиков и комментаторов. Непросто «неискусшенному» китайскому слуху воспринимать «грубиянский» язык Маяковского и получать эстетическое наслаждение. Распространенные эпитеты, определяющие язык Маяковского в китайских исследованиях: «коварный», «циничный», «вульгарный», «странный».

Чжан Юнбай в статье «Мысли после прочтения монографии “Маяковский – литературный мастер XX века”» подчеркивает, что особая значимость этой работы

заключается в том, что Юэ Фэнлинь делает анализ ранних произведений Маяковского, поясняет непонятный футуристический язык; его «комментарии вульгарной и странной образности кратки, но конкретны и ясны» [Чжан Юнбай, 2006, с. 123].

«Юэ Фэнлинь выделяет “Период неофутуризма” (新型未来主义时期) в творчестве Маяковского. Кроме того, Юэ Фэнлинь впервые предложил термин “поэт нового футуристического типа” (新型未来主义诗人), который привлек внимание академических кругов» [Юэ Фэнлинь, Чэнь Шоучэн, 1985, с. 9].

Ян Цюнь в магистерской диссертации «Теория творчества Маяковского» (2010) ссылается на монографию Юэ Фэнлиня, разъясняет смысл термина «поэт нового футуристического типа»: «Маяковский объединил реалистические приемы с футуристической эстетикой. Маяковский был смелым и новаторским поэтом, он преодолел мелкобуржуазный футуристический дух своего времени. Он смело отказался от некоторых негативных мировоззренческих установок, таких как одиночество, пессимизм, нигилизм, от символистической эстетики неясности языка и т. д. Маяковский создал социалистическую реалистическую поэзию, которая служит образцом для развития художественной культуры международного пролетариата» [Ян Цюнь, 2010, с. 62].

«Поэт нового футуристического типа» – это поэт, который направляет футуристическую эстетику в новое русло, на отражение реалий революционного времени и социалистического строительства.

Юэ Фэнлинь большое внимание уделяет рассмотрению шедевров В. Маяковского: поэмам «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Про это», «Облако в штанах», «Люблю».

Нужно отметить, что в то время, когда в России начинается перестройка, рушатся прежние ценности и ниспровергаются прежние кумиры, китайский мир сплачивается для защиты революционных преобразований и традиций. 20 августа 1993 г. Комитет по литературному и художественному переводу Китайской ассоциации переводчиков, издательство «Народная литература» и кафедра русского языка и литературы Пекинского университета совместно организовали симпозиум в ознаменование 100-летия со дня рождения Маяковского. Юэ Фэнлинь выступил с программной речью, подчеркнул важность Маяковского и его произведений. Он отметил, что «Маяковский воплощает дух патриотизма и веры в коммунистические идеалы, но в его творчестве не только восторженный пафос похвалы, но также и привкус горькой иронии, индивидуализм диалектически сосуществует с коллективизмом, героизм отдельной личности – с движением широких масс трудящихся» [Юэ Фэнлинь, 2004, с. 188].

Подчеркнем важную для автора мысль из этой речи: «Маяковского необходимо рассматривать в связи с историческим временем и не отделять от революции» [Там же, с. 67]. Этим высказыванием Юэ Фэнлинь противостоял утверждающейся в литературных кругах тенденции воспринимать Маяковского просто как поэта-лирика, отражающего свои эмоции в стихах.

Чжан Юй и Ван Цзунху утверждают: «В китайском литературном мире за последние два десятилетия доля исследований художественной ценности произведений Маяковского постепенно увеличивалась» [2019, с. 48].

Тему рецепции Маяковского в Китае автор монографии рассматривает начиная с 1921 г., когда специальный корреспондент китайской газеты Цюй Цюбай посетил Маяковского в Москве и Маяковский был представлен китайским читателям. «В трудные годы войны знакомство с Маяковским никогда не прерывалось, после

основания Нового Китая работа по переводу произведений Маяковского вступила в новый исторический этап, и его произведения получили широкое распространение, что способствовало систематическому и всестороннему введению их в культурный обиход» [Юэ Фэнлинь, 2004, с. 263].

Юэ Фэнлинь уделяет внимание эволюции переводческого интереса к творчеству Маяковского в Китае. С тех пор, как Маяковский был представлен Китаю, до создания Нового Китая (1949) перевод Маяковского в китайском литературном мире был относительно спорадическим и разрозненным. После создания Нового Китая перевод произведений Маяковского постепенно приобрел больший масштаб, в пятидесятые годы, в период расцвета китайско-советской дружбы, переводчики были сосредоточены на революционных стихах. С созывом Третьего пленарного заседания Одиннадцатого Центрального комитета Коммунистической партии Китая (1978) китайское академическое сообщество, руководствуясь новой политикой, придерживалось политической философии освобождения разума и поиска истины в фактах, китайские ученые переключили свой интерес на проблему «Маяковский и Китай». После 1980-х гг. постижение творчества Маяковского стало более глубоким и разносторонним, китайские эксперты и ученые сосредоточились на новых аспектах при переводе, начали обращать внимание на произведения, отражающие любовную трагедию Маяковского, пытались познакомить китайских читателей с футуристической эстетикой.

Глава «Маяковский и Китай» построена на акцентировании следующих аспектов: «отношение Маяковского к китайской революции в стихах, посвященных Китаю; общая ситуация с переводом и представлением произведений поэта в Китае вскоре после “движения Четвертого мая”, оценка произведений поэта многими известными китайскими писателями и филологами, влияние Маяковского на некоторых китайских поэтов, информация о крупных мероприятиях в Китае, посвященных памяти поэта» [Чжан Юнбай, 2006, с. 124]. Автор монографии обращает внимание на следующие юбилейные мероприятия, связанные с Маяковским, в Китае: в 1950 г. – к 20-летию со дня смерти Маяковского; в 1953 г. – к 60-летию со дня рождения Маяковского; в 1980 г. – к 50-летию со дня смерти Маяковского; в 1993 г. – к 100-летию со дня рождения Маяковского.

Обобщая тему влияния Маяковского на китайскую поэзию, Юэ Фэнлинь обращается к авторитету Ван Фейбая, освещающего эту проблему: «Богатое воображение Маяковского, почти гротескное преувеличение и “лестничная” поэтическая форма – всё это глубоко вдохновляло Хэ Цзинчжи, Маяковский “самым сильным голосом” воспевал Октябрь и Революцию, Хэ Цзинчжи приветствовал “великую социалистическую революцию” в Китае “громким пением»» [Юэ Фэнлинь, 2004, с. 273]. Отметим, что тема влияния подается не однозначно, с критическим пафосом к буквальному подражанию. «Хотя творчество Маяковского, – утверждает Ван Фейбай, – оказало глубокое влияние на китайских авторов, но любой метод выражения, применяемый на чужой почве, может иметь свои отрицательные последствия» [Там же, с. 75]. В «лестничных стихах», представляющих поэтический стиль Маяковского, «длинные предложения разделяются на строки, тем самым подчеркивается ритм, и эмоциональное переживание выражается сильнее, многие эпигоны соревнуются в подражании, в результате чего исходная характерная поэтическая модель теряет индивидуальность после утраты истинных чувств и превращается в тупой концептуальный визуальный символизм» [Там же, с. 79].

Юэ Фэнлинь подчеркивает значение обучения китайских студентов в Советском Союзе, благодаря которому появлялись «выдающиеся таланты, пополняющие ряды переводчиков и популяризаторов русской и советской литературы» [Юэ Фэнлинь, 2004, с. 264].

В 2017 г. была опубликована еще одна монография Юэ Фэнлиня «Исследование искусства поэзии Маяковского». Помимо хорошо известных произведений Маяковского зрелого периода, в монографии уделяется внимание художественным особенностям ранней футуристической поэзии Маяковского. Есть главы «Ранняя показательная поэма Маяковского “Облако в штанах”», «Стихи Маяковского о любви». Освещается и сатирическая проблематика творчества.

Расширяется культурный контекст изучения поэзии, о чем свидетельствует глава «Маяковский и русские футуристы». Целая глава посвящена комментариям Ленина к поэтическому творчеству Маяковского, в том числе и к поэме «150 000 000». В монографии сделан обзор отрицательных и положительных оценок творчества поэта в русской критике, обращается внимание на изменение общественного мнения в отношении творчества Маяковского. Автор продолжает развивать тему «Распространение Маяковского в Китае», с этой темой связана и глава «Историческое позиционирование Маяковского».

«Поэзия Маяковского унаследовала и развила прекрасные традиции русской поэзии», – считает Юэ Фэнлинь. Маяковский совершил «смелые изыскания и плодотворные новации как в идейном содержании, так и в художественной форме, он достоин своего наименования “футуристический революционер”, его поэтическое искусство уникально и ярко, оно внесло значительный вклад в развитие советской и мировой поэзии» [Юэ Фэнлинь, 2017, с. 66].

Значение научных трудов Юэ Фэнлиня было оценено в филологических кругах Китая. «Новое позиционирование Маяковского Юэ Фэнлинем создало прецедент для изучения произведений Маяковского», – отмечают Чжан Юй и Ван Цзунху [2019, с. 51].

Интерес к творчеству Маяковского в Китае на рубеже XX–XXI вв. не угас, несмотря на глобальные изменения в политической, идеологической, социальной и культурной сферах.

Список литературы

Ли Синь, Сун Дефа. Вэйлайчжуи вэньсюе цайчжунго [李鑫，宋德发。未来主义文学在中国 // 世界文学评论 (北京)]. Футуристическая литература в Китае // Шицзе вэньсюе пинлунь (Пекин). 2006. № 6. С. 286–289. (на кит. яз.)

Чжан Юй, Ван Цзунху. Маякэфусыци изайчжунго дэ цзешоу хэ инсян [张宇，王宗琥。马雅可夫斯基在中国的接受和影响 // 中国俄语教学 (北京)]. Принятие и влияние Маяковского в Китае // Чжунго эюй цзяосюе (Пекин). 2019. № 4. С. 45–54. (на кит. яз.)

Чжан Юнбай. Маякэфусыци – XX шицзи вэньсюе тайдоу духоу суйсян [张咏白。《马雅可夫斯基-20世纪文学泰斗》读后随想 // 俄罗斯文艺 (北京)]. Мысли после прочтения монографии «Маяковский – литературный мастер XX века» // Русская литература и искусство (Пекин). 2006. № 3. С. 123–125. (на кит. яз.)

Юэ Фэнлинь, Чэнь Шоучэн. Сулянь Маякэфусыци пинлунь дэлишиюй сяньчжуан [岳凤麟，陈守成。苏联马雅可夫斯基评论的历史与现状 // 外国文学

(北京). История и современное состояние советского комментария к творчеству Маяковского // Элосы взнь и (Пекин). 1985. № 1. С. 1–9. (на кит. яз.)

Юэ Фэнлинь. Маякэфусыцзи – ХХ шицзи взньсюе тайдоу [岳凤麟。马雅可夫斯基-20 世纪文学泰斗。成都市，四川人民出版社]. Маяковский – литературный мастер ХХ века. Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2004. 281 с. (на кит. яз.)

Юэ Фэнлинь. Маякэфусыцзи шигэ ишияньцзю [岳凤麟。马雅可夫斯基诗歌意识研究。北京市，北京大学出版社]. Исследование искусства поэзии Маяковского. Бэйцзин дасюе чубаньшэ, 2017. 188 с. (на кит. яз.)

Ян Цюнь. Маякэфусыцзи чуаньчжо лунь [杨群。马雅可夫斯基创作论 // 湖南师范大学硕士论文 (长沙)]. Теория творчества Маяковского: Дис. ... магистр филол. наук. Чанша, 2010. 62 с. (на кит. яз.)

References

Li Xin., Song Defa. 未来主义文学在中国 [Futurist literature in China]. *Shijie wenxue pinglun* (Beijing), no. 6, 2006, pp. 286–289. (in Chin.)

Yang Qun. 马雅可夫斯基创作论 [Mayakovsky's theory of creativity]. Changsha, Hunan Normal University Master's Thesis, 2010, 62p. (in Chin.)

Yue Fenglin., Chen Shoucheng. 苏联马雅可夫斯基评论的历史与现状 [History and current state of Mayakovsky's Soviet commentary]. *Foreign literature* (Beijing). 1985, no. 1, pp. 1–9. (in Chin.)

Yue Fenglin. 马雅可夫斯基-20 世纪文学泰斗 [Mayakovsky – a literary master of the 20th century]. Chengdu, Sichuan People's Publishing House, 2004, 281 p. (in Chin.)

Yue Fenglin. 马雅可夫斯基诗歌意识研究 [A study of Mayakovsky's poetry and art]. Beijing, Peking University Press, 2017, 188 p. (in Chin.)

Zhang Yu., Wang Zonghu. 马雅可夫斯基在中国的接受和影响 [Acceptance and influence of Mayakovsky in China]. *Teaching Russian in China* (Beijing) 2019, no. 4, pp. 45–54. (in Chin.)

Zhang Yongbai. 《马雅可夫斯基-20 世纪文学泰斗》读后随想 [Thoughts after reading “Mayakovsky – a literary master of the 20th century”]. *Russian literature and art* (Beijing). 2006, no. 3, pp. 123–125. (in Chin.)

Информация об авторе

Лю Чао, аспирант

Information about the author

Liu Chao, Postgraduate Student

*Статья поступила в редакцию 19.04.2022;
одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 11.08.2022
The article was submitted on 19.04.2022;
approved after reviewing on 11.08.2022; accepted for publication on 11.08.2022*

Научная статья

УДК 811.51'342

DOI 10.17223/18137083/82/17

**Уклад языка в ротовой полости
как дополнительная артикуляция гласных**

Николай Сергеевич Уртегешев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

urtegeshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8616-4652>

Аннотация

Анализируются некоторые положения общей фонетики, регламентирующие принципы классификационной отнесенности гласных звуков в языках мира. На материале типологически и генетически различных языков народов Сибири подвергается сомнению правомерность использования понятий «ряд» и «подъем» в качестве основных параметров при определении артикуляторных типов гласных: отклонения как артикуляторных, так и акустических показателей от общепринятых стандартов квалифицирования вокальных компонентов речи весьма частотны. Анализ большого массива аудитивных и экспериментальных данных показал, что противопоставление гласных базируется на контрасте по типу дополнительной артикуляции: мягкость / нейтральность / твердость. Уклад языка в ротовой полости детерминирует эффект смягчения (палатализации), отвердевания (веляризации) или нейтрализации настройки. Допускается возможность систем, структурируемых оппозицией однотипных вокальных настроек по показателям положения спинки языка относительно нёбного свода.

Ключевые слова

экспериментальная фонетика, гласные, ряд, подъем, дополнительная артикуляция, палатализация, веляризация, нейтрализация, микширизованный

Для цитирования

Уртегешев Н. С. Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 226–242. DOI 10.17223/18137083/82/17

© Уртегешев Н. С., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 226–242

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 226–242

The position of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels

Nikolay S. Urtegeshev

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

urtegeshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8616-4652>

Abstract

The paper analyzes some principles of general phonetics regulating the classification of vowel sounds in world languages. Consideration is given to typologically and genetically different languages of the peoples of Siberia. Questioned is the validity of using the concepts of row and rise as the main parameters in determining articulatory types of vowels, with deviations of both articulatory and acoustic indicators from the generally accepted standards of qualifying vocal components of speech being not infrequent. The analysis of a large array of auditory and experimental data has revealed the vowel opposition to be based on contrast by the type of additional articulation: softness / leveling / hardness. The tongue placement in the oral cavity determines the effect of softening (palatalization), hardening (velarization), or leveling of the setting. An apparent symmetry of vocal types by palatalization and velarization is found: the same number of laryngeal-rounded and laryngeal-non-rounded sounds and a clear correspondence of the distances from the palatine arch. A specificity is that only the sounds [e, a, o] can have additional articulation below the 4th stage, while the sixth is [a, o]. It is probably due to the physiology of the human speech apparatus and the specific sound type that is formed not only by the vocal cords but also by the external muscles attached to the larynx (that is why the vowels are called laryngeal-ligamentous), being slightly rotated during specific articulations of the vowel. Of no less importance is the hyoid bone, connected with the larynx and tongue and responsible for the movement accuracy of the latter.

Keywords

experimental phonetics, vowels, row, rise, additional articulation, palatalization, velarization, leveled, mixed

For citation

Urtegeshev N. S. The position of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 226–242. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/17

Введение

Данная статья – результат пятилетних исследований артикуляционных и акустических параметров вокальных настроек, характеризующих положение спинки языка относительно нёбного свода (ряд, подъем), а также специфику дополнительных артикуляций, связанных с работой корня, в языках разных семей.

При определении ряда и подъема гласных с помощью компьютерных программ, выявляющих формантные показатели вокальных настроек, возникает проблема корреляции акустических данных с артикуляционными параметрами, соотношения формант с конкретным звуковым типом. Так, например, при троекратном изолированном произнесении пятью информантами¹ слова *кил-* ‘иди

¹ Информанты (из этических соображений дана краткая информация): все женщины, носители сагайского диалекта хакасского языка, возраст чуть более 40 лет. У диктора Д1 –

сюда' у гласного [i] были определены следующие форманты (табл. 1). Если по первой форманте (F₁) диапазон показателей относительно компактный, то по второй, характеризующей ряд, разброс данных значительный². При традиционном подходе к определению качества гласного по формантам можно выделить в проанализированном материале [i] переднерядный, среднерядный и заднерядный; в нашем случае эти различия напрямую связаны с характером диктора.

Таблица 1

Формантные показатели звука [i]
в слове *кил*- 'иди сюда' по пяти дикторам

Table 1

Formant indicators of sound [i]
in the word *кил*- 'come here' by five speakers

Диктор	Повтор	Формантный показатель звука, Гц			
		F ₁	F ₂	F ₃	F ₄
Д1	1	431	1586	2694	3460
	2 (рис. 1)	390	990	2606	3030
	3	375	1102	2557	3201
Д2	1	555	2543	2875	3428
	2	508	2205	2762	3314
	3	447	2496	2896	3217
Д3	1	475	1824	2890	3129
	2	475	2125	3006	3162
	3	442	2273	2935	3249
Д4	1	411	1747	2441	3265
	2	413	1625	2474	3272
	3	411	1680	2614	3208
Д5	1	452	1557	2671	3317
	2	426	1282	2699	3314
	3	431	1503	2402	3197

Примечание: цветовое выделение F₂ соответствует дополнительной артикуляции в табл. 2.

С подобными проблемами сталкивались исследователи уже на ранней стадии применения методики спектрального анализа вокальных настроек, решая сло-

командный, поставленный голос, у Д2, Д3 – инфантильный, у Д4, Д5 – спокойный, размерный.

² Подобная формантная картина характерна для всех исследованных языков. Л. В. Бондарко считала, что для каждого звука обязательна зона значений формант [Бондарко, 1981, с. 66], причем за основу надо брать самую частотную форманту [Бондарко, 1977, с. 64]. Но при таком подходе упрощаются, нивелируются данные, теряется специфическая картина языка. В этом случае не учитывается пересечение зон распределения формант разных звуков. Подобный подход облегчает принятие решений на фонологическом уровне, но унифицирует, лишает разнообразия звуковую ткань при проведении фонетического анализа.

жившуюся ситуацию следующими способами: «...во-первых, тенденция расширения круга формант, учитываемых при анализе, распознании и синтезе гласных; во-вторых, тенденция перехода от критериев распознания по абсолютной шкале частот к выявлению частотных соотношений внутри формантной структуры, и, в-третьих, – правда, довольно слабая – тенденция к учету амплитудных характеристик формантной структуры» [Григорьев, 1962, с. 14]. Ни одна из перечисленных методик не дала качественного подхода для определения гласных по акустике.

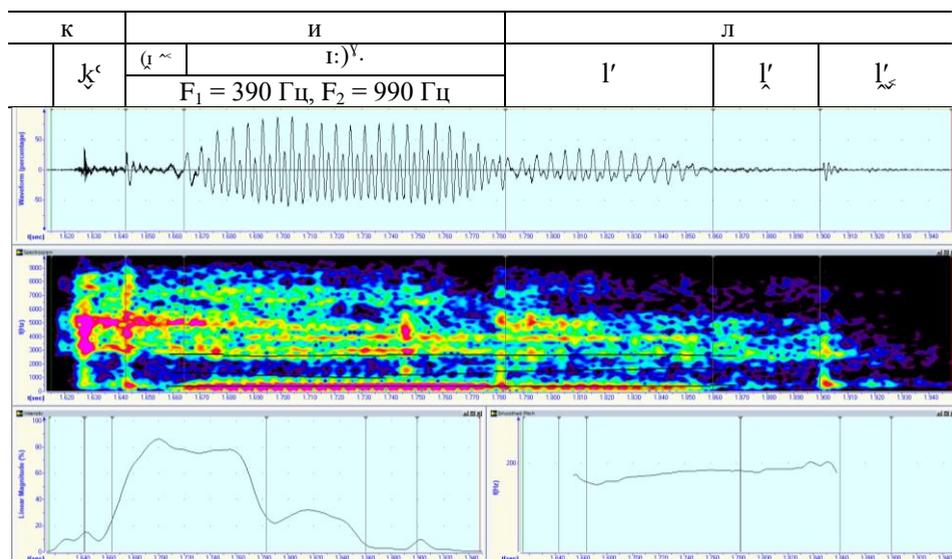

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма, интенсивность и ЧОТ одноядерного гласного типа «и» $[(\text{ɪ} \sim \text{e})^{\text{в}}]$ в слове *кил*- $[\text{ɤ}^{\text{с}}(\text{ɪ} \sim \text{e})^{\text{в}}.(\text{ɪ}' \text{ɪ}'_{\sim})]$ ‘иди сюда’, Д1

Fig. 1. Oscillogram, spectrogram, intensity and pitch frequency of mononuclear vowel type “i” $[(\text{ɪ} \sim \text{e})^{\text{в}}]$ in *кил*- $[\text{ɤ}^{\text{с}}(\text{ɪ} \sim \text{e})^{\text{в}}.(\text{ɪ}' \text{ɪ}'_{\sim})]$: ‘come here’, sp. 1

Для адекватного квалифицирования экспериментальных данных необходимо, на наш взгляд, соотнесение выявленных спектральных характеристик с визуальным представлением артикуляторной настройки, сгенерировавшей соответствующий акустический сигнал, при обязательном контроле и корректировке выводов методом аудиовизуального наблюдения экспериментатора, а также дикторов, участвующих в эксперименте. Только придерживаясь указанного триединства, комплексности методических подходов, можно обеспечить соблюдение научного принципа, точность и достоверность при интерпретации инструментальных данных.

Лишь скоррелированная артикуляционно-акустическая модель звука не только даст четкие представления о его качественных характеристиках, но и позволит воспроизвести артикуляцию незнакомого языка, что имеет высокую теоретическую общезвучную значимость и представляет безусловную прагматическую ценность, в частности для образовательной практики.

Проблематика построения корреляционной модели звука, соотносящей его артикуляционные и акустические параметры, хотя и разрабатывается активно специалистами в области фонетики, акустики и медицины, по-прежнему остается остро дискуссионной и относится к одной из наиболее сложных и неразработанных.

Наша попытка создания модели акустико-артикуляционных соответствий на примере звукотипа «т» в шорском языке позволила выявить лишь индивидуальные характеристики произносительных настроек испытуемого [Уртегешев, 2019].

Нам же необходимо универсальное, подходящее для всех языков описание, выполняемое по единым стандартам и учитывающее общие характеристики. Лишь в этом случае описания, выполненные для одной идиомы, могут быть сопоставимы с данными для другой. Решение этой задачи осложняется рядом причин: 1) отсутствием единых подходов в градации и интерпретации результатов; 2) расхождением транскрипционных систем; 3) сложностью соотнесения акустики с артикуляцией в силу причин антропофонического характера (один и тот же акустический сигнал может быть детерминирован различными артикуляторными работами).

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили изолированные словоформы, словосочетания, связанные тексты, записанные от носителей разных языков. Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерных программ Audacity, анализировались в программе SpeechAnalyzer 3.0.1. При сегментировании словоформ использовалась методика, применяемая в ЛЭФИ, в соответствии с которой: 1) левая граница инициального глухого согласного выставляется по интенсивности: находится начало ее включения; 2) в зависимости от задач исследования и исследуемого языка смычный взрывной согласный сегментируется по-разному. Если констатируется аспирация или аффрицированность, мы рассматриваем фазу выдержки и взрыв (импульс) у анализируемых консонантов как один компонент – смычный, а аспирацию или аффрицированность как другой, следовательно, их длительности рассматриваются отдельно, при этом они составляют общую длительность звука; 3) переходные участки между звуками в словоформе, если они есть, делятся пополам; 4) формантные показатели гласного фиксируются на стационарном участке. Если такой участок отсутствует, то измерения проводятся в центральной части звука.

Кроме того, в работе были использованы рентген- и МРТ-снимки (статичные и динамические), а также дентопалатограммы, которые описывались с помощью методик, принятых в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Надеяева Института филологии СО РАН (далее – ЛЭФИ ИФЛ СО РАН) [Надеяев, 1980, с. 44–91; Селютина, 1998; Уртегешев, 2009].

В настоящей работе мы вслед за В. М. Надеяевым считаем, что «нельзя говорить о подъеме языка или его частей при настройках гласных; наоборот, во всех настройках гласных фактически происходит снижение языка» [Надеяев, 1980, с. 26], поэтому у гласных не *подъем*, а *ступень отступа*; разделяем *векторный принцип* подхода к классификации гласных, хотя подразумеваем иную характеристику [Там же, с. 27]; сегментируем твердое нёбо условно на две части – переднюю (индекс 7) и заднюю (индекс 8) [Надеяев, 1960, с. 8] и каждую еще на три равные части (индекс 7.1, 7.2, 7.3 и 8.1, 8.2, 8.3), также мягкое нёбо на две части –

переднюю (индекс 9) и заднюю (индекс 10); в передней части мягкого нёба выделяем три части: первая – $\frac{1}{5}$ от нее, индекс 9.1; вторая – $\frac{2}{5}$, индекс 9.2; третья – $\frac{2}{5}$, индекс 9.3; делим спинку языка не традиционно на три части (переднюю, среднюю, заднюю), а условно на четыре (переднюю, среднюю, межзубную, заднюю) [Наделяев, 1980, с. 30].

Для достижения единообразия при квалифицировании качества гласных в ротовой полости нами была разработана соответствующая методика (табл. 2).

При традиционном подходе артикуляционные классификации гласных строятся на основе следующих признаков: ряд, подъем, наличие / отсутствие лабиализации, наличие / отсутствие назализации. Мы учитываем также наличие / отсутствие гортанно-округленности, глоттализации, глоттальной вставки, вестибуляризации, эпиглоттализации, фарингализации, приглушенности; увуларизации (при соматических исследованиях) и радикализации³ (при соматических исследованиях).

Кроме того, гласные рассматриваются с точки зрения однородности артикуляции, т. е. по структуре: обычно различают монофтонги и дифтонги [Бондарко, 1990, с. 105]. Сюда же можно добавить трехфазовые двудерные⁴ прерывистые гласные⁵, дуфоны [Уртегешев, 2022] и фузионные. Таким образом, следует различать простые и сложные по структуре звуки, а если учитывать дифтонгоиды, то также и усложненные при звуком.

Градация количественных показателей гласных и согласных звуков определялась по относительной длительности: 0–60 % – сверхкраткий; 60–100 % – краткий; 100–150 % – полудолгий; 150 % и выше – долгий; свыше 300 % – сверхдолгий.

В отличие от описания гласных, выполняемого по методике, представленной в табл. 2, фонетическая запись консонантных настроек производилась в принятой в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН Универсальной унифицированной транскрипционной системе (УУФТ) В. М. Наделяева [Наделяев, 1960; Селютина и др., 2012].

³ *Радикализация* (от лат. *radix* ‘корень’; *radix linguae* ‘корень языка’); радикальность, т. е. оттянутость корня языка к задней стенке фаринкса (обозначается от основного символа с правой стороны нижним индексом «+», отсутствие – «-»), в зарубежных работах данному термину соответствует ATR+, отсутствие ATR-, однако следует уточнить, что в них эта характеристика дается только для вокальных настроек [Ko, 2012; Kang, Ko, 2012; Agalova, 2015].

⁴ *Вокальное ядро* – непрерывная работа голосовых складок в один отрезок времени при артикулировании гласного с фазами: экскурсии (или переходным участком), выдержки и рекурсии (или переходным участком). По структуре различаем однодерные и двудерные (прерывистые и дифтонги). У прерывистых гласных различаем три компонента: вокальное ядро + глоттальный согласный + вокальное ядро, а у дифтонгов два компонента: вокальное ядро + вокальное ядро.

⁵ В. М. Наделяев такие гласные называет *срединногортанносмычными*, допуская только «гортанный смык в середине артикуляции гласного» [Наделяев, 1960, с. 23]. Мы же определяем *прерывистые двудерные* как «как гортанно-связочные звуки сложного образования, состоящие из трех компонентов: в инициальной и финальной фонации констатируются качественно гомоганные (однородные) (сверх)краткие вокальные ядра, а между ними (в медиали) глоттальный согласный (в зависимости от языка: глухой смычный взрывной, глухой щелевой, звонкий щелевой, вокализованный щелевой); сопутствующим дополнительным признаком облигаторно выступает фарингализация» [Уртегешев, 2021, с. 155].

Для решения поставленной задачи проанализированы исследования вокальных систем, выполненные экспериментальными методами по единым методикам, принятым в Новосибирской фонетической школе (см. [Андреева, 1988; Селютина, 1998; Сарбашева, 2004; Дамбыра, 2005; Шалданова, 2007; Добрина, 2019; Рыжикова и др., 2021] и др.).

Результаты и обсуждение

Критический анализ лингвистического материала слуховым, акустическим и соматическими методами исследования вокальных настроек языков различных семей позволил сделать следующие заключения:

1) гласные – это гортанно-связочные звуки, для которых обязательным условием является работа голосовых складок⁶; это их единственное место образования;

2) возможно приглушение вокальной фонации (сложный артикуляционный процесс с сохранением работы голосовых складок [Moisik et al., 2019]), но неприемлемо глухое произношение (отсутствие голоса);

3) для образования гласных необязательно подсвязочное давление: необходимые звуко- и типообразующие⁷ колебания возникают благодаря мышцам, прикрепленным к голосовым складкам;

4) различаются гортанно-округленные (о, у, ø, ү)⁸ и гортанно-неокругленные (е, і, а, ъ) гласные;

5) лабиализованными могут быть любые гласные; губы усиливают частоты, характерные для гортанно-округленных гласных;

6) по личным ощущениям (требующим экспериментального подтверждения) гласные, традиционно трактуемые как «переднерядные», образуются при небольшом сжатии голосовых складок в передней части, которая не вибрирует, в отличие от гласных «заднего ряда», у которых подобного не отмечается; кроме того,

⁶ «Истинные голосовые складки – две симметрично расположенные складки слизистой оболочки гортани, выступающие в ее полость, содержащие голосовую связку и голосовую мышцу. Истинные голосовые складки имеют особое мышечное строение, отличное от строения других мышц: пучки продолговатых волокон идут здесь в разных взаимно противоположных направлениях, начинаются у края мышцы и оканчиваются в ее глубине, вследствие чего **истинные голосовые складки могут колебаться как всей своей массой, так и одной какой-либо частью, например, половиной, третью, краями и так далее** (выделено нами. – Н. У.)». См.: Куришина С. Н., Куришина А. С. Строение голосового аппарата. С. 8. URL: https://crtid.mskobr.ru/files/stroenie_golosovogo_apparata_1_pdf_io_pdf_io.pdf (дата обращения 06.05.2022).

⁷ Тип гласного мы определяем как уникальную базовую артикуляционную настройку, порожденную работой голосовых складок и прикрепленных к ним мышц. Однородные гласные объединяются в один звукотип, или кластер, например, а, а°, ä, а и т. д.

⁸ Традиционно гортанно-округленные (о, у, ø, ү) считают лабиализованными, а гортанно-неокругленные (е, і, а, ъ) – нелабиализованными гласными, на этом основании строят системы, хотя и те, и другие гласные могут быть как лабиализованными, так и нелабиализованными. Кроме того, [о, у, ø, ү] можно легко произнести без участия губ, разведя их пальцами. Таким образом, наличие / отсутствия лабиализации не следует рассматривать в общefonетических классификациях как один из главных обязательных структурирующих признаков вокальных систем, как универсалию, хотя в конкретных идиомах (например, русский, алтайский, киргизский, калмакский, одульский языки) этот параметр является системообразующим.

существует определенная физиологическая зависимость между типом звука и укладом языка в ротовой полости;

7) главным отличительным признаком гласных от согласных мы считаем отсутствие глоттального толчка, характерного для последних;

8) гласные – самые «преградные» звуки речи, поскольку любая дополнительная артикуляция – это не что иное, как фокус или преграда, у гласных их больше, чем у согласных, и выражены они ярче;

9) образование смычного фокуса для гласных возможно любой частью поверхности спинки языка, но эта работа рассматривается как дополнительная артикуляция (*латерализация*), а не основная;

10) в отличие от согласных (кроме сонорных), гласные могут быть очень сильно зашумленными, но не могут быть шумными, потому что шумность – это характеристика, свойственная только шумным согласным.

Исходя из вышесказанного, мы рассматриваем уклад языка в ротовой полости как дополнительную артикуляцию, которая влияет только на качество гласного (тембральную окраску), но не является основным местом образования (см. табл. 2).

По положению языка по горизонтали относительно нёбного свода (твердое и мягкое нёбо вместе) можно выделить четыре уклада и, соответственно, четыре дополнительных артикуляции.

1. Задняя часть тела языка (e) направлена к мягкому нёбу (9.2; 9.3 или слабая отодвинутость назад .), что соответствует *веляризованной* настройке – *веляризованность* (рис. 2)⁹; способ обозначения «^v», например: [a^v₄] = [a^v₉.3] = [a^v₉.3]. При данной артикуляции констатируется прямая зависимость расположения тела языка относительно мягкого нёба: чем шире фокус между языком и мягким нёбом, тем сильнее оттягивается корень языка средней частью назад и тем меньше верхней частью, отмечается *радикализация*. Примерные формантные показатели (F₂) от 600 до 1199 Гц (см. табл. 2).

При традиционном подходе описания данный тип дополнительной артикуляции частично соответствует гласным заднего ряда [Щерба, 1963, с. 45–49; Наделяев, 1960, с. 17; Зиндер, 1979, с. 206–208].

2. Межзубчатая часть тела языка (d) имеет векторную направленность вверх к твердому нёбу (8.2 или умеренная выдвинутость вперед ; 8.3 или слабая выдвинутость вперед .) и смежной части мягкого (9.1), что позволяет определить звук как *нейтрализованный* – *нейтрализованность* (рис. 3); способ обозначения «без диакритики», например: [a₄] = [a₈.2] = [a_{d8.2}]. При данном артикулировании чем ниже опускается спинка языка, тем сильнее средняя часть корня языка оттягивается к задней стенке фаринкса, фиксируется *радикализация*. Примерные формантные показатели (F₂) от 1200 до 1799 Гц (см. табл. 2). Специфика данной артикуляционной зоны: гласные, традиционно определяемые как переднерядные и заднерядные, имеют похожую артикуляцию (рис. 3, а, б), а также имеют общий диапазон формантных показателей; тип звуков можно определить только на слух.

⁹ Все томограммы, представленные в статье, взяты из «Атласа артикуляционных настроек башкирского языка» [Уртегешев и др., 2021], в подрисуночных подписях в круглых скобках приводятся номера страниц и рисунков в указанной монографии.

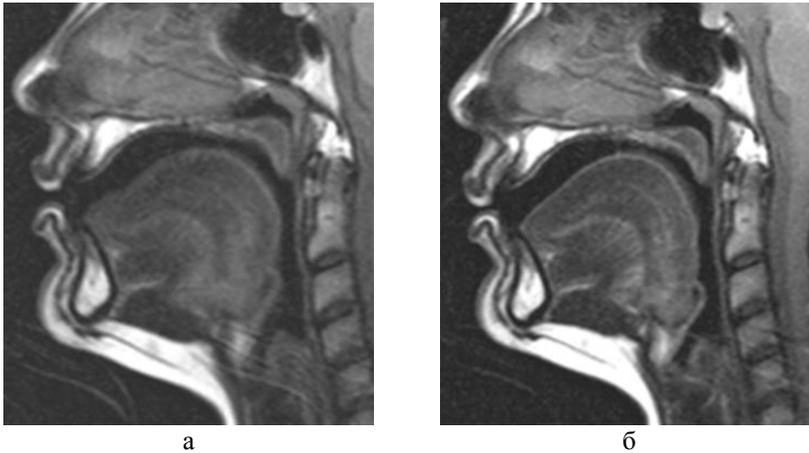

Рис. 2. Томограммы *веляризованных* звуков:

a – звук $[e^y_2] = [e^y_{29,2}] = [e^y_{2e9,2}]$ в позиции $C_3[V]C_3$ в слове $[je^y_2^*l]$ (лит. *йыл*) ‘год’: *второй ступени отстояния слабоогубленный неназализованный неувуларизованный нерадикализованный* (с. 51, рис. 17); *б* – звук $[u^y_2] = [u^y_{29,2}] = [u^y_{2e9,2}]$ в позиции $C_1[V]C_1$ в слове $[kũ^y_2^*k^*]$ (лит. *күк*) ‘синий’: *второй ступени отстояния умеренноогубленный назализованный неувуларизованный нерадикализованный* (с. 84, рис. 39)

Fig. 2. Tomograms of velarized sounds:

a – sound $[e^y_2] = [e^y_{29,2}] = [e^y_{2e9,2}]$ in position $C_3[V]C_3$ in $[je^y_2^*l]$ (lit. *йыл*) ‘a year’: the second stage of standing is weakly rounded, not nasalized, not uvularized, not radicalized (ATR–) [Urtegeshev et al., 2021, p. 51, fig. 17]; *b* – sound $[u^y_2] = [u^y_{29,2}] = [u^y_{2e9,2}]$ in position $C_1[V]C_1$ in $[kũ^y_2^*k^*]$ (lit. *күк*) ‘blue’: the second stage of the separation is moderately rounded nasalized, not uvularized, not radicalized (ATR–) [Urtegeshev et al., 2021, p. 84, fig. 39]

При традиционном подходе данная артикуляция частично соответствует гласным центрального или среднего ряда [Наделяев, 1960, с. 17], смешанного [Зиндер, 1979, с. 208–209]. Кроме того, по В. М. Наделяеву, рассматриваемые гласные настройки определяются как центральнозаднерядные [Наделяев, 1960, с. 17–18].

3. Средняя часть тела языка (с) направлена вверх к первой половине твердого нёба (7.1–7.2; 7.3 или слабо отодвинутый назад ,) и смежной части второй половины твердого нёба (8.1 или умеренно отодвинутый назад ,), что соответствует по положению языка переднеязычно-среднеязычной настройке у согласных; таким образом, мы определяем данную дополнительную артикуляцию у гласных как *палатализация – палатализованность* (рис. 4); способ обозначения «'», например: $[a'_.] = [a'_{7.3}] = [a'_{c7.3}]$. Примерные формантные показатели (F_2) от 1800 до 3000 Гц (см. табл. 2).

При традиционном подходе можно частично соотнести с гласными переднего ряда [Наделяев, 1960, с. 17; Щерба, 1963, с. 33–44; Зиндер, 1979, с. 203–206].

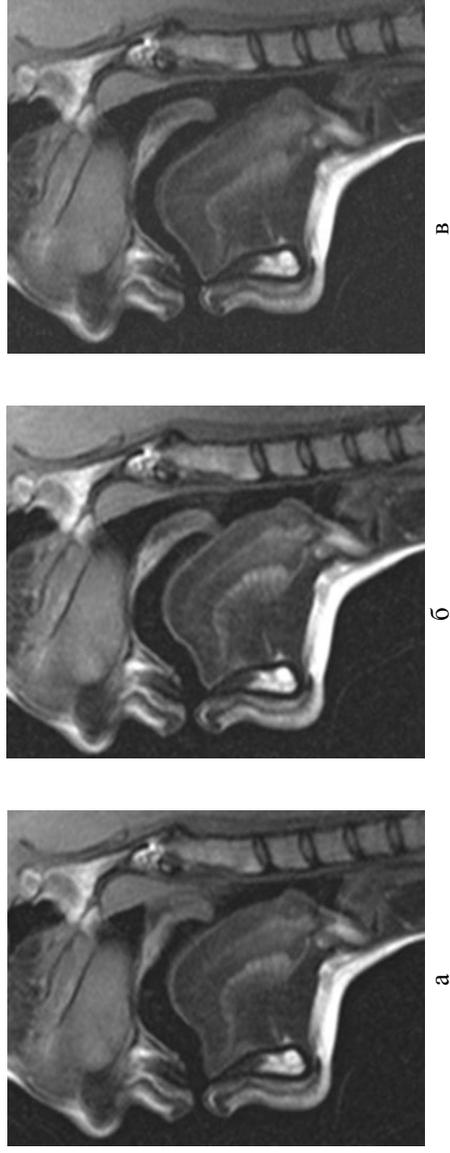

Рис. 3. Томограммы нейтрализованных звуков:

а – звук [Y₋₃] = [Y_{38.3}] = [Y_{308.3}] в позиции C₁[V]C₁ в слове [kʏ₃˚˚kʏ] (лит. kʏk) ‘синий’; *третьей ступени отстояния озубленный неназализованный увуларизованный радикализированный* (с. 277, рис. 165); *б* – звук [u₃₊] = [u_{38.2}] = [u_{308.2}] в позиции C₁[V] в слове [sũ₃₊˚˚+] ‘вода’ (лит. hũr) ‘вода’; *третьей ступени отстояния озубленный назализованный увуларизованный радикализированный* (с. 265, рис. 157); *в* – звук [b₃₋] = [b_{38.3}] = [b_{308.3}] в позиции –C₂[V]C₁ в слове [sʲegʲb₃₊˚˚s] (лит. hũez) ‘восемь’; *третьей ступени отстояния слабоозубленный назализованный увуларизованный радикализированный* (с. 262, рис. 155)

Fig. 3. Tomograms of leveled sounds:

a – sound [Y₋₃] = [Y_{38.3}] = [Y_{308.3}] in the position C₁[V]C₁ in [kʏ₃˚˚kʏ] (lit. kʏk) ‘blue’; the third stage of the separation is rounded not nasalized uvularized radicalized (ATR+) [Urtegeshev et al., 2021, p. 277, fig. 165]; *b* – sound [u₃₊] = [u_{38.2}] = [u_{308.2}] in position C₁[V] in [sũ₃₊˚˚+] ‘a water’ (lit. hũr) ‘water’; the third stage of the separation is rounded nasalized uvularized radicalized (ATR+) [Urtegeshev et al., 2021, p. 265, fig. 157]; *c* – sound [b₃₋] = [b_{38.3}] = [b_{308.3}] in position –C₂[V]C₁ in [sʲegʲb₃₊˚˚s] (lit. hũez) ‘eight’; the third stage of the state is weakly rounded nasalized uvularized radicalized (ATR+) [Urtegeshev et al., 2021, p. 262, fig. 155]

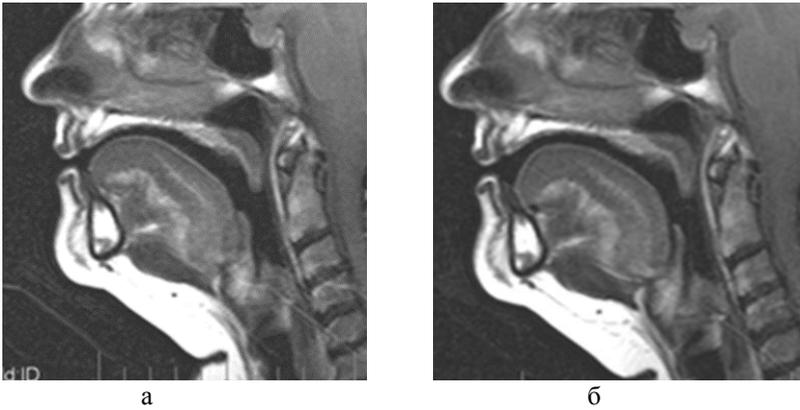

Рис. 4. Томограммы *палатализованных* звуков:

a – звук [ʔ'₂ₓ] = [ʔ'₂₇.₃] = [ʔ'₂₆₇.₃] в позиции C₁[V]C₃ в слове [t'ʔ'₂ₓ'ɫ'] (лит. *mel*) ‘язык’: **второй ступени отстояния огубленный неназализованный неувуларизованный нерадикализованный** (с. 140, рис. 75); *b* – звук [e'₃ₓ] = [e'₃₇.₃] = [e'₃₆₈.₃] в позиции C₁[V]C₁ в слове [ʔ'e'₃ₓ't'] (лит. *эм*) ‘собака’: **третьей ступени отстояния огубленный неназализованный неувуларизованный нерадикализованный** (с. 113, рис. 57)

Fig. 4. Tomograms of palatalized sounds:

a – sound [ʔ'₂ₓ] = [ʔ'₂₇.₃] = [ʔ'₂₆₇.₃] in position C₁[V]C₃ in [t'ʔ'₂ₓ'ɫ'] (lit. *mel*) ‘language’: the second stage of the defense is not nasalized, not nasalized, not uvularized, not radicalized (ATR–) [Urtegeshev et al., 2021, p. 140, fig. 75]; *b* – sound [e'₃ₓ] = [e'₃₇.₃] = [e'₃₆₈.₃] in position C₁[V]C₁ in [ʔ'e'₃ₓ't'] (lit. *эм*) ‘a dog’: the third stage of the defense is not nasalized not nasalized not uvularized not radicalized (ATR–) [Urtegeshev et al., 2021, p. 113, fig. 57]

4. Уплощенное положение тела языка (с–е) при общей тенденции направленности всего распластанного тела языка к нёбному своду (8.1–9.2), что соответствует по положению языка смешанной настройке – *микширизованные* – *микширизация* (рис. 5); способ обозначения – нижнее подчеркивание « », например: [a] = [a₈.1-9.2] = [a₆-е8.1-9.2]. Отмечается сильная оттянутость корня языка к задней стенке фаринкса – гласные радикализованные. Примерные формантные показатели (F₂) будут как у нейтрализованных: от 1200 до 1799 Гц (см. табл. 2). Такая артикуляция встречается крайне редко.

При традиционном подходе рассматриваемая настройка соответствует смешаннорядным гласным [Наделяев, 1960, с. 18].

При положении языка по вертикали относительно нёбного свода можно выделить разное число укладов: три, шесть, девять – всё зависит от точности анализа. Отстояние влияет на степень выраженности дополнительной артикуляции: чем ниже положение языка, тем она меньше выражена (сильная – 1–2 ступень отстояния, умеренная – 3–4, слабая – 5–6). Способ обозначения – цифровой индекс внизу справа, например, вторая ступень отстояния: [e'₂ₓ] = [e'₂₉.₃] = [e'₂₉.₃], при трехуровневом подходе числовой индекс можно заменить на «кнопки» – сильная степень (без обозначения), умеренная (·), слабая (•), например: [e'ₓ] = [e'₉.₃] = [e'₆.₃].

Рис. 5. Томограмма *микширизованного* звука $[Q_6] = [Q_{68.1-9.2}] = [Q_{6cd8.3-9.2}]$ в позиции $-C_3[V]$ в слове $[?o_2-lQ_{6+}^*]$ (лит. *оло*) ‘старый (о человеке)’: *шестой ступени отстояния ненализанный огубленный увуларизованный радикализованный* (с. 128, рис. 67)

Fig. 5. Tomogram of the mixed sound $[Q_6] = [Q_{68.1-9.2}] = [Q_{6cd8.3-9.2}]$ in position $-C_3[V]$ in $[?o_2-lQ_{6+}^*]$ (lit. *оло*) ‘old (about a person)’: the sixth stage of standing is not nasalized rounded uvularized radicalized (ATR+) [Urtegeshev et al., 2021, p. 128, fig. 67]

Заключение

1. Всё противопоставление звуков речи (гласных, согласных) базируется на контрасте по «мягкости» (неважно, палатализованные, светлые, переднерядные и др.) – «нейтральности» (неважно, непалатализованные, невелиаризованные и др.) – «твёрдости» (неважно, велиаризованные, темные, гуттуральные и др.), в разной комбинации все дополнительные артикуляции либо усиливают их – делают «мягче» или «нейтрализуют», или делают «твёрже». Уклад языка в разных частях ротовой полости как раз влияет на «смягчение» или «отвердевание» («огрубление»), в некоторых случаях нейтрализует гласные.

2. Вероятно, в некоторых языках возможно фонематическое противопоставление гомоганных вокальных настроек в зависимости от горизонтального уклада языка: палатализованности, нейтрализованности и велиаризованности. Но очевидно, что по дополнительным артикуляциям можно судить о типе вокальной системы, квалифицируя ее, например, как смешанную палатализованно-нейтрализованную, велиаризованно-палатализованную, велиаризованно-нейтрализованную, нейтрализованную и др. В свою очередь, характеристика вокальной системы по горизонтальному укладу языка детерминирует место конкретного языка в типологической классификации.

3. Если обратимся к табл. 2, то увидим четкую симметрию по палатализованности и велиаризованности и примерному распределению по формантам по вертикали. Собственно говоря, те же звуки могут нейтрализовываться, но в этом процессе есть и специфика: ниже 4-й ступени отстояния могут иметь дополнительную артикуляцию только звуки $[e, a, o]$, а шестую – $[a, o]$. Видимо, это связано с физиологией человеческого речевого аппарата и конкретным типом звука, который помимо голосовых связок образуется внешними мышцами, прикрепленными к ларинксу (поэтому мы гласные назвали гортанно-связочными), который чуть поворачивается при той или иной артикуляции гласного. Не последнюю роль играет подъязычная кость, которая связана с гортанью и языком, отвечая за точность движения последнего. Эту связь предстоит подтвердить или опровергнуть инструментальными методами исследования.

4. В общей фонетике, на наш взгляд, «ряду» и «подъему» гласных отведено слишком большое место и уделяется необоснованно много внимания, следует направить свой взгляд больше на гортанно-глоточный отдел, более важный в речепроизводстве.

5. В настоящее время существует много разных инструментальных методов для исследования речи, но без «подготовленного, настроенного, опытного» уха

выводы, полученные с помощью аппаратных экспериментов, дают усеченное представление о фонетическом явлении, а порой вносят ошибки, неточности, поэтому идеально, когда соотносятся выявленные спектральные характеристики с визуальным представлением артикуляторной настройки, сгенерировавшей соответствующий акустический сигнал, при обязательном контроле и корректировке выводов методом аудиовизуального наблюдения экспериментатора, а также дикторов, участвующих в эксперименте. Только придерживаясь данного триединства, комплексности методических подходов, можно обеспечить соблюдение научного принципа, точность и достоверность при интерпретации инструментальных данных.

Список литературы

- Андреева Т. Е.* Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Новосибирск: Наука, 1988. 142 с.
- Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977.
- Бондарко Л. В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.
- Бондарко Л. В.* Гласные // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 105.
- Григорьев В. И.* Дифференциальные признаки русских гласных /у, ы, и/ // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 10–30.
- Дамбыра И. Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. 224 с.
- Добринина А. А.* Краткие гласные телеутского языка по F1 и F2 (экспериментально-фонетическое наблюдение) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (38). С. 58–65.
- Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979. 312 с.
- Куришина С. Н., Куришина А. С.* Строение голосового аппарата. С. 8. URL: https://crt.d.mskobr.ru/files/stroenie_golosovogo_apparata_1_pdf_io_pdf_io.pdf (дата обращения 06.05.2022).
- Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 66 с.
- Наделяев В. М.* Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.
- Рыжикова Т. Р., Добринина А. А., Тимкин Т. В.* Изучение прерывистых гласных сургутского диалекта хантыйского языка методом прямой цифровой ларингоскопии: предварительные результаты // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 1. С. 102–111.
- Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 241 с.
- Селютина И. Я.* Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 185 с.
- Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Летягин А. Ю., Шевела А. И., Добринина А. А., Эсенбаева Г. А., Савелов А. А., Резакова М. В., Ганенко Ю. А.* Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 374 с. (Серия: Интеграционные проекты. Вып. 41)

Уртегешев Н. С. Соматические параметры настроек гласных: методика определения ступеней отстояния // *Туркология*. 2009. № 3–4 (41–42). С. 3–12.

Уртегешев Н. С. Соответствие формантов артикуляции: на примере гласного «i» // *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф.* Абакан, 16–17 мая 2019 г. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2019. С. 89–96.

Уртегешев Н. С. Двухдверные гласные в шорском языке и языках Сибири // *Сибирский филологический журнал*. 2021. № 4. С. 154–167. DOI 10.17223/1813-7083/77/12

Уртегешев Н. С. Ранее не описанный тип гласных: дуфоны // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2022. № 1 (43). С. 73–81. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-73-81

Уртегешев Н. С., Ишикульдина Ф. Г., Хисамитдинова Ф. Г. Атлас артикуляторных настроек гласных башкирского языка. Уфа, 2021. 298 с.

Шалданова А. А. Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск: Сова, 2007. 280 с.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1963. 308 с.

Aralova N. *Vowel harmony in two Even dialects: Production and perception*. PhD Diss. Amsterdam Center for Language and Communication (ACLC), 2015.

Kang H., Ko S. In search of the acoustic correlates of tongue root contrast in the three Altaic languages: Western Buriat, Tsongol Buriat, and Even // *Altai Hakpo*. 2012. No. 22. P. 179–203.

Ko S. *Tongue root harmony and vowel contrast in Northeast Asian languages*. PhD Diss. Cornell Uni. Press, 2012.

Moisik Scott R., Hejná Miša, Esling John H. Abducted vocal fold states and the epilarynx: a new taxonomy for distinguishing breathiness and whisperiness // *Conference: 19th International Congress of Phonetic Sciences*. Melbourne, Australia, August 2019. P. 220–224.

References

Andreeva T. E. *Zvukovoi stroi tommotskogo govora evenkiiskogo yazyka. (Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie)* [The sound system of the Tommot dialect of the Evenk language. (Experimental phonetic research)]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 142 p.

Aralova N. *Vowel harmony in two Even dialects: Production and perception*. PhD diss. Amsterdam Center for Language and Communication (ACLC), 2015.

Bondarko L. V. *Foneticheskoe opisaniye yazyka i fonologicheskoe opisaniye rechi* [Phonetic description of language and phonological description of speech]. Leningrad, LSU Publ. House, 1981.

Bondarko L. V. Glasnye [Vowels]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, p. 105.

Bondarko L. V. *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [Sound system of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie, 1977.

Dambyra I. D. *Vokalizm kaa-khemskogo govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo yazyka* [Vocalism of the Kaa-Khem subdialect in comparison with other subdialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, Sibirskiy, 2005, 224 p.

Dobrinina A. A. *Kratkie glasnye teleutskogo yazyka po F1 i F2 (eksperimental'no-foneticheskoe nablyudeniye)* [Short vowels of the Teleut language for F1 and F2 (exper-

imental phonetic observation)]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2019, no. 2 (38), pp. 58–65.

Grigor'ev V. I. Differential'sial'nye priznaki russkikh glasnykh /u, y, i/ [Differential signs of Russian vowels /u, y, i/]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1962, no. 1, pp. 10–30.

Kang H, Ko S. In search of the acoustic correlates of tongue root contrast in the three Altaic languages: Western Buriat, Tsongol Buriat, and Even. *Altai Hakpo*. 2012, no. 22, pp. 179–203.

Ko S. *Tongue root harmony and vowel contrast in Northeast Asian languages*. PhD diss. Cornell Univ., 2012.

Kurshina S. N., Kurshina A. S. *Stroenie golosovogo apparata* [The structure of the voice apparatus]. P. 8. URL: https://crt.d.mskobr.ru/files/stroenie_golosovogo_apparata_1_pdf_io_pdf_io.pdf (accessed 06.05.2022).

Moisik Scott R., Hejná Míša, Esling John H. Abducted vocal fold states and the epilarynx: a new taxonomy for distinguishing breathiness and whisperiness. In: *Conference: 19th International Congress of Phonetic Sciences*. Melbourne, Australia, August 2019, pp. 220–224.

Nadelyaev V. M. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulation classification of vowels]. In: *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic research on Siberian languages]. Novosibirsk, 1980, pp. 3–91.

Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifikirovannoy foneticheskoy transkriptsii (UUFT)* [Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 66 p.

Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Timkin T. V. Izuchenie preryvistykh glasnykh surgutskogo dialekta khantyiskogo yazyka metodom pryamoi tsifrovoi laringoskopii: predvaritel'nye rezul'taty [Study of the intermittent vowels of the Surgut dialect of the Khanty language through the method of direct digital laryngoscopy: preliminary results]. *Bulletin of Ugric studies*. 2021, vol. 11, no. 1, pp. 102–111.

Sarbasheva S. B. *Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altayskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte)* [Phonological system of the tuba dialect of the Altai language (in a comparative aspect)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2004, 241 p.

Selyutina I. Ya. *Kumandinskiy vokalizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [The Kumandin vocalism. Experimental phonetic research.]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1998, 185 p.

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Letyagin A. Yu., Shevela A. I., Dobrinina A. A., Esenbaeva G. A., Savelov A. A., Rezakova M. V., Ganenko Yu. A. *Artikulyatornyye bazy korennykh tyurkskikh etnosov Yuzhnoi Sibiri (po dannym MRT i tsifrovoi rentgenografii)* [Articulatory databases of indigenous Turkic ethnic groups of Southern Siberia (according to MRI and digital radiography)]. Novosibirsk, SO RAN Publ. house, 2012, 374 p. (Series: Integratsionnye proekty [Integration Projects.]. Iss. 41).

Shaldanova A. A. *Vokalizm dialekta altay-kizhi v sopolavitel'nom aspekte* [Vocalism of the Altai-Kizhi dialect in a comparative aspect]. Novosibirsk, Sova, 2007, 280 p.

Shcherba L. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of the French language]. Moscow, 1963, 308 p.

Urtegeshev N. S. Dvuyadernye glasnye v shorskom yazyke i yazykakh Sibiri [Binuclear vowels in the Shor language and the languages of Siberia]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 4, pp. 154–167. DOI 10.17223/18137083/77/12

Urtegeshev N. S., Ishkil'dina L. K., Khisatdinova F. G. *Atlas artikulyatornykh nastroek glasnykh bashkirskogo yazyka* [Atlas of articulatory settings of Bashkir vowels]. Ufa, 2021, 298 p.

Urtegeshev N. S. Raneе ne opisannyi tip glasnykh: dufony [Previously undescribed vowel type: dufons]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2022, no. 1 (43), pp. 73–81. DOI 10.25205/2312-6337-2022-1-73-81

Urtegeshev N. S. Somaticheskie parametry nastroek glasnykh: metodika opredeleniya stupeney otstoyaniya [Somatic parameters of vowel settings: a method for determining the steps of distance]. *Tyrkologiya*. 2009, no. 3–4 (41–42), pp. 3–12.

Urtegeshev N. S. Sootvetstvie formantov artikulyatsii: na primere glasnogo “i” [Correspondence of articulation formants: using the vowel “i” as an example]. In: *Sokhraneniye i razvitiye yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri: Materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf. Abakan, 16–17 maya 2019 g.* [Preservation and development of languages and cultures of indigenous peoples of Siberia: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference Abakan, May 16–17, 2019]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ. House, 2019, pp. 89–96.

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, 1979, 312 p.

Информация об авторе

Николай Сергеевич Уртегешев, доктор филологических наук
Scopus Author ID 56610290000
WoS Researcher ID K-5458-2017

Information about the author

Nikolay S. Urtegeshev, Doctor of Philology
Scopus Author ID 56610290000
WoS Researcher ID K-5458-2017

*Статья поступила в редакцию 10.01.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 19.01.2023
The article was submitted on 10.01.2023;
approved after reviewing on 19.01.2023; accepted for publication on 19.01.2023*

Научная статья

УДК 811.161.1'373.2

DOI 10.17223/18137083/82/18

Из истории слов V. Тюркизмы в русских говорах

Александр Евгеньевич Аникин

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Аннотация

В русской этимологической лексикографии имеются или возможны труды, тяготеющие к тезаурусу (как «Русский этимологический словарь»), и менее глобальные труды. Целесообразна следующая ее структура: компактный основной справочник, а также поддерживающие его словари, посвященные отдельным пластам лексики. Настоятельно необходима необходимость создания нового словаря тюркизмов (ориентализмов). Статья содержит небольшой фрагмент материала для такого словаря. Предлагаются этимологии слов, взятых из небольшого отрезка русского словника, главным образом из говора казаков по р. Урал, или Яик. Примером может служить рус. *джу́сан* ‘попынь’ из казах. *жусан* ‘то же’.

Ключевые слова

этимология и история слов, русская этимологическая лексикография, словарь тюркизмов, говор уральских казаков

Для цитирования

Аникин А. Е. Из истории слов V. Тюркизмы в русских говорах // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 243–256. DOI 10.17223/18137083/82/18

From the history of words V. Turkisms in Russian dialects

Alexander E. Anikin

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

alexandr_anikin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0293>

Abstract

Russian etymological lexicography has or is likely to have works that tend to have a thesaurus form (like the Russian Etymological Dictionary), and those of a less global nature. However, such works can be structured as follows: a basic reference book of the Russian vocabulary and etymological dictionaries devoted to particular strata of the Russian vocabulary. It is obvious that there is a need for a new dictionary of Turkisms / Orientalisms. Such a work could contain information not only about the etymons of Russian (Old Russian) words but

© Аникин А. Е., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 243–256
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 243–256

also the details of the borrowing and adaptation of Turkisms (Mongolisms, Iranianisms, and others), their diffusion paths, possible intermediary languages, et cetera. This paper presents some material suitable for a dictionary of Turkisms / Orientalisms, with only Oriental / Turkic etymologies of Russian words provided, taken mainly from the dialect of the Cossacks on the Ural (Yaik) River. The material is presented alphabetically, as dictionary entries, with the sign “/” separating the part being explained (presenting the Russian lexical material) and the explanatory part (presenting the etymological information). For Russian words, if possible, the year or century of the earliest fixation in the literature (monuments of writing) is indicated.

The paper analyzes the following examples: *dzhablúk*, *dzhavlúk* ‘Kazakh large scarf, women’s headband’ from Kazakh *zhaulyk* ‘women’s headscarf’; *dzhantak* ‘camel grass or camel’s tail or camel’s thorn’ from Kazakh *zhantak* = turkic *jandaq*, *jantaq* ‘thorny plant’; *dzhusán* ‘wormwood’, *zhusán*, *dzhusán* ‘small bitter wormwood, used to feed livestock’ from Kazakh *zhusan* ‘wormwood’.

Keywords

etymology and history of words, Russian etymological lexicography dictionary of Turkisms dialect of the Ural Cossacks

For citation

Anikin A. E. From the history of words V. Turkisms in Russian dialects. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 243–256. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/18

Настоящая статья продолжает ранее начатую серию статей¹, посвященных более подробной разработке данных, входящих или планируемых к включению в «Русский этимологический словарь» (РЭС). Этот труд, как и «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, идет путем максимального охвата лексического материала, т. е., по существу, путем создания этимологического тезауруса русского языка, до которого, однако, по разным причинам еще очень и очень далеко. Не следует забывать, что возможности развития русской этимологической лексикографии отнюдь не исчерпываются созданием словарей тезаурусной направленности. Из-за недостатка места обсудить эту широкую тему здесь можно лишь в общих чертах.

Уже отмечалось, что в последние десятилетия для русской этимологической лексикографии целесообразна следующая альтернативная тезаурусу структура: основной (пока отсутствующий) справочник по русской этимологии (ОСРЭ)² плюс поддерживающие и одновременно «разгружающие» его этимологические словари, посвященные отдельным пластам русской лексики. В особую отрасль выделяется диалектная или региональная этимологическая лексикография, занимающаяся и исконной, и заимствованной лексикой. Сюда примыкают словари, специализирующиеся на диалектных заимствованиях и субстратных включениях в диалектной лексике, особенно на урализмах в говорах северо-запада и севера России. Не говоря о давней и богатой традиции исследований в этой области, можно лишь отметить недавний обобщающий труд [Мызников, 2019]. Приходит-

¹ См.: [Аникин, 2021а; 2021б; 2022а; 2022б].

² Словарь (скажем, однотомник примерно на 1 000 страниц) с относительно ограниченным словником и лаконичными, но содержательными словарными статьями, наподобие, например, немецкого этимологического словаря Ф. Клюге, многократно переиздававшегося. Такие словари существуют теперь для большинства основных языков Европы. Отсутствие ОСРЭ является заметной лакуной русской лексикографии. Некоторым приближением к нему является известный труд П. Я. Черныха (1994).

ся оставить в стороне и тематику словаря (словарей) балтийских элементов русской лексики, остановившись на следующей теме.

Очевидной дезидератой русской этимологической лексикографии является новый словарь тюркизмов, поскольку имеющегося (Шипова) явно недостаточно. Можно ставить и более широкую задачу создания словаря ориентализмов³ русской лексики (ср. [Менгес, 1979]). Подобные труды могли бы содержать информацию не только о соответствующих этимонах русских (старо-, древнерусских) слов, но и о деталях заимствования и адаптации тюркизмов (монголизмов, иранизмов и проч.), путях их диффузии, возможных языках-посредниках и проч. Примером может служить посредничество тюркских языков в русско-иранских (главным образом, персидских) связях.

Более конкретен пример с названием ткани *зендень*, др.-новг. *зънданьца* (конец XIV в. – 1400-е гг., см. [Зализняк, 2004, с. 657]), которое происходит от названия среднеазиатской ткани, образованного от топонима *Зандана* близ Бухары: перс. *zandanīcī*, *zandanījī* [Там же], тадж. *занданачӣ*. Название ткани *зендень* было засвидетельствовано в XVII в. у русских на юге Западной Сибири, в Тобольске, а также на ее севере, в Мангазее (ЭСРДС, с. 212, 763). Усеченный облик формы *зендень* делает маловероятной возможность проникновения слова в Тобольск XVII в. прямо из Средней Азии (через бухарских торговцев), не через Московию. В Мангазее *зендень* (реалия вместе с ее названием) доставлялась в числе прочих товаров из Холмогор в низовье Северной Двины Мангазейским морским ходом.

Очевидно, что какие-то факты из словаря тюркизмов / ориентализмов (наиболее интересные этимологически и / или важные в культурно-историческом плане) могут быть лаконично представлены в ОСРЭ. Из рассматриваемых ниже слов таковыми могут быть, например, *джейран*, *джигит*, *джид*, *джут*.

Данная статья содержит фрагмент материала, подходящего для словаря тюркизмов / ориентализмов: ниже даются лишь ориентальные (в основном тюркские) этимологии русских слов. Объем данных определяется относительно узкими рамками статьи. Слова взяты из небольшого отрезка русского словаря. Речь идет в основном о лексике из говора казаков по р. Урал, или Яик (с пометой «Уральск.»), описанной в превосходном словаре Н. М. Малечи (СлГУрК). Диграф *дж* в русских словах обусловлен аффрикатизированным произношением *ж* в казахском источнике заимствования (в некоторых случаях при цитировании используемой литературы дается *ж*).

Уместно напомнить, что название *Яик* происходит из источника типа башк. *Яйык* = тат. *Жаек*, казах. *Жайық* (Фасмер, т. 4, с. 551–552; ЭСТЯ, с. 76–77). Этот гидроним связывают с кирг. *жайык* ‘распростертый, широкий’, тур. и др. *jaýyk* ‘разостланный, разливающийся’ от тюрк. *ja-j-* ‘расстилать, расширять’. Казаков, живших по Уралу-Яику, в шутку называли *джайк*, *джаики* (СлГУрК, т. 1, с. 405)⁴, от казахского названия реки. Изменение названия реки *Яик* (до 1775 г.) на *Урал* было произведено по указу Екатерины II после подавления пугачевского восстания, в котором активно участвовали яицкие казаки и башкиры.

³ Обсуждение термина «ориентализм» см., например, в [Супрун, 1963, с. 154].

⁴ Пейоративным обозначением яицких (и оренбургских) казаков было слово *казарá* (вместо *казáки*). В фильме «Чапаев» главный герой использует его, говоря о бегстве противника: *казара теперь до самого Гурьева пятки смазала*. Казаки, однако, готовили ему погибель.

Часть приводимых ниже слов (многие из них отсутствуют в (Фасмер, 1986–1987; Шипова) уже рассматривалась в (РЭС)⁵, но в предлагаемой статье дается несколько иначе (с сокращениями и уточнениями) и под иным углом зрения. Материал представлен по алфавиту в виде словарных статей, в которых знак «//» разделяет поясняемую часть (где дается русский лексический материал) и поясняющую часть (где даются этимологические сведения). Для русских слов по возможности указывается год или век наиболее ранней фиксации в литературе (памятниках письменности), при наличии такой фиксации.

джабага́ ‘руно грубой овечьей шерсти’ оренб., *джибага́* (*жыбага́*, *дзибага́*, *дибага́* и др.) ‘свалившаяся на животном и потом снятая в руне шерсть, вообще весенняя овечья шерсть’ Уральск. (СРНГ, т. 8, с. 43; СлГУрК, т. 1, с. 406), *джибага* 1904 (С. И. Гусев-Оренбургский, «Страна отцов», см. НКРЯ⁶) // Из казах. *жабага* ‘овечья шерсть, состриженная весной (очень грубая)’ (Фасмер, т. 1, с. 43; ЭСРДС, с. 182), *жабагы* ‘овечья или верблюжья шерсть весенней стрижки’ (ЭСТЯ, с. 125–126). В рус. *чибага́* ‘шерсть, привозимая киргизами’ (симб.) оглушение начального консонанта могло произойти из-за чувашского посредства [Добродомов, 1975, с. 28].

Рус. *ябага́* ‘руно грубой, степной овцы’ оренб. (Даль, т. 4, с. 670) происходит из тат. *ябага* ‘шерсть-линька, вылезаящая у животных весной’, башк. *ябагы* ‘то же’, которые родственны *жабага*.

джаблук (*джаблук*), *джавлук* (*джавлук*, *джаблук*) ‘казахский большой платок, женская головная повязка’ Уральск. (СлГУрК, т. 1, с. 405) // Из казах. *жаулык* ‘женский платок’, связанного с кирг. *жоолук* ‘платок (женский)’, ‘белый головной платок (у замужних женщин)’ (о дальнейших связях см. (ЭСТЯ, с. 61)).

джайлау, *джейлау* ‘летнее пастбище (у казахов, киргизов)’ (СРЯ, т. 1, с. 534), *джайлау* ‘место гулянья, отдыха’ Исык-Куль (СРНГ, т. 8, с. 43), *джайляу*: *На джайляу спят стада* 1937 г. (Дж. Джабаев, «Колыбельная песня»), *джайляу* 1933–1937 гг. (М. Ромм, «Штурм пика Сталина», см. НКРЯ) // Из казах. *жайлау* (*жайлау*, *жайлау*), кирг. *жайлоо*) ‘летнее пастбище, летовка’, ср. *жайла* ‘летовать’ от *жай* = тюрк. *жай* ‘лето’ (ЭСТЯ, с. 78–79); см. также [Дмитриев, 1958, с. 37]. Тадж. *чайлов* < тюрк.

джаксы (*джажксы*, *джиксы*) ‘хорошо’ Уральск. (СлГУрК, т. 1, с. 405) // Из казах. *жақсы* ‘хорошо’ = тюрк. *йақшы* ‘то же’ (ЭСТЯ, с. 83–84). Рус. *яки́аться*, *яки́ться* ‘зняться, водить дружбу’ образовано от диал. *який* ‘хорошо, ладно’ (ЭСРДС, с. 723) < тюрк. *йақшы* (Фасмер, т. 4, с. 553).

джаман (*джама́н*) ‘плохой’, *джама́нский* (*джама́нский*) ‘очень плохой, никудышный’ Уральск. (СлГУрК, т. 1, с. 406) // Из казах. *жаман* = тюрк. *јатап* ‘плохой, дурной’ (ЭСТЯ, с. 109–110), откуда (видимо, из тат.) рус. *яма́н* ‘плохо’ (Фасмер, т. 4, с. 556).

джангы́л, *джингы́л* ‘растение тамарикс, гребенщик’ Уральск., *джынгы́л* ‘то же’ Нукус (СРНГ, т. 8, с. 43), *дженгиль* ‘то же’ прииргыш. [Жаримбетов, 1980, с. 101], *джиги́л* (*джынгы́л*, *дзянгы́л*, *джи́нгли* мн.) ‘то же’ Уральск. (СлГУрК, т. 1, с. 408) // Из казах. *жапул* ‘то же’, *жыңгыл*, кирг. *жыңгыл*, *жылгын*, ср.

⁵ Для экономии места ссылки на РЭС и прочую литературу сведены здесь к минимуму.

⁶ НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorp.org.ru/>.

др.-тюрк. *jilyun* ‘тамарикс’. В тюркских языках тот же фитоним может относиться также к иве, растущей по берегам рек, к тростнику [Жаримбетов, 1980, с. 101]; (ЭСТЯ, с. 277; ЭСРДС, с. 183–184).

джандаки мн. ‘грецкие орехи’ Кокчетав (СРНГ, т. 8, с. 43) // Вероятно, из источника типа казах. *жаңғақ*, (грек) *жаңғағы* ‘грецкий орех’ (грек < рус.), ср. тюрк. *йағақ*, *йанғақ* и под. ‘грецкий орех’ [Жаримбетов, 1980, с. 100]; (ЭСТЯ, с. 59–60). Согласный -д- появился, видимо, уже на русской почве вследствие комбинаторного изменения *дж...нг > дж...нд*.

Диал. *джангák* (*дждангák*) в составе фразеологизма *надавать джангаков* ‘побить, избить’ Уральск. (СлГурК, т. 1, с. 406), вероятно, из тюрк. *жаңғақ*, ср. фразеологизм (*получить* и др.) *на орехи*.

джантák ‘верблюжья трава (иначе *верблюжий хвост* или *верблюжья колючка*)’ Уральск. (СлГурК, т. 1, с. 205), *иглы мизерной верблюжьей колючки, джан-така* 1933 (С. Д. Кржижановский, «Салыр-Гюль»; не раз в записях Н. М. Пржевальского в 1880-х гг., см. НКРЯ) // Из казах. *жантақ* = тюрк. *jandaq, jantaq* ‘колючее растение’ (ЭСТЯ, с. 117–118). Названия *верблюжья трава (колючка)*, *верблюжий хвост* кальки тюркских фитонимов: казах. *түйе тоғайы*, *түйе құйрық*, кирг. *төө тикен*, *төө куйрук* и под. *Верблюжья трава* составляет основную часть рациона верблюда в пустыне.

джарбá ‘крупа’, ‘мука крупного помола’ Хакас., *джармá* ‘похлебка из толченого ячменя или пшеницы’ Сев. Прииссыккулье, *джербá* ‘крупа (так ее называют сибирские степные татары)’ минус. (СРНГ, т. 8, с. 43) // Из тюркского источника типа хак. *čarba* ‘крупа’, казах. *жарма*, кирг. *жарма* ‘похлебка из дробленого жареного зерна’, родственных алт. *d'arma* ‘ячменная крупа’, тат., башк. *jarma* ‘крупа’ < тюрк. **jār-* ‘рассекать, раскалывать’ + суффикс *-ma* со знач. результата действия (ЭСТЯ, с. 136–137). Из тюркских языков происходят ср.-монг. *jarma* ‘крупа’, калм. *zarm^в*, *zarṭ* ‘просо, крупа, каша’, перс. *yarma* ‘крупно перемолотое зерно, крупа’ (Doerfer, Bd. 4, S. 160–161), см. ниже о слове *джурмá*.

джары́к (*дजारы́к*, *дзяры́к*) ‘трещина, разводина во льду при сильных ветрах на Каспии’, ‘канавá’ Уральск. (СлГурК, т. 1, с. 406), *дзярык*, *зяры́к* ‘расщелина во льду, полынья’ Уральск. (СРНГ, т. 8, с. 46; т. 12, с. 50) // Из казах. *жарық* ‘трещина, щель’ = ккалп. *жарық*, кирг. *жарык*, тюрк. *jaryq* ‘то же’. Тюркское слово суффиксальный дериват от тюрк. **jār-* ‘рассекать, раскалывать’ (Шипова, с. 140; ЭСТЯ, с. 136).

Рус. диал. *зерты́к* (= *зяры́к*) ‘дыра, худое место на чем-нибудь’ (Даль, т. 1, с. 699) усвоено из источника типа кирг. *жартык* ‘трещина, щель’, произв. от **jār-* с помощью суффикса *-ты-* + *-к* (суффикс со значением результата действия).

джейра́н, *-а* ‘вид газели, распространенный в Сирии, Иране, Афганистане, Закавказье’ (СРЯ, т. 1, с. 534), ‘южная сайга, водится на китайских и персидских границах наших’ (Даль, т. 1, с. 434) // Из тюркских языков, ср. тур., кр.-тат. *žáiran*, азерб. *жейран* ‘газель’, тат. *жэйрэн*, казах., узб. *жайран* (Фасмер, т. 1, с. 510). Тюркский зооним, судя по асингармонизму, из перс. *jaugān* ‘газель, серна’ < монг., ср. п.-монг. *žegeren* ‘антилопа’, бур. *зээрэн*, монг. *зээр(эн)* ‘антилопа, серна’. Слово *джейра́н* встречается в описании Центральной Азии у Н. М. Пржевальского (1870 г., НКРЯ). Близость зоонима к цветообозначениям типа тюрк. *jegrän* ‘гнедой, рыжий’, *žeren* ‘рыжий’ объясняется ранним смешением двух разных основ (ЭСТЯ, с. 22–25).

джерганак, -а ‘колючий дикорастущий кустарник’ Северное Прииссыккулье (СРНГ, т. 8, с. 43) // Из кирг. *чырканак* или *чычырканак* ‘облепиха’, ср. узб. *ер-кунуқ* ‘горлец’ (Шипова, с. 122); [Жаримбетов, 1980, с. 100]. Заросли облепихи – обычная растительность по берегам Иссык-Куля.

джерма ж. ‘род судна’: ...судно арабское, джерма зовомое... середина XVII в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 242), ст.-польск. *dzerma* ‘открытое судно для плавания по Нилу’ XVI–XVII вв. // Из араб. *ġart*, *ġert* ‘вид лодки, барка’, возможно, через незасвидетельствованное осм.-тур. **cer(i)m* (Stachowski, 2014, s. 161).

Сходного происхождения, видимо, ст.-рус. *дермь*: ...легкое судно, нарицаемое *дермь* 1628 (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 229).

джибызга ‘вид растения’: *растет как елочка, пахнет укропом; из джибызги делают дудочки* Уральск. (СлГУрК, т. 1, с. 407) // Речь идет, видимо, о растении *Ephedra* – *хвойник* или *хвоцевик*. Ср. рус. диал. *джибызга*, название музыкального инструмента из длинной дудки хвоцевика (первая половина XIX в.)⁷. Обозначение инструмента, очевидно, из источника, близкого казах. *сыбызгы* (ср. башк. *һыбызгы*, карач.-балк. *сыбызгы*, тат. *сыбызгы*) ‘свирель, дудка из дерева, тростинки или меди’⁸. Название инструмента перенесено на растение. Ср. *сирень* и греч. *σῦριγξ* ‘трубка’.

джигит, -а ‘искусный и отважный наездник (сначала у кавказских горцев)’ (Даль, т. 1, с. 434): *Толпа джигитов удалая* 1832 (Лермонтов, «Измаил-бей»), *Джигиты наши в бой летят* 1830 (Пушкин, «Стамбул гяуры нынче славят») // Вероятно, из тюркских языков Кавказа, из источника типа карач.-балк. *жигит*, ср. родственные казах. *жігіт*, кирг. *жигит*, узб. *йигит* и под. тюркские слова в значениях ‘юноша, парень, молодой человек’ (Фасмер, т. 1, с. 510–511; Шипова, с. 122; Черных, т. 1, с. 249; ЭСТЯ, с. 198–199). В среднеазиатских владениях Российской империи *джигитами* называли местных жителей, служивших при русских войсках проводниками, посыльными и разведчиками⁹.

джигитай ‘дикая малорослая лошадь с головой, похожей на ослиную’ ирк., сиб., *джигитей* ‘то же’ сиб. (СРНГ, т. 8, с. 44), *джигетай* ‘робкое животное из породы лошадей, в Южной Сибири’ 1861 (ПСИС, с. 167) // Из тат. *žigitai*, тел. *čigätäi* ‘дикий осел, лошак’, тур. *čigätäi* ‘кулан (в Сирии, Месопотамии)’ < монг., ср. п.-монг. *čiketei* ‘имеющий уши’, ‘дикий осел’, маньчж. (< монг.) *чиктэ* или *чихэтэ* ‘мул’ = ‘ушастый’ (Фасмер, т. 1, с. 511; Räsänen, S. 110; Шипова, с. 122).

Ср. рус. *чикичей* ‘дикий ослик, полуконь, уши длинные, масти буланой’ забайк. (Даль, т. 4, с. 604) < **чикитей* < монг. *čiketei* (ЭСРДС, с. 184, 661).

джида ‘растение лох узколистный’ 1870 (Н. М. Пржевальский; нередко в литературе, см. НКРЯ), *джида́*, реже *джюда́* ‘лох, дерево и плоды’, уменьш. *джи́дичка* Уральск. (СлГУрК, т. 1, с. 407), *джи́да* (*чигда*) ‘растение лох’, ‘плоды этого растения’ 1722–1724 гг. [Жаримбетов, 1980, с. 100]; (СлРЯ XVIII, вып. 6, с. 123) // Из тюркских языков, ср. казах. *жиде*, кирг. *жийде*, диал. *жигдә*, узб. *жийда* ‘то же’, чаг. *чигда* ‘грудная ягода’ при др.-тюрк. *jigda* ‘джида, лох’, калм. *zegd*⁹ ‘вид пустынного кустарника, корни которого служат топливом’.

⁷ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1820-1840/Perovskij_V_A/text5.htm/.

⁸ http://www.kazakhstan-tourist.isd.kz/page.php?page_id=196&lang=1/.

⁹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Джигит/>.

монг. *жигд* ‘джида’ (Шипова, с. 122; Räsänen, S. 202). Тадж. *чигда* < тюрк. Плоды джиды, подобно финикам, служили важным путевым припасом для караванов Центральной Азии [Стеблин-Каменский, 1982, с. 114–115].

джинн (*джиинь*) ‘татарский праздник перед паровою пашней, это один день в году, когда женщины на гулянье выказывают лицо; тут высматривают невест’ казан. (Даль, т. 1, с. 434) // Из тат. *жыен* ‘мир, сходка’, ‘молодежное гулянье’, диал. ‘праздник плуга, сабантуй’, *жунун* ‘большое собрание, летнее гульбище’, ср. казах. *жыын* ‘сборище народа’ и др. (Шипова, с. 122; ЭСТЯ, с. 271–272). В СРНГ (вып. 8, с. 44) рус. слово дано с искажением: *джигин*.

джилик (*злик*) ‘одна из 12 частей туши животного’ Уральск. (СлГУрК, т. 1, с. 408; т. 2, с. 95) // Едва ли отделимо от казах., кирг. *жилик* ‘трубчатая берцовая кость у мелких жвачных животных’ = тюрк. *йлик* ‘костный мозг’ (об этих словах см. (ЭСТЯ, с. 265–266)). Соотношение значений не совсем понятно. Следует иметь в виду также рус. *чилик* ‘четвертая часть туши коровы’ Уральск. (СлГУрК, т. 4, с. 445).

джимбирек, -а уст. ‘деревянная пушка’: *В Гурьеве джимбиреки поделали, да ведь как палят-то шибко, ой-бэй-яй!* Уральск., XIX в. (СлГУрК, т. 1, с. 408) // Из тюрк. источника типа казах. *зеңбирек* ‘пушка, орудие’ < осм.-тур. *zenberek* < перс. *zanburak*.

джитаган ‘татарский музыкальный инструмент, род гуслей’ сиб., *джитагон* ‘род гуслей’ енис. (СРНГ, т. 8, с. 44) // От названия музыкальных инструментов тюрков, населявших верховья Енисея и смежные территории (в записях XVIII–XIX вв.): *Jätäga, Jättäga, Jättagan, джамыган, Dschatagan*, ср. хак. *čatxan*, саг., шор. *čadyuan*, тел., кач., койб. *jadyuan*, тув. *čadyuan* ‘народный музыкальный инструмент, лежащая арфа’, казах. *жетыген* ‘семиструнный щипковый инструмент вроде гуслей или лежащей арфы’, п.-монг. *jatyuan*, калм. *ja^hγv*, монг. *ятга*, далее связывают с маньчж. *фитухан* ‘бандура’ (Räsänen, s. 192–193; ЭСРДС, с. 185, 647); ср.: (Doerfer, Bd. 1, S. 546–550; Bd. 4, S. 327; ЭСТЯ, с. 156–157).

джора́бки мн. ‘носки’ Азерб., *джура́пки, шура́пки* мн. ‘персидские цветные носки (шерстяные, узорочные)’ астрах., *жура́пки* мн. ‘то же’ астрах., кавк. (Даль, т. 1, с. 434, 548; СРНГ, т. 8, с. 45), // Адаптированное с помощью суффикса -к- заимствование из азерб., тур. *žurab*, тур. *čorap* ‘чулок, гамаш’ < перс. *ğorāb, ğurāb* (Фасмер, т. 1, с. 511; Räsänen, S. 127; Шипова, с. 124).

джунéнь ‘лошадка-трехлетка’ Уральск. (СлГУрК, т. 1, с. 409) // Вероятно, из источника типа казах., ккалп. *дөнен*, башк. *дүнен* ‘лошадь 3–4 лет’ < монг. *dönen* ‘четырёхлетний (о скоте)’ (Räsänen, S. 140). Ср. рус. *дунán* ‘трехлетний киргизский баран’ оренб. (СРНГ, т. 8, с. 257) < тюрк. Рус. диал. *дунán, дунún* ‘трех-, четырехлетний теленок, жеребенок’ вост.-сиб. (СРНГ, т. 8, с. 258), судя по географии, усвоено скорее непосредственно из монгольских языков, точнее, из бур. *дунен* (ЭСРДС, с. 191).

джурма́, *джурьма́* ‘мучная похлебка, приправленная луком, маслом и яйцами’, уменьш. *джурми́чка* Уральск., *дзурма́* и *дзурьма́* ‘кушанье уральских казаков’ (пригоршня муки, соль и вода растираются между руками; получают небольшие шарики, которые опускают в кипящую воду; так же у казахов) Уральск. (СРНГ, т. 8, с. 45; СлГУрК, т. 1, с. 409) // Вероятно, из источника типа казах., кирг. *жарма* ‘похлебка из дробленого жареного зерна’ (= тат. *jarma* ‘крупа’ и др., см. выше

о рус. *джарба́*). Вокализм первого слога рус. *джурма́* мог испытать влияние рус. *сурна́* ‘мясной бульон’, ‘уха’ Уральск. (СлГУрК, т. 4, с. 210), ср. казах. *сорпа* ‘похлебка’ и под. < перс. *šōrbā* от *šōr* ‘соль’ (Räsänen, S. 116). И. Г. Добродомов [1970, с. 24] допускал для *джурма́*, *дзюрма́* чувашско-булгарское посредство.

джусáн (*джюсáн*, *чюсáн*, *дюсáн*, -нь) ‘полынь’: *бараны очень хорошо уважают джусан* Уральск. (СлГУрК, т. 1, с. 410), *жусáн*, *джусáн* ‘мелкая горькая полынь, идет на корм скоту’ оренб. [Мызников, 2019, с. 196] // Из казах. *жусан* ‘полынь’, родственного др.-тюрк. *jarčan*, *javšan* и др. ‘то же’. Из тюркских языков др.-рус. *ювиань*, *юмиань* ‘название разных видов полыни’, рус. диал. *чаипáн* ‘полынь’ (Фасмер, т. 2, с. 7; ЭСРДС, с. 647; ЭСТЯ, с. 53–55); [Жаримбетов, 1980, с. 104].

джут, -а ‘массовая гибель скота на зимних пастбищах от бескормицы’ 1913 г. (НКРЯ) // Встречается главным образом в текстах о Средней Азии. Из казах. *жұт*, кирг. *жут* ‘массовый падеж скота, вызванный обледенением пастбищ или обильным снегопадом’, ср. тюрк. *jut* ‘гибель животных от гололедицы, глубокого снега’, монг. *зуд*, п.-монг. *žud* ‘глубокий снег, гололедица, которые не дают животным выкапывать копытами траву’ (ЭСТЯ, с. 255–256; Шипова, с. 124).

дзерéн, -а ‘вид южной антилопы, сайга’ сиб. (СРНГ, т. 8, с. 46; Даль, т. 1, с. 435), *Dseren* XVIII в. (по данным Г. Ф. Миллера, см. (ЭСРДС, с. 186)) // Вероятно, из южно-бурятского источника (с рефлексацией монг. *ž* > *дз*), связанного с п.-монг. *žegeren* ‘антилопа’, бур. *зээрэн*, монг. *зээр(эн)* ‘антилопа, серна’, калм. *zērn* ‘косуля, серна, антилопа’, см. выше о слове *джейра́н*. Заимствование в русский из калмыцкого (ср. (Фасмер, т. 1, с. 511)) сомнительно.

Рус. диал. *зэрен* ‘антилопа-джейран’, *зерéн* ‘то же’, *зерéна* ж. ‘самка джейрана’ и под. (СРНГ, т. 11, с. 265) < бур. *зээрэн* (ЭСРДС, с. 213).

жирит ‘бросковое копьё, дротик’ (Даль, т. 1, с. 434), ст.-польск. *dziryt* ‘вид копья с коротким древком и узким наконечником (для охоты и боя)’ XVII–XVIII вв. (Stachowski, 2014, s. 167) // Из осм.-тур. *cirit* ‘вид дротика без наконечника’ < араб. *ğarīd* ‘ветви пальмы с сорванными листьями’, ‘деревянный дротик без наконечника (для боя джигитов)’ (Stachowski, 2014, s. 167–168).

журá II ‘густой кустарник’ Алт. (ИЭСРГА, вып. 3, с. 261) // Возможно, из тюркского источника типа алт. *jurā* ‘низенький кустарник’, тув. *čyrā* ‘ивняк, заросли ивы’, тоф. *čyrā* ‘карликовая береза’ [Рассадин, 1971, с. 200]. Смущает гласный первого слога в русском слове. Ср. рус. диал. *чирá* ‘труднопроходимое место в лесу’ < тюрк. (ЭСРДС, с. 664).

зелена ‘вид одежды’ XIII–XIV вв. (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 369), *зелёнь* ‘татарский женский кафтан без рукавов’ (Фасмер, т. 2, с. 92), *зиян* ‘женское татарское верхнее платье’ (Даль, т. 1, с. 681) // Из тюркских языков, ср. тат. *jilān* = *жилән*, башк. *йелән* ‘летнее пальто, суконная поддёвка, женский халат’ (ТТЭС, т. 1, с. 269). Источником заимствования мог быть тюркский диалект типа татарско-мишарского, где тюрк. *j* > *з*.

По данным НКРЯ, слово *зиян* дважды встречается в романе «Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова, в одном из двух случаев не совсем согласуется с толкованием Даля: *Пришел молодой Али в безрукавном, алого сукна, зияне*.

Татарское слово наряду с осм.-тур. *jäläk* (тур. *yelek*) ‘жилет’ сближают с п.-монг. *degelei* ‘куртка, камзол’, бур. *дэгэл* ‘шуба, пальто’ (откуда рус. диал.

дыгыль, *дыгыл* ‘бурятская, монгольская шуба’ (РЭС, вып. 15, с. 179)). Из монгольского – вост.-тур. (чаг.) *degle* (*däglä*) ‘старинная верхняя одежда с широкими рукавами’, *tegle*, *degilej*, *degile* и др. ‘род короткой верхней одежды’, откуда ст.-рус. *дылья* ‘род одежды’ (РЭС, вып. 15, с. 182). Сопоставление тюркских слов типа тат. *jilän*, тур. *yelek* с монгольскими не всеми признается надежным (ЭСТЯ, с. 178–179). Из османского усвоено араб. *ğalika* ‘рубаша рабов-христиан на галерах’ > франц. *gilet*, откуда рус. *жилёт* [Добродомов, 1970, с. 67–70].

От названия одежды *зелена*, *зелень* следует отделять др.-новг. *зелень* ‘зеленая ткань’ (вопреки [Добродомов, 1975, с. 33–34; 2000, с. 297–311]). Это древненовгородское название ткани входит в ряд исконных слов *рвань*, *ткань*, *вётошь*, *чьрнь*, *синь*, *жьльть* и т. п. [Зализняк, 2004, с. 609–610].

зембель ‘мешок’, ‘корзина, кошелка, сумка’ сарат., *зембиль* ‘то же’ сарат., Азерб., *зимбиль* ‘род округлого кулька, мягкой корзины из рогоза, чакана, в них привозят плоды из Персии’ астрах. (СРНГ, т. 11, с. 272), *зинбель* ‘род округлого куля, мягкой корзины (из камыша)’ 1594 (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 391) // Через тур. *zembil* (*zämbil*) ‘плетеная корзина с двумя ручками’ и /или непосредственно из перс. *zambīl* (Фасмер, т. 2, с. 97) = араб. *zanbīl* (-mb-) < *zabīl* / *zibbīl* ‘корзина’ < арам. *z^hbīlā* ‘различные инструменты, особенно корзина, лопата’ < аккад. *zabbīlu*, *zabbīlu* ‘то же’ от *zabālu* ‘нести’ (Stachowski, 2019, S. 370). Из персидского происходят курд. *zambīl*, арм. *zambil* и др. (Цаболов, т. 2, с. 507).

Не совсем ясен конечный -р в рус. *зинбир* обл. ‘мягкая плетеная корзина, куль’ (СлРЯ XVIII, вып. 8, с. 180).

Рус. *джембель* ‘плетеная корзинка’ Уральск. [СлГУрК, т. 1, с. 406] усвоено, вероятно, через казахское посредство.

зендень ‘тюрьма’ 1500 (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 362) // Заимствовано через тюркское посредство (тур. *zindan*, *zindan* и др.) или непосредственно из перс. *zindān* ‘(подземная) темница’ (Stachowski, 2019, S. 371), ср. ср.-перс. *zēndān* и под. (Цаболов, т. 2, с. 525). Слово довольно широко распространялось в разных языках (Средняя Азия, Афганистан, Пакистан, Иран, Азербайджан, Северный Кавказ), известно и в современном русском (например, при описании событий в «горячих точках») в форме *зиндан* (НКРЯ)¹⁰.

Список сокращений названий языков, диалектов и говоров

азерб. – азербайджанский, Азерб. – русские говоры в Азербайджане, Алт. – русские говоры на Алтае, алт. – алтайский, англ. – английский, араб. – арабский, арам. – арамейский, аккад. – аккадский, арм. – армянский, астрах. – астраханский, башк. – башкирский, болг. – болгарский, бур. – бурятский, вост.-сиб. – восточно-сибирский, вост.-тур. – восточнотурецкий, диал. – диалектный, дон. – донской, др.-новг. – древненовгородский, др.-рус. – древнерусский, др.-тюрк. – древнетюркский, енис. – енисейский, забайк. – забайкальский, ирк. – иркутский, кавк. – кавказский, казан. – казанский, казах. – казахский, калм. – калмыцкий, карач.-балк. – карачаево-балкарский, кач. – качинский, кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, койб. – койбальский, курд. – курдский, макед. – македонский, маньчж. – маньчжурский, минус. – минусинский, монг. – монгольский, оренб. – оренбургский, осм.-тур. – османо-турецкий, перс. – персидский, п.-монг. – пись-

¹⁰ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Зиндан/>.

менный монгольский, прииртыш. – прииртышский, рус. – русский, саг. – сагайский, сарат. – саратовский, сиб. – сибирский, ср.-монг. – среднемонгольский, ср.-перс. – среднеперсидский, ст.-рус. – старорусский, тадж. – таджикский, тат. – татарский, тел. – телеутский, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, тюрк. – тюркский, узб. – узбекский, Уральск. – говоры уральских (яицких) казаков, уст. – устаревший, хак. – хакасский, Хакас. – русские говоры в Хакасии, чаг. – чагатайский, шор. – шорский

Список литературы

Аникин А. Е. Из истории русских диалектных слов I (*говéд(т)ник, дохóрь, есáк, жéл, жерсть, жим, дúнда, дóхта, сбрэндить*) // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 2. 2021а. Т. 23/3. С. 248–263.

Аникин А. Е. Из истории слов II // Севернорусские говоры 21. СПб.: ИЛИ РАН, 2021б. С. 9–36.

Аникин А. Е. Из истории слов III // Сибирский филологический журнал. 2022а. № 4. С. 220–232. DOI 10.17223/18137083/81/17

Аникин А. Е. Из истории слов IV // Севернорусские говоры 22. СПб.: ИЛИ РАН, 2022б. С. 7–22.

Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник 3. М., 1958. С. 3–47.

Добродомов И. Г. К истории культурных терминов тюркского происхождения // Сов. тюркология. 1970. № 3. С. 67–70.

Добродомов И. Г. Отражение тюркского начального *j*- в булгаризмах славянских языков // Сов. тюркология. 1975. № 3. С. 23–35.

Добродомов И. Г. Полнота эксцерпированного материала и достоверность лексикологических изысканий (тюркизм *зелена, зелень, зияян* в русской письменности) // Palaeoslavica. 2000. Вып. 8. С. 297–311.

Жаримбетов А. Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. Нукус: Каракалпакстан, 1980. 211 с.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: ЯСК, 2004. 867 с.

Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.: Наука, 1979. 266 с.

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб: Нестор-История, 2019. 1064 с.

Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 251 с.

Стеблин-Каменский И. М. Очерки по истории лексики памирских языков: названия культурных растений. М.: Наука, 1982. 167 с.

Супрун А. Е. Среднеазиатская лексика в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1963. Вып. 4. С. 145–159.

Список источников и словарей

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1–4.

ИЭСРГА – Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / Под ред. Л. И. Шелеповой. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007–2009. Вып. 1–3.

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.
- ПСИС – Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Изд. Е. П. Печаткина, 1861.
- РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Нестор-История, 2007–2022. Вып. 1–16. (Издание продолжается)
- СлГУрК – *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков: В 4 т. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. С. Г. Бархударов, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько, Р. Н. Кривко. М.: Наука, 1975–2019. Вып. 1–31. (Издание продолжается)
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. / Ред. О. С. Сорокин, Л. Л. Кутина, А. А. Алексеев. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019. Вып. 1–22. (Издание продолжается)
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–52). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Т. 1–52. (Издание продолжается)
- СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.
- ТТЭС – *Әхмәтъянов Р. Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге. Казан: Мәгариф-вакыт, 2015. Т. 1–2.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987. (1-е изд. М.: Прогресс, 1964–1973)
- Цаболов Р. Л.* Этимологический словарь курдского языка. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1; 2010. Т. 2.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского литературного языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1994.
- Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. 444 с.
- ЭСРДС – *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 765 с.
- ЭСТЯ – *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Ж, Й. М.: Наука, 1989.
- Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Steiner, 1963–1975. Bd. 1–4.
- Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969.
- Stachowski S.* Słownik historyczno-etymologiczny turczyznów w języku polskim. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2014.
- Stachowski M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der türkischen Sprache. Kraków: Księgarnia Akademicka Sp. z o.o., 2019.

References

- Anikin A. E. Iz istorii russkikh dialektnykh slov I (govéd(t)nik, dokhór', esák, zhel, zherst', zhim, dýnda, dókhta, sbréndit') [From the history of Russian dialect words I (govéd(t)nik, dokhór', esák, zhol, zherst, zhym, dýnda, dókhta, sbréndit)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2021a, vol. 23/3, pp. 248–263.
- Anikin A. E. Iz istorii slov II [From the history of words II]. In: *Severnorusckie govory 21* [The Northern Russian dialects 21]. St. Petersburg, ILS RAS, 2021b, pp. 9–36.
- Anikin A. E. Iz istorii slov III [From the history of words III]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 4, pp. 220–232. DOI 10.17223/18137083/81/17
- Anikin A. E. Iz istorii slov II [From the history of words II]. In: *Severnorusckie govory 22* [The Northern Russian dialects 21]. St. Petersburg, ILS RAS, 2022, pp. 7–22.
- Dmitriev N. K. O tyurkskikh elementakh russkogo slovarya [On the Turkic elements of the Russian dictionary]. In: *Leksikograficheskiy sbornik 3* [Lexicographic collection 3]. Moscow, 1958, pp. 3–47.
- Dobrodomov I. G. K istorii kul'turnykh terminov tyurkskogo proiskhozhdeniya [On the history of cultural terms of Turkic origin]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1970, no. 3, pp. 67–70.
- Dobrodomov I. G. Otrazhenie tyurkskogo nachal'nogo j- v bulgarizmakh slavyanskikh yazykov [Reflection of the Turkic initial j- in the Bulgarisms of the Slavic languages]. *Sov. tyurkologiya*. 1975, no. 3, pp. 23–35.
- Dobrodomov I. G. Polnota ekstserpirovannogo materiala i dostovernost' leksikologicheskikh izyskaniy (tyurkizm zelena, zelen', zilyan v russkoy pis'mennosti) [The completeness of the excerpted material and the presence of lexicological research] (Turkism *Zelena*, *Zelen'*, *Zilyan* in Russian writing). *Palaeoslavica*. 2000, iss. 8, pp. 297–311.
- Menges K. G. *Vostochnye elementy v "Slove o polku Igoreve"* [Oriental elements in the Tale of Igor's Campaign]. Leningrad, Nauka, 1979, 266 p.
- Myznikov S. A. Russkiy dialektnyy etimologicheskii slovar'. *Leksika kontaktnykh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 1064 p.
- Rassadin V. I. *Fonetika i leksika tofalarskogo yazyka* [Phonetics and vocabulary of the Tofalar language]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1971, 251 p.
- Steblyn-Kamenskiy I. M. *Ocherki po istorii leksiki pamirskikh yazykov: Nazvaniya kul'turnykh rasteniy* [Essays on the history of the vocabulary of the Pamir languages: Names of cultivated plants]. Moscow, Nauka, 1982, 167 p.
- Suprun A. E. Sredneaziatskaya leksika v russkom yazyke [Central Asian vocabulary in Russian language]. In: *Etimologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Etymological research on the Russian language]. Moscow, 1963, iss. 4, pp. 145–159.
- Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialect* [Ancient Novgorod dialect]. 2nd edition, revised taking into account the material of the finds from 1995–2003 gg.] Moscow, LRC Publishing House, 2004, 867 p.
- Zharimbetov A. *Tyurkskiye leksicheskiye elementy v russkoy nomenklature rasteniy* [Turkic lexical elements in Russian plant nomenclature] Nukus, Karakalpakstan, 1980, 211 p.

List of sources and dictionaries

Akhmetyanov R. G. *Tatar telenej etimologik süzlege* [Etymological dictionary of the Tatar language]. Kazan, Magarif-vakyt, 2015, vol. 1–2.

Anikin A. E. *Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian dialects of Siberia. Loanwords from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages]. 2nd ed., corr. and suppl. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 765 p.

Anikin A. E. *Russkij etimologicheskij slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow, Manuscript monuments of Ancient Rus', Znak, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Nestor-Istoriya, 2007–2022, iss. 1–16. (in progress)

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vols.]. Moscow, Rus. yaz., 1994.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. 2nd ed. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarye, 1955, vols. 1–4.

Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen: Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit.* Wiesbaden, Steiner, 1963–1975, vols. 1–4.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. O. N. Trubachev (Transl. from German and suppl.), B. A. Larin (Ed. and pref.). 2nd ed. Moscow, Progress, 1986–1987. (1st ed. Moscow, Progress, 1964–1973)

Istoriko-etimologicheskij slovar' russkikh govorov Altaya [Historic and etymological dictionary of Russian accents of the Altai]. L. I. Shelepova [Ed.]. Barnaul, AltSU Publ., 2007–2009, iss. 1–3.

Malecha N. M. *Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov: V 4 t.* [Dictionary of dialects of the Ural (Yaik Cossaks): In 4 vols.]. Orenburg, Orenburg Publ. House, 2002.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian language]. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

Polnyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [A complete dictionary of foreign words included in the Russian language]. St. Petersburg, Ye. P. Pechatkin Publ., 1861.

Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen.* Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1969

Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na bukvy 'Ж', 'ZH', 'Y'* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Bases on the Letters 'Ж', 'ZH', 'Y']. Moscow, Nauka, 1989.

Shipova Ye. N. *Slovar' tyurkizmov v russom yazyke* [Dictionary of Turkisms in the Russian Language]. Alma-Ata, Nauka, 1976, 444 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. F. P. Filin (Ed. in Ch. vols. 1–23), F. P. Sorokoletov (Ed. in Ch. vols. 24–46), S. A. Myznikov (Ed. in Ch. vols. 47–52). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965–2021, vols. 1–52. (in progress)

Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th centuries]. S. G. Barkhudarov, D. N. Shmelev, G. A. Bogatova, V. B. Krysko, R. N. Krivko (Eds.). Moscow, Nauka, 1975–2019, iss. 1–31. (in progress)

Slovar' russkogo yazyka 18 v. [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. O. S. Sorokin, L. L. Kutina, A. A. Alekseev (Eds.). Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1984–2019, iss. 1–22. (in progress)

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of the Russian Language: In 4 vols.]. A. P. Evgen'ev (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarye, 1957.

Stachowski M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der türkischen Sprache*. Kraków, Księgarnia Akademicka Sp. z o.o., 2019.

Stachowski S. *Słownik historyczno-etymologiczny turcyzmów w języku polskim*. Kraków, Księgarnia Akademicka, 2014.

Tsabolov R. L. *Etimologicheskii slovar' kurdsкого yazyka* [Etymological dictionary of the Kurdish language]. Moscow, Vost. lit., 2001, vol.1; 2010, vol. 2.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Аникин, академик РАН, доктор филологических наук

Scopus Author ID 57206656976

WoS Researcher ID L-5718-2017

Information about the author

Alexander E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology

Scopus Author ID 57206656976

WoS Researcher ID L-5718-2017

Статья поступила в редакцию 10.01.2023;

одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 19.01.2023

The article was submitted on 10.01.2023;

approved after reviewing on 19.01.2023; accepted for publication on 19.01.2023

Научная статья

УДК 81'36

DOI 10.17223/18137083/82/19

Артефакт «юрта» как объект киргизской и тувинской лингвокультуры

Замира Касымбековна Дербишева

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
Бишкек, Кыргызстан

zamira.derbisheva@manas.edu.kg, <http://orcid.org/0000-0003-4333-4425>

Аннотация

Рассматривается артефакт «юрта» в терминах когнитивной лингвистики, который представлен концептами *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ*. Лингвокультурный анализ данных концептов позволил выявить специфику этноязыкового восприятия, раскрывающего роль, место и значимость юрты в жизни киргизского и тувинского народов. В структуре данных концептов когнитивно-понятийное ядро раскрывает элементы познавательного осмысления юрты, связанные с ее пространственной сегментацией, детализацией фрагментов, функциональным назначением атрибутов юрты. Образно-символический уровень концептов демонстрирует результаты чувственно-ассоциативного восприятия юрты в тувинском языке через символизацию пространства, в киргизском языке через символизацию предметов. Культурно-ценностный уровень концептов эксплицирует тезис о том, что юрта у тувинцев и киргизов является средоточием культурных традиций, обрядов, обычаев, идущих из глубин веков.

Ключевые слова

киргизский язык, тувинский язык, концепт, лингвокогнитивный, лингвокультурный, языковая вербализация, языковая картина мира, юрта

Для цитирования

Дербишева З. К. Артефакт «юрта» как объект киргизской и тувинской лингвокультуры // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 257–271. DOI 10.17223/18137083/82/19

© Дербишева З. К., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 257–271
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 257–271

The artifact “yurt” as an object of Kyrgyz and Tuvan linguoculture

Zamira K. Derbisheva

Kyrgyz-Turkish Manas University
Bishkek, Kyrgyzstan

zamira.derbisheva@manas.edu.kg, <http://orcid.org/0000-0003-4333-4425>

Abstract

The “yurt” artifact is a part of the Kyrgyz and Tuvan peoples’ systems of cultural values. As a cognitive mechanism, language offers its own linguistic and creative interpretation. This paper considers the artifact “Yurt” in terms of cognitive linguistics by analyzing the concepts of *boz üy* and *өг*. The linguistic and cultural analysis of these concepts made it possible to reveal the specificity of their ethnolinguistic perception that discovers the role, place, and significance of “yurt” in the linguistic worldview of the Kyrgyz and the Tuvan peoples. Common cultural and linguistic roots of the Kyrgyz and Tuvan people and their long-term coexistence in the historical arena have predetermined the significance of parallels and correspondences in the cognitive-semantic scope of the concepts *boz üy* and *өг*. The cognitive and conceptual core of these concepts’ structure reveals the elements of the cognitive comprehension of “yurt” associated with its spatial segmentation, specification of its fragments, and the functionality of its attributes. The figurative-symbolic level of the concepts demonstrates the results of the sensory-associative perception of the yurt. In the Tuvan language, it is the symbolization of space, and in the Kyrgyz language, it is the symbolization of objects. The value-cultural level of the concepts under consideration explicates the thesis that “yurt” is the focus of cultural traditions, rituals, and customs for Tuvan and Kyrgyz peoples that have lasted since time immemorial.

Keywords

Kyrgyz language, Tuvan language, concept, linguistic and cognitive, linguistic and cultural, linguistic verbalization, linguistic world picture, yurt

For citation

Derbisheva Z. K. The artifact “yurt” as an object of Kyrgyz and Tuvan linguoculture. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 257–271. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/19

Введение

Юрта – переносное деревянно-войлочное каркасное строение с куполом у кочевых народов. Издревле она приспособлена для кочевого образа жизни. Многие современные тюркские народы, несмотря на оседлый образ жизни, донесли до наших дней этот атрибут своей культуры и стремятся сохранить юрту не только как культурно-исторический артефакт своего кочевого прошлого, но и как реалию повседневной жизни, которая в современных условиях приобрела новые функции. В нашей статье речь пойдет о киргизской и тувинской юрте, которая будет рассмотрена через призму языка как инструмента познания мира. Выбор этих двух языков вызван интересом автора относительно того, насколько эти родственные языки, будучи разделенными историей, огромной временной и пространственной дистанцией, сохранили или утратили культурно-ментальные связи.

Об общих этнических и языковых корнях киргизского и тувинского народов доказательно сообщается в статье З. В. Анайбан и М. Х. Маннай-оол «Происхож-

дение тувинцев. История вопроса» [2013]. Ссылаясь на мнение ученых-тувиноведов, они констатируют, что «... в конце XIII–XIV вв. этнический состав населения Тувы уже включал в основном те группы, которые приняли участие в формировании тувинского народа, – потомков тюрков-тугю, уйгуров, *кыргызов* (выделено нами. – З. Д.), монголов, а также самодийские и кетоязычные племена (Тюркские народы Восточной Сибири, 2008: 23)» [Там же, с. 21]. Подтверждая тюркоязычное родство тувинцев, авторы апеллируют к заключению тюрколога В. В. Радлова: о том, что тувинцы «говорят на турецком (т. е. тюркском. – З. А., М. М.) языке», а по происхождению они «представляют смешанную из киргизов, самоедов и енисейских остяков народность» [Там же, с. 24]. Тувинское название юрты *өг* и киргизское *уй* имеют общетюркское происхождение, основным значением которого является ‘дом’. В киргизском языке закрепилось словосочетание *боз уй*, что означает «серый дом».

Концепты *БОЗ УЙ* и *ӨГ* представляют реалии, имеющие несомненную культурную ценность для тувинского и киргизского народов, и на этом основании их можно отнести к ключевым концептам национальной картины мира. Тувинский ученый Ч. К. Ламажаа к концептам тувинской культуры относит такие понятия, как: *төрээн черим* ‘родная земля’, *авай* ‘мама’, *ачай* ‘папа’, *ада-ие* ‘отец-мать’, ‘родители’, *мал* ‘скот’, *хун* ‘Солнце’, ‘день’, *Шагаа* (празднование Нового года по лунному календарю) и мн. др. По мнению Ч. К. Ламажаа, «это слова-образы, имеющие огромное значение в жизни человека, которые он понимает в обыденной жизни, которые составляют важные части его существования, являются в том числе мыслительными маркерами его идентичности, и которые сращены с другими образами повседневности» [2012, с. 33]. В этом контексте можно говорить о мировоззренческой ценности киргизского концепта *БОЗ УЙ* и тувинского концепта *ӨГ*, которые будут описаны по методике лингвокогнитивного анализа (см. [Степанов, 2004; Воркачев, 2004; Слышкин, 2004; Карасик, 2004; Попова, Стернин, 2007]).

Концепты *БОЗ УЙ* и *ӨГ* будут изучены с точки зрения языковой вербализации (лексико-фразеологической, паремиологической), и на основе семантического анализа языковых единиц будет смоделирована структура данных концептов, состоящая из понятийно-когнитивного ядра, образно-символического и культурно-ценностного уровней.

1. Лингвокогнитивный анализ лексических номинаций концептов *БОЗ УЙ* и *ӨГ*

Для раскрытия языковой картины мира лингвисты обращаются прежде всего к лексике языка. Лексика, будучи огромным хранилищем словарного состава языка, по своим правилам воплощает разные фрагменты картины мира. При количественном и качественном измерении лексической вербализации в лингвокогнитивных исследованиях используется термин «номинативная плотность», предложенный В. И. Карасиком. Под номинативной плотностью понимается степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик, 2004, с. 112]. Хрестоматийными иллюстрациями фактора номинативной плотности стали примеры с многочисленными лексическими номинациями снега у северных народов, раз-

новидностей песка у жителей пустыни, детальных обозначений фрагментов горного ландшафта у горцев и т. д. [Карасик, 2004, с. 112].

В этом плане концепты *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* в киргизском и тувинском языках демонстрируют высокую степень номинативной плотности, которая реализуется в десятках лексических номинаций, детализирующих внешний облик юрты, виды деревянных конструкций, войлочных покрытий, предметов внутреннего убранства, бытовых принадлежностей и т. д. (см. таблицу)¹

Когнитивные признаки, присущие первой лексической группе:

1) актуализация пространственных параметров юрты (верх, низ, передняя, задняя часть);

2) конкретизация формы деталей конструкций юрты (вогнутый, круглый и др.).

3) функциональное назначение частей юрты (для прохождения дыма, для подпорки и т. д.).

Вторая группа лексики актуализирует общие для двух языков когнитивные признаки:

1) характер материала покрытия юрты;

2) признак локального размещения деталей юрты.

Следующий дифференцирующий когнитивный признак характеризует тувинскую юрту:

1) признак большей значимости деталей юрты (главное покрытие).

В киргизских номинациях кошмы (третья лексическая группа) дифференциация идет на основании колоративного признака изделия:

Киргизский язык

ширдак ‘киргизский палас ручной работы, предназначенный для настила в юрте’.

Тувинский язык

ширтек ‘сотканный из белой шерсти овцы, войлок для настила в юрте’;
дөр ширтээ ‘настил для хозяина юрты’;
дөжөк баарының ширтээ ‘настил для хозяйки юрты’;
чүък баарының ширтээ ‘настил для гостей’;
эжик аксынга тас алгы чадар ‘настил из шкуры коровы у двери’.

Когнитивный дифференцирующий аспект связан с большей языковой детализацией видов ширтека по признаку его субъектного назначения в тувинском языке, например:

Киргизский язык

жүк ‘горка в глубине юрты из сложенных друг на друга разноцветных стеганых одеял и подушек’;
төшөк ‘толстая матерчатая подстилка, которую набивают шерстью или ватой’.

Тувинский язык

чүък ‘вьок для постельных принадлежностей’;
барба, таалың ‘кожаные мешки для вещей, одежды’;
сыртык бажы ‘валиковая подушка у изголовья’;
дөжөк ‘постель’.

¹ Примеры языковых обозначений киргизской юрты взяты из Киргизско-русского словаря К. К. Юдахина [1985]; примеры тувинской лексики – из Тувинско-русского словаря под ред. Э. Р. Тенишева [1968], многие примеры взяты из статьи М. С. Байыр-оол [2013].

Лексическая вербализация концептов
Lexical verbalization of concepts

№ п/п	Лексическая группа	Язык	
		киргизский	тувинский
1	Лексика, обозначающая деревянные каркасы юрты	<p><i>кереге</i> 'раздвижные деревянные решётки, составляющие круговой остов юрты'; <i>тундук</i> 'деревянное кольцо-обод на вершукке юрты, подпираемое жердями (уук)'; <i>уук</i> 'унина (изогнутые жерди, формирующие купол юрты), поддерживающие тундук'; <i>босого</i> 'дверная рама-косяк'; <i>чамгараак</i> 'вогнутые перекладыны, вставляемые крест-накрест по диаметру тундук'а'; <i>бакан</i> 'шест, которым поднимают войлочные кошмы и верхний обод юрты'</p>	<p><i>хана</i> 'сборно-раздвижное основание юрты, которое состоит из отдельных секций решето <i>дундук</i> 'дымовое отверстие юрты' (ТРС); <i>хараача</i> 'большой обруч наверху юрты для закрепления жердей' (ТРС); <i>ынаалар</i> 'длинные деревянные жерди, образующие крышу юрты'; <i>эжик</i> 'дверь'; <i>бозага</i> 'порог'; <i>багана 1</i> 'столб'; 2) 'подпорка, багана (в юрте)'; <i>адыр ыяш</i> 'жердь с сучками для подпорки'</p>
2	Лексика, обозначающая войлочные части юрты	<p><i>туурдук</i> 'войлочное покрытие (кошма – их четыре), которым обтягивается юрта по нижнему основанию'; <i>босого туурдук</i> 'два передних туурдук'а'; <i>төркү туурдук</i> 'два задних туурдук'а'; <i>туурдук боо</i> 'канаты для туурдук'а'; <i>уук</i> 'войлочные кошмы (их две), покрывающие купол юрты'</p>	<p><i>хаяатча</i> 'войлочное покрытие вокруг нижней части юрты'; <i>өреге</i> 'войлочное покрытие верхней части (хараача) юрты'; <i>адаккы</i> 'войлочное покрытие для стен юрты'; <i>дээшир</i> 'войлочная кровля юрты'</p>
3	Лексика, обозначающая предметы внутреннего убранства юрты	<p><i>кийиз</i> 'темная кошма из однотонного войлока'; <i>ала кийиз</i> 'кошма, украшенная набивным орнаментом из цветного войлока'</p>	<p><i>кийис</i> 'войлок, кошма, войлочный'</p>

№ п/п	Лексическая группа	Язык	
		киргизский	тувинский
4	Лексика, обозначающая изделия для сборки и скрепления	<p><i>туурдук боо</i> 'верёвки, которыми прикрепляется <i>туурдук</i>'; <i>жел боо (тундук боо)</i> 'шнуры для закрепления <i>тундук</i>'; <i>узук боо</i> 'шнуры для закрепления верхних войлочных покрытий'; <i>кереге чалгыч</i> 'верёвки для скрепления решетчатых фрагментов юрты (<i>кереге</i>)'; <i>саканак чалгыч</i> 'короткие палочки <i>кереге</i> (их по четыре в каждом канате)'; <i>тегирич</i> 'узкое домотканое, суровое полотно, которым украшают юрту по внутренней окружности'; <i>келделен</i> 'декоративная подстилка из для сидения, которую шьют из длинношерстной овечьей шкуры'; <i>жасдан</i> 'кованый сундук, отделанный кожей, предназначенный для хранения продуктов'; <i>сандык</i> 'деревянный сундук для хранения ценных вещей'; <i>чанач</i> 'бурдюк из цельной прокопчённой козлиной шкуры, которую используют для взбивания и хранения кумыса'; <i>туш кийиз</i> 'рукодельный настенный ковёр, орнаментированный вышивкой и лоскутными узорами из дорогих тканей'; <i>кешеге</i> 'занавес, отделяющий постель новобрачных или молодых супругов'; <i>тулга</i> 'таган-треног для казана'</p>	<p><i>базырык</i>, <i>куржангы</i> 'волосяные шнуры для закрепления верхних и нижних частей юрты'; <i>кур</i> 'войлочные пояса из шерсти яка или гривы коня для укрепления юрты изнутри и снаружи'; <i>иштиш кур</i> 'пояс, закрепляющий сверху решётку юрты'; <i>даштыы кур</i> 'пояс, стягивающий сверху войлок юрты'; <i>илдиргелээр</i> 'петли для скрепления жердей юрты'</p>
5	Лексика, обозначающая бытовые предметы юрты		<p><i>үлгүүр</i> 'кухонный шкафчик'; <i>аптара</i> 'сундук'; <i>хойтактыг доскаар</i> 'бочка с закашенным местом'; <i>көзээржик</i> 'кожаная фляжка для кумыса или араки' (ГРС)</p>

В наименованиях постельных принадлежностей в тувинском языке следует отметить номинативную детализацию, связанную с когнитивным признаком функционального назначения предметов.

В обоих языках семантическая детализация лексики, обозначающей изделия для сборки и скрепления частей и деталей юрты, достаточно высока (см. таблицу). Когнитивный интегрирующий признак в языковых номинациях относится к объектам скрепления (войлочных и деревянных объектов юрты). Когнитивный дифференцирующий признак, отличающий тувинские номинации от киргизских, связан с учетом локализации скрепления.

Когнитивный дифференцирующий признак в языковых номинациях бытовых предметов (см. таблицу) связан с материалом изготовления этих предметов и их функцией.

Таким образом, изучение тематической лексики, вербализующей концепты *БОЗ УЙ* и *ӨГ* в киргизском и тувинском языках, дает возможность сделать выводы о том, что степень лексической детализации одинаково высока в обоих языках, что свидетельствует об аксиологической значимости рассматриваемых концептов в культуре киргизов и тувинцев.

Исходя из когнитивно-семантического анализа единиц лексической вербализации, обозначающей атрибуты киргизской и тувинской юрты, можно раскрыть содержание понятийно-когнитивного ядра концептов *БОЗ УЙ* и *ӨГ*.

1. Высокая степень лексической вербализации свидетельствует о когнитивно-аксиологической значимости всех атрибутов юрты.

2. Богатство лексики, отражающее внутреннее убранство юрты, демонстрирует, с одной стороны, бесспорность утилитарной ценности предметов быта и, с другой стороны, значимость эстетического фактора в их оформлении.

3. Исходя из названий типов юрты в истории киргизского и тувинского народов, можно утверждать, что юрта являлась индикатором социального и материального благополучия.

4. Пространство киргизской и тувинской юрты имеет функциональную сегментацию по гендерному, хозяйственно-бытовому, социально-статусному параметрам.

5. В восприятии юрты у тувинцев и киргизов присутствует двойственный подход: целостный и дискретный. Целостность восприятия юрты подтверждается тесной ассоциативной связью с концептом *СЕМЬЯ*, со всем мирозданием. Вместе с тем тенденция к культурно-символическому осмыслению названия каждого фрагмента юрты свидетельствует о дискретном восприятии юрты.

Лексическое разнообразие наименований атрибутов юрты дает также основание для выводов о некоторых культурологических различиях в традиционных предпочтениях в оформлении юрты. Об этом свидетельствует высокая номинативная плотность наименований, связанных с деревянными принадлежностями, в тувинском языке и большая степень детализации наименований мягких изделий в киргизском языке.

Лексическая вербализация представила более подробную номинацию предметов бытового назначения в тувинском языке. М. С. Байыр-оол дает следующие разъяснения: «...в левой стороне находится *антара* ‘сундук’, *доскаар* ‘бочка’ с *хойтпаком* (особым образом заквашенное молоко), а также жердь с сучками (*адыр ыяш*), на которую вешаются уздечки, *аргамчы* ‘аркан, путы’ и др. Там же укладывались седла. Рядом зимой в легкой оградке из жердей помещали новорожденных домашних животных» [2013, с. 75–76]. Отличительной особенностью

обстановки тувинских юрт является разнообразие деревянных принадлежностей внутреннего убранства юрты (шкафы, бочки, низкие столики, кровати и т. п.). «Внутреннее убранство и предметы юрты изготавливались из дерева, кожи, войлока в условиях домашнего производства и по размерам и материалу были приспособлены к кочевому образу жизни» [Шойдук, 2019, с. 309].

С лингвокультурологической точки зрения интерес представляет такой атрибут тувинской и киргизской юрты, как *чүк-жук*. Вьюк с постельными принадлежностями (*чүк*) тувинцы складывали на деревянные настилы. В кожаные мешки (*барба, таалың*) каждое утро после ночного сна убирались одежда, меховые одеяла. В киргизской юрте этим предметам также уделяется особое внимание. *Жук* является декоративной частью убранства юрты и располагается вдоль задней стенки юрты, выше очага. В условиях сурового горного климата теплые стеганные одеяла, набитые овечьей шерстью, были главным предметом быта кочевого образа жизни, который оберегал от холода. Наутро после сна их также складывали поверх сундука. Но даже эту бытовую процедуру следовало выполнять с особой сноровкой, по которой оценивали умения киргизской женщины. Умение состояло в том, чтобы все эти одеяла были ровно сложены друг на друга, с особой тщательностью, в симметричную горку. Такое убранство большого количества одеял становилось украшением юрты [Акматалиев, 1996].

Непременной принадлежностью киргизских и тувинских юрт являются настилы (*ширдак* и *ширтек*). Из статьи М. С. Байыр-оол мы видим, что у тувинцев выделяется три разновидности настила, каждый из которых имеет определенное назначение: для гостей (*чүк баарының ширтээ*), для хозяйки юрты (*дөжөк баарының ширтээ*), для хозяина юрты (*дөр ширтээ*) [Байыр-оол, 2013, с. 73–75].

Процесс изготовления киргизского *ширдака* и тувинского *ширтека* во многом совпадает. Киргизский *ширдак* имеет два слоя, нижний слой из однотонной кошмы составляет основу *ширдака*, на который накладывается верхний декоративный слой, сшитый из вырезанных из разноцветного войлока национальных орнаментов; поверх *ширдака* стелятся мягкие подстилки из овечьих шкур (*көлдөлөң, төшөк*). В описании *ширтека* у Л. Ш. Шойдук мы находим схожие способы обработки изделия: «...делали из нескольких слоев войлока, прошитых белой шерстяной нитью. Стежок делали скрытым швом, образовывавшим на поверхности малозаметную пунктирную линию. Края коврика, которые обращены к центру юрты, обшивались цветной тканью, предпочтительно красной, и черной шерстяной тесьмой» [2019, с. 312]. Отличия касаются лишь деталей, а именно киргизский *ширдак* имел прямоугольную форму, был больше по размеру (2 × 4 м), тогда как тувинские *ширтеки* были маленькими, имели «трапециевидную форму, причем широкая сторона была слегка округлой» [Там же].

В структуру лексической вербализации концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* входят также названия, связанные с пространственным делением внутренней части юрты. В киргизских обозначениях выделяются: мужская часть (*эр жак*) с левой стороны от входа и женская часть (*эпчи жак*) с правой стороны; место за очагом в глубине по центру считалось почетным и называлось *төр*. Соответственно в мужской части юрты слева от двери (*улага*) находились конское снаряжение и личные вещи мужчин; в женской части – предметы домашней утвари и продукты питания. Она была отделена специальной ширмой из циновки длиной примерно в один пролет решетчатого остова юрты *канат*. Это пространство называлось *чыгдан*. В центре располагался очаг (*коломто* или *очок*). В траурной же юрте из этого пространственного деления юрты, в зависимости от пола умершего, оставалось только деле-

ние на мужскую и женскую части. Мужчину покойника до выноса тела для погребения располагали в мужской части слева, женщину – в женской части юрты, справа. Этот обычай соблюдался в строжайшем порядке. Границы остального пространства стирались [Кочкунов, 2008, с. 144].

Планировка внутреннего пространства тувинской юрты в общих чертах совпадает с киргизской юртой. Выделяются мужская и женская половины юрты (*эр* и *кыс тала*) [Цыбенкова, 2020, с. 103]. Самая отдаленная от двери часть – перед расписными сундуками – также называется *дөр*, которое является почетным местом для главы семьи или гостей [Шойдук, 2019, с. 313]. Напротив входа, в центре юрты, находится *одаг* (очаг) ‘семейный, хозяйственный и сакральный центр жилища’. Очаг помещался в небольшой ямке на круглой, овальной площадке, огороженный жердочками или камнями [Байыр-оол, 2013, с. 73].

Относительно языковых обозначений типов тувинской юрты у Л. Ш. Шойдук находим: «Основным видом жилища у кочевых скотоводов в Туве, как и у других тюрко-монгольских кочевников, являлась войлочная юрта (*кидис өг*), история которой насчитывает несколько столетий» [Шойдук, 2019, с. 303]. В словаре Э. Тенишева приводятся наименования нескольких разновидностей тувинской юрты: *алажы өг* ‘конусообразная юрта’; *кидис өг* ‘круглая войлочная юрта’; *ыяш өг* ‘деревянная юрта’ [ТРС, 1968]. В древности внешний вид юрты указывал на социальный статус ее владельца. А. П. Ермолаев в начале XX в. писал, что «величина юрты и цвет ее войлоков сразу говорят о достатке ее владельца». В белой большой юрте (диаметр около 20 м) живут люди состоятельные, «скотные», в малой и чёрной (диаметр около 5 м) – хозяева-бедняки [Ермолаев, 1919, с. 26]. Социально-классовый фактор дифференциации лежит в основе видов киргизской юрты: *ак үй* ‘белый дом’, *ордо* ‘ставка бия’ (аристократический титул), *боз үй* ‘серый дом’. Белая юрта является символом материального достатка [Алымбаева, 2016, с. 42].

2. Образно-символический контент концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ*

Образно-символический уровень концепта формируется в тувинском и киргизском языках на основе метафор и идиом. Большой интерес представляет восприятие тувинской юрты в контексте восточного календаря через символы зодиакальных животных. Всё внутреннее пространство тувинской юрты поделено на двенадцать зон, каждая из которых соответствует определенному животному. Сведения о сегментации жилища в соответствии с названиями двенадцатилетнего животного цикла приводятся в статье М. С. Байыр-оол: «Символические наименования частей жилого пространства юрты: почетная часть обозначалась как “мышь” – символ богатства, поскольку здесь стояли сундуки с наиболее ценными вещами, дома – промежуток между почетной частью и началом кровати именовался “корова”, что должно было символизировать достаток. Затем “тигр” – символ власти и мужества – место хозяина, “заяц” – символ кротости и покорности – место у заднего конца кровати, где сидела хозяйка, “дракон” – властитель неба, символ небесных и земных даров – начало стороны с продуктами, “змея” – символ влаги и земли – пространство между сундуком *бут антара* и посудной этажеркой, где хранился на трех колышках чугунный котел и стояли чайник, деревянные ведерки с водой, “лошадь” – символ подвижности – пространство у входа, так как за ним, в 10–15 шагах к западу, находилась коновязь, “овцы” – символ

нуждающихся в попечении животных и людей – внутреннее пространство жилища слева от входа, куда помещали новорожденных животных и где сидели бедняки, пришедшие за помощью, “обезьяна” – высшее животное – олицетворение места, где хранились бурдюк с кумысом, конская упряжь и оружие, “петух” – символ плодородия и молодости – место предназначенное для молодых мужчин, сыновей, хозяина, “собака” – символ преданности – начало пространства для размещения гостей-мужчин, “кабан” – символ сытости – начало размещения сундуков с ценным имуществом» [Байыр-оол, 2013, с. 75]. Метафорическое моделирование пространства своего жилища свидетельствует о доминировании у носителей тувинского языка образного мышления и склонности к символизации.

Символический аспект концепта *БОЗ ҮЙ* в киргизском языке активно проявляется во фразеологизмах. Название каждого фрагмента имеет символическую нагрузку. Очень много идиом, связанных с *тундуком*. *Тундук* в качестве важного символа отражен и на гербе и флаге страны. Самый главный смысл *тундука* во фразеологизмах связан с успехом, с достижениями. Ср.: *Түндүгү бийик болуу* ‘тундук на высоте’, *түндүгүн көтөрүү* ‘поднимать тундук’, *түндүгүнөн куюлуп туруу* ‘лется свет блага из тундука’. В следующих идиомах в качестве символов выступают номинации других фрагментов юрты. Ср.: *керегеси май болуу* (букв. *кереге* покрылось жиром) ‘у него всего стало в избытке’; в старом быту запасы мяса развешивались на *кереге*; *туурдугу май* (букв. его *туурдук* в жире) ‘он живёт в достатке’; *кара чамгарак* ‘отцовская юрта’ (букв. чёрный *чамгарак*), которая по наследству переходила к младшему сыну; *түтүн кыдыр* (досл. дым + бродить) ‘шататься по аулам’ (ныне *шутл.* по квартирам знакомых) в поисках угощения; *төр кары* (букв. почетное место в юрте + старая) *диал.* ‘старая дева’; *коломто ырчы* (досл. очаг + певец) ‘исполнитель местного значения’. Символы юрты используются часто для оценки достоинств мужчины. Ср.: *ууктай узун* (букв. высокий как верхняя жердь), *бакандай азамат* (под стать бакану), *чийдин тубун тешкен жигит* (джигит, способный пробить в глубину стемпель чия).

Номинации отдельных фрагментов юрты выполняют символическую функцию в формулах благопожелания (*бата*): *түндүгүңдөн түтүн үзүлбөсүн* ‘пусть не иссякает дым над твоей юртой’; *чамгарагың көтөрүлсүн* ‘пусть выше поднимается *чамгарак* твоей юрты’; *очогуң өчпөсүн* ‘пусть не гаснет твой очаг’; *түндүгүң бийик болсун* ‘пусть твой тундук будет высоким’, *керегең бек болсун* ‘пусть *кереге* будет прочным’; *коломтоң сапырылбасын* ‘пусть никогда не будет разрушен и развеян твой очаг’.

Символический потенциал названий деталей киргизской юрты настолько высок, что наблюдается расширение коннотативных функций этих слов. Наряду с положительными признаками, в идиомах выражены и негативные установки. Здесь символы юрты используются для выражения проклятия: *үйүң күйгүр* ‘чтобы сгорел твой дом’; *түндүгүң түшсүн* ‘пусть обрушится твой тундук’; пожелание смерти: *чыгдандын ары жагында кал* (букв. чтобы ты остался за *чыгданом* (загородка из чия, которой в юрте отгораживали покойника до выноса тела)). Немало идиом, которые через символы юрты выражают негативные деструктивные действия. Ср.: *кызыл кереге кылуу* (букв. *кереге* окрасить красным) – подвергнуть разрушению; ср.: *айыл кызыл кереге болду* (букв. *кереге* покрылось красным) ‘аул разгромлен и разграблен’; *кызыл уук кылуу* ‘разрушить’ (букв. раскрасить жерди красным); *керегени баса көктөө* ‘оказывать на кого-то силовое воздействие’ (букв. сдавить *кереге*); *керегесин жайдактоо* ‘обряд во время траура, при котором с юрты снимали войлочное покрытие’; *туурдугу сыйрылуу* ‘быть разгромленным

(врагом)' (букв. сорвать *туурдук*); ср.: *туурдугу сыйрылган эмес* 'он не подвергался разгрому и не трогался со своего стойбища; он всегда жил в покое'; *коломтону сапыруу* 'начисто уничтожить' (букв. развеять золу в очаге); *коломтосун сыйпалатуу* 'уничтожить, исчезнуть, не оставив камня на камне' (букв. чтобы от негодования шарил по земле (по полу) руками в поисках своего очага). По данным выражениям, можно понять не только сугубо бытовую, но и мировоззренческую значимость юрты для киргиза. Несмотря на метафорический характер идиом, тем не менее можно гипотетически совершить историко-культурный экскурс в прошлое киргизов, для которых юрта была и защитой и вместе с тем объектом нападения врагов.

3. Культурно-ценностный контент концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ*

Юрта – это особый язык национальных традиций. У киргизов юрту обычно собирали и ставили женщины, мужчины поднимали только *тундук*. При установлении *тундука* юрты приглашали самого уважаемого старейшину (аксакала) села для получения благословения. В знак благодарности его облачали в белую рубашку и повязывали белым кушаком. После возведения юрты приглашали уважаемую *байбиче* (женщину преклонного возраста), которая с порога проводила обряд обсыпания сладостями. В некоторых районах Киргизии вместо сладостей порог опрыскивали молоком или обсыпали мукой. Ритуал сопровождался словами *береке болсун үйүңүздө!* 'пусть в вашем доме будет изобилие'; *конушуң кут болсун, үйүңө ырыскы толсун!* 'пусть дом будет наполнен счастьем'. Церемонии завершались жертвоприношением барана, которое сопровождалось молитвой, обращением к богу; все родственники, раскрыв ладони, просили благополучия. Для того чтобы в доме было покойно, на *чамгарак* (перекладки на *тундуке*) привязывали белый платок или белую вату. Для разведения огня в очаге приглашали гостей из благополучной многодетной семьи с верой в то, что в доме родится много детей и пребудет удача.

Как следует из приведенных данных, в киргизской традиции обряды, связанные с юртой, носят семейно-бытовой характер. Факты тувинского языка показывают, что в тувинских обрядах преобладает культурно-религиозная специфика. Основное своеобразие при этом проявляется в синтезе элементов буддистских и шаманистских ритуалов. Об этом свидетельствует обряд освящения очага, для которого приглашался лама-учитель; для него готовили специальное угощение, после трапезы он лепил из толокна (*далган-талган*) фигурку серого или рыжего козлика (*серге*), ставил его на дощечку и читал молитву (*судур*). Обряду освящения очага тувинцы придавали особое значение. По словам М. С. Байыр-оол, сибирская зима, сопровождавшаяся жестокими морозами, глубокими снегами, болезнями, была для тувинцев серьезным испытанием [2013, с. 73].

Интересные культурно-ценностные сведения о юрте находим в пословицах и поговорках. Киргизские паремии о юрте имеют социокультурный смысл, раскрывающий стиль взаимоотношений среди родных и близких.

Абышка өлсө – ат бошойт, Кемтир өлсө – төр бошойт 'Умрёт старик – конь освободится, умрёт старуха – почётное место освободится'. Эта поговорка отражает определенный ментальный стереотип, характеризующий стиль отношений в киргизской традиции, а именно преемственность поколений; власть и уважение передаются младшим после ухода старших.

Бакылдаган текени суу кечкенде көрөбүз, Шакылдаган жеңени үй чечкенде көрөбүз. 'На горластого козла посмотрим при переправе реки, на языкастую сноху посмотрим при разборе юрты'. В данной пословице явно присутствует лингвокультурный колорит, в котором предстает картинка из традиционной жизни киргизов. Как уже было сказано, установлением и разбиранием (демонтажем) юрты в основном занимаются женщины, точнее невестки, снохи. При этом они проявляют сноровку и мастерство. По этим умениям судят о достоинствах молодых женщин.

Керегем сага айтам, келиним сен ук, Уугум сага айтам, уулум сен ук 'Тебе, стена (*кереге*), говорю, а ты, сноха, прислушайся, тебе, унина (*уук*), говорю, а ты, сынок, прислушайся'. Данное выражение демонстрирует характер этических отношений в киргизской семье. В старой традиции между снохой и свекровью бытовали, как правило, сдержанные отношения. Чтобы избежать конфликтных ситуаций, свекровь могла адресовать свои слова не прямо снохе, а кому-то из близких, но так, чтобы слышали и те, кому они адресованы. Такие отношения могли быть и у матери с сыном. *Кереге* и *уук* в данном случае символизируют посторонний объект, к которому обращаются для отвода глаз.

Чыккан кыз чийден тышкары (букв. вышла дочь замуж – за порог юрты), т. е. замужняя дочь – чужая семья. Здесь тоже заложен культурный стереотип из традиционных обычаев киргизской жизни. У киргизов дочь, выходя замуж, навсегда считалась членом другой семьи. Поэтому в семье ее считали гостьей, к ней относились очень бережно, зная, что ей скоро придется покинуть порог своего дома.

В тувинском языке паремиологические единицы, посвященные юрте, информативны с точки зрения культурно-ментальных стереотипов (далее – КМС), согласно которым юрта рассматривается как обитель уюта и гостеприимства.

КМС «юрта – это место, где рады гостям»: *Кто в юрту зайдет – тот чаю попьёт.*

КМС «юрта – это место общения»: *В приветливой юрте народ собирается.*

Анализ тувинских пословиц и поговорок актуализировал также следующие когнитивные признаки.

Когнитивный признак «мера оценки человеческого возраста»: *Кижии өзер, кидис шөйлүр* (букв. человек растёт, кошма вытягивается) – старое старится, молодое растёт.

Когнитивный признак «мера оценки человеческого характера»: *Войлок выделкой пригож, нравом человек хорош.*

Когнитивный признак «мера оценки достижений»: *Вырос – не кичись, поставил юрту – не хвались.*

Культурно-ценностная составляющая концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* демонстрирует, что юрта – это своего рода культурный код в сознании тувинского и киргизского народов, с которым соотносятся важные аспекты человеческой жизни. Юрта для киргизов и тувинцев была неотъемлемой частью их существования, она не только сформировала образ жизни, но и детерминировала сознание народов, фактически юрта – это микромир, в котором сконцентрирована культурно-духовная жизнь тувинцев и киргизов.

Выводы

Концепты *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* занимают в национальной картине мира киргизов и тувинцев ключевое место. Доминирование общих параллелей в когнитивно-семан-

тической трактовке концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* детерминировано культурно-языковым родством киргизского и тувинского народов, длительным историческим сосуществованием в пределах единого географического ареала в Сибири.

Проведенный лингвокогнитивный анализ позволил смоделировать структуру концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ*, которая формируется следующими составляющими:

- 1) когнитивно-понятийное ядро;
- 2) образно-символический уровень;
- 3) культурно-ценностный уровень.

Когнитивно-понятийное ядро концептов *БОЗ ҮЙ* и *ӨГ* эксплицирует следующие знания:

- 1) целостность восприятия юрты у киргизов и тувинцев основывается на ассоциативном тождестве юрты и семьи, юрты и мироздания;
- 2) дискретность восприятия юрты определяется культурно-аксиологической значимостью каждого атрибута юрты;
- 3) взаимосочетаемость утилитарной ценности предметов быта и их эстетических свойств;
- 4) многофакторный принцип пространственной сегментации юрты.

Образно-символический уровень концептов выявил такие аспекты, как:

1) активное использование зоосимволов при делении внутреннего пространства тувинской юрты, где каждая ее часть определяется в соответствии с характером зодиакального животного;

2) в киргизском языке значительной символической нагрузкой наделены названия фрагментов юрты (*тундук*, *кереге*, *чамгарак*, *очок*, *уж*, *бакан*). При этом символы имеют как положительную, так и отрицательную коннотацию; так, угасание очага и разбрасывание золы символизируют крах рода.

Культурно-ценностный уровень концептов формируется следующими сведениями:

1) в киргизской культуре ритуалы носят церемониально-бытовой характер; среди них ритуалы с поднятием *тундука*, с переступанием порога юрты, с разведением очага и др.;

2) тувинские обряды с юртой имеют культурно-религиозную специфику, которая проявляется в синтезе элементов буддистских и шаманистских ритуалов.

Лингвокогнитивный анализ языковых выражений, вербализующих данные концепты, позволил эксплицировать весьма важные смысловые константы, знания, ценности, ментальные стереотипы, характеризующие миропонимание двух близких народов.

Список литературы

Анайбан З. В., Маннай-оол М. Х. Происхождение тувинцев. История вопроса // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 19–37. URL: <https://www.tuva.asia/journal/issue19/6487-anaiban-mannayool.html> (дата обращения 02.05.2021).

Акматалиев А. С. Кыргыздын кол өнөрчүлүгү. Бишкек: Кыргызстан, 1996. 328 с.

Алымбаева Б. Кыргыз элинин боз үйү. Тарыхый-этнографиялык очерк. Бишкек, 2016. 144 с.

Байыр-оол М. С. Юрта в тувинской традиционной культуре // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 67–79. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/242> (дата обращения 05.12.2020).

- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
- Ермолаев А. П. Урянхайский край (материалы для характеристики Урянхайского края в торговом отношении). Минусинск, 1919. 26 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
- Кочкунов А. С. Жилище в системе традиционной похоронно-погребальной обрядности кыргызского народа (на примере юрты) // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 144–159.
- Ламажсаа Ч. К. Тезаурусный подход к анализу тувинской культуры // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 25–46. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/351> (дата обращения 05.12.2020).
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 315с.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 989 с.
- ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.
- Цыбенова Ч. С. Отражение традиционных ценностей в языковом сознании тувинцев (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 98–109.
- Шойдук Л. Ш. Юрта – древнее жилище тувинцев // Искусство Евразии. 2019. № 3 (14). С. 302–316.
- Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь: В 2 кн. Около 40 000 слов. Фрунзе: Гл. ред. Киргиз. Сов. энциклопедии, 1985. Кн. 1: А–К. 504 с.; Кн. 2: Д–Я. 480 с.

References

- Akmataliev A. S. *Kyrgyzdyn kol өнөрчүлүгү* [Kyrgyz crafts]. Bishkek, Kyrgyzstan, 1996, 328 p.
- Alymbaeva B. *Kyrgyz elinin boz үүү. Tarykhyy-etnografyalyk ocherk* [The yurt of the Kyrgyz people. Historical and ethnographic essay]. Bishkek, 2016, 144 p.
- Anayban Z. V., Mannay-ool M. Kh. Proiskhozhdenie tuvintsev. Istoriya voprosa [The origin of the Tuvans. Background of the issue]. *The New Research of Tuva*. 2013, no. 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_19/6487-anayban-mannayool.html (accessed 02.05.2021).
- Bayyr-ool M.S. Yurta v tuvinskoy traditsionnoy kul'ture [Yurt in Tuvan traditional culture]. *The New Research of Tuva*. 2013, no. 2, pp. 67–79. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/242> (accessed 05.12.2020).
- Clyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and metaconcepts]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Volgograd, 2004, pp. 17–18.
- Ermolaev A. P. *Uryankhayskiy kray (materialy dlya kharakteristiki Uryankhayskogo kraya v trgovom otoshenii)* [Urianhai Region (materials for the characteristics of Urianhai Region in terms of trade)]. Minusinsk, 1919, 26 p.
- Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004, 389 p.
- Kochkunov A. S. *Zhilishche v sisteme traditsionnoy pokhoronno-pogrebal'noy obryadnosti kyrgyzskogo naroda (na primere yurty)* [Dwelling in the system of tradi-

tional funeral and burial rites of the Kyrgyz people (on the example of a yurt). *Etnograficheskoe obozrenie*. 2008, no. 5, pp. 144–159.

Lamazhaa Ch.K. Tezaurusnyy podkhod k analizu tuvinskoy kul'tury [Thesaurus approach to the analysis of Tuvan culture]. *The New Research of Tuva*. 2012, no. 1, pp. 25–46. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/351> (accessed 05.12.2020).

Popova Z. D., Cternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok-Zapad, 2007, 315 p.

Shoyduk L. Sh. Yurta – drevnee zhilishche tuvintsev [Yurt – the ancient dwelling of the Tuvans]. *The Art of Eurasia*. 2019, no. 3 (14), pp. 302–316.

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd. ed. Moscow, Akademicheskiiy proekt, 2004, pp. 42–67.

Tsybenova Ch. S. Otrazhenie traditsionnykh tsennostey v yazykovom soznanii tuvintsev (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) [Reflection of traditional values in the linguistic consciousness of Tuvinians (according to the associative experiment)]. *Journal of Psycholinguistics*. 2020, no. 1 (43), pp. 98–109.

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p.

Vorkachev S. G. *Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a linguo-cultural concept]. Moscow, Gnozis, 2004, 192 p.

Yudakhin K. K. *Kirgizsko-russkiy slovar': V 2 kn.* [Kyrgyz-Russian dictionary: In 2 bks.]. About 40 000 words. Frunze, Gl. red. Kirgiz. Sov. entsikl., 1985, bk. 1: A–K. 504 p.; bk.: D–Ya. 480 p.

Информация об авторе

Замира Касымбековна Дербисхева, доктор филологических наук, профессор

Information about the author

Zamira K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor

*Статья поступила в редакцию 20.10.2021;
одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 22.03.2022
The article was submitted on 20.10.2021;
approved after reviewing on 22.03.2022; accepted for publication on 22.03.2022*

Научная статья

УДК 81'37

DOI 10.17223/18137083/82/20

Лексико-грамматическая характеристика и особенности функционирования редуцированных существительных в современном русском языке

Ирина Петровна Матханова¹
Людмила Николаевна Храмова²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ matkhanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3400-6713>

² lyudmilanik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7395-517X>

Аннотация

Рассматриваются функции редуцированных существительных типа *зима-зима*, *подруга-подруга*, получивших распространение в современной разговорной речи. Выделяются их общие свойства: сравнение со множеством других объектов; наличие нескольких признаков в содержании. Предлагаемая классификация учитывает ряд критериев, основным из которых признается отнесенность к личным / неличным существительным, а также к лексико-грамматическим разрядам и тематическим группам. Для каждой группы выделяются различные функции: усиление одного признака, совмещение большей интенсивности и представления субъекта о лучшем образце, наибольшей полноте соответствия личному / общепринятому образу явления, высокая эмоциональная оценка и др.

Ключевые слова

функции редуцированных существительных, сравнение, лексико-грамматические разряды, тематические группы, прототип

Для цитирования

Матханова И. П., Храмова Л. Н. Лексико-грамматическая характеристика и особенности функционирования редуцированных существительных в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 272–285. DOI 10.17223/18137083/82/20

© Матханова И. П., Храмова Л. Н., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 272–285

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 272–285

Lexico-grammatical characteristics and features of the functioning of reduplicated nouns in modern Russian

Irina P. Matkhanova¹, Lyudmila N. Khramtsova²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ matkhanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3400-6713>

² llyudmilanik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7395-517X>

Abstract

Reduplicated nouns such as *krasota-krasota*, *mama-mama*, and others, have been widely used in modern colloquial speech and attracted the interest of Russian and foreign linguists. This paper identifies how the functioning of these words depends on their relation to the lexico-grammatical classes and thematic groups. The characteristics underlying the peculiar semantics of all reduplicated nouns are specified: the comparison of several objects, with one of them fully expressing an individual / general image of a phenomenon; the substantive nature involving more than one feature in the word meaning. The classification is based on several criteria, the main one being the attributability to personal nouns (*muzh-muzh*, *podruga-podruga*) or impersonal nouns (*veter-veter*, *derevnya-derevnya*). For impersonal reduplicated nouns, the essential characteristics are their correlation with adjectives or their belonging to material, abstract, or concrete nouns or thematic groups (celebrations, seasons, clothes). These characteristics determine the following functions: the intensification of one characteristic, the combination of a greater intensification and a subject's image of the best model, a complete correspondence to an individual / common image of a phenomenon, a high emotional evaluation, and others. The range of functions of personal reduplicated nouns is highly varied, depending not only on their belonging to a particular group (nominations based on gender and age, family and interpersonal relations, kind of activity) but also on extralinguistic factors, semantic peculiarities of a basic noun, and others. Reduplication can change a hierarchy of semes in the structure of a lexical meaning, actualizing the role of peripheral and implicit semes.

Keywords

functions of reduplicated nouns, comparison, lexico-grammatical categories and thematic groups, prototype

For citation

Matkhanova I. P., Khramtsova L. N. Lexico-grammatical characteristics and features of the functioning of reduplicated nouns in modern Russian. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 272–285. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/20

Введение

В последнее время оживился интерес к явлениям редупликации в русском языке, связанный с распространением этого явления в живой разговорной речи (см. [Крючкова, 2004; Панков, Овтина, 2018; Крюкова, 2019] и др.). Особое место в данной проблематике занимают работы, посвященные полной редупликации русских существительных типа *такая девочка-девочка*, проанализированных в вызвавшей особый интерес статье К. А. Гиляровой [2010], а затем в [Левонтина, 2010; Крюкова, 2019], получивших название лексических клонов (вслед за L. Horn [2018] и другими исследователями, например [Израэли, 1996]). В этих работах указываются отличия данных единиц от обычных повторов, удвоения морфем

и др., их типичные синтаксические позиции, сочетаемость с конкретизаторами семантики, употребление в противительных конструкциях, креолизованных текстах. Выделяются такие функции редуцированных существительных (далее – РС): представление объекта как ‘прототипического, обладающего характерными признаками X-а’, ‘точно X, в буквальном смысле X, именно X и не что другое’, ‘высокая степень X-а’, положительная оценка – близкие тем, на которые указывают Л. Ногн и др. Ставится вопрос об ограничении на лексемы, способные удваиваться, семантические и прагматические факторы их интерпретации. Недостаточно внимания, по нашему мнению, уделяется языковой специфике самого существительного, причинам реализации данных функций.

С проблематикой редупликации пересекается тема тавтологического употребления субстантивов, типа *работа есть работа, дом как дом* и под. (см. обзор и фундаментальную разработку темы в: [Вилинбахова, 2015; Вилинбахова, Копотев, 2017; Копотев, Стексова, 2016]). В этих работах уделяется внимание ряду особенностей, сближающих их с РС: апелляция к общим знаниям собеседников / всего языкового коллектива. Имплицированную информацию адресат декодирует в результате инференции, возможно пояснение во избежание ложной имплицатуры. Самым близким по семантико-прагматическим свойствам можно считать сочетание отсубстантивного прилагательного и существительного (типа *кошачья кошка, питерский питер*) [Вилинбахова, 2015].

Важно учесть результаты исследований, посвященных специфике форм степеней сравнения, образованных от имен существительных, таких как: *гостиница повездее, судьбее не бывает* (см. обзор в: [Борзенко, 2015]), чья характеристика проясняет особенности РС. Так, отмечается наличие у этих слов градации, а основной шкалы выступает норма, находящаяся в сознании коммуникантов (ср. элатив прилагательных), описываются типы интенсификации слов неодинаковой лексической семантики: одни обладают изначальной градуированностью, другие соотносятся с прототипом, ингерентным / внешним, количественным / качественным. Эти типы были выделены Ф. Леманом [2000] для прилагательных, но во многом применимы и к РС, их способности увеличивать интенсивность одного признака или целого комплекса.

Разнообразие функций РС обусловлено рядом факторов, как общими для них (частеречная семантика слов, результаты операции удвоения), так и характерными для определенных разрядов и групп существительных (конкретных, вещественных или абстрактных разрядов; различных тематических групп). Выделение системы групп и подгрупп, обладающих определенными языковыми характеристиками, позволяет объяснить поведение РС, установить семантические процессы, приводящие к прагматическим эффектам.

Материалом исследования послужила картотека, составляющая более 80 единиц и около 300 высказываний, извлеченных из средств массовой информации¹ и полученных в результате свободного поиска в Интернете (в основном РС встречаются на женских форумах²).

¹ В материале сохраняется орфография и пунктуация источника. Особенностью представления РС является их неодинаковое орфографическое оформление: через дефис, раздельно или слитно.

² См.: <https://www.woman.ru/forum/>, <https://www.stranamam.ru>, www.u-mama.ru, <https://mom.life/ru> и др.

1. Существительные-редупликанты: лексико-грамматические предпосылки реализации значений

Обсуждение семантико-прагматических функций РС лучше всего начать с общих для них свойств, к которым можно отнести субстантивную природу слова и саму операцию удвоения.

Удвоение слова своим следствием имеет по крайней мере две семантические черты. Во-первых, у РС наблюдается скрытая множественность (несмотря на то, что они употребляются, как правило, в форме ед. ч.), во-вторых, условием существования особой семантики является операция сравнения.

Прокомментируем наличие скрытой множественности на примерах: (1) *Говоря девочка-девочка у меня образ некой Мальвинки вырисовывается*; (2) *...тогда, честно, выхода всего два. Либо мириться (если у Вас прям любовь-любовь) и не ждать от него, что с рождением ребенка он резко станет домоседом, либо расходиться, если Вам прямо совсем невозможно*. В качестве примеров выбраны высказывания, в которых на первый взгляд эти признаки отсутствуют. Тем не менее они есть, хотя являются фоном, основой актуализованного значения. Так, в (1) значение идеала девочки (прототипа для говорящего) возникает в результате сопоставления данного референта со множеством других, имеющих иные черты. В (2) абстрактное существительное *любовь-любовь*, называющее чувство, не должно соотноситься со множеством, но пережив удвоение, оно передает значение настоящего проявления любви на фоне других, не столь глубоких эмоций.

Разные значения РС появляются благодаря операции сравнения с однотипными объектами, отличающимися по своим свойствам от нередуплицированных существительных. Ситуация сравнения в эксплицитном виде включает в себя следующие элементы: K^1 (компарат¹, сравниваемый объект) – г (отношение сравнения + основание сравнения) – K^2 (компарат², объект(-ы) сравнения). Специфика РС заключается в неэксплицированности объектов и основания сравнения, в высказывании представлен результат – K^1 (*девочка-девочка, любовь-любовь*). Во многих случаях в окружающем контексте встречаются указания на основание сравнения (внешний вид, поведение человека или интенсивность, сила проявления признака / признаков), в иных случаях говорящий рассчитывает на общий фонд знаний, энциклопедическую информацию адресата и под. В какой-то мере значение РС похоже на значение элатива прилагательного (абсолютный суперлатив, по выражению А. Вежбицкой [1999]), обозначающего безотносительно высокую степень качества, точкой отсчета является норма, имеющаяся в сознании говорящего (ср.: *Он пил крепчайший кофе*). Для РС дополнительной точкой отсчета является значение нередуплицированного слова.

Субстантивная природа анализируемых слов предполагает в большинстве случаев сопоставление не по одному признаку (как у качественных прилагательных *высочайший, умнейший, прочнейший*), а по целому комплексу. (3) *...эта была удача, это был успех, имя Ардовой... но все-таки уже такая прямо слава-слава* (высокий уровень проявления славы); (4) *...а мне больше понравилось азовское, чем в анапе...: 1 - не цветет; 2 - волны; 3 - теплое; 4 - плавный заход для детей идеально; 5 - песок и ракушечник (по мне очень красиво, прям море море, а не камнище)*.

Сопоставление по одному признаку (3) является, скорее, исключением, а не правилом, сравнение у большей части РС происходит по ряду признаков (4). Это

может служить основанием для выделения групп (однопризнаковые – многопризнаковые).

Кроме того, нужно учитывать принадлежность РС к личным и неличным существительным, их лексико-грамматическую природу и вхождение в определенные тематические группы (далее – ТГ).

Таким образом, получается своего рода иерархия критериев, обуславливающая доминирование определенных функций РС.

2. Характеристика функционирования неличных редулицированных существительных

2.1. Реализация в высказываниях функций однопризнаковых редулицированных существительных

В ходе анализа были выявлены две группы существительных, которые при удвоении указывают на усиление одного признака.

1. РС, соотносящиеся с качественными прилагательными: *красота-красота, эффект-эффект, ужас-ужас, холода-холода*.

Абстрактные субстантивы при удвоении сближаются по функции с прилагательными, выражая высокую степень интенсивности: (5) *И вообще..., если тренер в ребенке заинтересован, что прямо талант-талант, то он и спонсоров найдет* (очень талантливый); (6) *Вы такая прям молодость-молодость* (очень молодая).

2. РС, входящие в ТГ «явления природы» (*ветер, дождь, снег*), также развивают значение интенсивности. В семантике этих лексем заложено несколько признаков, но в контексте реализуется только один: (7) *Прям ветер-ветер?)... мне важно понять как ОНО*; (8) *Девочки, кто летит ... что-то прям дожди дожди*.

Значение усиления / интенсивности признака у РС в чистом виде встречается достаточно редко, но прослеживается и в других группах РС, которые будут рассмотрены ниже.

2.2. Реализация в высказываниях функций многопризнаковых редулицированных существительных

У РС, сопоставляющихся по комплексу свойств, реализуются разные значения, что зависит от нескольких факторов: лексико-грамматических свойств производящих существительных (конкретных, вещественных, абстрактных), их отнесенности к ТГ (называющим торжественные события, локации, времена года, одежду и др.), а также кореферентности сравниваемого объекта и стандарта сравнения.

Рассмотрим действие этих факторов подробнее.

1. РС, образованные в результате удвоения слов с вещественным значением (*сахар, мясо, хлеб, духи*), развивают общую семантику диффузного типа: ‘интенсивность вкуса’ и ‘настоящий’, ‘соответствующий представлению субъекта о лучшем вкусе продукта’. В этом случае осуществляется скрытое сравнение с неназванными другими объектами, состоящими из того же вещества. Ср.: (9) *Не без острота – отвалилась корка при встряхивании из формы, но на вид и запах прям хлеб-хлеб*; (10) *Я ... буду в Москве - обязательно туда пойду. Прям мясо, мясо буду есть*; (11) *Новый Герлен Лём Идеаль. ...если бы в нем убрали фужерную мужиковатость, то совсем еда бы была, а так прям духи-духи*)).

2. Слова типа *спорт, любовь, диета* и под. обладают в языковом сознании скрытой градацией, обусловленной наличием родо-видовых отношений: спорт высших достижений / профессиональный спорт – общедоступный / любительский

спорт; любовь всеобъемлющая, истинная – любовь-забота, любовь-уважение, любовь-признание; диета также отличается видами: строгая, щадящая, гипокалорийная и пр. РС выражают семантику проявления признаков самого высокого уровня: (12) *Начинать прям спорт-спорт в 8 лет уже поздно. Любительские занятия без головокружительных успехов и славы – как раз;* (13) *...последний год прямо диета-диета, реально ни фигу не ела...* У этих РС часто актуализируются характеристики, позволяющие относить их к верхнему уровню иерархии: (14) *Но у них прямо любовь любовь. Они часами беседуют, смеются;* (15) *Много ли людей ежеминутно ощущают прямо любовь любовь к партнеру прожив более 10 лет?*

3. Группу РС, называющих некоторые торжественные события (*свадьба, юбилей, праздник, торжество*), объединяет значение исключительности, общая атмосфера приподнятости, общепринятый ритуал: (16) *Когда я была маленькая, то ... мечтала о принцессином платье и о том, что у меня будет прям свадьба-свадьба... А потом я побывала на нескольких свадьбах и меня стало подташнивать от их однообразия.* В этом случае представлена высокая степень проявления торжественности, наличие главных, по мнению говорящего, составляющих события: (17) *И мы с мужем прям праздник-праздник сделали (в нашем понимании): и аниматоров несколько, и мастер-класс, и стол, и в конце ...фейерверк;* (18) *... я еще на папином юбилее была... Ну там прям торжество-торжество, ресторан, бесшумно скользящие официанты и комната для сигар.* Нарушение торжественности, отступление от обычаев лишают событие полного и наивысшего соответствия представлению о нем: (19) *Ну ... это не прям праздник-праздник. А типа составная часть выпускного концерта, и это как пробный эксперимент.*

Рассмотренную группу можно считать переходной по отношению к конкретным существительным, отличающимся разнообразием значений и большей зависимостью от контекста.

4. У РС, называющих те или иные локации (*деревня, город, море, лес*), в основном представлена идея наибольшей полноты соответствия своему / общепринятому образу явления, раскрывающемуся в пояснениях автора.

РС *деревня-деревня* содержит общие характеристики: отсутствие цивилизации, малолюдность, заброшенность, общение с природой, естественность и под. Это подкрепляется сопоставлением с экопоселениями, цивилизацией, с городом: (20) *А вот вам прям деревню-деревню надо? Может вам эко-поселение посмотреть?;* (21) *Если прям деревня-деревня нужна – в полевском районе есть деревня Кенчурка. Туда даже дороги асфальтированной нет. Живет максимум семей 10... Вокруг лес, озера... И да, сотовая связь там не ловит вообще никакая.*

При употреблении РС *море-море, лес-лес* и *горы-горы* отмечаются признаки идеального объекта в сопоставлении с близкими явлениями (*лес – парк, море – другие водоемы, горы – возвышенности*): (22) *...сначала небольшой терренкур за санаторием... А дальше тропа сузилась и ...прям лес-лес.*

5. В высказываниях со словами ТГ «времена года» наблюдается действие нескольких факторов: прототипизации, особенностей времени года (*зима, лето* обладают более устойчивыми образами, чем *весна, осень*), свойств локации (*Париж, Питер*).

Так, у РС *зима-зима* актуализируются признаки низкой температуры, мороза, обилия снега: (23) *У нас прям зима зима! И дубак;* (24) *... в парке прям зима-зима, чистый снежок и тихо)) И настроение сразу замечательное!* Набор этих

признаков позволяет оценивать время года как соответствующее существующему представлению. «Настоящая зима» в разных местах (в Москве, в Питере, в России) проявляется по-разному: (25) ...в Москве **пряма зима-зима**. Гуляли сегодня в метель, наш дом почти не видно!; (26) **Пряма зима-зима** пришла в Питер. И так классно, лучше мороз - 10, чем эта противная слякоть.

Для РС **лето-лето** важными являются высокая температура, солнце, синее небо: (27) У нас сегодня **пряма лето-лето** с синим небом и солнцем. Не знаю на долго ли, но пока наслаждаемся моментом))). Указание на температуру варьируется в зависимости от места (+31 или +22), иногда признаки не указываются, коммуникант полагается на общее представление о лете: (28) В Париже **пряма лето-лето**. Ближайшие четыре дня обещают быть жаркими, до +31; (29) Сегодня у нас **пряма лето-лето!** Аж +22 в тени! В честь такого праздника вышли за оклицу...

Разница в температуре, других признаках присутствует в высказываниях о весне: (30) У нас сегодня -15 за окном, и солнышко. Такая **весна-весна**:)); (31) У нас уже все растаяло недели 2 как, сухо и третий день солнечно и до +10 доходит, **пряма весна-весна**.

В высказываниях с РС **зима-зима**, **лето-лето**, **весна-весна** часто содержится положительная оценка: (32) А на улице такая **весна-весна!** У меня период внутренней гармонии, я верю, что всё-всё будет хорошо... См. также примеры (24, 26, 27, 29).

Об определенных отличиях можно говорить по отношению к РС **осень-осень**, что обусловлено «переходностью» этого времени года. «Настоящей», т. е. соответствующей общему представлению, считается, с одной стороны, дождливая, слякотная, с отсутствием солнца осень: (33) Всем привет! Как настроение? У нас уже совсем **пряма осень-осень!** Ни солнышка, ни облачка и только дождь и дождь бесконечный; (34) Доброго всем утра!!! У нас **пряма осень-осень**. Темно, дождливо, солнца нет недели две вообще!, а с другой стороны, теплая, солнечная: (35) Какая тут осень шикааарная, **пряма осень-осень**, теплая, солнечная, у нас таких 2-3 дня бывает.

Общее впечатление от времени года лежит в основе употребления РС в переносном значении, которые используются для номинации одежды, запаха или образа человека: (36) Мы ходим уже недели 3 в реймовской зиме... **Пряма зиму-зиму** еще не носили; (37) ...я ведь уже сбегала за шампунем как Ваи)) Аромат – класс! **Пряма лето-лето**; (38) точно пойдет аромат жсгучим холодным брюнеткам, по описанию. Я просто такая **весна-весна** (тип женщины). В основе всех рассмотренных РС этой группы лежит наиболее полное соответствие ожиданиям / представлениям человека о времени года и высокая эмоциональная оценка.

6. РС, называющие реалии, связанные с внешностью человека (например, ТГ «одежда»), в большинстве своем ориентированы на индивидуальные представления, что требует расширенных комментариев: представления о **платье-платье**, **сапогах-сапогах**, **шубе-шубе** у разных людей не совпадают: (39) Ношу. Но не турецкие перфорированные, а **пряма сапоги сапоги**; (40) Хочу прямо **платье-платье** с летящей юбкой ниже колена; (41) Вот **пряма рубашка-рубашка**. Только длинная. Фактуру тоже сфотала. Шелк; (42) **Пряма шубу-шубу** на морозы в пол не брала бы.

Анализ поведения неличных РС позволяет увидеть зависимость их функций от лексико-грамматической природы исходного слова, а также специфику по сравнению с другими группами.

3. Характеристика функционирования личных редуцированных существительных

Самая большая и часто встречающаяся группа РС – номинации лиц. Выделяются номинации по гендерно-возрастному признаку (*мальчик-мальчик, женщина-женщина*), термины родства (*бабушка-бабушка, мама-мама, муж-муж*), по виду деятельности (*доктор-доктор, турист-турист*), межличностным отношениям (*подруга-подруга, друзья-друзья*), характеристики лица (*передовик-передовик, отличник-отличник*). РС данных подгрупп характеризуются многопризнаковостью, но отличаются по доминирующим функциям и закреплённости / вариативности комплекса признаков.

1. Избирательностью и наличием закреплённого в сознании социума общего набора признаков обладают РС, содержащие положительную оценку, типа *отличник-отличник, передовик-передовик, герой-герой*. (Отметим, что в нашей картотеке не встретились РС с отрицательной оценкой.) Такие слова обычно многозначны, но для удвоения используется существительное лишь в одном из значений. Так, *отличник-отличник* используется только в значении ‘учащийся, получающий только отличные оценки’, а не любой ‘человек, отлично выполняющий свою работу’; *герой-герой* – в значении ‘человек, совершающий подвиги’ (ТСОШ). Ориентация на значение, закреплённое в языковом сознании социума, представлено и в высказываниях, указывающих на неполное соответствие человека образу: (43) *Пятерочная профанация процветает в некоторых школах. Все такие отличники-отличники... А мозги у некоторых не работают*; (44) *Вы прямо герой-герой, своей грудью закрывающий амбразуры. А подвиг-то ваш кому-нибудь нужен, кроме Вас?* Отличник должен не только получать пятерки, но и обладать логическими способностями, сообразительностью, поступки героя должны совершаться на пользу другим. Это не отражено в толкованиях, но входят в необходимый комплекс признаков слова.

У слова *передовик* словарями фиксируется одно значение: ‘Человек, к-рый идёт впереди других в работе, показывает пример сознательного отношения к труду’ (ТСОШ): (45) *Не просто даже так себе передовик, а передовик-передовик. Наставник, лучший по профессии, ударник труда, куча грамот, на доске почета всегда на самом видном месте, и директор завода с ним здоровался первым, за руку, и с уважением...* Редупликаты характеризуются полным набором признаков, а не удвоенное слово, по мнению говорящего, не обладает им.

2. Группа существительных, служащих базой для редупликации, называет человека по виду деятельности, причем чаще всего встречаются слова *учитель* и *врач*, так как в обществе имеется устойчивый образ этих людей: (46) *Лена Алексеевна классная. Добрая, прямо учитель-учитель*. Ребенок был довольный в те дни; (47) *Доктор Аюрведы в салоне Инора, прямо доктор-доктор*; (48) *Вы производите впечатление прям врача-врача*. РС выступают в высказываниях с минимальными пояснениями в контексте, выделяющими одну черту, наиболее важную для говорящего, либо входящую в этот базовый набор признаков, либо дополнительную.

3. В ТГ «межличностные отношения» РС выражают главным образом дружеские отношения: *друзья-друзья, подруга-подруга*. В РС передается высшая степень градации по нескольким основаниям. РС противопоставляются другим номинациям, не соответствующим высокой степени проявления дружеских отношений: *группа для общения, знакомые-приятели, коллеги; приятельница, знакомая* и под.:

(49) Ну ...*хотя бы приятельниц заведете. С кем-то в театр ходите, с кем-то вместе с детьми ...на природу выберетесь. Для этого не обязательно быть прямо друзьями-друзьями*; (50) Это ...*не прям подруга-подруга, с которой я дружу сто лет с детства, а в таком широком понимании подруга-знакомая.*

В этой группе основная функция РС – высшая ступень градации – базируется на наличии большого количества номинаций, фиксирующих разные уровни проявления межличностных отношений.

4. ТГ «терминов родства» демонстрирует большее разнообразие функций РС, что обусловлено действием внеязыковых факторов, к которым относится большая индивидуализация представлений, гендерные предпочтения, диффузность лексического значения. В них важна реляционная сема, связывающая между собой пары: *муж – жена, мама – папа, бабушка – дедушка*. В двух последних парах представлена связь и по отношению к другим членам семьи (детям, внукам), которая отражена в толкованиях всех этих слов.

Гендерное различие проявляется при употреблении РС *муж-муж* – в этом случае преобладает соответствие основному значению при полисемии: «Мужчина по отношению к женщине, с к-рой он состоит в официальном браке (к своей жене)» (ТСОШ). Например: (51) *Автор, вы просто вместе живете или он прям муж муж?*

Не встретилось РС *жена-жена*, что, вероятно, связано с преимущественно «женскими» высказываниями в картотеке.

Подгруппа *мама-мама, папа-папа* варьирует по своим функциям, в толковании исходного слова отражено отношение к детям, это сохраняется и при удвоении, но на первый план выходит сема ‘заботливость’, не отраженная в словарях.

Все имеющиеся у нас примеры с РС *папа-папа* актуализируют сему ‘заботливое отношение к детям’ с положительной оценкой: (52) *Муж ... и сейчас с большими детьми много играет, занимается, такой папа-папа*; (53) *Такой прям папа-папа. Долго разговаривали с ним о наших дочках. Про горшки и памперсы.*

В высказываниях с лексемой *мама-мама* наряду с положительными эмоционально-оценочными семами часто реализуется сема ‘чрезмерность’, влекущая за собой отрицательную оценку: (54) *Да, я прям Мама Мама, прям с ног до головы я вся в своём ребёнке! В моем случае выражение «мамамама» означает, что я слишком мама для детей.* Негативное отношение вызывает и невнимание к собственной внешности: (55) *Ты такая мама мама... Часто слышу о себе такую фразу... И будто вот укор мне, что я такая вот тусовщица стала “мамамама”. Это типо “клуша” да?*

Подобная неоднозначность образа обуславливает появление метапоказателей типа *в хорошем смысле слова*: (56) *И мне так хочется сказать, когда смотрю на тебя, ты прям мама-мама, но в хорошем смысле)))))) Для меня эта фраза хороший смысл носит).*

Существительные *бабушка, дедушка*, пережившие удвоение, характеризуются еще большей ориентацией на социальную роль, что подтверждается экспликацией в контекстах семы ‘забота о младших членах семьи’, отсутствующей в ядерной зоне лексического значения: (57) *У меня прям бабушка-бабушка. ...всегда у нее и вкусненькое для меня было готово, и любовь безусловная, и теплота*; (58) *У нас соседка прям бабушка-бабушка. Такая приветливая, всегда с моими детками пообщается, то конфетку даст, то шарик подарит.* Иногда при употреблении РС *бабушка-бабушка, дедушка-дедушка* актуализируется сема ‘возраст’ при указании на соответствующий вид: (59) *...помню ее с согнутой спиной и вдовьим гор-*

бом... Да и выглядела ...уже в 60 лет как прямо **бабушка-бабушка**; (60) Он когда очки снял, вообще такой **дедушка-дедушка**. ... глаза у него... беззащитные, как у дедушек.

Итак, при удвоении этих слов сохраняется сема 'отношение', но основными становятся периферийные семы: 'законность отношений', 'заботливое отношение к детям и внукам', отражающие современное обыденное языковое сознание. В этой ТГ действуют неодинаковые механизмы, редуплицирование меняет иерархию признаков, содержащихся в лексических значениях соответствующих слов.

5. Рекордсменами по частотности являются слова, выражающие гендерно-возрастные признаки.

В высказывании могут актуализироваться либо оба параметра, пола и возраста, либо один из них. Образ может отличаться у разных групп и быть индивидуальным: хотя говорящий апеллирует к общему прототипу, он считает необходимым аргументировать, какие признаки указывают на соответствие «лучшему образцу».

РС **девочка-девочка** настолько частотно, что используется в качестве названия всего феномена, они описаны детально [Гилярова, 2010]. Ср.: (61) *Младшая вся такая **девочка-девочка**, любит бантики, платьица, кукол и красивые прически;* (62) *У меня ... **девочка-девочка**. Нежная, милая, воздушная зефиринка, хрупкая, очень ранимая. Подбегает и просто обнимает со словами "я тебя очень люблю!" Носит платьица, вертится в них перед зеркалом.* Аналогичный способ кодировки представлен и в РС **мальчик-мальчик**: (63) *Прямо **мальчик-мальчик!** Даже если в розовое нарядить, ...с девочкой не спутать! такие мужские черты лица уже!;* (64) *Они у меня прям **мальчики мальчики**, без всяких розовых соплей и медвежат))) феррари, джипы, на крайняк самолеты))))).*

Актуализация только гендерной характеристики происходит при указании в контексте на женские / мужские черты внешности и характера, сопоставлении с мальчиком, пацанкой, девочкой-мальчиком: (65) *Девочка не всегда девочка. Я вот девочка не девочка. Хулиганка, пацанка еще про таких говорят. А есть **девочка-девочка**, когда рюши, когда бантики везде, вся такая чистая, опрятная, одуванчик прям.*

РС **девочка-девочка** актуализирует сему 'возраст' по отношению к взрослой женщине, а **мальчик-мальчик** – к выросшему юноше, ср.: (66) *Я бы и 36 лет вам не дала. Вы прям **девочка-девочка!**;* (67) *...со мной познакомился один мальчик. Такой **мальчик-мальчик**, лет 18-ти, ну 20.*

При помощи РС подчеркивается полное соответствие образу, распространенному в социуме. Этот же механизм работает и при употреблении РС **женщина-женщина**, но в этом случае основным является гендерный аспект, возрастной почти не встречается. Говорящий намечает определенную иерархию признаков, выделяя наиболее существенные: (68) *Ты прям **женщина-женщина**, повадки, манеры, речь такая тихая, с паузами;* (69) *Мне такие фигуры очень нравятся. Аппетитно, сексуально. Прямо **женщины-женщины**;* (70) *... богатые мужики выбирают... прям **женщин-женщин**, домашних, любящих детей и вечно рожаящих.* Женские свойства отличаются значительным варьированием характеристик.

Для неидеальной женщины используются РС **тетка-тетка** или **баба-баба**: (71) *Вот смотрю в зеркало, вижу девочку-припевочку, а другие и сама на фотках прям **тетки-тетки** кажутся;* (72) *Она подумала, что мне еще нет 30, ...а я-то ...заморачиваюсь, что прям **баба баба** стала.* Удвоению подвергаются слова

в одном из периферийных значений: 'Вообще о женщине (иногда с пренебр. или шутил. оттенком) (прост.)' (ТСОШ). Основой становится усиление отрицательной коннотации 'с оттенком фамильярности или пренебрежения'.

Для воплощения мужских черт характера чаще используется лексема *мужик-мужик*: (73) *Он был мужиком, вот прям мужик мужик, как сталь*; (74) *Мне такие мужчины и нравятся. Таких я считаю прям мужики-мужики – скромные, но со внутренним стержнем*. В качестве исходного для удвоения выбирается незафиксированное в толковых словарях значение, в основе которого лежит положительный образ сильного мужчины, предлагаемый на форумах для обсуждения¹. Говорящий выделяет главные для себя: (75) *Нравится харизмой и мужественностью, прям мужик-мужик. ...у моего мужа ... больше брутальности*.

Итак, для личных РС характерен комплекс признаков в семантике, базирующейся на некотором образе явления, в связи с этим ослаблена функция усиления интенсивности. Сам образ явления у личных РС более разнообразен: он может отражать представления всего общества, его части (в том числе определенной гендерной группы), быть индивидуальным. У рассматриваемой группы РС может наблюдаться перестройка иерархии признаков, входящих в общий комплекс представления.

Заключение

РС, получившие распространение в русской разговорной речи, можно включить в поле компаративности, так как они возникают в результате сопоставления со множеством других объектов, выделяя один как обладающий наиболее высоким статусом.

Изучение этого элемента поля компаративности дает возможность увидеть новые черты результатов операции сравнения: преимущественную многопризнаковость (сопоставление по комплексу признаков), ориентацию на субъективную точку отсчета, в качестве которой выступают общая норма, типичная для определенного социума, а также индивидуальная. В последнем случае контекстуальная поддержка необходима, в остальных она возможна, если коммуникант опасается быть неверно понятым.

Как показало исследование, многие тенденции предопределяются семантикой субстантива: неличные существительные способны выражать высокую интенсивность одного признака, а личные РС характеризуются по комплексу признаков; наличие в языковой системе номинаций, отражающих родовидовые отношения служат предпосылкой выделения полноты / неполноты проявления прототипа; отражение в семантике слова типового представления (события, которым свойственны общепринятые ритуалы; стереотипные образы межличностных отношений или укоренившиеся в сознании общества образы представителей определенных профессий) служат основанием для характеристики человека как полностью соответствующего этому идеалу. Проявление ограничений на «всеобщность» комплекса признаков может быть связано и с внеязыковыми факторами – субъективными (гендерными и другими социальными различиями коммуникантов) и объективными. В индивидуальных трактовках идеального образа часто происходит изменение семной структуры РС по сравнению с исходным существитель-

¹ Ср.: <https://fb.ru/article/295270/nastoyaschiy-mujik---eto-kompliment-ili-oskorblenie-znachenie-i-osobnosti-upotrebleniya-slova-mujik/>.

ным, наиболее актуальными становятся периферийные или даже наведенные семы. Такое явление характерно во многом для слов, имеющих оценочную семантику.

Итак, функции РС в высказывании зависят от многих факторов и представляют несомненный интерес для выявления механизмов действия сравнения.

Список литературы

Борзенко Е. О. Семантические и прагматические различия между однокоренными отсубстантивными и отадаъективными компаративами в современной русской речи (жизнее и жизненное, травее и травянистее и др.) // Вестник Православ. Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Серия III: Филология. 2015. Вып. 3 (43). С. 32–47.

Вежбицкая А. Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллокутивная семантика // Семантические универсалии и описание языков (пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной.). М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 224–259.

Вилинбахова Е. Л. Статья значит статья: об одном классе тавтологических конструкций в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т. М.: Изд-во РГГУ, 2015. Т. 1. С. 638–649.

Вилинбахова Е. Л., Коптев М. В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 110–124.

Гилярова К. А. Такая Девочка-Девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 90–96.

Израэли А. Лексическая редупликация в русском языке // Russian Language Journal. 1996. № 165–167. С. 83–90.

Коптев М. В., Стеклова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: ЯСК, 2016. 168 с.

Крюкова А. В. Лексические клоны в русском языке: Выпускная квалификационная работа. Направление 45.03.02 «Лингвистика». СПб., 2019. 94 с. URL: https://www.researchgate.net/publication/337059926_Leksiceskie_klony_v_russkom_azyke (дата обращения 25.05.2022).

Крюкова О. Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 63–83.

Левонтина И. Б. Атака клонов // Троицкий вариант – Наука. 2010. № 13 (57). URL: <http://trv-science.ru/2010/07/ataka-klonov> (дата обращения 26.03.2022).

Леман Ф. Лексическое значение и грамматические функции русского имени прилагательного // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к семидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Сост. И. М. Богуславский и др.; отв. ред. Л. Л. Йомдин, Л. П. Крысин. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 153–162.

Панков Ф. И., Овтина Е. А. Языковая картина мира и механизм редупликации: фрагмент лингводидактической модели русской грамматики // Педагогический журнал. 2018 Т. 8, № 1А. С. 140–158.

Horn L. The lexical clone: Pragmatics, prototypes, productivity // Finkbeiner R. & Freywald U. (eds.) *Exact Repetition in Grammar and Discourse*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2018. P. 233–264.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ТСОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.

References

Borzenko Ye. O. Semanticheskiye i pragmaticheskiye razlichiya mezhdu odnokorennyimi otsubstantivnyimi i otad'yektivnyimi komparativami v sovremennoy russkoy rechi (zhizneye i zhiznenneye, traveye i travyanisteye i dr.) [Semantic and pragmatic differences between denominal and deadjectival comparatives with the same root in the contemporary Russian speech (zhiznee and zhiznennee, travee and travianistee etc.)]. *St. Tikhon's University Review. Philology*. 2015, iss. 3 (43), pp. 32–47.

Gilyarova K. A. Takaya Devochka-Devochka. Semantika reduplikatsii sushchestvitel'nykh v russkoy razgovornoy rechi i yazyke interneta [Such a girl-girl. Semantics of noun reduplication in colloquial Russian and the Internet language]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdu-narodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the annual International conference "Dialog"]. Moscow, RSUH, 2010, iss. 9 (16), pp. 90–96.

Horn L. The lexical clone: Pragmatics, prototypes, productivity. In: Finkbeiner R. & Freywald U. (Eds.) *Exact Repetition in Grammar and Discourse*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2018, pp. 233–264.

Israeli A. Leksicheskaya reduplikatsiya v russkom yazyke [Lexical reduplication in Russian]. *Russian Language Journal*. 1996, no. 165–167, pp. 83–90.

Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: transitive units in grammar and vocabulary]. Moscow, LRS Publishing House, 2016, 168 p.

Kryuchkova O. Yu. Voprosy lingvisticheskoy traktovki leksicheskoy reduplikatsii v russkom yazyke [Questions of linguistic interpretation of lexical reduplication in Russian]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2004, no. 2 (8), pp. 63–83.

Kryukova A. V. *Leksicheskiye klony v russkom yazyke: Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota. Napravleniye 45.03.02 "Lingvistika"* [Lexical clones in the Russian language: Final qualifying work. Direction 45.03.02 "Linguistics"]. St. Petersburg, 2019, 94 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/337059926_Leksicheskiye_klony_v_russkom_azyke (accessed 25.05.2022).

Leman F. Leksicheskoye znacheniyе i grammaticheskiye funktsii russkogo imeni prilagatel'nogo [Lexical meaning and grammatical functions of the Russian adjective]. In: *Slovo v tekste i v slovare: Sb. st. k semidesyatiletiyu akad. Yu. D. Apresyana* [Word in the text and in the dictionary]. I. M. Boguslavskiy (Comp.). L. L. Iomdin, L. P. Krysin. (Eds.) Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 153–162.

Levontina I. B. Ataka klonov [Attack of the Clones]. *Troitskiy variant – Nauka*. 2010, no. 13 (57). URL: <http://trv-science.ru/2010/07/ataka-klonov> (accessed 26.03.2022).

Pankov F. I., Ovtina Ye. A. Yazykovaya kartina mira i mekhanizm reduplikatsii: fragment lingvodidakticheskoy modeli russkoy grammatiki [Language picture of the

world and the mechanism of reduplication: a fragment of the linguodidactic model of Russian grammar]. *Pedagogical Journal*. 2018, vol. 8, no. 1A, pp. 140–158.

Vilinbakhova E. L., Kopotev M. V. “X est’ X” znachit “X eto X”? Ishchem otvet v sinhronii i diahronii [Does “X est’ X” mean “X eto X”? Looking for an answer in synchrony and diachrony]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2017, no. 3, pp. 110–124.

Vilinbakhova E. L. Stat’ya znachit stat’ya: ob odnom klasse tautologicheskikh konstruktsiy v russkom yazyke [Article means article: on one pattern of tautologies in Russian]. In: *Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog”* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the annual International conference “Dialog”]. Moscow, RSUH, 2015, iss. 14 (21), pp. 638–649.

Wierzbicka A. Reduplikatsiya v ital’yanskom yazyke: kross-kul’turnaya pragmatika i illokutivnaya semantika [Reduplication in Italian: cross-cultural pragmatics and illocutionary semantics]. In: *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and description of languages]. A. D. Shmelev (Transl. from English), T. V. Bulygina (Ed.). Moscow, LRC Publishing House, 1999, pp. 224–259.

List of sources

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, Az”, 1992.

Информация об авторах

Ирина Петровна Матханова, доктор филологических наук, профессор
Людмила Николаевна Храмова, кандидат филологических наук

Information about the authors

Irina P. Matkhanova, Doctor of Philology, Professor
Lyudmila N. Khramtsova, Candidate of Philology

Статья поступила в редакцию 01.10.2022;
одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 14.11.2022
The article was submitted on 01.10.2022;
approved after reviewing on 14.11.2022; accepted for publication on 14.11.2022

Научная статья

УДК 811.161

DOI 10.17223/18137083/82/21

**Парцеллированные конструкции
в языковой структуре произведения Г. В. Пряхина
«Интеллигенция и жестокость»**

Эльвина Аметовна Алиева

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Ташкент, Узбекистан

alieva.elvina@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0144-6341>

Аннотация

Впервые представлен семантико-функциональный и структурный анализ парцеллированных конструкций в языковой структуре ранее не привлекаемого для лингвистического исследования произведения российского журналиста, писателя, издателя Г. В. Пряхина. Произведения данного автора интересны не только своей проблематикой и изображением современной действительности, но и своеобразием языковой организации. Одним из таких произведений является рассказ «Интеллигенция и жестокость». Выявляется использование большого количества разнообразных субъектно-экспрессивных форм синтаксиса в рамках одного произведения. Анализируются структурно-семантические и функциональные особенности использования парцелляции как одного из ярких субъектно-экспрессивных средств синтаксиса для реализации художественных целей автора.

Ключевые слова

синтаксис, субъектно-экспрессивные формы синтаксиса, парцеллированные конструкции, базовая часть, парцеллят

Для цитирования

Алиева Э. А. Парцеллированные конструкции в языковой структуре произведения Г. В. Пряхина «Интеллигенция и жестокость» // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 286–296. DOI 10.17223/18137083/82/21

© Алиева Э. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 286–296

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 286–296

Parceled constructions in the linguistic structure of “Intelligentsia and cruelty” by G. V. Pryakhin

Elvina A. Alieva

National University of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan

alieva.elvina@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0144-6341>

Abstract

For the first time, a semantic-functional and structural analysis of the linguistic structure of the work of G. V. Pryakhin, a Russian journalist, writer, and publisher, is undertaken. Pryakhin’s works are interesting not only for their problematics and depiction of contemporary reality but also for the originality of the linguistic organization, with the story “Intelligentsia and cruelty” taken as an example. A large number of various subject-expressive forms of syntax are found to be used in one work. The focus is on the structural-semantic and functional features of parcellation, one of the brightest subject-expressive syntactic tools with which to realize the author’s artistic goals. The analysis allowed the following conclusions to be made. First, both simple and complex sentences prove to be parceled. Simple sentences have their main and secondary members parceled. Parceled in complex sentences are the second parts of compound and conjunctionless subordinates, subordinate parts of complex subordinates, and parts of complicated structures, thus creating complex syntactic wholes. Second, the parceled structures in the text under consideration contribute to conveying lively speech and creating a touch of informality, help a narrator deliver emotions, create gradation, provide additional information about the subject of description, as well as perform expressive-characterological and expressive-emphasizing functions. Also, they serve as a powerful tool for drawing the reader’s attention to more meaningful information and manipulating the reader’s consciousness.

Keywords

syntax, subjective-expressive forms of syntax, parceled constructions, basic part, parcels

For citation

Alieva E. A. Parceled constructions in the linguistic structure of “Intelligentsia and cruelty” by G. V. Pryakhin. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 286–296. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/21

Произведения Георгия Владимировича Пряхина, появившись в начале 1980-х гг., сразу же привлекли внимание современного читателя тем, что их автор, «пока горит душа нетерпением, перекладывает на бумагу мысли и впечатления», «перерабатывает жизнь на постоянной основе – в рассказы-эссе» [Радзиевский, 2021], и стали настолько популярны, что переводятся на разные языки и издаются в различных странах. Виктор Радзиевский справедливо отмечает: «Реакция на события у него прежняя – репортёрская. Вернее, не на события, не хочется упрощать, скорее – на температуру в социуме. Россия под его пером – как ледокол, который то взламывает лёд, то вмерзает в него. <...> Это взгляд уже не только журналиста, но человека, всерьёз побывавшего во власти, работавшего с первыми лицами государства. И это ещё одно измерение книги, где авторское “я” существует почти в космическом диапазоне. Магия такой пряхинской прозы в том, что она целиком построена на ассоциациях, которые на самом деле и есть корни эссе. Отступления автора всегда втягивают читателя в соразмышление

и награждают собственными ассоциациями» [Радзиевский, 2021]. Таково и произведение «Интеллигенция и жестокость», имеющее подзаголовок «полемиические заметки».

Данное произведение интересно не только своей тематикой и проблемами, которые поднимает автор, но и своеобразием языковой структуры, которая характеризуется использованием большого количества экспрессивных синтаксических конструкций. Анализ позволил установить активное использование разнообразных по структуре, семантике, функциям парцелированных (50 ед.), вставных (22 ед.) и вводных (18 ед.), вопросительных (12 ед.), неполных и усеченных (13 ед.) конструкций, а также повелений, второго лица местоимений и глаголов.

В данной статье рассмотрим структурно-семантические и функциональные особенности парцелированных конструкций в языковой структуре привлеченного для анализа произведения.

В русской лингвистике интерпретации парцелированных конструкций посвящено достаточно много работ (см. [Ефремов, 1951; Ванников, 1965; Иванчикова, 1968; Рыбакова, 1969; Сквородников, 1981; Рубенкова, 1999; Богоявленская, 2003] и др.). Изучение парцелированных конструкций продолжается в современной лингвистике в разных аспектах: типологическом [Чернобривец, 2002; Князева, 2020], функциональном в определенных идиостилиях писателей и поэтов [Зелепукин, 2007; Щербашина, Пазова, 2013], в функциональных стилях: публицистике [Сербина, 1988; Пинегина, 2005]. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных названной синтаксической конструкции, отсутствует единство в определении сущности явления парцелляции и классификации парцелированных конструкций. Помимо этого, в последнее время возрос интерес к парцелляции как синтаксическому приему организации текста [Панков, 2016]. Как отмечают многие современные лингвисты, это связано, с одной стороны, с употреблением в художественных текстах элементов разговорного синтаксиса, с другой – с использованием в письменных текстах новых, ранее не описанных типов парцелированных конструкций [Добрычева, 2012].

Парцелированные конструкции представляют собой синтаксическую категорию, сущность которой «заключается в преднамеренном интонационном и позиционном отчленении элементов единой синтаксической структуры предложения на две и более части: основную (базовую) часть и парцеллят, с целью актуализации значимой части высказывания. При парцелляции между частями конструкции устанавливаются коммуникативно-актуализирующие отношения, накладывающиеся на основные и вторичные связи и отношения. Под парцелляцией также понимается сам прием расчленения структуры предложения, в результате которого получается экспрессивный вариант стилистически нейтрального предложения» [Богоявленская, 2003, с. 7].

В «полемиических заметках» Г. В. Пряхина парцелляции подвергаются как простые, так и сложные предложения. В простых по структуре предложениях парцелируются главные и второстепенные члены предложения. В основном парцелляты – члены предложения представляют собой облегченные конструкции, поскольку имеют «представителя» в базовой части. Парцелляты могут быть распространёнными / нераспространёнными, одиночными или состоят из нескольких членов, создавая цепочки.

Например:

Гаршин, воодушевляемый патриотическими общеславянскими галлюцинациями, отправился в конце XIX-го века на войну с турками – привез оттуда, с войны,

протрезвев, потрясающий почти как лермонтовский «Валерик», только в прозе – антивоенный рассказ. *И – бросился* в лестничный пролет;

Я ж медленно, еще не отдышавшись, испуганно на цыпочках подошел. *И* первым делом *заглянул* в ведро ¹.

В данных отрывках представлена облегченная парцелляция однородного простого глагольного сказуемого с сочинительным союзом *и*. Союз помогает парцеллированному сказуемому акцентировать более значимое, по мнению повествующего, действие.

В следующем примере представлено два парцеллированных простых глагольных сказуемых:

На следующее утро я приехал в школу, отпросил паренька у учительницы. Молча *привез* к нам домой. *Завел* в квартиру...

Парцелляты-сказуемые облегченные, поскольку имеют «представителя» – однородное сказуемое *приехал* и прямое дополнение *паренька* в базовой части – первом предложении данного отрывка. С помощью однородных сказуемых перечисляются действия героя-повествователя, оформление же их в парцелляты способствует экспрессивному выделению заложенной в них информации, производит впечатление живой спонтанной речи.

В языковой структуре рассказа Г. В. Пряхина встречаются парцелляты второстепенных членов предложений.

- Определения:

В нем тяжело, лоснясь и взблескивая на солнце, переливалась, как-то по-животному копошилась кровь.

Черная, но со зловецим золотистым масляным исподом.

Данный пример отличается тем, что парцеллированные определения не только отделены от базовой части точкой, но и оформлены в отдельный абзац. Такое оформление определений иллюстрирует желание автора выделить информацию, заключенную в данном отрезке, выразить эмоциональное отношение к сообщаемому, акцентировать внимание читателя на этом.

В следующем примере представлено парцеллированное согласованное определение *трогательные*, осложненное сравнительным оборотом, предикативной частью с вставной конструкцией:

Даже сказки мне, чужому и явно недолюбивавшему его, рассказывал. *Тоже трогательные*, как песни, «Про Ивашечку» помню до сих пор (сам потом детям рассказывал!)

- Дополнения:

Оно и было полно керосина. *Вперемешку с маминой кровью.*

В данном примере с помощью парцеллированной конструкции передается эмоциональное состояние героя-повествователя в момент, когда он узнал о состоянии матери. В приведенном далее примере парцелляции подвергаются однородные дополнения:

¹ Здесь и далее примеры приводятся по: *Пряхин Г.* Интеллигенция и жестокость // Звезда Востока. Литературно-художественный журнал. 2020. № 5. С. 5–11.

Черные шрамы на них останутся навсегда, будут отныне болеть и болеть. *На погоду, на ветер, на дождь, на снег. На работу, которой всегда в Николе невпроворот.*

Первый парцеллят представляет собой однородный ряд косвенных дополнений, второй – пятое однородное дополнение, осложненное присловной нерасчлененной определительной придаточной частью, – отделен с целью заострить на нем внимание читателя. Помимо этого, многозвенная парцелляция [Сербина, 1988] способствует передаче семантической и эмоциональной градации.

- Приложения:

За душу хватали его чудесные украинские песни. *«Очи девочки», «Чому ж ты не сокил», «Посяла огирочки...».*

В данном отрывке представлены парцелляты – названия песен, о которых говорится в предшествующем предложении. Парцелляты представляют собой однородный ряд приложений, относящихся к подлежащему *песни* в базовой части. Введение информации с помощью парцеллированных конструкций создает эффект непринужденности речи, возникновение мысли в момент речи.

Еще пример:

Мать пытался зарезать мой отчим.

Сапожник. Лучший не только в Никольке, но и во всей нашей округе. Бронбойщик тоже, наверное, лучший, о чем свидетельствовала жестяночка из-под дорогих медных кованых сапожных гвоздиков, заполненная позвякивающими, когда трясешь, медалями и даже одним орденом – «Красной Звезды». Контуженный – у бронбойщиков контузии даже похлеще, страшнее, чем у их потенциальных жертв – танкистов. Фронтовик...

В данном отрывке парцелляты не только отделены от базовой части точкой, но и оформлены абзацем. Всего четыре парцелляты: первый выражен согласованным приложением, второй – согласованным определением – для него базовой частью является предшествующий парцеллят, третий – согласованное приложение – дистанцирован от базовой части и осложнен вводным словом и расчлененной присоединительной придаточной частью, четвертый – также согласованное приложение – осложнен вставной конструкцией. Выделенные в абзац, данные конструкции акцентируют внимание читателя на вложенной в них дополнительной информации о персонаже и выполняют экспрессивно-характерологическую функцию. Помимо этого, оформленные в парцелляты приложения частями поэтапно вводят информацию о персонаже.

- Обстоятельство времени, места, образа действия, имеющие по отношению к базовой части еще и уточняющее значение:

Вовка наверняка бы окончательно и бесповоротно онемел. *Навеки;*

... и в основном за неуплату алиментов, по каковой причине он то и дело отлучался от нас на Севера. *На лесоповал;*

Правда, перед самым подлетом к цели болванка распускает, как уркаганский нож-бабочка, несколько лезвий. *Горизонтально.*

В следующем примере парцеллят – обстоятельство образа действия осложнен вставной и вводной конструкциями:

Отчим, вполне еще внушительный мужчина, по ночам скрипевший зубами так, что воробы из-под стрехи рушились, кидался на мать с ножом, а она силилась

удержать его, обезумевшего, за руки. *Прям за ножик* – это я узнал уже позже, наверное, от того же моего дружка зайки.

В данном примере с помощью парцеллята выявляется эмоциональная оценка героя-повествователя, заключающаяся в смешении чувств: удивления, возмущения, невозможности, недоумения.

Широко представлена в языковой структуре данного рассказа множественная парцелляция разных членов предложения. Например:

...меня перехватил, «перестрел», как выражались в Николе, соседский мальчишка Вовка Литвин. *Зайка. И, заикаясь еще отчаяннее, восторженно, одиночными, выпалил.*

В данном отрывке представлена парцелляция приложения *зайка* и однородного сказуемого *выпалил*, осложненного обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастным оборотом и одиночным деепричастием, дистанцированным от базовой части первым парцеллятом, но подключенным к ней сочинительным союзом *и*. Между парцеллятами выявляются причинно-следственные отношения. В данном отрывке парцелляты также выполняют экспрессивно-выделительную функцию.

В следующем примере представлены два парцеллята:

Он и изуродовал. *Изувечил. Навеки.*

В данном примере первый парцеллят является однородным сказуемым по отношению к сказуемому в базовой части. Сказуемые, выражены глаголами, являющимися семантическими синонимами: *изуродовать* – «сделать безобразным, исказить, искалечить» и *изувечить* – «нанести кому-нибудь тяжелое телесное повреждение, непоправимое увечье». Используясь в одном контексте, представляя собой однородный ряд, они создают семантическую градацию. Выделение же второго из них в парцеллят актуализирует именно его как более подходящий в смысловом отношении, передающий всю непоправимость ситуации. Второй парцеллят – обстоятельство времени, для него базовой частью могут быть одновременно и первое предложение и предшествующий ему парцеллят *навеки* в значении «навсегда, на всю жизнь, навечно», который усиливает семантическую градацию. Совместно они выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию. Аналогичный пример:

Так в нашей Николенке в пятидесятых... лечили любые раны. *И большие, и малые. Керосином.*

В данном примере первый парцеллят представляет собой однородный ряд согласованных определений, относящихся к дополнению *раны* базовой части, второй же парцеллят – косвенное дополнение – относится к единственному главному члену *лечили* базовой части и дистанцирован от нее первым парцеллятом.

В следующем отрывке представлены три парцеллята. Первый – однородное простое глагольное сказуемое – присоединяется к базовой части, к первому предложению, с помощью сочинительного союза *и*. Для второго – обстоятельства места, осложненного вставной конструкцией, и третьего – согласованного определения, оформленного в отдельный абзац, базовой частью является парцеллят *и сразу увидел мать*:

И я, не останавливаясь, проскочил сенцы, «переднюю комнату»... – в самую дальнюю и самую чистую горницу. *И сразу увидел мать. Не в гробу – в гробу еще предстоит ее увидеть, не так уж и не скоро.*

Живую.

Такое оформление позволяет представлять информацию порционно, заострив на ней внимание читателя, выразить экспрессивно-эмоциональное состояние повествователя, передать его психологическое состояние в момент происходящих и описываемых им событий.

Множественная парцелляция наблюдается и в следующем отрывке:

...Шайка молокососов-бандюков ведет молодую женщину в чахлый унылый лесок. Не для того, о чем вы сейчас подумали. *На расстрел.* Ну, думаю, сейчас кадр оборвется, ну покажут, скажем, стаю испуганно взлетающих ворон. Нет. *Целятся. В спину. Стреляют.*

Здесь изображается страшная, по мнению повествователя, картина расстрела молодой женщины. С помощью парцеллят передаются последовательно происходящие действия, на которых повествователь акцентирует внимание читателя. Первый парцеллят-обстоятельство *на расстрел* базовой части, первого предложения данного отрывка, дистанцирован от него предложением, апеллированным к читателю. Второй парцеллят *целятся* и четвертый *стреляют* – однородные сказуемые – также дистанцированы от базовой части, того же первого предложения. Между ними парцеллят-обстоятельство *в спину*, для которого эти сказуемые могут рассматриваться в качестве базовой части. С помощью парцеллированных конструкций, а также местоимений второго лица *вы* (обращенных к читателю), повторяющейся частицы *ну* повествователь создает эффект присутствия в момент речи, непринужденного диалога с читателем, тем самым пытаясь воздействовать на мысли и чувства читателя.

В языковой структуре рассказа «Интеллигенция и жестокость» имеет место и явление парцелляции частей сложного предложения: сложноподчиненного, бессоюзного, сложносочиненного.

Например, парцеллят, представляющий собой вторую часть бессоюзного сложного предложения закрытой структуры, нетипизированного с сопоставительным значением:

У приматов самый развитый орган – руки, лапы. *У интеллигенции, вроде бы, голова.*

В следующем примере парцеллят представляет собой присубстантивно-определятельную придаточную часть сложноподчиненного предложения нерасчлененной структуры присубстантивно-определятельной:

Не повторить бы потом гаршинскую гибельную психическую траекторию. *Которая вовсе не вниз.*

В приведенном далее примере парцелляции подвергается придаточная часть присубстантивно-определятельной (характеризующей) вместе с указательным местоимением *той*, относящимся в базовой части к дополнению *женщине*:

Господи, да любая жестокость начинается с жестокости по отношению к женщине. *Той, которая и так больше всего терпит от нашего маскулинного мира: сперва рожая нас, забывчивых, а потом ещё и многократно унижаясь перед нами, в том числе и во имя наших позвоночных удовольствий.*

Особенно часто встречаются парцелляты частей сложных предложений усложненных конструкций с разными видами связи, в которых парцеллируются части, присоединенные сочинительной связью. Такие конструкции создают сложное синтаксическое целое. Например:

Порезы, как глубоки они ни были, с годами заживут (керосин помог?). *Но руки, пальцы, ладони...*;

или

Я его хорошо знал: вырубленный из узкой полоски стали, с косым, вострым, но с очень коротким лезвием... им даже курицу не нарежешь. *Но покалечить, изуродовать, особенно по пьянке, особенно бронебойщику и особенно контуженному, кого угодно можно в два счета.*

В данных отрывках представлены конструкции, в которых парцеллятом являются части, присоединяемые противительным союзом *но*. Встречаются и парцелляты, присоединяемые сочинительным соединительным союзом *и*, сопоставительным союзом *а*. Например:

Перед властью интеллигент лебезит ещё и потому, что власть, особенно сегодня, всегда богата: интеллигент пользуется крохами с её стола. *А перед просто сильным, нахрапистым – не только потому что его побаивается, но ещё и по той причине, что его и самого, интеллигента, почти по Фрейдю, подспудно влечёт эта его противоположность.*

Парцелляция сложного предложения минимальной и усложненной структуры создает в высказывании два логико-семантических центра вместо одного. В этом случае в таких конструкциях реализуется более информативное коммуникативное задание.

Таким образом, анализ языковой структуры рассказа Г. В. Пряхина «Интеллигенция и жестокость» продемонстрировал активное использование парцеллированных конструкций, которые способствуют передаче живой речи, создают оттенок непринужденности, являются средством передачи эмоциональности повествующего, средством акцентирования внимания читателя на более значимой информации, создания градации. Парцеллированная конструкция как особая интонационная единица, обладающая специфическими экспрессивными, актуализирующими свойствами, содержащая скрытую эмоциональную оценку сообщаемого, выполняет экспрессивно-характерологическую и экспрессивно-выделительную функции. Многие использованные в структуре произведения парцелляты (в частности парцелляты-обстоятельства) сообщают некоторые дополнительные сведения о предмете описания, что связано со стремлением удивить адресата неожиданностью мысли или факта. Тем самым автор не только упорядочивает синтаксико-семантическую структуру высказывания в рамках конкретной коммуникативной ситуации, но и реализует прагматическую установку, связанную с завоеванием внимания читателя. Следовательно, с помощью таких субъектно-экспрессивных средств синтаксиса, как парцеллированные конструкции, Г. В. Пряхин, будучи в первую очередь автором-публицистом, манипулирует сознанием читателя. Писатель использует парцелляцию в актуализирующих экспрессивных целях, для того чтобы, с одной стороны, обозначить наиболее существенные черты поведения повествователя-героя, оттенков его эмоционального состояния и особенностей его речевой манеры, с другой – активизировать семан-

тический компонент высказывания, подчеркнуть информацию и воздействовать на мысли и чувства читателя.

Список литературы

Богоявленская Ю. В. Парцелляция в русском и французском языках: структурные и семантико-синтаксические особенности: Дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 220 с.

Ванников Ю. В. Явление парцелляции в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 39 с.

Добрычева А. А. Парцелляция в прозе С. Довлатова: от предложения к тексту: Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2012. 178 с.

Ефремов А. Ф. Язык Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1951. 380 с.

Зеленукин Р. О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой. Структура, семантика, текстообразующие функции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 27 с.

Иванчикова Е. А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Морфология и синтаксис русского литературного языка. М., 1968. С. 277–301.

Князева Н. В. К вопросу о парцелляции сложного предложения (на материале художественных текстов М. В. Семеновой) // Филологический аспект. 2020. № 1 (57). С. 102–115.

Панков Ф. И. Парцелляция как лингвистический механизм текстообразования // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск, 20–22 апреля 2016 г. / Отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск: Энциклопедия, 2016. Т. 2. С. 103–107.

Пинегина Я. Н. Парцеллированные конструкции и коммуникативно-прагматические функции в современных медиатекстах: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 151 с.

Радзиевский В. Поиск света: читая Георгия Пряхина // Литературная газета. 2021. № 14 (6779). URL: <https://lgz.ru/article/14-6779-07-04-2021/>.

Рыбакова Г. Н. Парцелляция сложноподчиненного предложения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1969. 22 с.

Рубенкова Т. С. Парцеллы и инпарцеллы в поэтической речи XIX и XX веков: Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1999. 180 с.

Сербина Т. Г. Парцелляция как особое синтаксическое явление в языке современных газет. Львов, 1988. 188 с.

Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. 255 с.

Чернобривец С. Г. К вопросу о парцелляции в русском языке // Культура народов Причерноморья. 2002. № 27. С. 65–68.

Щербашина И. В., Пазова Л. М. Парцеллирование простого распространенного предложения (на примере произведения С. Довлатова «Чемодан») // Вестник Майкоп. гос. технол. ун-та. Языковедение и литературоведение. 2013. С. 57–60.

Список источников

Пряхин Г. Интеллигенция и жестокость // Звезда Востока. Литературно-художественный журнал. 2020. № 5. С. 5–11.

References

- Bogoyavlenskaya Yu. V. *Partsellyatsiya v russkom i frantsuzskom yazykakh: strukturnye i semantiko-sintaksicheskie osobennosti* [Parceling in Russian and French: structural and semantic-syntactic features]. Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, 2003, 220 p.
- Chernobrivets S. G. K voprosu o partsellyatsii v russkom yazyke [On the question of parcelling in Russian]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 2002, no. 27, pp. 65–68.
- Dobrycheva A. A. *Partsellyatsiya v proze S. Dovlatova: ot predlozheniya k tekstu* [Parceling in the prose of S. Dovlatov: from the sentence to the text]. Cand. philol. sci. diss. Vladivostok, 2012, 178 p.
- Efremov A. F. *Yazyk N. G. Chernyshevskogo* [Language of N. G. Chernyshevsky]. Saratov, 1951, 380 p.
- Ivanchikova E. A. *Partsellyatsiya, ee kommunikativno-ekspressivnye i sintaksicheskie funktsii* [Parceling, its communicative-expressive and syntactic functions]. In: *Morfologiya i sintaksis russkogo literaturnogo yazyka* [Morphology and syntax of the Russian literary language]. Moscow, 1968, pp. 277–301.
- Pankov F. I. *Partsellyatsiya kak lingvisticheskiy mekhanizm tekstoobrazovaniya* [Parcelation as a linguistic mechanism of text formation]. In: *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh: Materialy 8 Mezhdunar. nauch. konf. Chelyabinsk, 20–22 aprelya 2016 g.* [The word, the utterance, the text in cognitive, pragmatic and culturological aspects: Proc. of the 8th International scientific conference in Chelyabinsk, April 20–22, 2016]. L. A. Nefedova (Ed. in Ch.). Chelyabinsk, Entsiklopediya, 2016, vol. 2, pp. 103–107.
- Pinegina Ya. N. *Partselirovannyye konstruksii i kommunikativno-pragmaticheskie funktsii v sovremennykh mediatekstakh* [Parcelled constructions and communicative-pragmatic functions in modern media texts]. Cand. philol. sci. diss. Rostov on Don, 2005, 151 p.
- Radzievskiy V. *Poisk sveta: chitaya Georgiya Pryakhina* [Search for the light: Reading Georgy Pryakhin]. *Literaturnaya Gazeta*. 2021, no. 14 (6779). URL: <https://lgz.ru/article/14-6779-07-04-2021/>
- Rubenkova T. S. *Partsellyaty i inpartsellyaty v poeticheskoy rechi 19 i 20 vekov* [Parcels and Inparcels in Poetic Speech of the 19th and 20th Centuries]. Cand. art. sci. diss. Belgorod, 1999, 180 p.
- Rybakova G. N. *Partsellyatsiya slozhpodchinennogo predlozheniya v sovremenom russkom yazyke* [Parceling of a complex sentence in modern Russian]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Rostov on Don, 1969, 22 p.
- Serbina T. G. *Partsellyatsiya kak osoboe sintaksicheskoe yavlenie v yazyke sovremennykh gazet* [Parceling as a special syntactic phenomenon in the language of modern newspapers]. Lvov, 1988, 188 p.
- Shcherbashina I. V., Pazova L. M. *Partselirovanie prostogo rasprostranennogo predlozheniya (na primere proizvedeniya S. Dovlatova "Chemodan")* [Parceling of a simple extended sentence (on the example of S. Dovlatov's "Suitcase")]. *Bulletin of Maikop State Technological University*. 2013, iss. 3, pp. 57–60.
- Skovorodnikov A. P. *Ekspressivnye sintaksicheskie konstruksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language]. Tomsk, 1981, 255 p.
- Vannikov Yu. V. *Yavlenie partsellyatsii v sovremennom russkom yazyke* [The phenomenon of parceling in modern Russian] Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 1965, 39 p.

Zelepukin R. O. *Partsellyatsiya v khudozhestvennoy proze V. Tokarevoy. Struktura, semantika, tekstoobrazuyushchie funktsii* [Parcelling in the fiction prose of V. Tokareva. Structure, semantics, text-forming functions]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2007, 27 p.

List of sources

Georgiy P. V. *Intelligentsiya i zhestokost'* [Intelligentsia and cruelty]. *Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal "Zvezda vostoka."* Tashkent, 2020, no. 5, pp. 5–11.

Информация об авторе

Эльвина Аметовна Алиева, кандидат филологических наук

Information about the author

Elvina A. Alieva, PhD

*Статья поступила в редакцию 28.07.2021;
одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 14.02.2022
The article was submitted on 28.07.2021;
approved after reviewing on 14.02.2022; accepted for publication on 14.02.2022*

Научная статья

УДК 81-13

DOI 10.17223/18137083/82/22

Русский язык советского типа: к определению понятия

Татьяна Вячеславовна Савина

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

tsavina2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7810-4545>

Аннотация

Предпринимается попытка верификации принятых в научно-исследовательской литературе концептов, описывающих функционирование русского языка в советский период, для обоснования возможности использования термина «русский язык советского типа». Как показывает анализ современных исследований, можно выделить ряд признаков, которые указывают на то, что в советскую эпоху сложился некий вариант русского языка, который в самом общем виде можно назвать «русским языком советского типа», т. е. когда с помощью лингвистических сигналов можно опознать процесс идеологической индоктринации носителей языка.

Ключевые слова

советский язык, lingua Sovietica, советизмы, новояз

Для цитирования

Савина Т. В. Русский язык советского типа: к определению понятия // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 297–310. DOI 10.17223/18137083/82/22

Russian language of the Soviet era: definition of the concept

Tatiana V. Savina

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

tsavina2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7810-4545>

Abstract

Recent comprehensive studies of the Russian language's reaction to social upheavals indicate that there is still no common term to denote the expansion of ideology into the Russian language with the advent of the new Soviet power. This paper is to verify the concepts used in the research literature to describe the Russian language during the Soviet era, with the aim to identify the term "Soviet-type Russian language." Several concepts are in use: "Soviet lan-

© Савина Т. В., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 297–310
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 297–310

guage,” “totalitarian language,” “lingua Sovietica,” “newspeak,” “Linguistic Sovietology.” The analysis reveals that several characteristics can be identified to indicate the formation of a specific version of the Russian language in the Soviet era, one to be broadly referred to as the “Soviet-type Russian language.” It is when linguistic signals can identify the process of ideological indoctrination of native speakers. First, “an interpreter” should explain the meaning of a new word, with the interpretation imposed “from above” and striving to become the only authoritative one. Second, the axiological bipolarity imposed from the outside becomes dominant in the semantic meaning of a word. Third, the “Soviet-type Russian language” is characterized by a conscious rejection of the linguistic heritage of the previous period. “Soviet-type Russian language” is one of the most vivid examples of the internal dynamic language development coinciding with the political and social breakdown of society, causing an incredible acceleration of the natural processes of language change. Thus, the extent and direction of linguistic transformations conditioned the development of a language of a new quality.

Keywords

Soviet language, lingua Sovietica, Sovietisms, Newspeak

For citation

Savina T. V. Russian language of the Soviet era: definition of the concept. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 297–310. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/22

Язык как функциональная система, обладающая целевой направленностью, всегда определенным образом реагирует на любой внешний раздражитель, в первую очередь на масштабные общественно-политические и культурные коллизии. Эпоха Ренессанса изменила европейские языки, освободив от доминирования латыни. Эпоха Просвещения снабдила языки философскими терминами. Великая Французская революция открыла возможности политизации языка [Какзанова, 2016]. В стремлении сохранить свою коммуникативную пригодность язык быстро реагирует на изменение внешних обстоятельств, что выражается в постоянном процессе демократизации языка и расширении его инструментальных возможностей. Изменения происходят на всех уровнях языковой системы: фонетика меняется в сторону упрощения, интенсифицируются словообразовательные процессы, словарный запас языка пополняется новыми словами, трансформируется синтаксис. В результате функциональная нагрузка на язык резко возрастает, а внешнее давление способно воздействовать на внутреннюю структуру языка и направленно влиять на его развитие.

Зарождение так называемого советского языка в 1920-е гг. не было уникальным языковым явлением – в России первой трети XX в. язык почти непрерывно подвергался изменениям, вызванным Первой мировой войной и революциями [Бессонова, 2014]. Дореволюционный опыт реакции русского языка на внешние факторы отличался в советский период целями, динамикой, масштабами и последствиями, что резко усилило инструментальную функцию языка, превратив его в один из основных каналов трансляции советской идеологии. В современной лингвистике в общем и целом уже сформировался исследовательский подход к языку советской эпохи как обладающему рядом характеристик, а именно под идеологическим давлением язык способен:

- широко использовать сложносокращенные слова и аббревиатуры при номинации новых явлений и понятий;
- легко осваивать заимствования политической лексики;
- развивать у слова новое значение за счет добавленной идеологической компоненты;
- встраивать биполярную оценочность внутрь нового значения;

- создавать идеологически маркированные клише на базе авторитетного высказывания [Купина, 1995; Чудакова, 2007; Будаев, Чудинов, 2009].

В совокупности это привело к тому, что внутри русского языка в советское время в 1920-е гг. возник, в 1930–1960-е гг. укрепился и окостенел и к 1990-м гг. постепенно отчасти разрушился особый вариант русского языка, подчинившийся политически ангажированной системе значений. Однако выстраиваемая исследователями картина далеко не так однозначна, как кажется на первый взгляд. Современные попытки системного анализа реакции русского языка на социальные потрясения демонстрируют разночтения уже на уровне терминологии: всё еще не выработан единый термин для обозначения экспансии идеологии в русский язык с приходом новой власти: «советский язык», «тоталитарный язык», «lingua Sovietica», «новояз», или, как вариант, «новомова», «лингвистическая советология», «деревянный язык». Однако очевидно, что при всем разнообразии терминологические единицы оперируют единым понятием «язык», фиксируя возникновение новой системы значений внутри русского языка в период политических и социальных потрясений.

Задачей настоящего исследования является попытка верификации принятых в научно-исследовательской литературе концептов, описывающих функционирование русского языка в советский период, а также обоснования возможности использования термина «русский язык советского типа».

«Большевицкий волапук»

Первые попытки описать и оценить новые явления в языке через перспективу его реакции на социальные изменения были предприняты уже через несколько лет после революции. Представители Женевской лингвистической школы, имевшей социологическую направленность, С. О. Карцевский, Р. О. Якобсон и В. Б. Шкловский, а также А. М. Селищев и А. Г. Горнфельд попытались в 1920-е гг. систематизировать свои наблюдения над синхронными изменениями в русском языке в ряде очерков [Карцевский, 1923; Селищев, 1928]. Кроме того, в 1924 г. вышел номер журнала «ЛЕФ», практически целиком посвященный анализу языка В. И. Ленина, что, однако, оказалось едва ли не единственной попыткой синхронного лингвистического анализа речевой практики политического лидера [Калинин, 2018].

Все современники в один голос говорили о влиянии демократизации общества на коммуникативную функцию языка, главным результатом которой стал двусторонний процесс движения лексики: создание новых слов и их распространение в широких слоях населения, а также массовое проникновение языка городских низов в речь политически активного слоя общества. Основным материалом для анализа служили многочисленные новообразования, чаще всего имевшие форму сложносокращенных слов. В современных исследованиях это считается неоспоримыми приметами нового «советского языка» [Климак, 2009]: *Райпрофобр*, *политком*, *ТРЕПЕТУН* (Третий петроградский университет), *КОМУНМЗ* (Коммунистический университет национальных меньшинств Запада) и т. д. Однако, как указывали лингвисты 1920-х гг., это явление было не революционным в виде отказа от старорежимных наименований, а вполне буржуазным. «Телеграфный стиль» начала века с его ускоренным темпом жизни, распространением телеграфа и стремлением к экономии средств, в том числе и языковых, стал причиной возникновения сложносокращенных наименований организаций, должностей и соци-

альных явлений. Сложносокращенные названия *Осфрум* (Общество содействия физическому развитию учащейся молодежи), *Лензото* (Ленское золотопромышленное товарищество), *наштаверх* (начальник штаба верховного главнокомандующего) имеют дореволюционное происхождение, не говоря уже о *кадетах*, *эсдеках* и *эсерах*.

В общем и целом на тот момент говорить о создании новых языковых инструментов трансляции системы идеологических предписаний, подлежащих внедрению в языковое сознание, говорить было рано. В 1920-е гг. «все процессы, наблюдающиеся в русском языке, являются обычными, нормальными языковыми процессами, но с ускоренным темпом» [Карцевский, 1923, с. 69–70]. Естественно, что никаким иным термином, кроме «русский язык», наблюдатели не пользовались, за исключением экспрессивных восклицаний типа «большевистский волапук» или «дикие сокращения» большевиков.

Однако сразу после революции наблюдатели отмечали тревожное явление, которое можно считать точкой отсчета превращения русского языка в язык советского типа. «Нов не принцип – нова масса и обязательность к использованию» [Горнфельд, 1922, с. 13], когда языковая целесообразность сталкивается с силовым внедрением, что является первым признаком идеологической экспансии в язык.

«Новояз»

В 1930-е – 1950-е гг. процесс научной рефлексии над наблюдаемыми в русском языке изменениями был в России фактически заморожен вторжением государства в науку о языке и, в частности, внедрением «нового учения о языке» и его классовой сущности Н. Я. Марра. Среди западных интеллектуалов уже в 1940-е гг. одним из первых о последствиях вторжения идеологии в язык написал Дж. Оруэлл в эссе «Политика и английский язык» (1948), проиллюстрировав на примере вымышленного «новояза» (*newspeak*) в романе «1984» (1949), как с помощью языка можно исключить возможность оппозиционного образа мышления. Именно благодаря Оруэллу в отечественной лингвистике, изучающей русский язык советского периода, возник термин «новояз», не столько как своеобразный оммаж в сторону его создателя, сколько как признание сходства процессов в разных языках в условиях крайней идеологизации общества.

Учитывая то, что роман Оруэлла был запрещен в Советском Союзе, собственно на русской почве термин «новояз» первоначально появился в текстах диссидентов в 1970-е гг. как критика советского строя и всего, что с ним связано, в том числе и языка [Геллер, 1994]. Под наименование «новояз» попадало всё, что несло на себе отпечаток авторитетного политического высказывания и в основном относилось к языку политической верхушки и партийной бюрократии. «Новояз» как режим языковых запретов и предписаний отражал языковые аспекты коммуникации власти и общества. Язык политических текстов, направленных сверху от власти к населению, в языке публичных выступлений населения в качестве реакции снизу получил функцию маркера лояльности [Купина, 2012]. Как сигналы политической благонадежности, авторитетные формулы тиражировались в политических выступлениях и служили языковыми «этикетками» [Селищев, 1928] для «своих» и «чужих».

До недавнего времени российские исследователи широко использовали термин «советский новояз» по отношению к разнообразным языковым явлениям со-

ветского периода, а зачастую как синоним термина «советский язык» [Вайсс, 2000; Киселева, 2008]. Действительно, начиная с ритуальных лозунгов *да здравствует мировая революция* 1920-х гг. и до стандартных зачинов *в свете решений партийного съезда* вплоть до 1990-х строгая регламентация словоупотребления в области идеологии роднит оруэлловский «новояз» с русским языком советского периода. Однако на этом сходство практически исчерпывается.

В первую очередь отличительной от концепта «новояза» чертой русского языка советской эпохи является степень усвоения авторитетных формул языковым сознанием носителя языка, которая, видимо, была довольно низкой. Лояльность проявлялась в основном в публичной речи партсобраний и митингов или письменной речи официальных документов: протоколов, автобиографий, обращений [Григорьян, 2010, с. 56]. Более того, на бытовом уровне и в повседневной речи можно наблюдать обратный процесс – профанацию официальной формулы, т. е. «мыслепреступление» (*thinkcrime*), невозможное в рамках оруэлловского «новояза».

Открытая еще Салтыковым-Щедриным возможность языковой игры с официозом лежит в основе особого вида сатиры в русской литературе, от Зощенко, Ильфа и Петрова до писателей-сатириков 1990–2000-х гг. Жванецкого и Губермана, а также всего комплекса советских (вернее, антисоветских) анекдотов: застывшие формулы официоза неизбежно приобретают новые смыслы, направленные к осмеянию или иронии. Более того, среда, на которую «обрушивается огромное количество политической информации, “обрабатывает” поступающие к ней “сверху” тексты с помощью традиционных фольклорных моделей» [Архипова, Мельниченко, 2009, с. 27]. Таким образом, возможность «мыслепреступления» задает пространство для «двоемыслия» [Young, 1992].

Бесконечное тиражирование, лозунговый характер и невозможность критического анализа – основные признаки «новояза» – становятся причиной того, что авторитетное высказывание утрачивает смысл, превращается в знак лояльности и исчезает из официального языка при смене политического лидера. А. Юрчак, говоря о десакрализации и разрушении официальных формул в русском языке в позднюю советскую эпоху, считает это одной из основных предпосылок краха «советского проекта» [Юрчак, 2014]. Таким образом, инакомыслие, мыслепреступление, выражаемое не активным действием, а «языковым сопротивлением», выводит русский язык советского периода далеко за рамки «новояза» – искусственной языковой системы политической пропаганды.

«Lingua Sovietica» – «советский язык»

Практически одновременно с эссе и романом Дж. Оруэлла было опубликовано исследование немецкого филолога В. Клемперера «Lingua Tertii Imperii. Язык Третьего рейха», посвященное вопросу изменения языковых привычек в обществе под давлением идеологии. После перевода книги Клемперера на русский язык в конце 1990-х гг. по аналогии с термином «Lingua Tertii Imperii» (далее – LTI) в исследованиях отечественных лингвистов стал окказионально использоваться термин «lingua Sovietica» [Игнатова, 2006] – как правило, как основа для сравнения тоталитарных языковых дискурсов фашистской Германии и Советского Союза. При этом гораздо шире используется перевод латинского термина – «советский язык» [Басалаева, Шпильман, 2019; Санджи-Гаряева, 2011].

Близость между ЛТИ и «советским языком» обнаруживается в области инструментальной функции языка, когда он превращается в основной канал трансляции системы идеологических установок. Как и ЛТИ, «советскому языку» был свойственен романтизм первых революционных лет: мечта с «раздробленным крылом» и «винтовкой за плечом» [Овчаренко, 2015]. «Советскому языку» так же, как и ЛТИ, была присуща сакральная тема, например использование лозунга *Ленин и сейчас живет всех живых* в качестве наглядной агитации, поминовение жертв революции и ее мучеников в партийном похоронном марше «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» и т. д. Точно так же, как и ЛТИ, в советском языковом дискурсе присутствовало преувеличение преимуществ советского строя: «Советское – значит лучшее».

Однако же если выделенные Клемперером характеристики немецкого языка проецировать на язык советской эпохи, то вместе со сходными чертами обнаруживаются и существенные различия. В отличие от ЛТИ, который в основе своей был устным, диалог советской власти и общества был преимущественно письменным – в форме прецедентных текстов политических лидеров и средств массовой информации. Именно поэтому этот язык не стал «языком улиц» и практически не проник в бытовую речь. Противостояние советской пропаганды и бытового языка улицы свидетельствует о том, что советский языковой дискурс строился не на убеждении, что было свойственно, согласно В. Клемпереру, политическим речам лидеров Третьего рейха, а на «разъяснении» [Алтуян, 2000, с. 192].

Ввиду того, что русский язык с начала XX в. заимствовал и создавал новые слова в беспрецедентных объемах, для русского языка советского периода новым было наличие интерпретатора. Власть взяла на себя обязанность объяснить значение ключевых политических понятий, таких как *коммунизм*, *революция*, *эксплуатация*, *экспроприация* и т. д., упростив до предела и, естественно, включив их в идеологическую систему, зачастую насильно сужая семантическое поле понятия. Государством-интерпретатором были использованы два наиболее эффективных инструмента: средства массовой информации в своем самом простом и примитивном виде – листовки, и кампания по ликвидации безграмотности. Так, например, в листовке 1920-х гг. объяснялась необходимость строительства воздушного флота – абсолютного новшества для деревенского населения, адресата листовки: «Все буржуазные государства спешно строят самолеты. [...] Зачем это? Прежде всего для военных целей» [Калашникова, 2017, с. 283]. Безапелляционный характер утверждения выдает руководящее начало: не сомневайтесь, ни для чего другого – для войны. Положение Советской республики, со всех сторон окруженной врагами, позволяло внести в идеологические концепты оттенок драматизма, который сохранялся в русском языке вплоть до развала советской системы. Драматический пафос высказывания, в свою очередь, служил оправданием практически любых активных действий со стороны государства, направленных как вовне, так и вовнутрь страны. «Революционный рабоче-крестьянский букварь для взрослых» так объяснял понятие *диктатура*: «Для того, чтобы окончательно победить врагов и укрепиться – новая власть должна быть сильной, неограниченной и единой». Ключевой концепт – «неограниченная власть», в ином контексте имевший бы отрицательные коннотации, в конкретной речевой практике оправдывается целью – защита от врагов.

Кампания по ликвидации неграмотности, когда власть требовала «привлекать к обучению неграмотных в порядке трудовой повинности всё грамотное население страны», как говорилось в Декрете СНК о ликвидации безграмотности среди

населения РСФСР от 26 декабря 1919 г., привела к тому, что знакомство с иностранным словом шло через посредника (учителя), который сам решал, какое значение должно иметь то или иное понятие, а многозначность слова сводилась к объяснению одного, политически контролируемого значения, обеспеченного положительной или отрицательной коннотацией.

Именно манипуляции с подвижной идеологической компонентой значения слова привели к созданию жесткого официального канона, с одной стороны, а с другой – препятствовали проникновению официального политического языка в бытовую речь. С этой точки зрения вряд ли целесообразно использовать термин «*lingua Sovietica*» в отношении русского языка советского периода, поскольку термин недвусмысленно отсылает к языковым практикам Третьего рейха, когда немецкий язык трансформировался под влиянием иных, весьма специфических, условий.

«Советский язык» или «советизмы»?

В 2003–2004 гг. на радио «Свобода» вышел цикл передач под названием «*Lingua Sovietica* – Советский язык», или, как заявил ведущий программу В. Тольц, «новояз»¹. Все три термина «в одном флаконе» соответственно определили и тематику цикла: гости программы обсуждали целый спектр языковых явлений – кто такой «кулак», что такое «культ личности», кто такие «стиляги», как говорят по-русски в Нью-Йорке русские эмигранты и т. д. По сути, беседа касалась не столько «советского языка», сколько «советизмов».

Естественно, что и политологический, и культурологический, и лингвистический анализ языкового явления тесным образом связан с областью прагматики, поэтому хронологически исследования русского языка советской эпохи в основном фокусируются на периоде 1917 – 1990-е гг. – времени существования советского режима в России, опираясь на толкование прилагательного «советский» как «относящийся к государственной власти Советов» [Купина, 2009, с. 35]. С точки зрения прагматики «советский язык» рассматривается исследователями как опыт идеологического давления на русский язык со стороны политического режима, что свидетельствует о вмешательстве «социальной воли в структуру и развитие языка» [Геллер, 1994, с. 6].

Начиная с середины 1990-х гг. появился ряд исследований, посвященных идеологическим конструктам «советского языка»: создание метафор, метонимий, лексикографическая кодификация идеологем в советских словарях, освоение заимствованной политической лексики, способы создания неологизмов [Купина, 1995; Загоровская, Есмаеел, 2008; Разинкина, 2011]. В целом исследователи приходят к выводу, что основной характеристикой «советского языка» в области прагматики является идеологическая устойчивость языковых конструктов, что, в свою очередь, выражается определенным набором языковых средств. В первую очередь это семантическая неразложимость словосочетаний, отвечающая за создание идеологического штампа: *верный ленинец, народ-труженик, партийная совесть* и т. д. Идеологизация семантики слова происходит за счет наличия «эпитетов-стабилизаторов», как их называет немецкий исследователь Д. Вайсс [2000],

¹ *Lingua Sovietica* – Советский язык // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/24204198.html> (дата обращения 17.06.2021).

или «атрибутивного сопровождения», по мнению российского филолога Н. Купиной [1995], но в любом случае целенаправленно и намеренно.

Кроме того, постоянно отмечается характерная направленность создания идеологического словосочетания – сверху вниз через посредство прецедентных текстов, таких как статьи газеты «Правда», программные партийные документы, речи политических лидеров, что в совокупности воспринимается как «прецедентный метатекст» [Разинкина, 2011]. В силу этого представляется необходимым уточнить термин: в основном материалом этих исследований служит не «советский язык», а «советский политический язык» [Шипицына, Мамонова, 2016]. При этом вряд ли можно говорить о функционировании отдельного «советского языка», скорее речь идет о «советизмах» в широком смысле, т. е. о слове или сочетании слов, обладающих «значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства» и которое имеет «наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители» [Купина, 2009, с. 37].

«Советский язык» как речь «другого»

Однако в ряде других исследований термин «советский язык» интерпретируется иначе: как речевой ответ населения на вторжение идеологии в языковое сознание. Как отметил П. Серио, изучая русский язык 1920–1930-х гг., «литература здесь обгоняет лингвистику», что неудивительно, поскольку писатели имели возможность «на слух», синхронно фиксировать проникновение в повседневный язык советских штампов, которые делали его «деревянными» [Серио, 2008, с. 167]. В литературоведческих исследованиях предпринята попытка вычленить речевые характеристики «советского человека» в произведениях М. Зощенко, М. Булгакова, А. Платонова (см., например, [Чудакова, 2007; Санджи-Гаряева, 2011]). Следует заметить, что речь идет не о текстах литературы «соцреализма», по сути являющимися составной частью «метатекста», направленного сверху авторитетным заказчиком [Симмонс, 2008, с. 156], а о попытках зафиксировать изменения внутри русского языка в речевых практиках населения. Насыщенность «уличной», «домашней», «учрежденческой»² речи «деревянными» штампами не столько свидетельствует о политизации населения, сколько ставит вопрос о языке и его носителе. П. Серио, размышляя об отношениях власти и языка, задает вопрос: если *они* (власть) – это *мы* (носители языка), то, значит, язык *другого* – это язык «других нас»? Иначе говоря, отражают ли «деревянные» элементы речи изменения в сознании говорящего, являются ли внешними сигналами политической мимики или, наоборот, свидетельствуют о разрушении языкового штампа?

В художественной литературе 1920–1930-х гг. вкрапления «советского языка» в речь персонажей звучат еще свежо и отражают новый, энергичный, напористый стиль жизни. В небольшом рассказе Л. Сейфуллиной (1926) «Налет» юная героиня представляется так: «Ну, так вот, получайте *анкету*. Имя, отчество, фамилия: Клеопатра Ипполитовна Камбулина. Год мне пошел двадцатый. *Происхождение мелкобуржуазное*, дочь адвоката. Ну, он еще до революции помер. Я еще не успе-

² Необходимо отметить, что речь идет не о «канцелярите» – термине, введенном Корнеем Чуковским в отношении языка советской бюрократии, а о «деревянном» языке, который, по мнению П. Серио, «наводнен плохими элементами, которые <...> не являются внешними, а принадлежат языку» [Серио, 2008, с. 165]. Под «плохими» Серио имеет в виду идеологические штампы.

ла *обуржуазиться* <...>. Меня товарищи Клепкой зовут. Не очень мне это нравится: “Клепка”! Ну, ничего не попишешь, все лучше, чем Клеопатра. <...> Ну, я собираюсь *пооктябрьиться*. Мюдой назовусь. Понимаете? *Международное юношеское движение: Мюда*». В романтические 1920-е гг. население, особенно молодежь, с энтузиазмом осваивало новую лексику в порыве разрушения всего *старого, отжившего, старорежимного*. В речи персонажа Клепки идеологические штампы свидетельствуют о стремлении героини стать другой, измениться: девушка могла представиться иначе, но предпочла воспользоваться емкими, современными дефинициями.

Однако в литературе 1950–1960-х гг. молодежь уже говорит по-другому. В рассказе И. Зверева «Второе апреля» (1964) застигнутый врасплох школьник пытается скрыть, что ему симпатична девочка, но при этом не хочет врать: «Я считаю ее *хорошим товарищем и передовой пионеркой*», отвечал несчастный Ряша [...] и покраснел, как вымпел». Казенной формулировкой влюбленный пионер уходит от прямого ответа, поскольку что-то сказав, он в общем-то не сказал ничего. *Передовая пионерка* – это эвфемизм, который стоит на границе между личным и общественным пространством.

И совсем по-другому воспринимается «советский язык» в речи персонажей произведений литературы 1980-х гг. В пьесе Л. Петрушевской «Уроки музыки» (1986) герой, оказавшись в неловкой ситуации в присутствии проницательной соседки-сплетницы, сокрушенно замечает: «Побежала... *Народный контроль в действии*». Намек очевиден: от вмешательства соседки герой ожидает самых неприятных последствий. Использование наименования органа партийно-государственного контроля в сниженной форме имеет даже не иронический, а саркастический смысл.

Как видно из примеров, русский язык советской эпохи не был однороден: с одной стороны, отражая изменения в сознании говорящего, идеологические клише переставали быть внешними элементами и становились частью его языка; однако, с другой стороны, формирование авторитетного речевого дискурса, зафиксированного прецедентными политическими текстами, привело к созданию языкового канона и его омертвлению [Чудакова, 2007], когда язык «другого» стал лингвистическим сигналом советского официоза.

Русский язык советского типа

На общем фоне современных лингвистических, литературоведческих и политологических исследований разногласия терминов, употребляемых исследователями в отношении русского языка советской эпохи, свидетельствует о том, что всё еще не зафиксирован статус данного языкового феномена. Об этом же свидетельствуют суженные хронологические рамки лингвистического анализа, которые ограничиваются временем существования советского режима. Так, практически все современные исследователи считают, что за пределами данных хронологических рамок говорить о советском языке не приходится [Разинкина, 2011]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что предмет исследования становится равен объекту: русский язык советского периода изучается отдельно от естественных языковых процессов, характерных для эволюции любого языка как внутри, так и вне рамок идеологического давления. Ни обилие заимствований, ни интенсификация словотворческих процессов не были уникальными характеристиками язы-

кового процесса советского времени, а освоение новой лексики носителями языка шло традиционными путями через средства массовой информации.

Одним из первых лингвистов термин «русский язык советского типа» использовал английский славист Дж. Данн. Наблюдая за русским языком постсоветского периода, он сделал вывод, что русский язык трансформируется из языка советского типа в язык западного типа, о чем говорит его «десоветизация, вестернизация и стилистическая либерализация». Тем не менее, вводя это понятие, Данн апеллирует к политическому языку 1990-х гг., говоря, что «та языковая изолированность, которая была отличительной чертой русского языка советского периода, и те языковые элементы, которые придавали русскому языку советский характер, исчезли почти одновременно с падением советского режима» [Данн, 2008, с. 57]. Однако очень сомнительно, чтобы опыт жесткого идеологического давления на язык исчез в одночасье из речевых практик.

С нашей точки зрения, можно выделить ряд признаков, которые указывают на то, что в советскую эпоху сложился некий вариант русского языка, который действительно можно назвать «русским языком советского типа», т. е. когда лингвистические сигналы позволяют опознать процесс идеологической индоктринации носителей языка.

Во-первых, это наличие интерпретатора, объяснявшего значение нового слова, причем интерпретация навязывалась «сверху» и стремилась к тому, чтобы стать единственно авторитетной. Во-вторых, навязанная извне аксиологическая биполярность являлась ведущей в семантическом значении слова, где основным атрибутивным сопровождением в советскую эпоху были слова «революционный», «демократический» и «наш, советский». В-третьих, включение речи «другого», т. е. авторитетного дискурса, в языковое сознание носителя обусловило отказ от языкового багажа предшествующего периода и искусственное вытеснение из языка неактуальных номинативов. В-четвертых, широкомасштабные эксперименты с идеологической компонентой значения слова, манипулирование семантикой привели к тому, что язык утратил доверие своего носителя, особенно пласт политической лексики, что стало одной из причин мощного языкового сопротивления.

Русский язык советского типа – один из самых наглядных примеров того, как внутреннее динамическое развитие языка совпало с политической и социальной ломкой общества, что стало причиной невероятного ускорения естественных процессов изменения языка. При этом масштабы и направленность языковых трансформаций обусловили возникновение языка нового качества и новой прагматики.

Список литературы

Алтунян А. Г. *Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica* («Если двое делают одно и то же...») // *Знамя*. 2000. № 8. С. 192–201.

Архипова А. С., Мельниченко М. А. *Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования*. М., 2009. 398 с.

Басалаева Е. Г., Шпильман М. В. «Советский язык» как объект языковой рефлексии в интернет-коммуникации // *Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология*. 2019. № 2. С. 142–156.

Бессонова Л. Е. Иноязычные заимствования в политической лексике начала XX века // *Политическая лингвистика*. 2014. № 3. С. 103–108.

- Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Лингвистическая советология. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 291 с.
- Вайсс Д.* «Новояз» как историческое явление // Соцреалистический канон: Сб. ст. / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 539–555.
- Геллер М. Я.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
- Горнфельд А. Г.* Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. Петербург: Колос, 1922. 64 с.
- Григорьян Я. Г.* Идеологемы пролеткульта и интенции государственной власти в советской России 1920-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 4. С. 53–61.
- Данн Дж. А.* Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца // Политическая лингвистика. 2008 № 3 (26). С. 49–57.
- Загоровская О. В., Есмаеел С. А.* Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 74–82.
- Игнатова Е. М.* Lingua Tertii Imperii: общая характеристика и базовые концепты // Языковое бытие человека и этноса. 2006. № 11. С. 56–63.
- Какзанова Е. М.* Влияние Великой французской революции на политизацию языка // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 187–193.
- Калашиникова И. Н.* Листовки 1920-х годов в фондах государственного исторического музея Южного Урала // Гороховские чтения. Материалы восьмой региональной музейной конференции. Челябинск, 2017. С. 282–285.
- Калинин И. А.* Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605–617.
- Карцевский С. О.* Язык, война и революция. Берлин: Рус. универс. изд-во, 1923. 72 с.
- Киселева Н. Е.* Социокультурные аспекты новояза в СССР в 20-е – 30-е годы XX века // Вестник МГУКИ. 2008. № 1. С. 81–84.
- Климас И. С.* Сложносокращенные слова советской эпохи в произведениях А. П. Гайдара // Курское слово. 2009. № 6. С. 42–48.
- Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995. 144 с.
- Купина Н. А.* Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 35–40.
- Купина Н. А.* Советский конформизм в зеркале языка // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 27–32.
- Овчаренко А. Ю.* «Сабля да книга – чего же еще?»: романтика революции в русской литературе 1920–1930-х годов // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2015. № 1. С. 164–168.
- Разинкина Н. С.* Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917–1956 гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. 2011. № 344. С. 26–29.
- Санджи-Гаряева З. С.* Советский язык в изображении А. Платонова и М. Булгакова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2011. № 6 (2). С. 615–619.
- Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М., 1928. 248 с.

Серно П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. № 5 (25). С. 160–167.

Симмонс Э. Дж. Политический контроль и советская литература // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 156–163.

Чудакова М. О. Новые работы: 2003–2006. М.: Время, 2007. 557 с.

Шпицына Г. М., Мамонова Ю. О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235), вып. 30. С. 21–28.

Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 662 с.

Young J. Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents. University of Virginia Press, 1992. 335 p.

References

Altunyan A. G. Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica (“Esli dve delayut odno i to zhe...”) [Lingua Tertii Imperii versus Lingua Sovietica (“If two do the same...”).] *Znamya*. 2000, no. 8, pp. 192–201.

Arkhipova A. S., Mel'nichenko M. A. Anekdoty o Staline: Teksty, komentarii, issledovaniya [Anecdotes about Stalin: Texts, Commentaries, Research]. Moscow, OGI (United Humanities Publishers), 2010, 400 p.

Basalaeva E. G., Shpil'man M. V. “Sovetskiy yazyk” kak ob’ekt yazykovoy refleksii v internet-kommunikatsii [Soviet language as an object of linguistic reflection in Internet communication]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2019, no. 2, pp. 142–156.

Bessonova L. E. Inoyazychnye zaimstvovaniya v politicheskoy leksike nachala 20 veka [Foreign language borrowings in the political vocabulary of the early 20th century]. *Political Linguistics*. 2014, no. 3, pp. 103–108.

Budaev E. V., Chudinov A. P. *Lingvisticheskaya sovetologiya* [Linguistic Sovietology]. Ekaterinburg, UrSPU, 2009, 291 p.

Chudakova M. O. *Novye raboty: 2003–2006* [New works: 2003–2006]. Moscow, Vremya, 2007, 557 p.

Dann Dzh. A. Transformatsiya russkogo yazyka iz yazyka sovetского типа v yazyk zapadnogo obraztsa [The transformation of Russian from a language of the Soviet type to a language of the Western type]. *Political Linguistics*. 2008, no. 3 (26), pp. 49–57.

Geller M. Ya. *Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetского человека* [Cogs in the Wheel: The Formation of Soviet Man]. Moscow, MIK, 1994, 336 p.

Gornfeld A. G. *Novye slovechki i starye slova. Rech' na s'ezde prepodavateley russkogo yazyka i slovesnosti v Peterburge 5 sentyabrya 1921 g.* [New words and old words. Speech at the Congress of Teachers of Russian Language and Literature in St. Petersburg on September 5, 1921]. Petersburg, Kolos, 1922, 64 p.

Grigor'yan Ya. G. Ideologemy proletkul'ta i intentsii gosudarstvennoy vlasti v sovetской Rossii 1920-kh gg. [The ideologemes of the proletarian culture and the intentions of state power in Soviet Russia in the 1920s]. *RUDN Journal of Russian History*. 2010, no. 4, pp. 53–61.

Ignatova E. M. Lingua Tertii Imperii: obshchaya kharakteristika i bazovye kontsepty [Lingua Tertii Imperii: general characteristics and basic concepts]. *Linguistic existence of human being and ethnos*. 2006, no. 11, pp. 56–63.

Kakzanova E. M. Vliyanie Velikoy frantsuzskoy revolyutsii na politizatsiyu yazyka [Influence of the Great French Revolution on the politicization of language]. *Political Linguistics*. 2016, no. 4 (58), pp. 187–193.

Kalashnikova I. N. Listovki 1920-kh godov v fondakh gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya Yuzhnogo Urala [Leaflets of the 1920s in the funds of the State Historical Museum of the Southern Urals]. In: *Gorokhovskie chteniya. Materialy vos'moy regional'noy muzeynoy konferentsii* [Gorokhov readings. Materials of the 8th regional museum conference]. Chelyabinsk, 2017, pp. 282–285.

Kalinin I. A. Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii [How Lenin's language is made: the material of history and the method of ideology]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2018, no. 15 (4), pp. 605–617.

Kartsevskiy S. O. *Yazyk, vojna i revolyutsiya* [Language, war and revolution]. Berlin, Rus. univers. izd., 1923, 72 p.

Kiseleva N. E. Sotsiokul'turnye aspekty novoyaza v SSSR v 20-e – 30-e gody 20 veka [Sociocultural aspects of Newspeak in the USSR in the 20s – 30s of the 20th century]. *Bulletin of the Moscow state University of culture and arts (Vestnik MGUKI)*. 2008, no. 1, pp. 81–84.

Klimas I. S. Slozhnosokrashchennyye slova sovetskoy epokhi v proizvedeniyakh A. P. Gaydara [Complex abbreviated words of the Soviet era in the works of A. P. Gaidar]. *Kurskoe slovo*. 2009, no. 6, pp. 42–48.

Kupina N. A. Sovetizmy: k opredeleniyu ponyatiya [Sovietisms: to the definition of the concept]. *Political Linguistics*. 2009, no. 2 (28), pp. 35–40.

Kupina N. A. Sovetskiy konformizm v zerkale yazyka [Soviet conformism in the mirror of language]. *Political Linguistics*. 2012, no. 2 (40), pp. 27–32.

Kupina N. A. *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: vocabulary and speech reactions]. Ekaterinburg, Perm', 1995, 144 p.

Ovcharenko A. Yu. "Sablya da kniga – chego zhe eshche?": romantika revolyutsii v russkoy literature 1920–1930-kh godov "Saber and book – what else? Russian literature in the 1920's-1930's". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2015, no. 1, pp. 164–168.

Razinkina N. S. Kontseptual'naya metafora v russkom yazyke sovetskogo perioda (1917–1956 gg.) [Conceptual metaphor in the Russian language of the Soviet period (1917–1956)]. *Tomsk State University Journal*. 2011, no. 344, pp. 26–29.

Sandzhi-Garyaeva Z. S. Sovetskiy yazyk v izobrazhenii A. Platonova i M. Bulgakova [Soviet language in works of A. Platonov and M. Bulgakov]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences*. 2011, no. 6(2), pp. 615–619.

Selishchev A. M. *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom poslednikh let. 1917–1926* [Language of the revolutionary epoch. From observations on the Russian language of the last years. 1917–1926]. Moscow, 1928, 248 p.

Serio P. Derevyannyy yazyk, yazyk drugogo i svoyy yazyk. Poiski nastoyashchey rechi v sotsialisticheskoy Evrope 1980-kh godov [Wooden language, the language of the other and one's own language. The search for real speech in socialist Europe in the 1980s]. *Political Linguistics*. 2008, no. 5 (25), pp. 160–167.

Shipitsyna G. M., Mamonova Yu. O. Obshchiy vzglyad na leksikon russkogo yazyka sovetskogo perioda [General look at the lexicon of the Russian language of the Soviet period]. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Humanitarian Sciences*. 2016, no. 14 (235), iss. 30, pp. 21–28.

Simmons E. Dzh. Politicheskiy kontrol' i sovetskaya literatura [Political control and Soviet literature]. *Political Linguistics*. 2008, no. 1 (24), pp. 156–163.

Vayss D. “Novoyaz” kak istoricheskoe yavlenie [“Newspeak” as a historical phenomenon]. In: *Sotsrealisticheskiy kanon: Sb. st.* [Socialist Realist Canon]. Kh. Gyunter, E. Dobrenko (Eds.). St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 539–555.

Young, J. *Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents*. University of Virginia Press, 1992, 335 p.

Yurchak A. V. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, New Literary Observer, 2014, 662p.

Zagorovskaya O. V., Esmaeel S. A. Ob inoyazychnykh zaimstvovaniyakh v politicheskoy leksike russkogo yazyka [On foreign language borrowings in the political vocabulary of the Russian language]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2008, no. 3, pp. 74–82.

Информация об авторе

Татьяна Вячеславовна Савина, кандидат филологических наук, доцент

Information about the author

Tatiana V. Savina, Candidate of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 05.07.2021;
одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 25.11.2021
The article was submitted on 05.07.2021;
approved after reviewing on 25.11.2021; accepted for publication on 25.11.2021*

Научная статья

УДК 070

DOI 10.17223/18137083/82/23

**«Неисследованные девяностые»:
систематизация источников и концептуальное проектирование
базы данных (на примере системы СМИ Томска
и Томской области 1990-х годов)**

**Наталья Вениаминовна Жилиякова¹
Наталья Александровна Мишанкина²**

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия

² Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Томск, Россия

¹ retama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9406-2664>

² mishankina@ido.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9669-9228>

Аннотация

Представлены результаты разработки концептуальной структуры фактографической базы данных «Томская медийная аномалия», включающей описание всех СМИ Томска и Томской области 1990-х гг. Проанализировано состояние исследовательского поля, в рамках которого осмысляются процессы трансформации журналистики 1990-х гг., обозначены ключевые задачи, которые планируется решить с помощью базы данных. Описаны этапы концептуального проектирования, заключающиеся в формулировании задач, анализе предметной области и формировании ее инфологической и даталогической схем, представляющих собой как систему таблиц, так и структуру полей таблиц, которая отображает атрибуты описываемых объектов. Делается вывод о том, что представленная концепция базы данных позволит создать полноценный информационный ресурс для фиксации и количественной обработки данных о СМИ Томска и Томской области.

Ключевые слова

журналистика, медиасфера, база данных, «томская медийная аномалия», Томск

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511>

Для цитирования

Жилиякова Н. В., Мишанкина Н. А. «Неисследованные девяностые»: систематизация источников и концептуальное проектирование базы данных (на примере системы СМИ Томска и Томской области 1990-х годов) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 311–326. DOI 10.17223/18137083/82/23

© Жилиякова Н. В., Мишанкина Н. А., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 311–326
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 311–326

“The unexplored nineties”: systematization of sources and conceptual design of the database (a case study of Tomsk and Tomsk Oblast media system of the 1990s)

Natalia V. Zhilyakova¹, Natalya A. Mishankina²

^{1,2} National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk Polytechnic University
Tomsk, Russian Federation

¹ retama@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9406-2664>
² mishankina@ido.tsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9669-9228>

Abstract

The paper presents the conceptual structure of the factual database “Tomsk media anomaly” covering all the media in Tomsk and the Tomsk Oblast of the 1990s. The authors analyze the state of the research field for understanding the processes of transformation of journalism in the 1990s. A consistent description is given of the stages of conceptual design. The first stage involved planning a system of tasks to be solved using the information resource developed. The second stage was to analyze the subject area and develop its infological scheme by defining the main objects to be described and identifying their relationships within the framework of the subject area. The third stage was focused on generating a data logical schema of the database, representing the structure of the table fields, displaying the attributes of the described objects. The paper explains the structures of the central table and supplementary tables. Also, the examples of how to solve research problems by means of the tables are provided. The authors suggest that the database concept will provide a full-fledged information resource for recording and quantitatively processing the data on Tomsk and Tomsk Oblast media. The development of a database based on conceptual design is part of the general methodology for studying the transformation of Tomsk and the Tomsk Oblast media system.

Keywords

journalism, media sphere, database, “Tomsk media anomaly”, Tomsk

Acknowledgments

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation, no. 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511>

For citation

Zhilyakova N. V., Mishankina N. A. “The unexplored nineties”: systematization of sources and conceptual design of the database (a case study of Tomsk and Tomsk Oblast media system of the 1990s). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 311–326. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/23

Введение

Одним из главных факторов, обеспечивающих устойчивое развитие общества, является сохранение исторической памяти, зафиксированной в материальных носителях. Журналистика, которая выполняет функцию «летописца» современности, одновременно служит ключевым элементом выстраивания связи времен и поколений, поскольку изучение медиасистем прошлого дает понимание процессов, происходящих в настоящем, и позволяет прогнозировать будущее.

Однако в конце XX в., в так называемые «лихие девяностые», фиксация и научная рефлексия изменений медиасферы и трансформаций журналистики, практически не осуществлялись в связи с глобальными переменами в российском обществе. Многие источники оказались утрачены, не успев попасть в круг исследовательского внимания, и до сих пор и в научном сообществе, и в массовом сознании нет четкого понимания того, что произошло в конце XX в. в российской журналистике и что происходит в ней сейчас, в начале XXI в. Такой «провал» в картине мира, существующей в общественном сознании и коллективной памяти, несет в себе угрозу информационной безопасности и не позволяет адекватно отвечать на вызовы глобальной информационной повестки дня.

Начиная с периода «перестройки», с конца 1980 – 1990-х гг., российская журналистика находится в процессе непрерывной трансформации. Начальный период, те самые «лихие девяностые», в отношении медиасистемы логичнее было бы назвать «неисследованные девяностые». Хотя необходимо подчеркнуть, что в целом этот период осмыслен в нескольких значимых работах. Прежде всего, о журналистике 1990-х гг. написано несколько книг известным журналистом-практиком и исследователем И. И. Засурским (см.: [Засурский, 1999; Zassoursky, 2004] и др.). В них прослежена история освобождения СМИ из-под идеологического диктата партии, переход на коммерческие рельсы, изменение СМИ под воздействием общественных событий. Процессы трансформации журналистики этого периода получили отражение в учебниках и учебных пособиях, монографиях [Овсеян, 1996; Ненашев, 2010; Алексеев, 2021]; кроме этого, в ряде публикаций рассматривается история отдельных типологических групп изданий: гейм-журналистики, научно-популярных, спортивных и т. д. (см., например: [Монастырская, 2003; Семькин, 2016; Баранов, 2001]).

Можно также указать на работы, в которых анализируется творчество отдельных публицистов, в том числе томских, – активных участников процессов, происходивших в журналистике 1990-х гг. (см.: [Коломийцева, Крылова, 2019; «Не гаснет памяти огонь...», 2019]), и на работы, посвященные истории отдельных органов печати в этот период [Век с любимой газетой..., 2018; Горбунова, Жиликова, 2018].

Большая доля диссертационных исследований, выполненных на материале журналистики 1990-х гг., касается сферы телевидения (см., например: [Имамова, 2000; Назарова, 2001; Корнева, 2002] и др.), что отражает возросшую роль ТВ в 1990–2000-х гг. Освещаются и процессы, которые происходили в 1990-е гг. в региональной журналистике (см., например: [Пронина, 2006; Соколова, 2015; Новикова, 2016] и другие работы).

Однако при этом остается практически не исследованным такой важнейший аспект журналистики этого периода, как динамика идеологической составляющей – трансформация аксиологической системы региональной журналистики, которая, с одной стороны, следует общим трендам, с другой – будучи тесно связанной с аспектами развития и проблемами региона, преломляет их в системе своих идеологем. В этом направлении представлены по преимуществу «точечные» исследования, направленные на изучение одной идеологемы (концепта) в современном медиадискурсе того или иного региона (см., например, работы [Алейникова, 2011; Ильина, Каблуков, 2020; Полякова, 2021]). При этом можно констатировать возрастающий интерес к названной проблематике. Однако работы, посвященные идеологической составляющей региональной журналистики 80–90-х, единичны и регионально ограничены Новокузнецком и Екатеринбургом

[Соболева, 2015; Пушкарева, 2016; Асташова, 2020]. Если говорить об идеологической составляющей регионального дискурса Томска, то и в этом случае работы единичны: наиболее последовательно изучен только медиаконцепт *НЕФТЬ* [Орлова, 2010], безусловно, ключевой для ценностной картины региона, но очевидно не единственный.

Этот небольшой обзор исследований показывает, что журналистика 1990-х пока изучается «точно»: при наличии исследований самого общего характера на данный момент нет фундаментальных обобщающих работ, посвященных процессам трансформации региональной российской журналистики на рубеже XX–XXI вв., нет и работ, в которых системно рассматривалась бы журналистика 1990-х гг. отдельных российских регионов.

Если говорить об исследованиях, посвященных журналистике Томска и Томской области 1990–2020-х гг., то здесь приходится констатировать единичные попытки осмысления процессов изменения в медиасфере региона. Прежде всего это две коллективные монографии: «Телевидение Сибири» [2011] и «Телевидение Сибири: история, теория и практика» [2015], подготовленные авторским коллективом под руководством Ю. М. Ершова. В них предпринята попытка совместить и рассказ о современном состоянии регионального телевидения, и обращение к его истории, в том числе к истории 1990-х гг. Преподаватели ТГУ являются авторами нескольких статей о томских СМИ [Ершов, 2015; Войтик, 2019; Кручевская, 2019]. История отдельных изданий отражена в энциклопедиях Томска и Томской области [Томск..., 1999; Энциклопедия Томской области, 2009].

Таким образом, можно говорить о том, что изучение журналистики 1990-х гг. затруднено по многим причинам: это и преимущественное внимание исследователей к процессам, происходящим в современном мире медиа, и ложное ощущение достаточного освоения этого исследовательского поля, и до сих пор существующие в обществе разные оценки эпохи «перестройки» и всех последовавших за ней политических изменений. Полагаем, что это происходит по весьма значимым причинам методологического характера, связанным с отсутствием целостного подхода, который позволил бы осмыслить происходящие изменения в медиасфере комплексно, с учетом исторических, типологических и дискурсивных аспектов, и отсутствием комплексной методики анализа медиасистемы как целостной структуры, единой дискурсивной формации.

Однако в первую очередь одной из самых серьезных проблем является отсутствие источниковой базы, опираясь на которую, можно было бы систематизировать и каталогизировать сохранившиеся источники разных типов и ответить на исследовательские вопросы, касающиеся трансформации системы СМИ в отдельно взятом регионе. Поэтому мы формулируем цель настоящей статьи как представление и обоснование концептуальной структуры источниковой базы данных, объединяющей сведения о томской медиасфере 1990–2020-х гг.

Методология и методы создания базы данных

Значимость создания информационных ресурсов в наше время трудно переоценить. Состояние современного мира вполне может быть охарактеризовано как гиперинформационное, при этом одной из проблем является несистематизированность и неструктурированность информации, что, в свою очередь, влечет за собой необходимость внесения порядка в информационный хаос. Появление и активное развитие новых технологий позволяет не только создавать новые терабайты ин-

формации, но организовывать их в информационные системы. Одним из решений этой проблемы представляется технология создания **базы данных** – «Набор взаимосвязанных сведений (фактов), относящихся к определенной предметной области, организованных по определенным правилам, которые могут предусматривать их кларативное представление, хранение и манипулирование ими»¹.

Предпосылками для разработки и создания базы данных томской медиасферы можно считать насущную необходимость в решении значимых для журналистики задач: 1) создание информационной системы, которая поможет эффективно собирать, структурировать и организовать информацию о субъектах медийного поля; 2) повышение достоверности и эффективности исследований, непосредственно зависящих от доступности эмпирических данных [Мишанкина, 2011].

В настоящее время технологии баз данных (БД), применяемые в гуманитарной сфере, позволяют создавать два типа БД:

а) **фактографические** БД, которые содержат информацию о массиве каких-либо документов, явлений и т. п., определенным образом структурированную;

б) **полнотекстовые** БД как базы *библиотечного типа*, включающие как произведения художественной литературы, так и критические, исследовательские работы по их изучению и *корпусы текстов*, предполагающих текстовую разметку и поиск по отдельным языковым структурам, например «Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века» или самый крупный в России «Национальный корпус русского языка».

В ходе реализации нашего проекта предполагается создать фактографическую БД «Томская медийная аномалия», включающую описание всех СМИ Томска и Томской области этого периода. В качестве основного методологического основания выступила технология концептуального проектирования реляционных БД [Гайдамакин, 2002; Советов и др., 2012]. В качестве инструмента использована СУБД MS Access, входящая в стандартный офисный пакет.

Результаты исследования

На первом этапе концептуального проектирования формулируется система задач, на решение которых направлен разрабатываемый информационный ресурс. И в этой связи, возвращаясь к центральной проблеме нашего проекта, связанной с систематизацией и описанием СМИ, сформулируем систему информационных задач проектируемого ресурса как систему вопросов, на которые могут быть получены ответы путем создания запроса:

1. Какие СМИ существовали в исследуемый период?
2. Сколько всего изданий в Томске и Томской области выходило с 1990 по 2020 г.?
3. Как менялась картина по видам СМИ – когда было больше телеканалов, радиостанций, периодических изданий?
4. Каких изданий было больше: центральных или региональных?
5. Сколько было районных газет в определенный период?
6. Сколько было журналов?
7. Какие существовали корпоративные издания?
8. Функционировали ли они в 2020 г.?

¹ ГОСТ Р 43.0.6-2011 // Электронный фонд правовых и информационно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200087132?marker=7D20K3/>. Статья 3.1.2

9. Были ли СМИ для детей? Для студентов? Для домохозяек?
10. Сколько их было?
11. Менялось ли название?
12. Когда появились первые интернет-издания?
13. На какие средства существовало СМИ?
14. Кто был владельцем СМИ в определенный период?
15. Сколько примерно журналистов работало в определенный период?
16. Какие журналисты работали в тех или иных СМИ?
17. Кто был редактором в определенный период?
18. В каком СМИ?
19. Входило ли СМИ в медиахолдинг?
20. В какой период?

Сформулированные задачи позволили перейти к следующему этапу проектирования.

Второй этап концептуального проектирования предполагает осуществление анализа предметной области и формирование ее инфологической схемы в соответствии со спектром задач. Для этого в рамках предметной области необходимо определить основные объекты описания, или, как принято именовать в терминологии направления «Базы данных», объекты-сущности, а также отношения между ними.

В нашем случае предметная область – это система СМИ г. Томска и Томской области, а также, как видно из задач, их владельцы и журналисты, которые работали в СМИ. В этой связи полагаем, что в анализируемой предметной области в соответствии с ключевой задачей БД можно выделить три типа базовых объектов описания (объектов-сущностей):

- 1) средства массовой информации, существовавшие в исследуемый период;
- 2) владельцы СМИ;
- 3) журналисты, работавшие в них.

Они формируют следующую концептуальную структуру (рис. 1). Ядром является объект-сущность (таблица) «СМИ», так как она объединяет все вспомогательные объекты, – таблицы, представляющие данные о владельцах и журналистах. При этом каждый владелец или журналист связан с записью о СМИ в основной таблице.

На третьем этапе проектирования формируется даталогическая схема БД, представляющая собой структуру полей таблиц, которая отображает атрибуты описываемых объектов.

Каждый объект-сущность БД может быть описан через определенную систему атрибутов, поэтому структуры ядерной и вспомогательных таблиц различаются. Исходя из поставленных выше задач, на решение которых направлен информационный ресурс, мы сформировали следующие даталогические схемы. Структура центральной таблицы «СМИ» представлена на рис. 2.

Прокомментируем эту структуру.

1. Поле «**Код**»: технология баз данных предусматривает собственную, внутреннюю систему числовых идентификаторов, представленных в данном поле, что позволяет программе распознавать записи как различные.

2. Поле «**Канал**»: этот атрибут отражает канал трансляции СМИ: печатные, радио, телевизионные или интернет-СМИ. Инструментарий СУБД MS Access дает возможность создать меню выбора содержания (рис. 3, а).

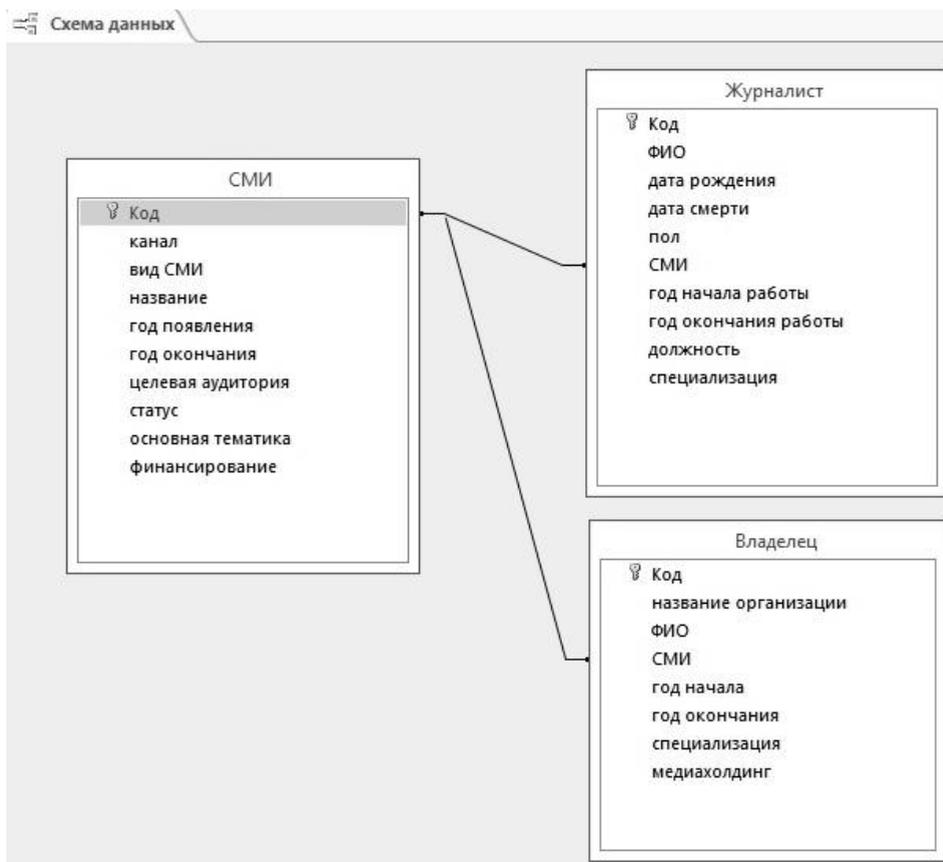

Рис. 1. Инфологическая схема БД СМИ г. Томска и Томской области
 Fig. 1. Infological scheme of the media database of the city of Tomsk and the Tomsk region

СМИ		
	Имя поля	Тип данных
🔑	Код	Счетчик
	канал	Короткий текст
	вид СМИ	Короткий текст
	название	Короткий текст
	год появления	Числовой
	год окончания	Числовой
	целевая аудитория	Короткий текст
	статус	Короткий текст
	основная тематика	Длинный текст
	финансирование	Короткий текст

Рис. 2. Структура таблицы «СМИ»
 Fig. 2. The structure of the table “Media”

3. Поле «**Вид СМИ**» фиксирует, к какому типу СМИ относится описываемый объект: газета, журнал, радиостанция, телеканал или медийный интернет-портал (рис. 3, б).

4. Поле «**Название**», соответственно, представляет название СМИ.

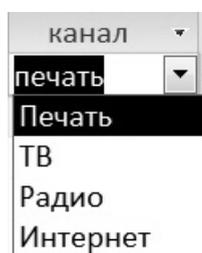
5. Поля «**Год появления**» и «**Год окончания**»: позволяют определить время существования СМИ.

6. Поле «**Целевая аудитория**» дает возможность обозначить специализацию СМИ относительно его целевой аудитории.

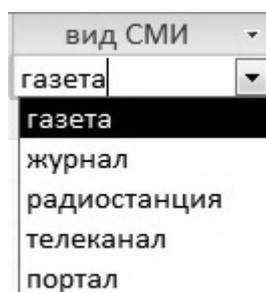
7. Поле «**Статус**» показывает статус СМИ и позволяет осуществить оценку соотношения центральных, областных, городских, районных и корпоративных СМИ (рис. 3, в).

8. Поле «**Основная тематика**» отражает тематическое направление СМИ в самом общем виде.

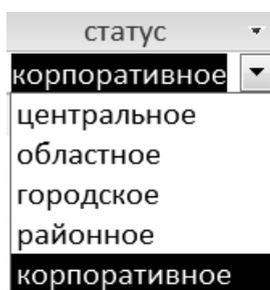
9. Поле «**Финансирование**» содержит информацию о способах финансирования (рис. 3, г).

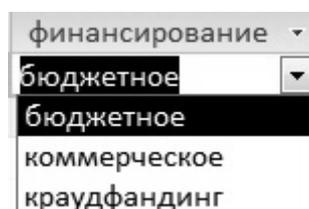
а

б

в

г

Рис. 3. Меню выбора:
а – в поле «Канал»; б – в поле «Вид СМИ»; в – в поле «Статус»;
г – поле «Финансирование»

Fig. 3. Selection menu:
a – in the “Channel” field; b – in the “Media type” field; c – in the “Status” field;
d – in the “Financing” field

Даталогические схемы вспомогательных таблиц, описывающих персоналии, значительно отличаются от структуры основной (рис. 4).

Владелец	
Имя поля	Тип данных
Код	Счетчик
название организации	Короткий текст
ФИО	Короткий текст
СМИ	Числовой
год начала	Числовой
год окончания	Числовой
специализация	Короткий текст
медиахолдинг	Короткий текст

а

Журналист	
Имя поля	Тип данных
код	Счетчик
ФИО	Короткий текст
дата рождения	Дата и время
дата смерти	Дата и время
пол	Короткий текст
СМИ	Числовой
год начала работы	Числовой
год окончания работы	Числовой
должность	Короткий текст
специализация	Короткий текст

б

Рис. 4. Структура вспомогательных таблиц: а – «Владелец»; б – «Журналист»
 Fig. 4. The structure of the supplementary tables: a – “Owner”; b – “Journalist”

Прокомментируем структуру таблицы «Владелец» (см. рис. 4, а).

1. Поле «Код»: главный идентификатор записей.
2. Поле «Название организации» отражает указанную информацию, если владельцем является не частное лицо.
3. Поле «ФИО» необходимо, если владельцем является частное лицо.
4. Поле «СМИ» содержит информацию об объекте владения и связано с полем «Название» в основной таблице.
5. Поля «Год начала» и «Год окончания» показывают время владения.
6. Поле «Специализация» представляет данные о возможной специализации владельца.
7. Поле «Медиахолдинг» содержит информацию о вхождении СМИ в медиахолдинг.

Структура таблицы «Журналист» несколько иная (см. рис. 4, б).

1. Поле «Код»: главный идентификатор записей.
2. Поле «ФИО» содержит соответствующую информацию.
3. Поля «Год рождения» и «Год смерти» показывают возраст или срок жизни персоны.

4. Поле «**Пол**» позволит проследить гендерное распределение персон.
5. Поле «**СМИ**» содержит информацию о месте работы журналиста и связано с полем «**Название**» в основной таблице.
6. Поля «**Год начала работы**» и «**Год окончания работы**» показывают время работы в том или ином СМИ.
7. Поле «**Должность**» отражает информацию о должности журналиста в СМИ.
8. Поле «**Специализация**» показывает тематическую специализацию журналиста в самом общем виде.

Полагаем, что представленная структура впоследствии, при разработке программного продукта, может быть уточнена.

Исходя из заявленной структуры, проиллюстрируем решение некоторых задач в формате конкретных заданий для обработки данных.

Задача 1: Сколько всего изданий в Томске и Томской области выходило с 1990 по 2020 г.? → **Задание:** определить количество записей в таблице «СМИ» → **Запрос** на подсчет их количества записей в таблице «СМИ».

Задача 2: Какие СМИ существовали в исследуемый период? → **Задание:** определить частоту вхождения вариантов записи в поле «Вид СМИ» → **Запрос** на поиск повторяющихся значений в поле «Вид СМИ» таблицы «СМИ» и подсчет их количества.

Задача 3: Каких изданий было больше: центральных или региональных? → **Задание:** определить частоту вхождения вариантов записи в поле «Статус» → **Запрос** на поиск повторяющихся значений в поле «Статус» таблицы «СМИ» и подсчет их количества.

Задача 4: Сколько было владельцев у определенного СМИ? → **Задание:** определить частоту вхождения по полю «СМИ» таблицы «Владелец» → **Запрос** на поиск повторяющихся значений в поле «СМИ» таблицы «Владелец» и подсчет их количества.

Безусловно, представленные выше варианты решения носят иллюстративный характер, и их ряд может быть расширен. Таким образом, уже на этом этапе можно видеть, что проектируемая информационная система позволит получить ответ на сформулированные ранее информационные задачи и осуществить количественный анализ данных по исследуемым параметрам.

При разработке содержания проектируемой системы предполагается провести мониторинг и сбор материала фронтально – с максимально широким охватом всех возможных ресурсов:

- 1) фондов томских библиотек, архивов организаций и частных лиц на предмет выяснения сохранности СМИ на традиционных бумажных носителях;
- 2) интернет-ресурсов с целью выявления оцифрованных источников (газет, журналов, альманахов Томска 1990-х гг.), сохраненных архивов теле- и радиопередач, сбора информации о существовавших в конце XX в. томских медиаресурсах (сайты, медиапроекты).

Критерий формирования выборки – датировка в рамках указанного периода. Объем выборки не ограничен.

Собранный материал станет основой для дальнейшей работы по проекту и составлению концепции итогового мультимедийного проекта по новой и новейшей журналистике Томска.

Выводы

Концептуальное проектирование базы данных, в которой будут максимально полно отражены компоненты медиасистемы Томска и Томской области постсоветского периода, является одной из первоочередных задач для исследовательского коллектива, приступающего к комплексному изучению томских СМИ 1990–2020-х гг. Без определения «границ» исследуемого материала невозможно приступить к сбору данных о сохранности СМИ, определению их доступности, выяснению трансформации типологической картины журналистики и решению других исследовательских задач.

Представленная концепция базы данных является рабочей схемой, которая, вероятно, будет совершенствоваться в процессе исследования. В основу базы данных может быть положена информация, полученная от Управления Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Томской области (Управление Роскомнадзора по Томской области): список, содержащий сведения о средствах массовой информации, зарегистрированных и исключенных из реестра СМИ за период с 01.01.1990 по 30.05.2022. В этом списке представлено 725 зарегистрированных СМИ и 635 исключенных из реестра. Однако, поскольку в списке отсутствуют СМИ, не включенные в реестр, – школьные и детские газеты, СМИ, выпускаемые по собственной инициативе ограниченным тиражом частными лицами, и др. – проектируемая база данных будет дополнена и этой информацией.

Создание базы данных на основе концептуального проектирования представляет собой часть общей методики исследования трансформации медиасистемы Томска и Томской области. Исследовательский коллектив предполагает, что эта разработка может быть полезна для ученых других регионов, которые приступают или уже реализуют программу изучения региональной журналистики постсоветского периода.

Список литературы

Алейникова Е. М. Риторика конструирования проблем межэтнических отношений в современной ставропольской газетной прессе // Вестник Ставропол. гос. ун-та. 2011. № 2. С. 58–63.

Алексеев К. А. Новейшая история российской журналистики (1990–2010 гг.): Учеб. пособие. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 400 с.

Асташова О. И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 120–133.

Баранов В. В. Спортивная печать Российской Федерации: формирование новой системы: 90-е годы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 201 с.

Век с любимой газетой: к столетию Томской областной газеты «Красное знамя» / Ред.-сост. Н. И. Маскина. Томск, 2018. 219 с.

Войтик Е. А. Зимний спорт в Томске (сезон 2018–2019 гг.): телевизионный региональный аспект // Трансформация медиасреды в XXI веке: Материалы Международ. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 196–200.

Гайдамакин Н. А. Автоматизированные информационные системы, базы и банки данных. Вводный курс: Учеб. пособие. М.: Гелиос АРВ, 2002. 368 с.

Горбунова Т. Ю., Жиликова Н. В. Типологические трансформации в прессе «закрытого» города («Новое время», ЗАТО Северск) // Вопросы журналистики. 2018. № 4. С. 5–24.

Еришов Ю. М. О бабе Маше и медийной интерпретации конфликтов // Век информации. 2015. № 3. С. 38–40.

Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. М.: Изд-во МГУ, 1999. 272 с.

Ильина О. В., Каблуков Е. В. Практики конструирования региональной идентичности в медиадискурсе Татарстана // Научный диалог. 2020. № 3. С. 52–66.

Имамова Е. И. Эволюция отечественного информационного и информационно-аналитического телевидения: конец 80-х – 90-е годы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 286 с.

Коломийцева Е. Ю., Крылова Н. В. Публицистика Юрия Полякова в информационном пространстве России 1990-х годов // Вестник Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 4. С. 130–137.

Корнева И. В. Телевизионное пространство и его виртуальные образы: из опыта отечественного телевидения 1990-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 221 с.

Кручевская Г. В. «Медленное медиа о Томске» (интернет-журнал «Томский обзор») // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: Сб. материалов Междунар. науч. форума: В 2 т. СПб., 2019. Т. 1. С. 221–222.

Мишанкина Н. А. Технология баз данных в социогуманитарных исследованиях // Гуманитарная информатика. 2011. Вып. 6. С. 110–118.

Монастырская А. А. Таблоидная пресса в России: 1990–2000 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 191 с.

Назарова Я. В. Информационное телевидение государственных и частных телеканалов: эволюция, сравнительный анализ: 90-е годы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 225 с.

«Не гаснет памяти огонь...». Эдуард Викторович Стойлов: Биобиблиогр. сб. / Том. обл. универс. науч. б-ка им. А. С. Пушкина; сост.: Н. И. Маскина и др.; ред.: С. С. Быкова, Л. В. Чередникова. Томск, 2019. 206 с.

Ненашев М. Ф. Иллюзии свободы. Российские СМИ в эпоху перемен (1985–2009). М.: Логос, 2010. 315 с.

Новикова М. Н. Региональная пресса как участник процесса переосмысления отечественной истории в эпоху перестройки (на материалах газеты «Горьковский рабочий») // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. История. 2016. № 4. С. 65–73.

Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов): Учеб. пособие / Под ред. Я. Н. Засурского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 208 с.

Орлова О. В. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного медиаконцепта: концепт НЕФТЬ в томской медиасфере // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 4 (12). С. 33–41.

Полякова Е. В. Региональный медиадискурс: мемориально-краеведческая функция (на примере газеты «Вечерняя Уфа») // Русский лингвистический бюллетень. 2021. № 4 (28). С. 111–113.

Пронина Ю. С. От «самиздата» к независимой печати: из истории альтернативных изданий Сибири периода «поздней перестройки» // Макушинские чтения. 2006. № 7. С. 203–206.

Пушкарева И. А. Краеведческие доминанты в российском региональном медиадискурсе конца XX – начала XXI века: семантико-стилистический анализ на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Новокузнецк, 2016. 360 с.

Семыкин В. С. Научно-популярная журналистика в России в начале 1990-х годов // Медиачтения СКФУ: взгляд молодых исследователей: Сб. конкурсн. материалов Всерос. науч. семинара / Отв. ред. О. И. Лепилкина, А. М. Горбачев. Ставрополь, 2016. С. 47–49.

Соболева Е. Г. Ключевые смыслы «Екатеринбург – третья столица» в федеральном и региональном медийных дискурсах // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2 (138). С. 100–106.

Советов Б. Я., Цехановский В. В., Чертовской В. Д. Базы данных: теория и практика М.: Юрайт, 2012. 463 с.

Соколова Т. Л. Понятия «перестройка», «демократизация», «гласность» в материалах региональной печати 1985–1991 годов // Вопросы территориального развития. 2015. Вып. 5 (25). С. 1–14.

Телевидение Сибири: история, теория и практика: Монография / В. С. Байдина, Э. В. Блинова, Е. А. Войтик, Ю. М. Ершов, С. А. Мансков, Е. А. Манскова, А. Е. Ярославцева / Под ред. Ю. М. Ершова. Томск: ИД Том. гос. ун-та, 2015. 184 с.

Телевидение Сибири: Монография / А. Е. Ярославцева, В. С. Байдина, Э. В. Блинова, О. А. Ерёменко, Ю. М. Ершов, О. Е. Макеева, Е. В. Халина / Под ред. А. Е. Ярославцевой. 2-е изд., доп. и испр. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 208 с.

Томск. История города от основания до наших дней / Отв. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 430 с.

Энциклопедия Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 2: Н–Я. 465 с.

Zassoursky Ivan. Media and Power in Post-Soviet Russia. M. E. Sharpe, 2004. 270 p.

References

Alekseev K. A. *Noveyshaya istoriya rossiyskoy zhurnalistiki (1990–2010 gg.)* [The modern history of Russian journalism (1990–2010)]: uchebnoe posobie. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2021, 400 p.

Aleynikova E. M. Ritorika konstruirovaniya problem mezhetnicheskikh otnosheniy v sovremennoy stavropol'skoy gazetnoy presse [The rhetoric of constructing the problems of interethnic relations in the modern Stavropol newspaper press]. *Vestnik Stavropol. gos. un-ta*. 2011, no. 2, pp. 58–63.

Astashova O. I. Konstruirovaniye regional'noy identichnosti v mediadiskurse: opyt sravnitel'nogo analiza [The construction of regional identity in Media-discourse: the experience of comparative analysis]. *Political linguistics*. 2020, no. 2 (80), pp. 120–133.

Baranov V. V. *Sportivnaya pechat' Rossiyskoy Federatsii: formirovaniye novoy sistemy: 90-e gody* [Sports press of the Russian Federation: formation of a new system: 90s]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2001, 201 p.

Entsiklopediya Tomskoy oblasti [Encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk, TSU Publ., 2009, vol. 2: N–Ya. 465 p.

Gaydamakin N. A. *Avtomatizirovannyye informatsionnyye sistemy, bazy i banki dannykh. Vvodnyy kurs: ucheb. posobie* [Automated information systems, databases and data banks. Introductory Course: Tutorial]. Moscow, Gelios ARV, 2002, 368 p.

Gorbunova T. Yu., Zhilyakova N. V. Tipologicheskie transformatsii v presse “zakrytogo” goroda (“Novoe vremya,” ZATO Severesk) [Typological transformations in the press of a “closed” town (“Novoe vremya,” ZATO Severesk)]. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 2018, no. 4, pp. 5–24.

Ershov Yu. M. O babe Mashe i mediynoy interpretatsii konfliktov [About Baba Masha and media interpretation of conflicts]. *The Age of Information*. 2015, no. 3, pp. 38–40.

Il'ina O. V., Kablukov E. V. Praktiki konstruirovaniya regional'noy identichnosti v mediadiskurse Tatarstana [Practices of constructing regional identity in the media discourse of Tatarstan]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2020, no. 3, pp. 52–66.

Imamova E. I. *Evolyutsiya otechestvennogo informatsionnogo i informatsionno-analiticheskogo televideniya: konets 80-kh – 90-e gody* [The evolution of domestic information and information-analytical television: the end of the 80s – 90s]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2000, 286 p.

Kolomiitseva E. Yu., Krylova N. V. Publitsistika Yuriya Polyakova v informatsionnom prostranstve Rossii 1990-kh godov [Publicism of Yuri Polyakov in the information space of Russia in the 1990s]. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2019, vol. 1, no. 4, pp. 130–137.

Korneva I. V. *Televizionnoe prostranstvo i ego virtual'nye obrazy: iz opyta otechestvennogo televideniya 1990-kh godov* [Television space and its virtual images: from the experience of domestic television in the 1990s]. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2002, 221 p.

Kruchevskaya G. V. “Medlennoe media o Tomske” (internet-zhurnal “Tomskiy obzor”) [“Slow media about Tomsk” (Internet magazine “Tomsky review”)]. In: *Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniya: Sb. materialov Mezhdunar. nauch. foruma: V 2 t.* [Media in the modern world. 58th Petersburg readings: Proc. of the Intern. sci. forum: In 2 vols.]. St. Petersburg, 2019, pp. 221–222.

Mishankina N. A. Tekhnologiya baz dannykh v sotsiougumanitarnykh issledovaniyakh [Database technology in socio-humanitarian research]. *Humanitarian informatics*. 2011, iss. 6, pp. 110–118.

Monastyrskaya A. A. *Tabloidnaya pressa v Rossii: 1990–2000 gg.* [Tabloid press in Russia: 1990–2000]. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2003, 191 p.

Nazarova Ya. V. *Informatsionnoe televidenie gosudarstvennykh i chastnykh telekanalov: evolyutsiya, sravnitel'nyy analiz: 90-e gody* [Information television of public and private TV channels: evolution, comparative analysis: 90s]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2001, 225 p.

“Ne gasnet pamyati ogon'...”. *Eduard Viktorovich Stoylov: Biobibliogr. sb.* [“The flame of memory does not go out” Eduard Viktorovich Stoilov: bibliogr. coll.]. Tomsk Regional University Scientific Library named after A. S. Pushkin; N. I. Maskina et al. (Comps.); red.: S. S. Bykova, L. V. Cherednikova (Eds.). Tomsk, 2019, 206 p.

Nenashev M. F. *Illyuzii svobody. Rossiyskie SMI v epokhu peremen (1985–2009)* [Illusions of freedom. Russian media in an era of change (1985–2009)]. Moscow, Logos, 2010, 315 p.

Novikova M. N. Regional'naya pressa kak uchastnik protsessa pereosmysleniya otechestvennoy istorii v epokhu perestroyki (na materialakh gazety “Gor'kovskiy rabochiy”) [Regional press as a participant in the process of rethinking national history in the era of perestroika (based on the materials of the Gorky Rabochiy newspaper)]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences. History*. 2016, no. 4, pp. 65–73.

Orlova O. V. Miromodeliruyushchiy potentsial regional'no markirovannogo media-kontsepta: kontsept NEFT" v tomskoy mediasfere [The world-modeling potential of regionally labeled media concept: the concept of oil in the Tomsk media sphere]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2010, no. 4 (12), pp. 33–41.

Ovsep'yan R. P. *Istoriya noveyshey otechestvennoy zhurnalistiki (fevral' 1917 – nachalo 90-kh godov): Ucheb. posobie* [History of the latest domestic journalism (February 1917 – early 90s): Textbook]. Ya. N. Zasursky (Ed.). Moscow, MSU Publ., 1996, 208 p.

Polyakova E. V. Regional'nyy mediadiskurs: memorial'no-kraevedcheskaya funktsiya (na primere gazety "Vechnyaya Ufa") [Regional media discourse: memorial and local history function (on the example of the newspaper "Vechnyaya Ufa")]. *Russian Linguistic Bulletin*. 2021, no. 4 (28), pp. 111–113.

Pronina Yu. S. Ot "samizdata" k nezavisimoy pechati: iz istorii al'ternativnykh izdaniy Sibiri perioda "pozdney perestroiki" [From "samizdat" to independent printing: from the history of alternative publications in Siberia during the "late perestroika" period]. In: *Makushin readings*. 2006, no. 7, pp. 203–206.

Pushkareva I. A. *Kraevedcheskie dominanty v rossiyskom regional'nom mediadiskurse kontsa 20 – nachala 21 veka: semantiko-stilisticheskii analiz na materiale gorodskoy gazety "Kuznetskiy rabochiy" (Novokuznetsk)* [Local history dominants in the Russian regional media discourse of the late 20th – early 21st century: semantic and stylistic analysis based on the material of the city newspaper "Kuznetskiy rabochiy" (Novokuznetsk)]. Novokuznetsk, 2016, 360 p.

Semykin V. S. Nauchno-populyarnaya zhurnalistika v Rossii v nachale 1990-kh godov [Popular science journalism in Russia in the early 1990s]. In: *Mediachteniya SKFU: vzglyad molodykh issledovateley: Sb. konkursn. materialov Vseros. nauch. seminar* [Media Readings of NCFU: the view of young researcher: Coll. of competitive materials of the All-Russian sci. seminar]. O. I. Lepilkina, A. M. Gorbachev (Eds. in Ch.). Stavropol, 2016, pp. 47–49.

Soboleva E. G. Klyucheveye smysly "Ekaterinburg – tret'ya stolitsa" v federal'nom i regional'nom mediynnykh diskursakh [Key meanings of "Yekaterinburg is the third capital" in federal and regional media discourses]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2015, no. 2 (138), pp. 100–106.

Sokolova T. L. Ponyatie "perestroika," "demokratizatsiya," "glasnost'" v materialakh regional'noy pechati 1985–1991 godov [The concept of "perestroika," "democratization," "glasnost'" in the materials of the regional press in 1985–1991]. *Territorial development issues*. 2015, iss. 5 (25), pp. 1–14.

Sovetov B. Ya., Tsekhanovskiy V. V., Chertovskoy V. D. *Bazy dannykh: teoriya i praktika* [Databases: theory and practice]. Moscow, Yurayt, 2012, 463 p.

Televidenie Sibiri: istoriya, teoriya i praktika [Television of Siberia: history, theory and practice]. B. S. Baydina, E. V. Blinova, E. A. Voytik, Yu. M. Ershov, C. A. Manskov, E. A. Manskova, A. E. Yaroslavtseva (Auths.), Yu. M. Ershov (Ed.). Tomsk, TSU Publ. House, 2015, 184 p.

Televidenie Sibiri: Monografiya [Television of Siberia: monograph]. A. E. Yaroslavtseva, V. S. Baydina, E. V. Blinova, O. A. Eremenko, Yu. M. Ershov, O. E. Makeeva, E. V. Khalina (Auths.), A. E. Yaroslavtseva (Ed.). 2nd ed., rev. and upd. Tomsk, STL Publ. House, 2011, 208 p.

Tomsk. Istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney [Tomsk. The history of the city from its foundation to the present day]. N. M. Dmitrienko (Ed. in Ch.). Tomsk, TSU Publ., 1999, 430 p.

Vek s lyubimoy gazetoy: k stoletiyu Tomskoy oblastnoy gazety "Krasnoe znamya" [A century with your favorite newspaper: on the centenary of the Tomsk regional newspaper "Krasnoe znamya"]. N. I. Maskina (Ed., Comp.). Tomsk, 2018, 219 p.

Voytik E. A. *Zimniy sport v Tomске (sezon 2018–2019 gg.): televizionnyy regional'nyy aspekt* [Winter sports in Tomsk (season 2018–2019): TV regional aspect]. In: *Transformatsiya mediasredy v 21 veke: mat-ly mezhdunar. nauchn.-praktich. konf.* [Transformation of the media environment in the 21st century: Proc. of the intern. sci.-pract. conf.]. Moscow, 2019, pp. 196–200.

Zassoursky Ivan. *Media and Power in Post-Soviet Russia*. M. E. Sharpe, 2004, 270 p.

Zassoursky I. I. *Mass-media vtoroy respubliki* [Mass media of the second republic]. Moscow, MSU Publ., 1999, 272 p.

Информация об авторах

Наталья Вениаминовна Жилыкова, доктор филологических наук

Scopus Author ID 57192176805

WoS Researcher ID X-4467-2019

RSCI Author ID 171314

SPIN 3662-0925

Наталья Александровна Мишанкина, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57193740416

WoS Researcher ID E-9232-2014

RSCI Author ID 386273

SPIN 4113-2182

Information about the authors

Natalia V. Zhilyakova, Doctor of Philology

Scopus Author ID 57192176805

WoS Researcher ID X-4467-2019

RSCI Author ID 171314

SPIN 3662-0925

Natalya A. Mishankina, Doctor of Philology, Professor

Scopus Author ID 57193740416

WoS Researcher ID E-9232-2014

RSCI Author ID 386273

SPIN 4113-2182

Статья поступила в редакцию 02.07.2022;

одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 29.08.2022

The article was submitted on 02.07.2022;

approved after reviewing on 29.08.2022; accepted for publication on 29.08.2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1

Рецензии

Рецензия

УДК 8.82.0

DOI 10.17223/18137083/82/24

Рецензия на книгу:

М. А. Булгаков: аннотированный библиографический указатель. Т. 2. 1941–1985 / Рос. гос. б-ка искусств; сост.: М. В. Мишуровская, И. С. Ефимова, О. В. Голубева; ред. М. В. Мишуровская; библиогр. ред. А. В. Акименко. М.: РГБИ, 2021. 816 с.

Евгений Александрович Яблоков

Независимый исследователь

Москва, Россия

ejablokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7926-1689>

Аннотация

Рассматривается второй том Библиографического указателя, в котором представлены публикации о творчестве М. А. Булгакова, вышедшие в 1941–1985 гг. Этот период включает булгаковский «бум» 1960-х гг., когда широкой публике открылись забытые и вообще не печатавшиеся раньше произведения писателя – прежде всего роман «Мастер и Маргарита». Том подготовлен сотрудниками Российской государственной библиотеки искусств и издан под редакцией М. В. Мишуровской. Это первый полный свод русскоязычного булгаковедения. Большим достоинством книги является то, что каждая библиографическая единица (которых здесь около четырех тысяч) снабжена краткой аннотацией.

Ключевые слова

русскоязычное булгаковедение, библиография, аннотированный указатель

Для цитирования

Яблоков Е. А. Рецензия на книгу: М. А. Булгаков: аннотированный библиографический указатель. Т. 2. 1941–1985 / Рос. гос. б-ка искусств; сост.: М. В. Мишуровская, И. С. Ефимова, О. В. Голубева; ред. М. В. Мишуровская; библиогр. ред. А. В. Акименко. М.: РГБИ, 2021. 816 с. // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 327–331. DOI 10.17223/18137083/82/24

© Яблоков Е. А., рец., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 327–331
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 327–331

A book review:

**M. A. Bulgakov: Annotated bibliographic index. Vol. 2, 1941–1985.
Rus. state library of arts; M. V. Mishurovskaya, I. S. Efimova,
O. V. Golubeva (comps.); M. V. Mishurovskaya (ed.);
A. V. Akimenko (bibliography ed.).
Moscow, RGBI, 2021, 816 p.**

Evgeny A. Yablokov

Independent Researcher
Moscow, Russian Federation

ejablokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7926-1689>

Abstract

The review presents the second volume of the Bibliographic Index publications on the works of M. Bulgakov of 1941–1985, compiled by the working group of the Russian State Art Library. These two volumes are the first complete set of Russian-language studies of Bulgakov. A brief annotation to each bibliographic unit (about four thousand of them) should be recognized as a significant benefit of this book. The second volume of the Index covers Bulgakov's "boom" of the 1960s, when the forgotten and never-before-published works were revealed to the reading public, and, primarily, the novel "Master and Margarita." At that time, numerous memoirs about Bulgakov, the first philological articles about his work, and the first books about him began to appear. It was a period of early academic research on Bulgakov. Therefore, the material of the second volume differs significantly from the first but is no less interesting. The sources are divided into domestic and foreign: the first part includes the texts written by Bulgakov and about him, published in the USSR from 1941 to 1985. The second part of the Index includes the Russian-language editions published in other countries.

Keywords

Russian-language Bulgakov studies, bibliography, annotated index

For citation

Yablokov E. A. A book review: M. A. Bulgakov: Annotated bibliographic index. Vol. 2, 1941–1985. Rus. state library of arts; M. V. Mishurovskaya, I. S. Efimova, O. V. Golubeva (comps.); M. V. Mishurovskaya (ed.); A. V. Akimenko (bibliography ed.). Moscow, RGBI, 2021, 816 p. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 327–331. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/24

Одним из событий 2021 г. стало 130-летие со дня рождения М. А. Булгакова. Как водится, к нему был приурочен выход ряда изданий – об одном из них пойдет речь.

В середине 2021 г. увидел свет *второй* том справочного издания «М. А. Булгаков: аннотированный библиографический указатель». Это истинный подарок для всех, кто занимается творчеством писателя. Он подготовлен сотрудниками Российской государственной библиотеки искусств (РГБИ) и издан под редакцией М. В. Мишуrowsкой. За несколько лет до этого вышел первый том Указателя (см.: [М. А. Булгаков, 2017]; см. также: [Михаил Афанасьевич Булгаков..., 2008]), туда вошли сведения о *прижизненных* публикациях текстов писателя, а также о посвященных ему печатных источниках, вышедших в 1919–1940 гг. в белогвардейских изданиях, в РСФСР–СССР и за рубежом – исключительно на русском языке. О «разноязычном» указателе можно лишь мечтать; отдельные попытки составить

его были, но для этого, конечно, нужна интернациональная группа. Том имеет два основных раздела: «Тексты М. А. Булгакова» и «Публикации о жизни и творчестве М. А. Булгакова»; разумеется, есть и вспомогательный аппарат. Внутри разделов библиографические записи сгруппированы в хронологическом порядке; на каждый год по алфавиту авторов и заглавий приведены сначала книги и фрагменты книг, затем – статьи из периодических изданий.

На первый взгляд Указатель предстает элементарным перечнем библиографических единиц. Однако дело в том, что, оказавшись на одном поле, эти «единицы» начинают сами по себе стимулировать исследователя; добросовестные составители обнаружили немало такого, что было пропущено, забыто булгаковедами, а подчас и вовсе им неизвестно. Например, работа над первым томом позволила определить автора пьесы поставленной в 1930-х гг. в Париже и Риге комедии «Новый дом», которую парижские постановщики приписывали Булгакову, – оказалось, что написал ее однофамилец, драматург Г. К. Булгаков, сделавший инсценировку «Легкомысленной повести» А. Зорича. Из газеты «Новое русское слово» и хранящихся в Бахметьевском архиве документов актрисы Т. Н. Тарыдиной узнали о спектакле «Белая гвардия», поставленном мужем Тарыдиной, актером и режиссером Я. Г. Шигориным, на Бродвее, – премьера состоялась 8 января 1928 г. Уточнены многие обстоятельства парижской и рижской публикаций «Белой гвардии» в 1927–1929 гг. Установили автора парижской инсценировки «Белой гвардии» (1927 г.), которая выдавалась за оригинальный булгаковский текст, – автором оказался литератор и соредaktor журнала «Часовой» Е. В. Рышков, писавший под псевдонимом Тарусский.

А многие ли, например, знают, что в 1926 г. в *Москве* вышло литографированное издание «Зойкиной квартиры»? А кому известно про *лондонский* спектакль 1938 г. «Дни Турбиных»? Словом, даже простой просмотр Указателя дает множество полезной информации, стимулирует новые идеи, подталкивает к архивным поискам. Причем главное, что Указатель, о котором идет речь, – *аннотированный*. Значит, каждая библиографическая единица, которая в него включена, *просмотрена* составителями, что называется, *de visu*, и содержание каждого текста *резюмировано* в одной или нескольких фразах (подчас с краткой цитатой из конкретной публикации), которые следуют за выходными данными. А «единиц» в двух томах – около *восьми тысяч*. Каждый желающий может прикинуть, сколько человеко-лет потрачено на разыскания, уточнения, просмотр и т. д. и т. п.

Аннотированный указатель – двойное подспорье булгаковеду: не только при составлении библиографии по конкретной проблеме, но и для изучения *истории вопроса*. Освоение концепций предшественников – важнейшая задача для всякого исследователя. Эту работу не заменит поиск в Интернете, позволяющий выловить три-четыре статьи да пару монографий (подчас даже не первостепенной важности). Конечно, просмотр аннотаций в Указателе сам по себе тоже не заменяет знакомства с литературой вопроса, но ее *поиск* облегчается весьма существенно.

Второй том Указателя доведен до 1985 г., т. е. включает булгаковский «бум» 1960-х гг., когда увидели свет забытые и вообще не печатавшиеся раньше произведения писателя – прежде всего, конечно, роман «Мастер и Маргарита». В то время стали публиковаться многие воспоминания о Булгакове (друзей, знакомых, актеров МХАТа и Театра Вахтангова), появились первые серьезные статьи о его творчестве и первые книги о нем – иначе говоря, зародилось научное булгаковедение. Поэтому материал второго тома существенно отличается по «фактуре» от первого, но не менее интересен.

Удачным решением составителей было разделить источники на отечественные и зарубежные: сначала идут публикации текстов Булгакова и о нем, вышедшие в 1941–1985 гг. в СССР, затем – в других странах (опять-таки русскоязычные). Представляя иностранные публикации, составители не стремились к исчерпывающей полноте, но в Указателе отражены наиболее известные журналы и газеты русского зарубежья: «Вестник русского студенческого христианского движения», «Возрождение», «Континент», «Новый журнал», «Новое русское слово», «Русская мысль» и др.

Сейчас продолжается работа над *третьим* томом Указателя, который представит очередное «булгаковское» десятилетие: 1986–1995 гг. Это был период, когда, во-первых, хлынул поток «возвращенной» литературы, во-вторых, в 1991 г. праздновалось 100-летие со дня рождения Булгакова. До и после этой даты появилось огромное количество изданий его произведений, а также работ о нем. В третий том будет включено около 4 100 библиографических единиц.

Кажется довольно нелепым, что никто до сих пор не взял у М. В. Мишуrowsкой интервью об истории создания Указателя, о формировании его концепции. Отсутствие такового интервью отчасти компенсирует статья, недавно вышедшая в журнале «Библиотека» [Мишуrowsкая, 2021]. Она тоже будет полезна всем, кто имеет отношение к научному булгаковедению.

Список литературы

М. А. Булгаков: аннотированный библиографический указатель / Рос. гос. б-ка искусств; сост.: М. В. Мишуrowsкая, Е. И. Алексеенкова, И. С. Ефимова, Ю. Г. Слиzun; ред. С. П. Бавин, М. В. Мишуrowsкая; библиогр. ред. А. В. Акименко. М.: РГБИ, 2017. Т. 1: 1919–1940. 704 с.

Михаил Афанасьевич Булгаков. Публикации на страницах театральных журналов, альманахов и сборников. 1925–2001: аннотированный библиографический указатель / Рос. гос. б-ка по искусству; сост. Е. И. Алексеенкова, И. С. Ефимова, А. Р. Перец; предисл. М. О. Чудаковой. М., 2008. 216 с.

Мишуrowsкая М. Михаил Булгаков: на устах, страницах и подмостках. В продолжение справочника о писателе // Библиотека. 2021. № 11. С. 66–71.

References

M. A. Bulgakov: annotirovanny bibliograficheskii ukazatel' [M. A. Bulgakov: an annotated bibliographical index]. Russian State Art Library, M. V. Mishurovskaya, E. I. Alekseenkova, I. S. Efimova, Yu. G. Slizun (Comps.), S. P. Bavin, M. V. Mishurovskaya (Eds.), A. V. Akimenko (Bibl. Ed.). Moscow, RSAL, 2017, vol. 1: 1919–1940, 704 p.

Mikhail Afanas'evich Bulgakov. Publikatsii na stranitsakh teatral'nykh zhurnalov, al'manakhov i sbornikov. 1925–2001: annotirovanny bibliograficheskii ukazatel' [Mikhail Afanasevich Bulgakov. Publications on the pages of theater magazines, almanacs and collections. 1925–2001: annotated bibliographic index]. Russian State Library, E. I. Alekseenkova, I. S. Efimova, A. R. Perets (Comps.), M. O. Chudakova (Pref.). Moscow, RSAL, 2008, 216 p.

Mishurovskaya M. Mikhail Bulgakov: na ustakh, stranitsakh i podmostkakh. V pro-dolzhenie spravochnika o pisatele [Mikhail Bulgakov: on the lips, pages, and stage. Continuation of the guide about the writer]. *Biblioteka*. 2021no. 11, pp. 66–71.

Информация об авторе

Евгений Александрович Яблоков, доктор филологических наук

Information about the author

Evgeny A. Yablokov, Doctor of Philology

*Статья поступила в редакцию 21.12.2021;
одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted on 21.12.2021;
approved after reviewing on 10.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022*

Краткое сообщение

УДК 82:801.6; 82-1/-9; 82-93

DOI 10.17223/18137083/82/25

Итоги II Всероссийской научно-практической конференции «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», посвященной 120-летию Томского государственного педагогического университета

Марина Леонидовна Левченко¹

Елена Александровна Полева²

Татьяна Алексеевна Байдагулова³

¹⁻³ Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

¹ m-vilesova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4177-987X>

² polevaea@tspu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

³ bay.tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1460-9912>

Аннотация

Подводятся итоги II Всероссийской научно-практической конференции «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», которая прошла 14 и 15 октября 2022 г. Представлен анонс тематики докладов и основных направлений диалога участников.

Ключевые слова

научная конференция, детская и подростковая литература, практики чтения, методика преподавания литературы

Для цитирования

Левченко М. Л., Полева Е. А., Байдагулова Т. А. Итоги II Всероссийской научно-практической конференции «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», посвященной 120-летию Томского государственного педагогического университета // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 332–335. DOI 10.17223/18137083/82/25

© Левченко М. Л., Полева Е. А., Байдагулова Т. А., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 332–335

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 332–335

**Results of the Second All-Russian National Scientific
and Practical Conference, “Literature for children
and teenagers: approaches to analysis, reading practices,
regional context of study,” dedicated to the 120th anniversary
of the Tomsk State Pedagogical University**

Marina L. Levchenko¹, Elena A. Poleva², Tatyana A. Baydagulova³

¹⁻³ Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

¹ m-vilesova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4177-987X>

² polevaea@tspu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

³ bay.tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1460-9912>

Abstract

On October 14–15, 2022, Tomsk State Pedagogical University organized the Second All-Russian National Scientific and Practical Conference, “Literature for children and teenagers: approaches to analysis, reading practices, regional context of the study,” dedicated to the 120th anniversary of the Tomsk State Pedagogical University. The hybrid format of the conference brought together more than two hundred scholars, philologists, teachers, librarians, and publishers from different cities of Russia and Belarus. Two major directions of the conference were literature and methodology, with the thematic panorama of the conference papers giving an idea of the modern context and vectors of the children’s literature science development. The thematic review of the reports provides some evidence of the growing research interest in the phenomenon of a “silent book, prose miniatures, and the specifics of the genre of modern novels for children and teenagers. Also, in the field of pedagogy and methodology of children’s reading, in demand is studying new ways of working with the fiction text at school. The conference has become a space for developing solutions to problems in studying children’s and teenagers’ literature. This paper summarizes the results of the academic and educational event and presents the topics of the reports and the main directions of the dialogue among the participants.

Keywords

scientific conference, children's and adolescent literature, practices of reading, pedagogical methodology of teaching literature

For citation

Levchenko M. L., Poleva E. A., Baydagulova T. A. Results of the Second All-Russian National Scientific and Practical Conference, “Literature for children and teenagers: approaches to analysis, reading practices, regional context of study,” dedicated to the 120th anniversary of the Tomsk State Pedagogical University. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 332–335. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/25

II Всероссийская научно-практическая конференция «Детская и подростковая литература: подходы к анализу, практики чтения, региональный контекст изучения», прошедшая 14–15 октября, в 2022 г. посвящена 120-летию Томского государственного педагогического университета. Событие вошло в план мероприятий, приуроченных к «Десятилетию науки и технологий в РФ». Местом проведения конференции стала научная библиотека ТГПУ, носящая имя детского писателя Александра Мелентьевича Волкова – выпускника Учительского института (правопреемником которого является ТГПУ). Мероприятие организовано сотрудниками кафедры русской литературы и действующего на ее базе Сибирского научно-образовательного центра изучения детско-юношеской литературы и развития культуры чтения.

Конференция прошла в гибридном формате и стала площадкой, объединившей более двухсот докладчиков и слушателей из разных городов России и Беларуси (Москва, Санкт-Петербург, Барнаул, Белгород, Бодайбо, Волгоград, Горно-Алтайск, Екатеринбург, Иркутск, Курск, Новосибирск, Оренбург, Самара, Северск, Старый Оскол, Томск, Тулун, Минск, Новополоцк). Традиционно участниками научного события стали не только ученые-филологи, но и библиотекари, издатели, практикующие учителя-методисты, преподаватели вузов, колледжей, иных образовательных организаций.

Открыла конференцию кандидат филологических наук, проректор по научной работе ТГПУ **Е. А. Полева**. После приветственного слова она представила доклад о прозе 1970-х и 2010-х гг., анализируя тему «отцов и детей», специфику образа родителя-жертвы в психологической и игровой литературе.

Е. А. Асонова (Москва) поделилась опытом организации событий в логике практик неформального образования, обозначила ряд тенденций развития современной литературы для детей и подростков.

Ученые из РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) **А. Н. Губайдуллина** и **Е. С. Корвацкая** сделали доклады о визуальной семиотике детской книги: феномен «тихой» книги (Silent books), авторских книг художников-иллюстраторов.

Два доклада были посвящены анализу современных произведений для подростков. **Н. В. Барковская** (Екатеринбург) говорила о современной юмористической школьной повести на примере книги Аси Петровой «Кто что скажет – всё равно», **И. Н. Арзамасцева** (Москва) анализировала повесть Э. Веркина «Звездолёт с перебитым крылом».

Пленарные доклады задали высокий уровень научного диалога и обеспечили атмосферу сотворчества. В работе секций были выдержаны два магистральных направления – литературоведческое и методическое.

На секции «Проблематика и поэтика литературы для детей и подростков» был рассмотрен широкий спектр вопросов литературоведческого изучения литературы для детей. Обсуждались возможности интерпретации литературной автобиографии животного как образовательного проекта эпохи Просвещения (**М. В. Иванкина**, Санкт-Петербург), специфика духовной прозы для детей Е. Н. Поселянина (**Е. К. Макаренко**, Томск). Тема исторической памяти в рассказах Ю. Яковлева и художественные способы ее актуализации были рассмотрены в докладе **В. О. Липовки** (Северск). **О. В. Дудинских** (Белгород) анализировала произведения Б. Екимова, Д. Сабитовой, З. Стадник, входящие в круг подросткового чтения. Выявила мотивную организацию в фэнтезийных текстах Тамары Михеевой **Е. В. Харитонова** (Екатеринбург).

Можно отметить значительный интерес исследователей к современной литературе для детей и подростков. Предметом анализа стали: семантика возрастных инверсий в прозе современных писателей Дины Сабитовой, В. Воскобойникова, А. Никольской (**Л. Д. Гутрина**, Екатеринбург), образ дома в прозе Е. Мурашовой (**Ю. О. Чернявская**, Томск), своеобразие времени и пространства в школьных повестях о «попаданцах» в СССР (**М. И. Ломакина**, Томск). Доклад **Е. Ю. Ходинной** (Иркутск) был посвящен жанровым особенностям прозаических миниатюр А. Орловой. **И. В. Петров** (Екатеринбург) обозначил своеобразие жанра современного рассказа для детей на материале сборников издательства «Волчок».

Важной частью секции стали доклады, посвященные литературе советского периода о детях и для детей: **А. В. Насонова** (Томск), **А. Ю. Бурова** (Томск). Сопоставительный анализ лирики Николая Рубцова и современного поэта Евгения

Сои прозвучал в докладе **Е. В. Лячиной** (Томск). Не обошли вниманием участники конференции и традиционный для детской литературы жанр сказки (**Н. В. Песчанская** и **С. И. Переверзева**, Москва).

Ценным сегментом конференции является секция «Детско-юношеское чтение и методика преподавания литературы». Выступление **Л. А. Григоряна** (Москва) было посвящено характеристике круга чтения детей младшего школьного возраста. **Е. А. Сафонова** (Томск) исследовала потенциал использования текстов рэп-исполнителей на уроках литературы. Доклад вызвал огромный интерес и дискуссию. **Д. Н. Никитина** (Северск) поделилась опытом применения артпедагогики на уроках литературы. **Т. А. Байдагулова** (Томск) обозначила образовательный потенциал метода кейс-стади. **К. С. Киктеева** (Москва) рассказала об особенностях функционирования книжного клуба на материале социологического опроса его модераторов.

Особый интерес у слушателей вызвали доклады, представляющие опыт применения и изучения образовательных технологий, развивающих мотивацию юных читателей (**Т. А. Самсонова**, Самара; **Е. В. Гуляева**, Курск; **И. Е. Котова**, Старый Оскол; **А. В. Степанова**, Томск; **Е. Р. Лукьянченко**, Томск; **О. Н. Родионова** и **Н. В. Юдникова**, Томск; **А. Н. Гайворонская-Кантемирова**, Волгоград). Живой отклик слушателей на каждый доклад секции выявляет высокую потребность научного и педагогического сообщества в подобном взаимодействии исследователей литературного процесса и практикующих педагогов.

В рамках конференции также состоялся III Научно-методологический семинар «Перспективы взаимодействия библиотек, некоммерческих организаций, вузов и школ в изучении и продвижении литературы для детей и подростков», участники которого обозначили актуальные задачи в области просвещения и воспитания молодежи и варианты их решений с учетом специфики региональной культуры.

Обзор тематики докладов конференции демонстрирует интерес ученых и практиков к широкому спектру вопросов изучения детской литературы и методики приобщения к чтению. Панорама тем докладов дает представление о современном контексте и векторах развития науки о детской литературе. Подводя итоги, участники отметили рост интереса к феноменам «тихой книги», прозаической миниатюры, специфике жанра современного рассказа для детей и подростков. В области педагогики и методики детского чтения особенно востребовано освещение новых способов работы с художественным текстом в рамках школьного образования.

Информация об авторах

Марина Леонидовна Левченко, кандидат филологических наук

Елена Александровна Полева, кандидат филологических наук, доцент

Татьяна Алексеевна Байдагулова, студент

Information about the authors

Marina L. Levchenko, Candidate of Philology

Elena A. Poleva, Candidate of Philology, Associate Professor

Tatyana A. Baydagulova, Student

Статья поступила в редакцию 17.11.2022;

одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 29.11.2022

The article was submitted on 17.11.2022;

approved after reviewing on 29.11.2022; accepted for publication on 29.11.2022

Сибирский филологический журнал

Научный журнал

2023. № 1

Учредители

Сибирское отделение РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия

Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия

Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Томский государственный педагогический университет
ул. Киевская, 60, Томск, 634061, Россия

Томский государственный университет
пр. Ленина, 66, Томск, 634050, Россия

Главный редактор
член-корреспондент РАН И. В. Силантьев

Адрес редакции, издателя
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Ответственный за номер В. А. Горбунова
Редактор И. А. Похорукова
Корректор текста на английском языке Е. В. Давыдова

Сдано в набор 10.02.2023. Подписано в печать 06.03.2023
Дата выхода в свет 20.03.2023. Бумага офсетная № 1. Формат 70×108/16
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая
Подписная цена 1000 руб.
Уч.-изд. л. 42. Тираж 121 экз.
Заказ № 49

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

ISSN 1813-7083

9 771813 708308

0001